

A romantic couple is shown in silhouette, embracing on a beach. The man is on the left, wearing a patterned swim trunk, and the woman is on the right, wearing a bikini. They are standing on a dark, rocky outcrop. The background features a bright sunset over the ocean, with the sun low on the horizon, casting a warm glow over the scene. The sky is a mix of orange, yellow, and blue.

Русалка

и

**гламурный
пират**

**Лина
Филимонова**

По условиям пари их беззаботный курортный роман должен продлиться ровно семь дней. Много это или мало? Время покажет. А мы посмотрим, смогут ли эти двое придерживаться первоначального плана.

Она не боится морских глубин и высоких волн, поэтому все зовут ее Русалкой. А он... может, он — прекрасный принц? Ну нет, на принца не похож, да и недолюбливает она принцев. Ей больше по душе пираты, правда, этот слишком стильный и приглаженный. Гламурный пират. А что, очень ему подходит...

— Доброе утро самой неромантичной девушке на свете!

А я была уверена, что он меня не заметил. Когда я проходила мимо, он сидел спиной ко мне и что-то оживленно рассказывал своим соседям по столику. Они хохотали, он выглядел очень довольным. Насколько можно судить по затылку.

А теперь он стоит рядом со мной и радостно ухмыляется.

— Удивительно, что мы уже второй раз случайно встречаемся.

Вообще-то, как минимум третий.

— Город маленький, — буркнула я.

— Но отелей тут достаточно, а мы оказались в одном.

Я пожала плечами, всем своим холодным и равнодушным видом говоря: ну и?

— Как ты после вчерашнего?

— Просохла. А как дела у вас?

Я улыбнулась дежурной приветливой улыбкой, так как заметила устремленный на меня со стороны бассейна взгляд.

— То есть мы на «вы»? — удивился он. — Типа коров вместе не пасли и на брудершafft не пили?

Я продолжала улыбаться.

— Именно, — сказала я. — И, очень вас прошу, держитесь от меня подальше. Минимальное желательное расстояние — три метра.

Он вытаращил глаза. Я его вполне понимаю: то, что я говорила, совершенно не соответствовало выражению моего лица. Но так уж получилось.

Я одарила его прощальной ослепительной улыбкой, развернулась и проследовала в холл отеля. Не сомневаюсь, что он стоял и смотрел мне вслед, забыв подобрать отвисшую челюсть.

Я поздоровалась с Мариной, дежурившей сегодня за стойкой.

— Все в порядке?

— Да, — кивнула она. — Три номера с утра освободились, сейчас там уборка, вечером будет заселение.

— Отлично. А что насчет расписаний и афиши?

— Вон, на стенде. Я с утра распечатала и повесила.

— Замечательно.

Марина — прекрасный работник, никогда ничего не забывает. Я подошла к стенду, окинула взглядом розовые листочки в витиеватых рамочках с расписаниями автобусов, теплоходов и электричек. Афиша на ближайший месяц тоже была в наличии, такая же розовая, с каким-то сложным шрифтом. Я бы, конечно, выбрала что-то более нейтральное, ну да ладно.

Неожиданно я почувствовала, что за моей спиной кто-то стоит. В общем-то, я сразу поняла, кто это, но на всякий случай всмотрелась в глянцевую поверхность стенда. Точно, он. Белая футболка с черным принтом, взъерошенные вихры и белые зубы, которые отсвечивают даже в таком сомнительном зеркале. Чему он улыбается, хотела бы я знать?

Не потрудившись оглянуться, я пошла в сторону столовой, но, оказавшись за углом, изменила направление и повернула к подсобным помещениям. Склад прекрасно подойдет

для моих целей. Поравнявшись с неприметной дверью, я распахнула ее, вошла и затащила за собой того, кто шел за мной следом.

Он удивленно хлопал глазами, но сопротивляться не пытался. Кажется, он даже обрадовался такому повороту событий.

— Вот, значит, как. Никогда бы не подумал...

Окинув взглядом стеллажи, заполненные пачками порошка, рулонами туалетной бумаги и упаковками салфеток, он выдал:

— А что, обстановка вполне себе романтическая.

— Тебя что, заклинило? — не выдержала я. Получилось почти визгливо.

— Радостная новость: мы снова на ты, — спокойно констатировал он. И протянул руку.

Я мгновенно отдернула свою.

— Без рук!

— Без рук? — удивился он. — Оригинально. Только губы?

— Какие еще губы! Да ты просто дятел. Нет, не просто — романтический дятел.

Он засмеялся.

— Разве ты не для... — он сделал неопределенный жест рукой, — романтики меня сюда затащила?

— Как ты меня достал с этой своей пошлой романтикой!

— Да я не имел в виду ничего пошлого. И вчера тоже. Только романтический поцелуй. Один.

Он снова протянул руку к моей руке.

Я знала, что дед с минуты на минуту спустится вниз, чтобы лично проверить работу электрика, менявшего перегоревший кусок проводки. И будет искать меня. Мне бы очень не хотелось, чтобы он застал меня за выяснением отношений с нашим постояльцем. На прошлой неделе он с громким скандалом выдворил из отеля одного озабоченного товарища, который не давал мне проходу, каждый раз при встрече пытаюсь распускать руки. Я прекрасно с ним справлялась, руки его оставались без дела, но деду показалось иначе.

Честно говоря, это становится проблемой. У деда просто мания какая-то по поводу меня и всех окружающих мужчин. Ему кажется, что каждый из них готов подкрасться из-за угла, наброситься и обесчестить. Во-первых, это чушь. Во-вторых, я давно взрослая и у меня, благодаря работе, большой опыт по усмирению всех видов нахалов. А поведение деда вовсе не идет на пользу нашему отелю. Новый скандал нам совсем ни к чему.

Поэтому я сказала пылкому Ромео:

— Вылезешь в окно. Там всего пара метров до земли. Обойдешь здание и вернешься к бассейну.

— Чего? — у него снова отвисла челюсть.

Я убрала с подоконника коробки с резиновыми перчатками и моющим средством.

— Ты хочешь, чтобы я вылез из окна?

— Я вроде все буквы выговариваю.

— Это что, типа, ролевая игра? — обрадовался он.

Я посмотрела на него так, что его иллюзии рассеялись.

— Это немного странно, — он не двинулся с места.

— Да вылезай уже! — в коридоре раздался голос деда. — Ты можешь просто делать, что тебе говорят? — разозлилась я.

— Ладно, ладно.

Он сел на подоконник и свесил ноги вниз.

— Вообще-то, я боюсь высоты. А тут вовсе не пара метра. Как минимум два двадцать.

— Ну и замечательно, — сказала я и толкнула его.

Я успела захлопнуть окно до того, как вошел дед.

— Ты чего тут делаешь? — спросил он.

— Гуляю, — хмуро буркнула я.

Лучшая защита — нападение. А если начать оправдываться, тебя точно в чем-нибудь заподозрят.

Да, получилось, действительно, немного странно. Вообще-то я планировала доходчиво объяснить этому дефективному романтику, что я на работе и приставать ко мне с романтическими предложениями категорически запрещено. Сделать это нужно было достаточно жестко, чтобы у него не осталось сомнений, и при этом так, чтобы дед не увидел. Но в жизни редко все идет по плану, вот и в этот раз вмешались обстоятельства. Придется отложить воспитательную беседу на будущее.

Вчера вечером был сильный ливень, просто сумасшедший. А я возвращалась от Ники пешком — решила прогуляться. Она, конечно, уговаривала меня вызвать такси, мол, нормальные люди при надвигающихся тучах и раскатах грома не гуляют. Но я была уверена, что тучи повисят-повисят над горами, да и уйдут восвояси, как уже было несколько раз на этой неделе. Поэтому от зонта отказалась.

На самом деле, не только поэтому. Я была зла на подругу, но сказать ей об этом не решилась. Зато решилась не брать зонт, который она мне настойчиво предлагала. Ну и кому стало хуже от такого завуалированного протеста?

Не люблю лезть в чужую жизнь с советами, особенно если не просят. А она не только не просила, но и точно обиделась бы, если бы я откровенно высказала бы ей все, что думаю о ее драгоценном Эдуарде и его образе жизни.

— Я чувствую себя такой легкой, воздушной! — восторженно верещала Ника.

— Как безе? — не могла удержаться от сарказма я.

— Сама ты безе. Как балерина Анна Павлова.

Она попыталась встать на цыпочки и покружиться.

— Один в один, — сказала я.

А потом она стала угощать меня ужином. Я ничего не имела против салата с кедровыми орешками, но от пророщенной гречки и неаппетитной зеленой жижи из авокадо категорически отказалась.

— Мне тоже сначала не нравилось, — призналась Ника.

Ни за что не поверю, что сейчас ей это нравится. Особенно жижа. Хотя сама она, похоже, в это верит. Ну что ж, любовь зла, об этом все знают. И можно полюбить какое угодно травоядное животное, и даже самой попытаться стать такой же травоядной.

И пусть бы она себе ела разные сорняки, раз это делает ее счастливой. Я бы не возражала. Вот только я абсолютно уверена в том, что счастье это продлится недолго, и в самое ближайшее время она будет рыдать у меня на плече, проклиная злосчастного Эдуарда, ради которого так старалась, а он не оценил. Я давно поняла — из личного опыта и наблюдения за окружающими — что отношения, в которых один из участников изображает того, кем на самом деле не является, обречены на провал. Природа все равно возьмет свое.

Ника обожает итальянскую кухню, а итальянцы отнюдь не сыроеды. Без пиццы и спагетти она долго не протянет. Да и не в пицце дело. Клевать зернышки, глядя на закат, а

потом в девять вечера ложиться спать — это точно не ее. Моя подруга любит веселиться до утра, спать до обеда, а после обеда, в промежутках между интенсивной работой над проектами, писать мне сообщения с умопомрачительными планами на ближайшие и следующие выходные.

В общем, уходила я от Ники не в лучшем настроении, без зонта и без мира в душе. На полпути меня застал дождь. Если бы я не была так погружена в мысли о Нике и ее будущих разочарованиях, то, может, заметила бы, что тучи сползли с гор и угрожающе нависли над городом. Но я проморгала тот момент, когда еще можно было зайти в ближайшее кафе или спрятаться на остановке и вызвать такси.

Дождь шел всего полминуты, а я уже была абсолютно мокрая, как лягушка в пруду. Платье прилипло к телу, волосы к лицу и спине. Пока что мне было тепло, но я знала, что очень скоро начну стучать зубами. Дождь хотя и летний, но довольно прохладный, да еще и ветер дует с моря. Зря я все-таки не взяла зонт.

Как назло, поблизости не было никакого укрытия — я как раз дошла до пустынного начала набережной, где нет ни одной, даже самой захудалой, кафешки и вообще ничего с крышей. Хотя... кое-где спрятаться все же можно. Я вспомнила, что над одним из спусков к морю есть навес, небольшой, но вряд ли там сейчас аншлаг, так что для меня местечко должно найтись.

До навеса было еще метров двести, так что я побежала, хлюпая босоножками по лужам и мечтая о горячей ванне, в которую я непременно залезу, как только окажусь дома. И возьму с собой большую чашку чая с медом. Нет, лучше бокал с горячим глинтвейном. Литровый.

Дождь, как будто обидевшись на мои мысли, припустил еще сильнее. Стена из воды была такой плотной, что я ничего не видела на расстоянии вытянутой руки. Поэтому и его заметила только в тот момент, когда с разбегу влетела под навес. Вернее, даже не увидела, а почувствовала — я попросту в него врезалась. Он издал какой-то звук, вроде «ой», видимо, не ожидал моего стремительного появления из-за пелены дождя.

— Извините, — пробормотала я, переводя дух.

— Да ради бога, — он уже не только пришел в себя, но и успел, не особо скрываясь, окинуть взглядом мое прилипшее платье.

Я тоже его оглядела, безо всякого смущения. Почти сухой, высокий, в белых кроссовках, художественно рваных штанах и джинсовой куртке. Самоуверенная улыбка властелина мира, элегантно взъерошенные волосы, бледная кожа. Видимо, приехал отдыхать совсем недавно.

Я отвернулась, чтобы полюбоваться морем. С таким же успехом можно было смотреть в любую другую сторону, видно все равно ничего не было. А куда девать глаза, когда оказываешься на крошечном сухом пятачке посреди бушующей стихии, лицом к лицу с незнакомым человеком? В лифте люди обычно смотрят в стену или достают из кармана телефон.

— Прекрасная погода, не правда ли? — О, похоже, он решил начать светскую беседу. Главное, тему выбрал самую традиционную.

— И не говорите, — отозвалась я в том же тоне. — Замечательно освежает. А вы давно приехали на отдых? — Теперь моя подача. Нет, ну а что? Не молчать же, насупившись, как сын.

— А почему вы так уверены, что я приезжий?

— О, это совсем не трудно определить. У вас брюки в носки заправлены. Местные так

не носят.

Он опустил глаза вниз и рассмеялся.

— Один-ноль.

Я, вообще-то не играю.

Дождь в центр площадки под навесом не попадал, зато ветер гулял беспрепятственно. Еще немного — и я начну стучать зубами вовсе не в переносном смысле. Может, снять босоножки и рвануть бегом домой? Добегу минут за пятнадцать, а там — горячая ванна... Я мечтательно вздохнула.

А потом вздрогнула — от его прикосновения. Он накинул мне на плечи свою почти сухую джинсовую куртку. Я так замечталась о горячей ванне, что даже не заметила, как он ее снял. А руки у него теплые. Значит, еще не замерз, так что отказываться не буду.

— Не стоило беспокоиться, — вежливо произнесла я. — Я начну синеть не раньше чем через пять минут.

— Вы слишком самонадеянны. У вас губы уже синие. Меня это тревожит.

— Большое спасибо.

Его лицо с самого начала показалось мне знакомым, но последние сомнения рассеялись после того, как я увидела татуировки: на одном плече какая-то извилистая загогулина, возможно, хвост существа, скрытого футболкой, на другом — угловатые узоры, образующие широкий браслет. Точно, это наш постоялец из люкса на шестом этаже. Я бы сразу его узнала, если бы при предыдущей встрече смотрела в лицо, а не разглядывала художественные изображения на руках. Правда, я видела его только сбоку и со спины, но, тем не менее.

Значит, я не ошиблась. Он, действительно, приехал только вчера. А еще я знаю, что он живет в Москве, а родился то ли в Самаре, то ли в Саратове. Все это мне пришлось самой переносить из журнала в компьютер, так как Светлана, сменщица Марины, отпросилась вчера к стоматологу. Правда, я точно не помню, как его зовут. То ли Алексей, то ли Александр. То ли вообще Афанасий.

— А вы тоже здесь отдыхаете? — спросил он.

— Вроде того. Давайте лучше поговорим о вас.

— Обо мне? — он искренне удивился.

— Вот, например, откуда вы приехали? Я легко могу это угадать.

— По носкам?

— Почти. По кроссовкам. В белых кроссовках «Reebok» ходят преимущественно москвичи.

— Да ладно.

Он снова уставился на свои ноги.

— А вы, наверное, из Питера. Только питерцы испытывают к москвичам такую ничем не прикрытую неприязнь.

А что, он почти угадал. Я, и правда, училась в прекрасном городе на Неве четыре незабываемых года.

— Но только не я и не к вам. Вы же не настоящий москвич.

— Почему это?

— Потому что родились вы в другом месте. В городе на большой реке.

Вроде, и Самара и Саратов стоят на Волге.

— Вы гадалка или ведьма? — поразился он.

Я только хмыкнула. Что-то меня понесло. Надо притормозить. Этот дождь собирается когда-нибудь заканчиваться? Я нетерпеливо посмотрела на небо. Потом достала из сумочки телефон, который, к счастью, не промок и нормально функционировал. Так, прогноз погоды. По часам. В восемь дождь, в девять сильный дождь, в десять тоже дождь.

Я изо всех сил старалась отодвинуться от него подальше, но как только расстояние между нами увеличивалась, у меня начинала мокнуть спина, или бок — навес не мешал брызгам лететь со всех сторон. Видимо, он все время наблюдал за моими тщетными попытками. Хоть я и не поднимала глаз от телефона, зарывшись в соцсети, но слышала с его стороны что-то вроде приглушенных смешков. Ну все, пора уходить. Обычно такие сильные ливни долгими не бывают, но этот, видимо, какой-то особенный. Его куртка, поначалу приятно теплая, давно намокла от брызг и совершенно не греет. Надо собраться с духом и бежать домой.

Засунув телефон в сумку, я подняла глаза и чуть не отпрянула назад. Потому что он в один шаг преодолел разделявшую нас нейтральную территорию. Через мгновение я почувствовала его дыхание на своем лбу, а руки на талии.

— Ты совсем замерзла, — прошептал он мне в ухо.

— Это не повод меня лапать, — я попыталась освободиться от его рук.

— Да ладно тебе. Я теплый, а тебе нужно согреться, иначе дело может дойти до воспаления легких.

Он, и правда, был теплый. Даже горячий. А я, и правда, очень-очень замерзла.

— У меня не бывает воспалений легких, — сообщила я.

Еще минутку погреюсь и пойду.

Но он не дал мне минутки. Его руки поползли вверх, дыхание участилось, и, кажется, губы уткнулись в висок.

Я отстранилась и посмотрела на него, вложив во взгляд все доступное мне возмущение.

— Да ладно тебе, — его руки не перестали двигаться. — Это же так романтично. Ты, я, дождь.

Я засмеялась. Не мило захихикала, а издевательски загоготала. Тоже мне, романтик. Мелодрам насмотрелся или ходил на курсы пикапа? Я выскользнула из его куртки, оставив ее в его руках, и ступила прямо в лужу, под упругие струи дождя. Не такой уж он холодный, этот дождь. А даже если и холодный, мне не помешает остыть.

— Ты совсем чокнутая? — услышала я за спиной. — Вернись! Обещаю быть паинькой.

Я сняла босоножки и зашлепала прямо по лужам, поднимая тучу брызг.

Только в море чувствуешь себя по-настоящему свободной. Вдох-выдох, лазурная синева перед глазами, солнце над головой и безбрежный простор, уходящий за горизонт. Когда я плаваю, то забываю обо всем — о том, что дед снова начал тайком курить (как безмозглый пятиклассник, ей-богу!), что нужно, наконец, серьезно поговорить с Кириллом и что я все еще не решила, как жить дальше. Решу потом. А сейчас — только море, чайки и я.

Полежав несколько минут на воде, я опустила очки со лба на глаза и решила продолжить заплыв, как вдруг увидела моторку с бравыми спасателями на борту. На носу сидел грозный Лапоть, корму украшал собою Ерш. Они гнались за каким-то несчастным, что посмел заплывать за вторую линию буйков.

Тех, кто заплывает за первый ряд красных шариков, они не трогают — пусть себе люди резвятся, чувствуют себя дерзкими нарушителями границ и крутыми пловцами. Но второй ряд, оранжевый — это уже запретная зона. Здесь носятся катера и скутеры, и есть реальная

опасность остаться без головы. Я тут плаваю только потому, что хорошо знаю, где можно пересекать водную трассу, а где нет, и перемещаюсь, в основном, вдоль обочины. Ну и еще потому, что на меня легче махнуть рукой, чем постоянно вылавливать и водворять на берег.

Я приблизилась к ним в разгар разъяснения правил и выяснения отношений.

— То есть для кого-то это запретная зона, а для кого-то нет? — удивлялся пловец.

— Хочешь, чтобы тебе полбашки мотором оторвало? — кипятился Ерш.

— То есть это опасно?

— А то.

— А почему она здесь плавает? — он кивнул на меня.

Опять он! И пока меня не узнал, что неудивительно — очки закрывают пол-лица.

— Так это ж Русалка, кто ей запретит, — буркнул Ерш.

Глаза пловца чуть не выскочили из орбит.

— Кто? — обалдело переспросил он, косясь в мою сторону.

— Не кто, а где, — оборвал его Лапоть. — Ты сам обратно поплывешь или тебя выловить багром? — Он помахал вышеупомянутым крючковатым орудием.

— Русалка? — все еще недоумевал пловец.

Да, некоторые именно так меня называют. Хотя мое имя по паспорту — Руслана. Мама придумала, очень оригинальная женщина. Я предпочитаю зваться Ланой, но друзья и враги часто зовут меня Рустиком. Я не отзываюсь.

Помахав рукой спасателям и их жертве, я развернулась и поплыла в сторону заходящего солнца. На берег мне еще рано.

— Ну, значит, взял я одеяло и повел ее на крышу. Звезды, романтика, все дела. Жарил ее до утра, вообще не выспался. — Ерш широко зевнул. — Сегодня лягу часов в девять.

Еще один романтик из клана неутомимых охотников. Как они осточертели!

— Вот ты зараза, — произнес он, увидев меня.

— Чего это?

Я остановилась, взяла висевшее на перекладине спасательной вышки полотенце и стала вытирать волосы, с которых капала вода.

— Специально, что ли, за буйками маячишь, когда мы нарушителей вылавливаем?

— Вообще нет. Совпадение.

— Сегодняшнего-то чуть Кондратий не хватил, когда я сказал, что ты Русалка.

Ерш захихикал, Лапоть расплылся в улыбке.

— Ну а что: волосы подходящие, купальник зеленый, да еще и хвостом машешь. Ты, вроде, в ластах была?

Я неопределенно махнула рукой. Что касается ласт, у меня есть свой секрет, но Ершу и Лаптю знать его не обязательно.

— Слушай, а что ты делаешь сегодня вечером? — предпринял свою ежедневную попытку Ерш, изучая крой моего купальника.

Купальник у меня, кстати, очень скромный, спортивный, ничего не подчеркивает. Я в нем даже слегка на мальчика похожа. И он вовсе не зеленый, а изумрудный.

— Пойду с тобой на крышу звезды смотреть, — съязвила я. — Выспись уже. У тебя с начала лета мешки под глазами, как у шарпея. Смотри, загнешься от истощения.

— Я полон сил, как свежий огурец! — прокричал Ерш мне в спину.

Лапоть добавил еще что-то, чего я не слышала и слышать не хотела, и они громко заржали.

— Нет, ну не может этого быть!

А я про него уже совсем забыла. Неужели он сидел тут и ждал целый час? Или даже больше. Я, когда плаваю, вообще забываю о времени. Хотя, почему ждал? Это же пляж, тут люди загорают. Это я не люблю лежать на солнце, поплаваю и сразу уйду, а приезжие обожают подставлять бока ультрафиолетовым лучам.

Я вздохнула и молча прошла мимо. Может, если не обращать на него внимания, все как-то само рассосется? Утренний запах прошел, читать ему нотации не было никакого настроения.

Он, к сожалению, не растворился в воздухе, а, наоборот, догнал меня.

— Третий раз за одни сутки — это точно судьба, — сказал он и пошел рядом, приравливаясь к моему темпу.

— Судьба — это так романтично, — скривилась я.

— Не в настроении?

— Устала.

— Еще бы, не устала. Ты же плавала как заведенная два часа кряду. Я, конечно, не знал, что это ты. Думал: может, и правда, Русалка. Мало ли кто в этом вашем Черном море водится.

Я хмыкнула.

— Я прямо со страхом ждал, когда она, то есть ты, из воды выйдет. А вдруг бы у нее был хвост?

— И как бы в таком случае она, то есть я, вышла бы?

— Ну, видимо, никак. — Он развел руками. — А раз вышла, значит, не нечисть.

— Уверен?

— Не-а. Разве с тобой можно быть в чем-то уверенным? Ты вся такая внезапная. То под холодный дождь сиганешь, то в подсобку затащишь и заставишь в окно прыгать.

— Ну, извини.

— Да ты что! Я в восторге.

Отель неумолимо приближался, пора было что-то предпринимать.

— А ведь я тоже неплохо плаваю. Очень даже неплохо, — выдал он.

Я посмотрела на него с недоверием.

— Да правда! Я в детстве в спортивную плавательную школу ходил. У меня даже был какой-то там разряд.

— Хороший мальчик.

Он сделал вид, что не заметил моего сарказма.

— Если бы не эти троглодиты, я бы тебя легко поймал за хвост.

— Не думаю.

— Спорим?

А что, хороший способ отвязаться от него раз и навсегда.

— А каковы ставки?

— Если я тебя догоню, ты пойдешь со мной на свидание.

— На романтическое?

— Это уж мне решать. Я же победитель.

Ага, держи карман шире.

— А если ты меня не догонишь?

— Ну, я не знаю... Ты не пойдешь со мной на свидание.

— Это само собой. А ты до конца своего отпуска ни разу не подойдешь ко мне. И никак, ни прямо, ни косвенно, не будешь мне докучать.

— О! Ничего себе. Очень высокие ставки. Если я проиграю, это будет прямо-таки полное фиаско.

— Испугался?

— Я хорошо плаваю.

— Не сомневаюсь.

— Дистанция — километр. Или около того.

— Согласна.

— Ну, тогда по рукам.

Он протянул руку, я протянула свою. Его рука была теплой, рукопожатие крепким и чуточку более долгим, чем того требовали обстоятельства.

— У тебя рука ледяная. Замерзла?

— Нет. Просто у нас, русалок, кровь холодная. И зеленая.

— Видимо, поэтому, вас русалок, так и хочется согреть...

— Встречаемся на этом самом месте завтра, в семь утра, — перебила его я.

— Во сколько? — он даже остановился.

— Ты же не хочешь, чтобы тебя вылавливали багром? Спасатели приходят к восьми. Неявка приравнивается к проигрышу.

— А-а, это...

— Сегодняшний вечер я посвящу моральной подготовке к заплыву. Тебе советую сделать тоже самое. И лечь спать пораньше. Так что спокойной ночи!

Я прибавила шагу и свернула к служебному входу.

— Эй!

Не очень вежливо, но я оглянулась.

— Как тебя зовут?

— Ты слышал.

Я поднялась на чердак и принялась курить. Ну, точно. Опять курил. Ну, что с ним будешь делать?! Знает же, что нельзя, что снова может быть приступ. Врач ему тогда ясно сказал: хотите еще пожить, бросайте. Он, вроде, согласился, но надолго его не хватило. Тайком покупает сигареты и курит на чердаке, скрываясь от меня. Как мальчишка, ей-богу!

— Вынюхиваешь? — дед появился у подножия лестницы.

— Ты бы хоть менял явки и пароли. Палишься же.

— Ругаться будешь?

— Буду, но попозже. Сначала в душ схожу.

— Давай. А я пока чай заварю. И картошку с грибами разогрею.

— Ага.

Главное преимущество моей квартиры — вид из окон. В него входит не только сливающееся с горизонтом море, но и кусочек набережной, сквер, две улицы и многочисленные красные крыши домов, прибавляющие виду живописности. Сидеть на балконе и любоваться можно в любое время: днем — бирюзовым морем, ночью — россыпью огней.

У нас с дедом общий коридор, но квартиры отдельные, почти одинаковые — кухня-гостиная, спальня и ванная. Только у меня одна спальня, а у деда, кроме своей, есть запасная, гостевая. Раньше здесь была одна большая квартира, где жили дед с бабушкой и почти все время я. Но после смерти бабушки дед все перестроил, и гостиницу, и свое жилье.

Я тогда училась на первом курсе, мама уехала с очередным ухажером, так что он остался совсем один. Нас всех потрясла внезапная смерть бабушки, но дед был просто сломлен. Помню, приехала я однажды на выходные, а его нет дома. Оказалось, что он перебрался в один из номеров. Объяснил, что просто не может находиться в своей квартире, где каждая мелочь напоминает о бабушке и у него каждую секунду разрывается сердце. Вот тогда я и предложила ему все переделать.

Я забрала его на месяц в Питер, а в это время рабочие, под руководством его друга, вынесли мебель и снесли часть стен. Вернувшись, дед втянулся в работу, на что я и рассчитывала. Такой масштабный ремонт забирает все силы, на печаль и депрессивные мысли просто не остается времени. Тогда он решил, что я буду жить в соседней квартире. Помнится, я была не совсем уверена, что так и будет, но перечить не стала.

В итоге дед оказался прав: пожив в разных местах, я вернулась в свой родной город, потому что только здесь я чувствую себя в своей стихии. Без моря, гор и свежего воздуха я просто чахну. Может, во мне, и правда, есть что-то от русалки?

Перед ужином я успела спуститься вниз, в ближайший магазинчик. То, что я там купила, должно было произвести неизгладимое впечатление на деда. Я надеялась, что он даже бросит курить.

За ужином дед, как бы между прочим, спросил:

— А что нужно было от тебя этому уголовнику?

— Какому уголовнику? — не поняла я.

— Ну, этому, белокрысому, в наколках.

А-а, теперь понятно, какому.

— Не думаю, что он уголовник. Просто сейчас модно делать татуировки.

Скорчив презрительную мину, дед высказал свое отношение к подобной моде.

— Все в порядке, — успокоила его я. — На мою честь он не покушался. Так, спросил что-то. Не помню даже, что.

— Не нравится он мне.

— Может, выселим его из отеля? Так и скажем: что-то ты нам не нравишься. Мне кстати, еще пара постояльцев не по вкусу.

Дед хмыкнул. На этом мы закрыли тему.

После ужина я, под удивленным взглядом деда, достала из кармана сигареты и зажигалку. Его взгляд стал просто ошарашенным, когда я вставила сигарету в рот и прикурила. Может, не очень умело, но эффект был достигнут. В горле деда что-то булькнуло, как будто он подавился готовыми вырваться словами.

— Эт-то... Эт-то еще что? — впервые слышу, как он заикается.

— А что? — я невозмутимо затянулась еще раз. В горле адски запершило, и мне пришлось приложить все силы, чтобы не закашляться и не испортить впечатление.

— Вот, значит, ты как... — дед постепенно осознал значение моего поступка.

— Да. Ты куришь — я курю. Бросишь — и я брошу.

— Ну ты...

— Зараза?

— Именно! Не будь бы моей внучкой, я бы выразился покрепче.

— Давай, не стесняйся.

Дед выдернул сигарету из моего рта и выбросил в мусорное ведро.

— Меня не обмануть, — сказала я. — У меня нюх как у ищейки, ты же знаешь.

— А упрямство — как у ослицы, — добавил дед.

Три новых сообщения и все — от моих бывших однокурсниц. Снова собираются устроить встречу выпускников. Каждый год одно и то же, и как им не надоело? Я, как всегда, напишу что-то невнятное, вроде: буду очень стараться, может, и получится, если карты лягут и рак на горе свистнет. Но он не свистнет. Я не поеду.

Они это знают, я это знаю, почему бы им не прекратить тратить трафик на бесполезные сообщения? Вон, Ксюха целую поэму накатала, даром что работает менеджером в турагентстве. О том, как в прошлый раз было весело, и как они все по мне соскучились и о том, что надо хоть иногда проявлять дружескую солидарность и коллегиальную сплоченность. И ни слова — о настоящей причине моих отказов. Ну что ж, я тоже об этом деликатно промолчу. Деликатно или трусливо? Мне больше нравится первый вариант.

Как я и предполагала, это был хвост. Остальные части тела огнедышащего монстра раскинулись на плече и, частично, на спине.

— Нравится? — он повернулся ко мне спиной.

— А тебе?

Он пожал плечами.

— Не особо.

— Тогда зачем?

— Не помню. Пьяный был.

Как ни удивительно, он был на месте даже раньше меня. А я чуть не проспала. Вот был бы номер, если бы так случилось! Будильник-то я услышала, но вылезать из теплой постели жуть как не хотелось, я на секунду закрыла глаза, а очнулась только через двадцать пять минут.

Ночью меня одолела бессонница, так что желанной утренней бодрости не было и в помине. Я жалела, что все это затеяла, мечтала отменить бесполезное соревнование (и так ясно, что я выиграю) и снова завалиться спать. Пришлось собрать всю волю в кулак и вытащить себя за шкуру из постели. Я едва успела натянуть купальник и почистить зубы. Когда я выходила из квартиры, стрелка неумолимо приближалась к семи.

— Еще минута — и я засчитал бы тебе поражение, — радостно сообщил он.

Бодрый, улыбающийся, аж противно. Я ничего не сказала, молча пошла вперед, бросив на него хмурый утренний взгляд, который, как я знаю от деда, напоминает взгляд невыспавшегося василиска.

— Опять не в настроении? — Он догнал меня и пошел рядом. — Плохо спала?

Я не собиралась делиться с ним деталями столь интимного свойства.

Долго оставаться хмурой в такое прекрасное утро невозможно, как ни старайся. Солнце, пока еще нежное и ласковое, греет плечи, море, гладкое, как зеркало, переливается в его лучах. Птички снуют туда-сюда и что-то щебечут. К тому моменту, как мы пришли на пляж, мне и самой хотелось махать крылышками и весело щебетать. Но я сдерживалась.

И тут он снял майку, чтобы продемонстрировать огнедышащего дракона и прокачанные мышцы. Ну и чтобы зайти в воду, как это принято, в одни плавки. Я уставилась на дракона, бицепсы с трицепсами меня не интересуют. Ничего такой зверь, высокохудожественный.

— Готова? — спросил он. — Тогда пошли.

Вообще-то, тут я команду.

— Предлагаю плыть вдоль второй линии буйков, — сказала я. — Заходим здесь, пересекаем первую линию, доплываем до второй и поворачиваем налево. Видишь вон там, вдалеке, большую полосатую штуку?

— Красно-белую?

— Ага. Это маяк, он вечером горит. Доплывешь до него? Тут километра полтора будет.

— Без проблем.

Он начал размахивать руками, вертеть головой и растягивать мышцы ног. Я заплела волосы в косу, чтобы не мешали, и надела очки.

— Жаль, не успел очки купить.

— Да там смотреть особо не на что.

Вообще-то мне его забывчивость очень даже на руку.

— Ты поплывешь с внутренней стороны буйков, ближе к берегу, я — с внешней. Устраивает? Линию буйков не пересекай, терпеть не могу, когда кто-то под ногами путается.

— Э-э... ну ладно.

— Могу дать тебе фору минуты три. Или даже пять.

— Так в себе уверена?

Вообще-то, да. И тому есть причины.

— А вдруг я очень хорошо плаваю? Не может такого быть? — внезапно распалился он.

Мужчины и их честолюбие! Не может и мысли допустить, что его обгонит слабая хрупкая девушка. Обгонит-обгонит, готовься быть поверженным в прах, как сказал бы полководец Александр Македонский или какой-нибудь из его коллег.

— Значит, ты прямо-таки отличный пловец?

Он кивнул.

— А выиграть хочешь?

— Спрашиваешь, — его губы растянулись в улыбке. — Ставки-то высоки.

— Тогда что тебя не устраивает? Плыви давай.

Мы вошли в воду, и он поплыл. Хорошо поплыл, надо сказать. Правильным таким кролем, размеренно, без суеты. Обычно неопытные пловцы рвут на старте, а потом выдыхаются. Но он, видно, не из таких. Начал хорошо и по всему видно, что продолжит в том же духе. Он даже мог бы меня обогнать. Я ведь не так уж и быстро плаваю. Могу плыть долго, даже очень долго, но скорость у меня не спринтерская, все же в спортивных школах я не обучалась.

У него есть все шансы придти первым и выиграть пари. Вернее, были бы, если бы не мой секрет. У первого буйка второй линии, на глубине полутора метров, специальным морским узлом привязаны мои ласты. Когда я их надену, у него не будет ни единого шанса.

Через пять минут я вынырнула с ластами в руках. Он ушел вперед метров на двести, это немало, но теперь не критично. На меня не смотрит, плывет, старается. Да и не разглядел бы он ничего на таком расстоянии. Теперь важно проплыть мимо него, не сверкая ластами. Просто замечательно, что у него нет очков. Если бы были, мне пришлось бы туго. Но я бы что-нибудь придумала, например, другие правила заплыва, предписывающие ему держаться от меня еще дальше.

Я тоже плыла кролем — так легче спрятать ласты, да и быстрее. Увидев, что я приближаюсь, он засуетился. Замахал руками быстрее, попытался увеличить темп. Это серьезная ошибка, так он выдохнется задолго до финиша. Но его скорость реально выросла, я минут десять не могла его обогнать, несмотря на использование запрещенных в честном спорте приемов.

Естественно, по прошествии приблизительно пятидесяти минут, я оказалась у маяка первой. И даже успела снять ласты и привязать их к тросу, идущему к якорю. Нырять пришлось глубоко, у меня даже уши слегка заложило. Только я закончила свою преступную деятельность, как появился он. Злой, уставший, с высунутым языком и выпученными глазами. Прицепился к маяку, дышит, как загнанный конь. Мне даже жалко его стало.

— Клянусь, я видел у тебя хвост, — выпалил он, слегка отдышавшись.

Я похолодела. Неужели спалилась? Да нет, он просто шутит.

— Ты, и правда, русалка или какая другая нечисть. Люди так быстро не плавают.

У меня отлегло от сердца.

— Я предупреждала, — скромно потупилась я.

— Рада победе?

— А то.

На самом деле, что-то мне не очень радостно. Совесть, что ли, проснулась? Очень неудобная штука, вылезает в самый неподходящий момент.

— Мне прямо сейчас перестать тебе докучать?

Так и видно, как у него зубы сводит от досады. Я попыталась пожать плечами, но вышло как-то смазано, все же мы торчали в воде, ухватившись за железный обод маяка.

— Можешь подождать до того момента, как мы выберемся на сушу, — смилостивилась я.

— О! Так, может, останемся тут до вечера? Или даже до утра?

Он подмигнул. Это у него вышло так же плохо, как у меня пожимание плечами.

— Можно, конечно, — кивнула я. — Но, боюсь, к тому моменту мы плавники отморозим.

— Вода-то теплая! — удивился он.

— Но все же не 36,6. Кровь постепенно остывает, и буквально через пару часов начинаешь стучать зубами. Я проверяла. Особенно, если не двигаешься и висишь на буйке, как водоросль. Так что пора плыть обратно. Доплывешь?

— А что, похоже, что я устал?

Вообще-то очень похоже.

— Наоборот. Это я устала, слишком быстро плыла. Не знаю, как доберусь до берега. Надо же объяснить неожиданное замедление своего темпа.

— Может, тогда еще отдохнем?

— Я просто буду двигаться не спеша, без напряжения. А ты плыви как тебе удобно.

— Неужели я брошу даму одну, посреди океана?

— Я не дама, я русалка в своей стихии.

Мы поплыли. Я, имитирующая усталость, и он, уставший по-настоящему. Он плыл кролем на спине, я — брассом, своим любимым стилем. Прошло не больше пяти минут, когда я заметила, что он перевернулся и как-то странно машет руками, как будто ему что-то мешает плыть. Я переместила очки на лоб и подплыла к нему.

— Проблемы?

— Ногу свело. Сейчас отпустит.

Да, это проблема. И далеко не всегда сразу отпускает.

— Постарайся ее расслабить. Ляг на спину, медленно поводи ногой из стороны в сторону.

Он покосился на меня с недоверием, но инструкции выполнил. Правда, результата это не дало. Не всегда помогает. Значит, будем пробовать другие способы.

— Теперь выпрями сведенную ногу и изо всех сил тяни носок на себя. Лучше, если ты ухватишься за пальцы ноги рукой. Как у тебя с гибкостью?

— С гибкостью нормально, а вот с плавучестью при таких кульбитах не очень.

Он пытался держаться на плаву, работая одной рукой и ногой, и при этом вытягивая оставшиеся конечности. Это довольно сложно, даже у меня с трудом получается. Но зато всегда помогает. Ему, похоже, не помогало.

— Обопрись о мое плечо и тяни носок сильнее.

— Я тебя утоплю.

— Делай, что тебе говорят.

Он аккуратно положил ладонь мне на плечо и повторил упражнение. Сначала он пытался не давить, но, так как обе руки были заняты, и грести было нечем, ему, в итоге, пришлось переместить на мои хрупкие плечи весь свой вес. Хорошо хоть в воде человек весит меньше, на суше я бы этого не выдержала.

Я изо всех сил работала ногами, чтобы удержать на поверхности нас обоих, он пытался, старательно оттягивая носок. По его глазам я видела, что боль не отпускает. У меня такое случается редко, но метко. Как-то раз пришлось целый километр плыть на одних руках, кусая губы от боли. Надеюсь, сейчас не такой случай.

— Где конкретно свело? — спросила я, когда он, отчаявшись добиться результата, оставил попытки.

— В нижней части икры.

Это плохо. У меня обычно сводит стопу, с этим бороться легче. А сведенную икру, насколько я знаю, нужно уколоть булавкой. К сожалению, я этим колющим инструментом

не запаслась. Он, вероятно, тоже.

— Булавки у тебя, конечно, нет.

Он только хмыкнул.

— Ладно, попробуем крайнее средство, — решила я.

— Что такое? — он насторожился.

Видимо, по моему лицу он догадался, то ничего хорошего моя решимость не сулит.

— Не дрейфь, моряк, — произнесла я странную фразу, надела очки и погрузилась в пучину.

Действовать надо было быстро, пока он не разобрался, что к чему. Эффект неожиданности тоже может сыграть свою роль. Это как при икоте — если внезапно напугать, может, и отпустит. Я резво подплыла к его ноге, не дав себе времени на раздумья и колебания, и впила в нее зубами. Не укол булавкой, конечно, но тоже болевой прием. Я слышала, иногда такое срабатывает. Он, естественно, от неожиданности дернулся, но я была к этому готова и увернулась от его колена, метившего мне в висок.

Вынырнув на поверхность и сняв очки, я застала совершенно неожиданную картину: он хохотал. Ну, хоть не рыдает. Приложила я зубами знатно, так что такой вариант был возможен. Видимо, сработало.

— Нет, ну ты просто прелесть, — выдал он, отсмеявшись. — Никак не ожидал, что ты цапнешь меня за ногу. Думаешь, это похоже на укол булавкой? Да ты клочок мяса вырвала, чисто акула.

— Акула бы ногу откусила, — оборвала я поток его излияний. — Помогло?

— Вполне могло бы помочь, — произнес он и многозначительно замолчал.

— Так помогло или нет?! — разозлилась я.

— Ты меня не за ту ногу куснула.

Тут уж приступ нервного истерического смеха одолел меня. Он наблюдал за мной с совершенно невозмутимым видом, медленно гребя обеими руками. Нет, ну надо же так опростоволоситься!

— Будем повторять процедуру? — спросил он.

— Придется. Только не говори, что тебе понравилось.

— Ну, сама интимность процесса, конечно, в определенной степени приятна... — начал он.

— Заткнись!

Я надела очки, нацелилась на этот раз как следует, снова нырнула и на секунду впила зубами в еще не покусанную ногу. В этот раз он не дернулся.

— Ну? — спросила я, выныривая.

— Э-э... Пока ничего.

Ну, значит, мой позор был напрасным. Если помогает, то сразу.

— Может, вернемся к маяку и еще что-нибудь попробуем? Такое, что поможет расслабиться?

Направление его мыслей не вызывало сомнений.

— На тебя укусы так возбуждающе действуют?

— Ну... не знаю. Возможно. Раньше я ничего подобного не пробовал. Люблю новые ощущения.

— Ты вообще как планируешь до берега добираться?

— Доковыляю как-нибудь. Руки-то целы. И одна нога работает.

Все так. Доплыть можно и на одних руках, если плавать умеешь. Но он, видимо, еще не заметил того, что вот уже десять минут напрягает меня. Погода меняется. Когда наш заплыв начинался, светило солнце и море было безмятежным и гладким, как зеркало. Сейчас небо застилают неизвестно откуда взявшиеся тучи, а водная поверхность начала потихоньку колебаться. Это волны. Возможно, даже будет шторм. Вряд ли серьезный, но все же человеку с неработающей конечностью плыть среди волн непросто. Особенно ближе к берегу, где они разбиваются на мелководье и буйствуют.

Так что к буйку вернуться все же придется — мне одной, чтобы взять ласты, довершить тем самым свой позор, но зато помочь незадачливому спортсмену выплыть. Как бы я к нему не относилась, вылавливать потом, вместе со спасателями, баграми его бездыханное тело совершенно не хочется. А в ластах мне гораздо легче будет удерживаться на плаву и, при необходимости, тащить его на берег.

Я не собиралась пугать его раньше времени, но, видимо, по взглядам, бросаемым мной на небо и в сторону берега, он догадался, что что-то не так.

— Что, сейчас какая-нибудь ерунда начнется, вроде шторма?

— С чего ты взял?

— Небо потемнело, и вода заколыхалась.

— Ну, шторм — не шторм, а какая-то ерунда точно начнется. Так что мы поплывем не обратно на пляж вдоль буйков, а по прямой к берегу. Тут метров восемьсот. Но сначала я вернусь к маяку.

— Зачем?

— Надо.

— Жди меня здесь или потихоньку плыви вон туда, — я махнула рукой в сторону суши. — Я тебя скоро догоню.

К тому времени, когда я, уже в ластах, оказалась рядом с ним, волны разошлись не на шутку. Пока я плыла, его голова то появлялась над поверхностью, то исчезала за очередным гребнем. В какой-то момент ритм нарушился: волна схлынула, а его не было видно. Я по-настоящему испугалась. Вообще-то утонуть при таких обстоятельствах сложно, но кто его знает, вдруг у него и вторую ногу свело, и обе руки заодно. Когда белобрысая макушка все же показалась над водой, у меня отлегло от сердца. Никогда бы не подумала, что буду так радоваться виду его мокрой головы!

— Привет, — сказала я, выныривая рядом с ним.

— О, ты вернулась.

Он по-прежнему греб только руками и прихрамывал на одну ногу, если можно так выразиться о пловце.

— Не полегчало? — спросила я, хотя и так было видно, что нет.

— Как-то не особо. Но зато волны такие прикольные, раскачивают, как в гамаке.

Ну что ж, я рада, что он не впадает в панику.

— Ага, прикольные, — согласилась я. — Ближе к берегу будет еще прикольнее. Боюсь, придется тащить тебя на себе.

— С чего это? — возмутился он.

— Жаль, что волосы у тебя короткие. Ухватиться не за что.

— Э-э... как бы тебе намекнуть... У меня есть, за что ухватиться.

— Если я ухвачусь за то, на что ты намекаешь, и поволоку тебя за это на берег, боюсь, пользоваться этим ты больше не сможешь.

Он аж скривился, видимо, его воображение нарисовало яркую картину.

Мы плыли в сторону берега, я находилась недалеко от него, так что ласты он должен заметить в течение ближайшей минуты. Мне было очень не по себе. Моя победа сейчас превратится в бесславное поражение, а мое имя будет покрыто несмываемым позором. Ждать разоблачения было невыносимо, так что я решила броситься грудью на амбразуру и признаться. Но тут он мне помог.

— Так зачем тебе нужно было к буйку? Я уж подумал, может, с дельфинами пообщаться?

— Вроде того, — согласилась я. И вытащила ногу в лапте из воды. — Я сама теперь вроде дельфина. Готова к спасению утопающих.

— О! — он удивился, но, кажется, в первый момент не понял значения увиденного. Через несколько секунд до него дошло. — Вот, значит, как...

— Да! — я приготовилась к шквалу едких замечаний по поводу нечестной игры и неспортивного поведения.

Но он ничего не сказал. Мы плыли в полном молчании. Лучше бы он на меня наорал!

Я видела, что плыть ему становится все сложнее. Нога, видимо, болит, руки устали — чтобы выныривать из волн, нужно прилагать в два раза больше усилий, чем при плавании на гладкой воде. Я тоже немного запыхалась, но ласты очень помогали. По сути, у меня было четыре ноги, а него всего одна. Неравное положение.

— Мы уже близко к берегу, — сказала я.

— Я вижу. Метров триста — и я выползу на твердую землю, — радостно сообщил он.

— Радо радуешься, — оборвала его я. — Сейчас начнется самое трудное. У берега волны выше и мощнее. И они будут тянуть назад.

— Да выплыву я.

— Спасателей здесь нет, — продолжала я, — это дикий пляж. Можно было бы доплыть до городского, где мы начинали, но к тому времени шторм будет еще сильнее. И я не уверена, что Ерш с Лаптем уже на месте.

— По-моему, ты зря паникуешь.

Ему совсем не страшно. Ну да, он же не видел раздувшиеся трупы утопленников, которые как минимум два-три раза за лето вытаскивают водолазы.

— Тебе надо немного отдохнуть перед последним рывком. Положи руки мне на плечи, а все остальное пусть будет на поверхности. Я буду грести ногами, ты просто расслабься.

— От такого я отказаться никак не могу, — заулыбался он.

Вот кретин! Речь о жизни и смерти, а у него одни пошлости на уме!

Надо сказать, держался он за меня довольно деликатно, прижиматься не пытался и руки не распускал. Мне пока что тяжело не было, хотя, когда высота волн увеличится, все будет по-другому.

Ну все, остался самый трудный участок. Берег, вроде бы, совсем рядом, но достичь его гораздо сложнее, чем проплыть километр на глубине. Он уже на себе почувствовал, что такое двухметровые волны, а скоро их высота еще увеличится. В общем-то, я не сомневаюсь в успехе, ласты очень помогают держаться на поверхности. Мы плыли рядом, двигаясь, вместе с волнами, то вверх, то вниз.

— Если что — хватайся за меня, — крикнула я ему сквозь шум волн. — Я в ластах, так что удержу.

— Все нормально, — ответил он, стараясь грести равномерно.

— Осталось немного, — подбодрила я.

Очередная волна, внезапно взмывшая ввысь прямо перед нами, заставила меня надолго задержать дыхание. На секунду я потеряла его из вида, а когда снова увидела, то поняла, что он наглотался воды. Он хватал ртом воздух, отплевывался, пытался отдышаться, но следующий вал не дал ему такой возможности, накрыв его с головой. Вот так люди и захлебываются.

Я метнулась к нему, схватила за плавки и потащила вверх. Он, видимо, совсем потерял ориентацию, беспорядочно колотил руками и ногами, даже заехал локтем мне в лицо. Когда наши головы показались над поверхностью, я больно скрутила ему ухо — не лепить же пощечину, неудобно. Но какое-то болевое воздействие было необходимо, чтобы помочь ему придти в себя. Он уставился на меня остекленевшими глазами, открывая рот, как рыба.

Наконец-то мы заняли удобную позицию — он одной рукой уцепился за мое плечо, я изо всех сил гребла ластами. Так вполне можно было держаться на плаву. В его глазах появилось осмысленное выражение. Первые слова, которые он произнес, меня ошарашили:

— Так как тебя все-таки зовут?

— Руслана, — представилась я.

— А я Аркадий.

Я, вообще-то, знаю. Посмотрела в журнале.

— Очень приятно, — продолжила я светскую беседу, активно шевеля ластами.

Внезапно я почувствовала, что официально представившийся мне Аркадий стал легче.

— Отпустило? — спросила я.

— Да! — радостно завопил он. — Я и сам не заметил, как.

— Ну тогда и ты меня отпусти, и поплыли к берегу.

Он убрал ладонь с моего плеча и поплыл брасом, высоко выпрыгивая из волн и вполне нормально загребая обеими ногами. Хотя я и совсем выбилась из сил, но все же догнала его.

Обычно я снимаю ласты в воде у берега — идти в них практически невозможно, разве что очень медленно и спиной вперед. Но сейчас у меня никак не получалось занять удобную позицию и стянуть плотно прилегающие к стопам ласты — как только я останавливалась, волны сбивали меня с ног. Я даже успела сделать хороший глоток соленой воды, что меня сильно разозлило. Повернувшись спиной вперед, я, как рак, стала пятиться назад, то и дело приземляясь на пятую точку.

Вдруг меня что-то подхватило подмышки, подняло вверх и водрузило себе на плечо, как мешок с картошкой. Естественно, это был он, Аркадий. Как у него еще силы остались на такие подвиги? В любом случае, это была дурацкая идея. Если он сейчас упадет, я треснусь об камни прямо головой, которая болтается за его спиной. Я попыталась сползти с его плеча, в ответ он шлепнул меня по пятой точке и прижал к себе еще крепче.

К счастью, он не упал. Вдвоем мы весили больше, и волнам труднее было сбить нас с ног. Честно говоря, к концу этого недолгого похода меня больше волновало не то, что мы можем упасть, а то, что его руки лежат на самой выступающей части моего тела, прикрытой лишь мокрым купальником. Мне было неловко. Очень.

Как только мы выбрались на берег, я начала дрыгать ногами и толкаться руками, чтобы слезть с его плеча. Он без возражений опустил меня на землю. Оказалось, что у меня трясутся колени, так что, не сопротивляясь силе тяжести, я рухнула на песок, смешанный с водорослями и мелкой галькой. Аркадий приземлился рядом.

Мы оба дышали, как загнанные рысаки, у меня даже не было сил снять ласты. Вот уж не

ожидала, что наше легкомысленное соревнование закончится именно так! Вообще-то, финал мог бы быть гораздо более печальным. Все же хорошо, что я смухлевала и использовала запрещенный прием. Без ласт пришлось бы туго.

Я перевернулась на спину. Небо стало совсем темным, клочковатые синие тучи нависли над горами и медленно плыли в сторону моря. Красиво. Наверное, будет дождь. Внезапно тучи исчезли. Вместо них в поле моего зрения появились его глаза. Такие же темные, как небо, и такие же тревожные. В следующую секунду его горячие губы прижались к моим и, совершенно неожиданно для себя, я ответила на его поцелуй.

Это было затягивающее сладостное головокружение, на несколько секунд я потеряла сознание от усталости и перенесенных переживаний, иначе как объяснить мое поведение? Я не собиралась с ним целоваться, но сопротивляться этому нежному напору было невозможно. Но я все же смогла взять себя в руки — в тот момент, когда его губы переместились к шее, а мои стали свободны.

— Эй, — произнесла я строго.

Он не обратил внимания, может, потому, что у меня почти пропал голос. Я отстранилась и сказала громче:

— Хватит.

Получилось как-то хрипло, но он услышал. Затаился, продолжая дышать мне в ухо и прижиматься разгоряченным телом.

— Прекрати, — на этот раз получилось вполне отчетливо.

— Ладно, — прошептал он, не меняя положения.

— Мне жарко, — сказала я.

— Мне тоже, — он продолжал шептать мне в ухо.

Я собрала в кулак всю имеющуюся в наличии волю и отодвинулась от него. И сразу села, так легче избавиться от головокружения. Я ухватила за ласту, потянула — безрезультатно. То ли силы меня совершенно оставили, то ли ласты уже высохли, снять их было невозможно. Придется, видимо, ползти к воде, чтобы намочить ноги и избавиться, наконец, от этих перепончатых лап. Не могу же я идти в них домой.

Аркадий сел передом мной на корточки, схватил за ласту со стороны пятки и потянул.

— Ай! — вскрикнула я.

— Не «ай», а «ой».

Ему удалось освободить сначала одну, а потом вторую мою ногу. Я пошевелила ступнями. Они слегка онемели, но, в целом, работали вполне исправно. До дома меня донесут. Но сначала нужно дойти до пляжа, забрать полотенце и, главное, ключ, пристегнутый к нему булавкой.

Я поднялась на ноги. Аркадий стоял рядом с моими ластами в руках.

— Устала? — спросил он.

— Мне не привыкать, — буркнула я.

— Постоянно вылавливаешь потенциальных утопленников?

— Периодически.

Вообще-то, это был первый раз.

— Если бы не ты, я бы утонул. По-настоящему.

Что-то он слишком серьезен, мне это не нравится.

— Если бы не я, ты бы вообще туда не поплыл. Так что расслабься.

— Снова кусаешься? Правильно, так мне и надо. Было непростительной вольностью с

моей стороны обслуныжить свою спасительницу.

Я не выдержала и рассмеялась.

— Мир? — с надеждой спросил он.

Я кивнула, и мы пошли в сторону пляжа. Пройти, правда, удалось совсем немного. Через минуту мы увидели, как в нашу сторону, в клубах пыли несется квадроцикл.

— Кто это? — удивился Аркадий.

— Ерш или Лапоть, — сказала я. — Скорее всего, Ерш.

Я не ошиблась.

— Мы пришли — там твое полотенце висит, — стрекотал Ерш, соскочив с квадроцикла и нарезая вокруг нас круги. — И еще какие-то шмотки. В море шторм, а тебя нигде не видно. Я, честно скажу, перетрухнул не по-детски. А Лапоть говорит: «Русалки, мол, не тонут». Чуть морду ему не набил.

— Лапоть дело говорит, — вставила я в его трескотню.

— Ну, я на вышку забрался, смотрю в бинокль — да что там увидишь. Волны, еще волны и ни черта больше. А Лапоть орет: «На берегу поищи». Я посмотрел — и правда ты. На плече у этого, — Ерш неприязненно кивнул в сторону Аркадия.

Тот задумчиво перебирал в руках мои ласты.

— Я сначала подумал — утопла, не дышишь. Потом смотрю — вроде стоишь. Но на ногах не держишься.

Нет, ну что за дурацкая привычка подглядывать за людьми в бинокль! Надеюсь, дальше он не смотрел, а сразу рванул к квадроциклу.

— Ты в порядке? — Ерш встревожено меня разглядывал, и, впервые за все время нашего знакомства, в его взгляде не было ничего от неутомимого охотника.

— Да все нормально. Я просто развлекаюсь.

— Ну ты, блин! Развлекается она! А люди тут с ума сходят!

Он пнул ни в чем не повинный квадроцикл. Это даже трогательно — Ерш сходит с ума от волнения. И не потому, что ему некого тащить вечером на крышу, а потому что я, которая с ним на крышу никогда не ходила и не пойду, могла утонуть.

— Ерш, слушай, успокойся, а? Все нормально. Тонуть — это не мое.

— Ладно. Поехали, до пляжа довезу.

Аркадий протянул мне ласты.

— У меня только одно место, — буркнул Ерш, не глядя на него.

— Ага.

— Дойдешь? — мне почему-то не хотелось смотреть Аркадию в глаза.

— Без проблем.

Я забралась на заднее сиденье квадроцикла, Ерш резко дал газу, так, что мне пришлось крепко за него ухватиться и прижаться, чтобы не вылететь, и заржал. Все возвращается на круги своя.

По дороге мы не разговаривали — даже Ершу с его вечной несмолкающей трескотней было неудобно перекрикивать рычание квадроцикла. Зато когда остановились у спасательной вышки, фонтан его красноречия возобновил свою работу. По его рассказу, адресованному Лаптю, выходило, что он то ли вытащил меня из морской пучины, то ли вырвал из мохнатых лап неведомого чудовища.

— А где этот м... как его... Ну, с которым ты там...

Лапоть никогда красноречием не отличался.

— Молодой человек, — подсказала я.

— Развлекалась, — подсказал Ерш и махнул рукой. — Мы его там бросили. Сам доползет.

Я сидела на пластиковом стуле, завернувшись в полотенце, и прихлебывала чай из термоса, который нашелся у запасливого Лаптя. Вообще-то в кружке был не только чай, Лапоть щедрой рукой плеснул туда коньяка. Я не возражала — обжигающий напиток приятно растекался от горла к конечностям, согревая, расслабляя и успокаивая. И тут мой взгляд упал на вещи Аркадия. Он же скоро за ними придет — вспомнила я, и засобиралась домой.

— Спасибо, что подобрали и обогрели, но мне пора.

— Давай я тебя отвезу.

— Тут идти пятьсот метров. Давай.

Я поняла, что идти мне совсем не хочется. Даже пятьсот метров.

— Слушай, — решил Лапоть. — А чего тебя понесло в море в такую погоду?

— Вообще-то с утра погода была вполне нормальная.

— С утра — это часов в семь?

— Ага.

— Тогда еще один вопрос: чего тебе в такую рань не спалось?

Я пожала плечами. И забралась на сиденье квадроцикла. Лапоть вообще-то не очень разговорчивый, но если уж на него нашло — не успокоится, пока не спросит обо всем, что его волнует. Например, откуда взялся мой спутник. Лапоть знает, что я всегда плаваю одна и терпеть не могу, когда кто-то путается под ногами.

— Согласись, я поступила вполне по-дружески: пришла в семь. Так что если бы я утонула, вы бы не были виноваты.

Спасатели трудятся с восьми утра до восьми вечера. Это официальное время работы городского пляжа, указанное на табличке у входа. После восьми вход на пляж закрывается железной цепью. Через нее, естественно, все перелезают и продолжают отдыхать на мягком песочке и плескаться в воде. Кто-то вообще торчит тут целыми ночами. Это их дело. Фишка в том, что администрация пляжа, повесив табличку, юридически снимает с себя ответственность за безопасность курортников. Если кто утонул в неурочное время — сам виноват.

Квадроцикл резко затормозил у заднего входа в отель, я спрыгнула и поправила сползшее полотенце.

— Ты же не собираешься замутить с этим, — Ерш махнул подбородком в сторону моря.

— При всем уважении — а тебе какое дело?

— Других парней, что ли, нету, — недовольно пробурчал Ерш.

— Каких это — других?

— Ну, мало ли...

— Знаешь, что я тебе скажу, дорогой Ершик?

— Что? — он радостно встрепенулся.

— Для рыбы ты необыкновенно болтлив. Пока! И спасибо, что подвез.

Дверь моей квартиры была открыта нараспашку. Странно. Дед обычно с утра ко мне не вламывается. Может, злоумышленники? Я на цыпочках вошла в гостиную, приготовившись, если что, царапаться и кусаться. Но давать волю внутреннему зверю не пришлось — у окна я увидела деда.

— Ты чего здесь делаешь?

Он резко обернулся.

— Руслана!

— Что?

— Ты где была?

— На море, а что?

— В такую погоду?

Я посмотрела в окно. Темно-синие волны с белыми барашками на гребнях догоняли одна другую, небо приобрело серо-зеленый оттенок. Где-то вдалеке сверкнула молния, а через несколько секунд слабо громыхнуло. Гроза начинается.

— Когда я выходила, было не так страшно.

— И что, ты там, действительно, плавала?

— Побарахталась немного, поболтала со спасателями. А в чем дело?

— В твоём телефоне. Трезвонит все утро, не переставая. Ты трубку не берешь. Я зашел — а тебя нет. Собрался уже волноваться.

Еще один взволнованный. Я взяла телефон. Семнадцать неприятых от Ники. Даже не сомневаюсь, что это из-за Эдуарда. Он ее бросил. Или она его. Лучше бы второе, меньше будет соплей и неутешных рыданий. Я нажала вызов. Короткие гудки. Ладно, сначала душ, потом — помощь подруге.

После душа я позвонила Нике еще раз. На этот раз гудки были длинными, но трубку она не взяла. Странно. Пробежавшись по отелю и убедившись, что механизм гостеприимства, отлаженный дедом и мной, работает идеально, я снова взяла в руки телефон. Ника не отвечает. Кажется, сегодня очень волнительный день, и теперь пришла моя очередь тревожиться. Я решила звонить подруге в течение получаса, а потом, если она так и не ответит, наведаться к ней домой.

Надо сказать, во время забега по отелю, я испытывала довольно неприятное чувство. Каждый раз, когда я открывала дверь или поворачивала за угол коридора, мне хотелось сначала высунуть голову и посмотреть, нет ли там Аркадия. Я не знала, как вести себя при встрече с ним и предпочла бы вообще не встречаться. Но это могло произойти в любой момент.

Я не люблю прятаться и неприятности обычно встречаю лицом к лицу. Могу даже сама на них нарываться, чтобы не находиться в томительном ожидании. Так что от меня вполне можно ожидать, что я пойду, найду его и чего-нибудь ему наговорю, не подумав, как следует. Так что надо крепко держать себя за шкуру. Потому что взрослые рассудительные люди, прежде, чем что-то сделать, думают. Потом ждут, когда пыль уляжется, и думают еще раз. И только после этого действуют. Если к тому моменту ситуация не прояснится или проблема не рассосется сама собой.

Итак, что мы имеем? С одной стороны, я выиграла пари и он должен оставить меня в

покое. С другой — я смухлевала, и он об этом знает. Любая непредвзятая судебная коллегия признала бы мою победу недействительной. С третьей стороны — я помогла ему выбраться на поверхность, когда он наглотался воды. Вполне возможно, что без моей помощи в тот критический момент он бы утонул. Хотя не факт, мог и выплыть. В общем, я спасла ему жизнь, так что счет в мою пользу. Но есть еще и четвертая сторона. Если бы не я и не пари, предложенное мной, он бы вообще не оказался в километре от берега, да еще и в отсутствие спасателей. Так что я опять виновата.

Конечно, самым правильным было бы выбросить все это из головы и просто подождать, как будут развиваться события. Но не хотелось бы, чтобы они начали развиваться в неподходящий момент. Например, на глазах у деда. Аркадий ведь даже не знает, что я не гость отеля, а внучка его хозяина. Как же меня раздражают вещи, которые я не могу держать под контролем!

Оказывается, драгоценный Эдуард предложил Нике съехаться. С чего это он так торопится? Они знакомы всего два месяца. Нормальные парни в это время обычно боятся даже говорить «мы» и давать девушке ключи от своей квартиры. А этот хочет жить вместе. Интересно, в чем подвох? Ему нужна бесплатная домработница? Он боится спать один, а любимый плюшевый мишка потерялся? Его дедушка написал завещание, по которому он получит миллион долларов, если срочно женится, а он на самом деле гей? Так, стоп. Надо придержать свое буйное воображение.

А есть ли подвох? Конечно, есть. Эдуард, весь такой возвышенный и одухотворенный, не понравился мне с первого взгляда. Я ему, кажется, тоже. Потому что у него на глазах ела шаурму. Вообще-то я такое не ем, но тут, узнав, что он веган и сыроед, не удержалась. Он не изображал рвотные позывы, но всем своим видом давал понять, как его утонченной натуре сложно находиться в обществе такого примитивного существа, как я.

Мы тогда прогуливались по набережной, и я сказала, что ужасно голодна и хочу купить шаурмы. Ника начала посылать мне отчаянные сигналы, но я сделала вид, что не замечаю их. Потом мне влетело от нее по первое число. Да, весело было.

После обеда я взяла машину деда и поехала к Нике. Этот мерзкий тип хочет украсть у меня лучшую подругу и заморить ее голодом, а я ничего не могу сделать! А что тут сделаешь? Если я буду ее отговаривать, она обидится. Может, мы даже поссоримся, а это совсем не тот результат, к которому я стремлюсь. Прямое противостояние тут не подойдет, нужно действовать исподтишка, чего я, к сожалению, совершенно не умею. Прав был Эдуард — я примитивное существо.

Я думала, что застаю Нику за упаковкой вещей, но оказалось, что она драит ванную. Странно. Может, передумала?

— У меня генеральная уборка, — сообщила подруга. Поэтому я твой звонок услышала не сразу.

— Ты звонила мне семнадцать раз, начиная с восьми утра. Он что, утром предложил тебе съехаться?

— Да! — глаза Ники сияли почти так же ярко, как начищенные ею краны. — Мы проснулись, сделали Сурьянамаскар, потом выпили свежесжатого морковного сока и он говорит...

— Так он у тебя ночевал?

— Да!

— В первый раз?

— Ну... да, в первый.

— Тебе не кажется, что это все как-то слишком быстро?

— Лана! Ну почему ты не можешь просто за меня порадоваться? — Ника оттопырила нижнюю губу, как ребенок, который сейчас заплачет.

— Я рада, — вообще не получается изобразить довольную улыбку. Надо на курсы актерского мастерства записаться, что ли. — Раз ты рада, то и я тоже.

Ника заулыбалась. Ей курсы не нужны.

— А почему ты не пакуешь вещи? — спросила я.

— Вещи? — удивилась Ника. — А! Я тебе не сказала? Эдик переезжает ко мне.

Эдик. Имя-то какое дурацкое. Вот, значит, в чем дело. Сыроед позарился на жильё. У Ники квартира в новом доме, правда в ипотеке и далеко от моря, но все же своя и очень уютная. А к морю она равнодушна. В отличие от меня, плавать не любит, зато обожает загорать, что и постоянно делает на своем просторном балконе, к концу лета превращаясь в настоящую шоколадку.

А Эдуард, кажется, снимает квартиру. Точно я не знаю, и у Ники не спросишь. Намеков на его меркантильность она не потерпит. Конечно, ему выгодно переехать к Нике. Мало того, что за жильё платить не надо, так она еще пылинки будет с него сдувать — вон как ванну драит. Небось уже закупила ящик морковки для сока и авокадо для зеленой жижи.

Оставив Нику домыкать и без того чистую квартиру, я поехала в торговый центр. Обычно я хожу за покупками с лучшей подружкой, но сегодня ей не до меня. И, кажется, теперь так будет всегда. Она будет круглосуточно вить гнездо для своего драгоценного Эдуарда. Теперь даже в гости к ней просто так не заявишься! С кем я буду дружить? Между прочим, у меня тоже есть новости, которыми очень хочется поделиться.

Нельзя сказать, что из нас двоих я — сама рассудительность, а Ника — легкомысленная вертихвостка, которую нужно постоянно удерживать от опрометчивых поступков. На самом деле, во многих отношениях все обстоит как раз наоборот. Например, в том, что касается шопинга. Я часто покупаю всякую ерунду, которая мне совершенно не идет, и интерес к которой у меня пропадает сразу после того, как она окажется в моем шкафу.

Весной я пошла покупать пальто без Ники, и приобрела нечто среднее между бабушкиным ковриком из обрезков ткани и балахоном Аллы Пугачевой. Да еще и с капюшоном. Мне показалось, что это прикольно — ходишь, как будто завернутая в плед. Хорошо, что Ника потом убедила меня сдать эту вещь обратно. А недавно я купила длинное облегающее трикотажное платье. Малиновое. Ника говорит, что выгляжу я в нем потрясно, но носить не буду. И она права. Это совершенно недопустимый для меня уровень откровенности — платье так плотно прилегает к телу, что просматриваются ребра и позвонки, не говоря уже о других анатомических подробностях.

Но сегодня мне нужна лишь пара футболок, в этом нет ничего сложного, и я спокойно справлюсь без Ники. Даже если я куплю розовую футболку с портретом Барби или, наоборот, черную с фотографией неведомого волосатого рокера — ничего страшного.

В итоге одними футболками я не обошлась — забрела в спортивный магазин, увидела в витрине трекинговые ботинки и не удержалась, купила. А что, я иногда хожу в горы, а кроссовки по камням скользят! Симпатичный рюкзачок с кучей карманов, удобная фляжка для воды и панамы с затягивающимися лямками мне тоже обязательно пригодятся. Я уже больше трех месяцев не смотрела на свой любимый город с высоты птичьего полета, пора совершить очередное восхождение! Надо договориться с Никой... Тут я вспомнила про

Эдуарда и с горя купила еще и бинокль. Зачем он мне нужен? В окна подглядывать?

Какой-то нехороший человек перегородил своим темно-синим «Лексусом» въезд в служебные ворота, и мне пришлось припарковаться у центрального входа. Не успела я вытащить из багажника все пакеты, как за моей спиной раздался голос, который я сейчас меньше всего хотела услышать.

— Привет, Русалка.

— Здравствуйте, Аркадий.

— Мы что, опять на «вы»?

Я пожала плечами.

— К твоему имени «ты» не подходит.

— Тогда зови меня Арк.

Арк! Ну и имечко! Ничуть не лучше Эдика.

— Давай помогу, — он схватил мои пакеты.

Так и надавала бы по рукам! И что мне теперь делать? Не могу же я дефилировать в его сопровождении через весь отель. Во-первых, мне не нужны лишние пересуды, во-вторых, мы обязательно наткнемся на деда, и он, в лучшем случае, съест мне весь мозг, в-третьих, я не хочу, чтобы Аркадий знал, где я живу.

— О! — воскликнула я с растерянным видом и хлопнула себя по лбу.

Как бы сейчасгодились курсы актерского мастерства!

— Я кое-что забыла.

Я отобрала у Аркадия пакеты, забросила их в багажник и захлопнула его. Через секунду я уже застегивала ремень, сидя на водительском кресле.

— Я с тобой прокачусь.

Аркадий сидел рядом. И когда он успел просочиться в машину?!

— Разве я тебя приглашала? — получилось как-то жалобно.

— Нам нужно поговорить.

Вот! Этого я и боялась. Я вздохнула и завела мотор. Остается придумать, что же я такое забыла и куда мне нужно ехать.

— Машину напрокат взяла? Я тоже собирался. — Аркадий окинул взглядом салон. — Немного странный выбор для девушки, но я не удивлен.

Конечно, странный. Машина-то деда. Я так и не собралась завести свою. Я не очень люблю водить, а еще меньше люблю думать обо всяких там уровнях масла и прочей технической ерунде. Но главное не это. Уже два года, как я вернулась домой, но я как будто еще не решила, хочу ли я остаться, или собираюсь снова уехать. А покупка машины — это слишком определенное действие. Дед раньше часто ездил на охоту и рыбалку, поэтому и завел нечто среднее между танком и вездеходом. Удобств для пассажиров минимум, зато можно носиться по горам и лесам, не особо заботясь о наличии дороги.

— Да, — кивнула я. — Я такая. Езжу на вездеходах, плаваю в шторм. Ужинаю человечинной, зажаренной на вертеле.

— Кстати, о шторме. Ты меня спасла.

Хорошо, что он начал с этого.

— Ладно, проехали.

— Но у меня остались вопросы.

Вот он, час расплаты!

— Никак не могу понять, как тебе удалось провернуть этот трюк с ластами?

— Фокусники не раскрывают своих секретов.

— А фокусы — это обман?

Ясно, на что намекает. Я пожала плечами.

— Как посмотреть?

— И как же мы посмотрим на данный фокус?

Я решила немного его отвлечь и заодно разругать ситуацию с неведомой целью поездки.

— Черт! — воскликнула я.

— Что случилось?

— Поворот проехала. Ты меня совсем заболтал.

— А вернуться нельзя?

— Можно, но до разворота ехать километров пять. А, значит, возвращаться нет смысла.

Я все равно опоздала.

— Куда?

— Неважно.

Дальше я не придумала, но этого вполне достаточно. С чего это я должна ему все объяснять?

— Тогда предлагаю ехать дальше.

— Куда дальше?

Вот уж неожиданное предложение.

— А есть разница? Ты все равно опоздала, а я до понедельника свободен, как ветер.

— До следующего понедельника?

— Там видно будет, до какого.

А я уж было обрадовалась. Сегодня четверг, до понедельника совсем немного. Вполне могло бы обойтись без эксцессов между ним и дедом.

Мы уже выехали за пределы нашего небольшого городка, а я еще не придумала, как быть дальше. Он молчит, любуется морем, подкрашенным в лиловый цвет заходящим солнцем. Открыл окно, голову высунул, подпевает песне, звучащей по радио. Наслаждается жизнью. Мне даже завидно стало — здорово было бы быть такой же беззаботной. Я-то напряжена, как пружина. Может, тоже расслабиться и просто получать удовольствие? Он повернулся ко мне, и я не удержалась от улыбки — волосы на его голове встали дыбом от встречного ветра.

— Ну наконец-то! — вскричал он.

— Что? — не поняла я.

— Несмеяна улыбнулась.

— Я русалка, забыл?

— Никогда не думал, что русалки такие серьезные.

Я сбавила скорость. Хватит оттягивать неприятный разговор. Я съехала с дороги и остановилась над крутым обрывом. Здесь нет спуска к морю, но зато вид потрясающий, и площадка для стоянки удобная.

— Ты, вроде, хотел мне что-то сказать? — лучше самой взять быка за рога.

— Помнится, между нами было заключено пари.

— Было дело, — согласилась я.

— Ты помнишь условия?

— Помню.

— Остается решить, кто победил.

— Я.

Наглость, как известно, второе счастье. А вдруг прокатит?

— И это была честная победа?

Умеет он задавать правильные вопросы.

— Нет, — вынуждена была признать я. А что тут юлить? Он прав.

— Значит, твой результат аннулирован, и победа достается мне.

Я молчала.

— Ты не рада?

— Не люблю проигрывать.

Он снял свои темные очки и внимательно посмотрел на меня. Я на него не смотрела, разве что боковым зрением. И тут он сказал совершенно неожиданную вещь.

— Ты, наверное, замуж хочешь.

— Что?

Если бы я не была пристегнута, упала бы с кресла от удивления

— А что? Многие девушки хотят. И поэтому не вступают в несерьезные отношения с несерьезными парнями вроде меня.

— Я не хочу замуж.

Вот уж в чем я точно уверена. И вообще, с чего он об этом заговорил?

— Тогда что тебе мешает завести ни к чему не обязывающий курортный роман?

Я пожалала плечами. Ничто не мешает, вообще-то. Было бы желание.

— Вдруг ты мне не нравишься.

— Это возможно, — он расплылся в самоуверенной улыбке. — Но маловероятно.

Так и хочется щелкнуть его по носу! Я ничего не сказала, только фыркнула. Ника говорит, что так делают лошади, когда им подсовывают прошлогоднее сено вместо свежей соломы.

— Я почти уверен, что ты чувствуешь то же, что и я, — продолжал он.

Ну-ка, ну-ка, и какие же чувства тебя одолевают?

— А именно? — спросила я.

— Что-то такое... вроде статического электричества. Напряжение. И очень сильное притяжение. Ну, признайся.

Ни за что! Он положил руку мне на колено и немного сжал его. Это было большой ошибкой. Я выскочила из машины, обежала ее, открыла дверь с его стороны и сказала:

— Выходи.

— Что? Почему? Я больше не буду!

И поднял руки в знак того, что сдается. Но меня было уже не остановить. Я схватила его за шкурку и буквально выволокла из машины. Он не сопротивлялся, только удивленно хлопал глазами.

— Да что на тебя нашло?

Я захлопнула пассажирскую дверь, села на свое место, завела мотор и рванула вперед, поднимая клубы пыли. Он остался стоять на обочине, растерянный и недоумевающий.

Лексус, к счастью, уже уехал. Что ж, владельцу машины повезло, ведь я была вполне способна протаранить его дедовым джипом. И джипу бы ничего не было. Я взлетела наверх по лестнице, распахнула дверь своей квартиры и услышала голос деда:

— Лана! Это ты?

Ну а кто еще? Только разговоров мне сейчас не хватало!

— Я в душ! — крикнула я.

— А где ты была? — дед появился в коридоре.

— По магазинам ходила.

— Что, ничего не нашла?

Он смотрел на мои пустые руки. Черт, пакеты-то я забыла в машине.

— Да купила там кое-что. В машине. Потом заберу.

— Понятно.

Он внимательно посмотрел на меня, развернулся и пошел к себе. Фу-у. Ладно хоть, обошлось без лишних расспросов.

А я на самом деле пошла в душ. В холодный. Что-то в жар бросает безо всякой видимой причины.

Себя я обманывать не люблю. Других тоже, но иногда приходится. И все-таки врать самой себе — жуткая глупость. Так что я не буду. Да, меня к нему действительно, тянет. С того самого момента, как мы встретились под навесом и он отдал мне свою куртку, прикоснувшись теплыми руками.

Нет, это вовсе не любовь с первого взгляда, а чистая физиология. Дело в том, что с того момента, как у меня прекратились последние серьезные отношения, прошло два года. И за это время у меня была только одна попытка наладить личную жизнь, не очень удачная и удивительно кратковременная. Так что мой молодой организм вправе громко заявлять о своих неудовлетворенных потребностях. Но что-то он уж слишком раскричался. Не хотелось бы позволить физиологии мной командовать.

Вообще-то на протяжении этих двух лет все было не так уж и плохо. Поначалу мне было совершенно не до потребностей, я вообще забыла, что они существуют. Где-то через год началось какое-то неясное томление, переходящее во вполне конкретные желания. Тогда и случилась та неудачная попытка, после которой я поняла, что лучше уж никак, чем как попало и не с тем человеком. И, как по волшебству, все желания исчезли. Иногда я вспоминала, что на свете есть такая вещь, как очень близкие отношения между мужчиной и женщиной, но это как будто меня совершенно не касалось.

И вот теперь — пожалуйста. Меня бросает в дрожь от одного прикосновения мужчины, к которому я не испытываю и не собираюсь испытывать никаких чувств. Физиология берет верх.

Я лежала на диване, завернувшись в махровый халат, охлажденная душем и успокоенная зеленым чаем с ромашкой. Но мои уши при этом пылали от смутных жарких картин, непрошено возникающих в воображении. Его мускулистые руки, набрасывающие куртку на мои плечи... Огнедышащий дракон на спине, до которого невыносимо хочется дотронуться... Он прикасается губами к моему виску, кладет руку на колено, забрасывает меня к себе на плечо и выносит из воды... О, господи. Я уронила голову на диванную подушке и задремала.

— Лана, у нас гости.

Дед заглянул в приоткрытую дверь и удивленно воззрился на бинокль, который я только что достала из пакета.

— Купила в состоянии аффекта, — объяснила я. — Кого там принесло?

— Не принесло, а я позвал. Постояльцы на вай-фай жалуются, попросил Кирилла проверить.

— И что?

— Что — что?

— Проверил?

— Ага. Заменял один из маршрутизаторов.

Я молча продолжала разбирать покупки. Ботинки все же классные. Подошва рифленая и шершавая, можно лазить по скользким камням даже в дождь.

— Мы там чай пьем. Присоединишься?

Я помотала головой.

— У меня дела.

— Он про тебя спрашивал.

— Скажи, что я сейчас занята и выпью с ним чаю как-нибудь в другой раз.

— Ну, как знаешь.

Дед нехотя удалился, оглянувшись на пороге, как будто надеялся, что я передумаю. Ему нравится Кирилл. Я, в общем-то, тоже ничего против него не имею. Нормальный парень. Уравновешенный, серьезный, положительный. В школе хорошо учился, но занудой не был, всегда давал всем списывать. Его все любят, а больше всех мой дед. Спит и видит, как я дефилирую за руку с Кириллом в белом платье под марш Мендельсона. А потом, естественно, остаюсь в городе, обзавожусь кучей детишек и большим красивым домом с бассейном и ровно подстриженным газоном.

Кирилл — мой одноклассник, и, в некотором, роде, коллега. Их семья тоже занята гостиничным бизнесом, причем весьма успешно — у них два отеля и на подходе третий. В то время как мы остановились на достигнутом и никуда не развиваемся, разве что вглубь: я бьюсь за постоянное совершенствование сервиса. Вообще-то Кирилл мечтал стать программистом, его даже в институт приняли без экзаменов, за победу в олимпиаде. Но учиться в выбранном учебном заведении ему не пришлось. Серьезно заболел его отец, а брат был в армии, так что ему пришлось взять в свои руки семейное дело.

Он собирался вернуться к учебе позже, когда все наладится, но так и не сделал этого. Компьютеры стали его хобби. Конечно, он не бегает по вызовам к тем, у кого забарахлил вай-фай, но для деда всегда делает исключение. А дед использует любой удобный и неудобный случай, чтобы заманить его к нам и оставить наедине со мной. Раньше это казалось мне забавным, да и Кириллу, кажется тоже, но в прошлом году, все пошло наперекосяк и винить в этом, кроме самой себя, некого.

Я взяла в руки бинокль и подошла к окну. Так, что тут у нас? Прогулочный теплоход, казавшийся игрушечным корабликом, резко приблизился, когда я поднесла бинокль к глазам. Ничего себе! Я увидела прямо перед собой, как аниматор, изображающий Джека Воробья, оскалился перед объективом фотоаппарата, обнимая пышную туристку.

Море, еще море. Пляж. Вышка спасателей. Жаль, что она частично закрыта сосной, растущей прямо по курсу. Хотя, с другой стороны, зачем мне подглядывать за Ершом и Лаптем? Вот если бы я могла видеть нашу террасу — другое дело. Можно было бы наблюдать за тем, как выполняют свою работу официанты и уборщики. Но терраса почти полностью скрыта крышей, разглядеть можно только кусочек бассейна и вход. О! Я отпрянула от бинокля, забыв, что с того конца меня не видно. Аркадий. Поднимается на террасу, разговаривая по телефону. Хмурый и озабоченный, я его таким еще никогда не видела. Это как-то даже радует — должны же у человека быть хоть какие-то проблемы, не все же жизнерадостно скалиться отполированными белыми зубами.

Убрал телефон в карман, но выражение лица не сменил. Ага, вот. Заулыбался. На кого

это он смотрит? Определенно, на красоток у бассейна. Они, наверное, тоже ему улыбаются. Все. Скрылся.

Мое сердце билось о грудную клетку с оглушительным грохотом. И чего это я так разволновалась? Ну да, я совершила странный поступок. Вытолкала Аркадия из машины и уехала. Ну и что? Я импульсивна и несдержанна, это все знают. Пусть и он знает тоже. Интересно, куда он пошел? К себе в номер?

Вообще-то я могу это узнать. Я села за стол, включила ноутбук и вошла в систему. Если его электронный ключ сработает, я это увижу. Есть. Он в своем номере. Видно, решил отдохнуть после приключения. Интересно, как он добрался? Вызвал такси, наверное. Я же не посреди пустыни его бросила.

Видимо, мое подсознание самостоятельно составило план действий, забыв предупредить меня. Я очнулась только перед дверью номера Аркадия, после того, как постучала. Стук был громким, но он мог его не услышать, если был, например, в ванной. О, господи, что я делаю? Я развернулась, чтобы ретироваться, но в этот момент дверь распахнулась.

Он стоял на пороге, в одних трусах, с белым гостиничным халатом в руках. Прикрыться этим самым халатом, кстати, он и не подумал.

— Добрый вечер, — произнесла я каким-то не своим голосом. Кажется, я на время позаимствовала его у нашего администратора Марины.

— Вот так встреча! Ты ко мне?

— Нет, просто стучу во все двери подряд. Вдруг что интересное попадется.

— Ты попала прямо в точку. Заходи.

Он посторонился, и я вошла. А что оставалось делать? Никто меня силой сюда не тащил.

— Я вообще-то в душ собирался. Пропылился весь после прогулки.

Халат он не надел, а положил на кресло. Когда он отвернулся, его дракон, кажется, подмигнул мне.

— Только не говори, что ты шел пешком. Такси никто не отменял.

— Тебя совесть мучает за то, что бросила меня на обочине?

— Вроде того.

— Хочешь чего-нибудь? Кажется, тут в мини-баре есть какое-то вино.

Он открыл прозрачную дверцу. Не «какое-то вино», а Шардоне пятилетней выдержки! Я лично его выбирала. А еще — шампанское, довольно неплохое, лучшее местное пиво, соки и три вида лимонада.

— Мне, если можно, «Тархун», — сказала я.

Он достал стеклянную бутылку из холодильника и начал озиаться по сторонам, видимо, в поисках открывалки. Вот же она лежит, на самом виду, на подносе, рядом с чайными ложками! Разве не логично искать ее там? Я взяла открывалку и бросила в его сторону. Он поймал, открыл бутылку, подошел к столу и налил лимонад в стакан.

— Если ты не против, я все же забегу в душ на пару минут. — Сказал он, протягивая мне стакан. — Неудобно общаться с девушкой взмыленным, как конь.

— Я уже уйду, — сказала я, отпивая лимонад из стакана.

— Уже?

— Вот только лимонад допью.

— Не торопись, а то поперхнешься, — он внимательно смотрел, как я пью, так что я,

действительно, чуть не поперхнулась.

Я поставила стакан и развернулась, собираясь уйти.

— А можно узнать, зачем ты приходила?

Он все-таки спросил.

— Лимонаду попить.

Я вздохнула. Он хмыкнул.

— Ну и подтвердить свое поражение. Я мухлевала, так что ты выиграл.

— И ты пойдешь со мной на свидание?

— Пари есть пари.

— Только поэтому?

— Нет, конечно. Приходится признать — ты неотразим.

Он ошалело уставился на меня. Видимо, не ожидал подобного заявления.

— Э-э, ну, значит, завтра вечером?

— А чего тянуть? Давай сегодня. Еще не поздно.

— Отлично. Я... очень рад.

— Встретимся в восемь возле причала.

— А почему не в гостинице?

— Потому.

Я развернулась и ушла.

Наряжаться я не собираюсь. Подумаешь, первое свидание за последний год или около того. Для меня это ничего не значит. У меня нет намерения ему понравиться, хотя выглядеть оборванкой тоже ни к чему. Так что надену эту пышную юбку в цветочек и топ с открытыми плечами — достаточно просто, но в то же время романтично (ха-ха, он же любит романтику!) и уместно в любой ситуации. Хотя какие там могут быть ситуации, скорее всего он поведет меня в ресторан. А куда еще? Не на ночное купание же. Думаю, на сегодня он накупался, да и я тоже.

Море давно успокоилось, шторм, грозно надвигавшийся с утра, покинул наши берега. Во второй половине дня пляжи снова были плотно забиты отдыхающими, подставлявшими свои розовые облезавшие тушки жаркому солнцу. Даже сейчас, когда солнце почти опустилось в море, на пляжах довольнолюдно.

А вот и он. Стоит у причала, как обычно, улыбается во все свои восемьдесят восемь зубов. Озирается по сторонам с таким видом, как будто он — наследный принц, а все окружающие — верные подданные, готовые в любой момент пасть ниц к его ногам. Заметил меня. Заулыбался еще ярче. Аж слепит. Идет навстречу.

— Прекрасно выглядишь, — успела выпалить я, пока он переводил свои губы из режима улыбки в режим речи.

— Э-э... я то же самое хотел сказать.

— Не успел, — констатировала я с довольным видом.

— А я все-таки скажу. Ты очаровательна. Свежа, как утренняя роза.

— И романтична, — добавила я.

— Это само собой, — кивнул он. — Прогуляемся?

И взял меня за руку. Что-то события развиваются слишком стремительно.

Мы пошли на пирс, любимое место прогулок и фотосессий туристов. Вот и сейчас народ облепил ограждения и спуски и активно делает селфи на фоне яхт. Пирс уходит далеко в море, а по его бокам пришвартованы разные мелкие и крупные суда, от катеров и буксиров до яхт и теплоходов. Самые большие и красивые яхты группируются в самом конце, уж не знаю почему. Здесь любители морского транспорта гуляют с распахнутыми от удивления и восторга ртами.

Я тоже иногда люблю здесь прогуляться, правда, не в самый разгар курортного сезона, когда яблоку негде упасть. Мне нравится пирс и вообще наш город осенью, когда большая часть туристов убирается восвояси, и становится легче дышать.

Как раз о небывалом наплыве туристов мы и разговаривали, продвигаясь к концу пирса и продолжая держаться за руки. Мне показалось, что я разгадала намерения Аркадия — пирс заканчивается небольшим рыбным ресторанчиком, видимо мы шли именно туда. Меня это немного удивило: ресторан хороший, рыба там местная и очень вкусная, но я была уверена, что он поведет меня в более пафосное место, вроде нового заведения на крыше пятизвездочного отеля «Ривьера» или претенциозного ресторана «Сан-Мишель», где подают устрицы, доставленные самолетом прямо с побережья Атлантического океана. Мне лично скользкие, пахнущие водорослями моллюски совершенно не по вкусу, но Аркадий как раз похож на человека, который заглатывает живых дорогостоящих гадов на завтрак, обед и ужин.

Почти у входа в ресторанчик Аркадий потянул меня в сторону яхты, самой последней из ряда белоснежных красавиц. Матрос у входа уже откинул трап и приветливо улыбался нам, делая приглашающий жест рукой. Вот оно что! Мы шли вовсе не в рыбный ресторан. Ну что ж, яхта — это очень романтично. Как я об этом сразу не подумала?

— Только не говори, что это очень романтично, — прочитал мои мысли Аркадий.

— А я как раз собиралась!

— Я тебя опередил. Ты произносишь слово «романтично» таким тоном, что его значение меняется на противоположное. Я теперь, пожалуй, никогда не смогу его использовать по назначению.

— Ну хоть какая-то польза от нашего знакомства!

Ступив на палубу, я пожалела о том, что в последний момент решила все же надеть туфли на шпильках. Яхта, конечно, шикарная, и пол здесь, естественно, ровный, но ходить на каблуках все равно неудобно. Недолго думая, я сняла темно-вишневые «лодочки». Аркадий взял их из моих рук и потянул меня дальше, на самый нос судна. У яхт этого класса на носу обычно находится зона отдыха, и эта посуда не была исключением: встроенный диван, с отделкой, не боящейся морских брызг, столик, на котором разместились бутылка шампанского в ведерке, бокалы и легкие закуски. Романтично, ничего не скажешь. В самом прямом, первоначальном смысле этого слова. И гораздо лучше, чем в ресторане.

Аркадий смотрел на меня с видом пса, нашедшего палку, которую хозяин забросил в непролазные кусты — он ждал похвалы. Что мне, жалко что ли? Пожалуйста.

— Обалдеть, — сказала я. — Совершенно не ожидала такого поворота. Это прям жуть как романтично.

— Кхе-кхе, — отреагировал Аркадий. — Мы, кажется, договорились не употреблять это пошлое слово.

— Я не договаривалась. Предлагаю вернуть ни в чем не повинному слову его законное место в лексиконе.

Я плюхнулась на диван и оторвала виноградину от грозди, свисавшей из вазы. Яхта тем временем плавно тронулась с места. В чем прелесть данной конструкции — команду, обычно состоящую из двух человек, вообще не видно — один рулит наверху, второй орудует на корме. А мы на носу, в иллюзии абсолютного уединения.

Мы плыли навстречу солнцу, которое готовилось к погружению в море. Все вокруг стало малиновым: небо, море, облака. Даже Аркадий приобрел малиновый оттенок. Я, видимо, тоже отсвечиваю этим красивым цветом. Надеюсь, он мне идет.

Пробка вылетела с глухим хлопком, над горлышком бутылки на секунду появилось белое облачко, и шампанское заструилось в бокалы, пенясь и пузырясь. Солнце коснулось воды как раз в тот момент, когда Аркадий протянул мне наполненный бокал.

— За чудесный вечер, — произнес он, и наши бокалы соприкоснулись с глухим звоном.

Вечер, и правда, был чудесный: теплый бриз, ровная гладь моря, яхта, скользящая по поверхности как опытный фигурист по льду. И Аркадий, поглядывающий на меня то украдкой, то совершенно беззастенчиво.

— Ты определенно умеешь очаровывать девушек, — произнесла я.

— Да ничего подобного, — начал отнекиваться Аркадий.

— Не отпирайся, опыт и навык не скроешь.

Аркадий засмеялся.

— Ну и что, действует?

— А как же. У меня от твоих прекрасных глаз и романтической обстановки прямо-таки колени подгибаются. Если бы не сидела, так и упала бы в твои объятия.

Не буду лукавить — это все чистая правда, но саркастический оттенок в моем голосе не позволит ему об этом догадаться.

— Должен признать, мое сердце тоже бьется с перебоями.

— Тахикардия? — поинтересовалась я.

— Ты, — ответил он.

И уставился на меня своими серо-зелеными глазами. Слишком пристально, я бы даже сказала, нагло. Меня от его взгляда бросило сначала в жар, а потом в холод. О чем я не преминула ему сообщить.

— Ты так смотришь, что я просто таю.

Сарказм — вот мое спасение.

— Не мог бы ты положить льда в мой бокал? — добавила я.

— Если я скажу, что никогда не встречал девушку с такими необыкновенными, синими, как море, глазами, ты меня высмеешь?

Аркадий скорчил жалобную мину.

— Непременно. Но продолжай. Люблю лесть.

— Ты вообще ни на кого не похожа, — провозгласил он. — И ты невыносима.

— А то.

Я запихнула в рот сразу две шоколадные конфеты и начала сосредоточенно жевать. Надеюсь, это немного разрядит накалившуюся атмосферу. Воздух уже трещит от искр, которые между нами летают.

Нет, не помогло. Мне по-прежнему хочется, чтобы он сел еще ближе, обнял меня левой рукой, той, по которой змеится хвост дракона, а правой убрал волосы с лица. А потом прижался губами к моим губам... Так, хватит!

А, почему, собственно, хватит? Может, как раз наоборот? Мои потребности кричат о себе так громко, что их просто невозможно игнорировать. Да и незачем, пожалуй. Мне давно пора завести роман, все так считают и не стесняются об этом говорить. Особенно Ника.

Мой язык бежал немного впереди моих мыслей, так что я выпалила:

— Так, значит, ты предлагаешь завести ни к чему не обязывающий курортный роман?

Аркадий чуть не поперхнулся шампанским.

— Я? Ну... да.

Он смотрел на меня с опаской, как сапер на бомбу. Если перережешь не тот проводок — рванет.

— Хотелось бы оговорить условия, — меня было уже не остановить.

— О, господи, — вырвалось у Аркадия.

— Я тебя пугаю?

— Есть немного. Предлагаешь пойти к нотариусу?

— Э-э... нет.

— Фух, — выдохнул он. — Так что тебя тревожит? Не может же быть такого, что ты меня боишься.

— Ну... мало ли. Вдруг ты псих или маньяк. Они, говорят, очень милые на вид люди.

— Сразу хочу заявить: я против принуждения. Это относится к любому моменту нашего романа. Вот, допустим, когда-нибудь я тебя поцелую.

Он замолчал, я почувствовала, что он смотри на мои губы. Нет, ну это просто невыносимо! У меня голова кружится.

— Не сразу, конечно. Не на первом свидании. На пятом или, может, на двенадцатом.

Что?! На двенадцатом?!

— А тебе вдруг покажется, что я целуюсь как жаба, — продолжал Аркадий. — Ты плюнешь в меня и уйдешь. И я ни слова не скажу. Только сделаю вот так. — Он поднял обе руки в жесте «сдаюсь». — Конечно, мое жабье сердце обольется горькими слезами. Я буду рыдать в подушку, но ты этого не увидишь.

Я расхохоталась.

— Ты об этом хотела поговорить?

— Вообще-то, нет. Когда ты уезжаешь?

— У меня пока нет обратного билета, — промямлил он. — Это зависит от... обстоятельств.

Он запнулся, а в его взгляде промелькнула какая-то мысль, по всей видимости, неприятная.

— То есть ты можешь задержаться здесь, допустим, до конца лета?

— Ну... все может быть. А ты? И, кстати, из какого ты города?

О, черт. Он до сих пор не знает, что я здесь не отдыхаю, а живу.

— Спроси еще, сколько мне лет, где я работаю и на каком этаже моя квартира. Насколько я понимаю, вся эта информация только мешает короткому курортному роману.

— Возможно, — кивнул он.

— Так, вот, я о чем? Мне нужны конкретные сроки.

— Сроки? — он в очередной раз удивленно вытаращился на меня.

— Ну да. Мне нужно знать, когда закончится наш курортный роман. У меня, видишь ли, планы.

— Планы?

— Может, хватит повторять мои слова?

— Ладно.

— Думаю, неделя — самое то, — продолжала я. — Как ты считаешь? Примерно столько длится средний курортный роман.

— Э-э... ладно.

— Ну вот, — я облегченно выдохнула и откинулась на спинку дивана. — Значит, договорились. Через неделю мы расстаемся и забываем друг друга.

— Хорошо.

Он все еще растеряно хлопает глазами.

— Никогда еще не вел более странного разговора на первом свидании, — сказал он, снова наполняя шампанским наши бокалы.

— Надеюсь, ты доволен?

— Ну... да.

— Ты же этого хотел?

— А ты?

— Я тоже.

Честно говоря, я себя чувствовала слегка не в своей тарелке. Романтика от нашего разговора поблекла, он ко мне так и не придвинулся и мне этого уже не так сильно хотелось... Зачем я вообще во все это влезла?

Солнце давно скрылось за горизонтом, нас обступили густые сиреневые сумерки. На столе стояли свечи, он их зажег. Жалкая попытка вернуть улетучившееся настроение. Может, прыгнуть в воду и поплыть к берегу? Мы не так уж далеко, доплыву минут за сорок.

— Сбежать хочешь?

У меня что, на лице все написано?

— Были такие мысли, — призналась я.

— Значит, все распланировала, а теперь на попятный?

— Нет, — я посмотрела прямо в его глаза, и меня снова будто шарахнуло молнией. — Я остаюсь.

Он целовался вовсе не как жаба. Это был нежный, и в то же время какой-то яростный поцелуй, во время которого мое легкое головокружение чуть не перешло в глубокий обморок. Сознание возвращалось постепенно, по мере того, как прикосновения его губ становились все более деликатными и легкими. Мне определенно нужна была передышка.

— Я забыл спросить, — прошептал Аркадий мне в ухо. Это был щекотно и приятно.

— Да? — я повернулась к нему, мой нос уперся в его слегка шершавый подбородок.

— Каковы правила? У тебя же они наверняка есть.

О чем это он?

— Ничего не понимаю, — у меня в голове все основательно перепуталось. Спроси сейчас кто-нибудь, как меня зовут — и я попрошу минуту на раздумья.

— Обычно девушки считают, что на первом свидании нельзя пересекать определенную черту, — поделился своими знаниями Аркадий.

Ах, вот он о чем.

— У меня на этот счет совсем другие правила, — заявила я.

— Ну вот, я же говорил — они есть, — еле слышно пробормотал он.

— На первом свидании — сколько угодно, — продолжала я. — А вот на втором — ни-ни.

— Что? — Аркадий немного отстранился, чтобы внимательно посмотреть мне в глаза. — Смеешься надо мной?

— Я бы съела вон то пирожное с вишенкой, — сказала я, кивая в сторону стола.

Он кормил меня с ложечки. Сначала я возражала — не хватало еще этих телячьих пошлостей! — но потом втянулось. Я вымазалась в креме, он тоже, было смешно, и тема правил первого свидания больше не всплывала. Но слово — не воробей, оно уже вылетело из моего болтливости рта, и вернуть его обратно я не могла.

Пирожное довольно быстро закончилось. Мое сердце ускорило, отбивая ритм, как барабанщик в цирке перед прыжком воздушного гимнаста. Я себя чувствовала как раз таким гимнастом: надо прыгать в бездну, но страшно и очень хочется оттянуть решающий момент. У меня возникла мысль попросить еще одно пирожное. Ну и пусть он думает, что я сладкоежка и обжора! Мне вообще абсолютно начхать на его мнение, мы расстанемся через неделю и никогда больше не встретимся.

Когда я это осознала, мне вдруг стало легко и весело. Переживать не о чем, я не строю отношения, боясь все испортить в самом начале. Я просто развлекаюсь. Такого у меня еще никогда не было и мне это определенно нравится.

— Ну, — сказала я, убирая салфетку, которой вытирала губы. — Пойдем в спальню?

Он снова на меня таращится, как рогатое животное на новый забор. Это становится скучным.

— Или займемся этим прямо здесь?

Кажется, он всерьез начинает меня бояться.

— Здесь, конечно, романтично, — я огляделась. — И диван довольно просторный. Или все же маловат? Как ты считаешь, он выдержит?

Я встала, обошла диван, потрогала спинку и подлокотники.

— Э-э... Я... — проблеял он.

Ну вот, кажется, я его окончательно запугала. Он думает, что я чокнутая. Что ж, он прав. Сейчас он сам прыгнет за борт.

Но он никуда не прыгнул. Зато я каким-то неведомым образом в одно мгновение переместилась к нему на колени. Он крепко сжал меня и прошептал прямо в ухо:

— Хватит кривляться.

Тут пришла моя очередь издавать испуганные блеющие звуки.

— Не бойся, — Аркадий ослабил хватку, но не выпустил меня. — Я почти не кусаюсь.

И медленно провел губами по моей шее. О, господи!

Я открыла глаза. Сквозь жалюзи на окнах каюты пробивался розовый солнечный свет. Такой оттенок у него бывает только на рассвете. Значит, я проснулась вовремя. В это время люди спят самым крепким сном, так что у меня есть все шансы уйти по-английски. Вот только нужно выбраться из-под конечностей Аркадия, которые он по-хозяйски закинул на меня. Когда я попыталась переместиться на несколько сантиметров вниз, он заворчался и придвинулся еще ближе. Черт!

Пришлось действовать еще более осторожно и медленно, освобождаясь из его объятий буквально по миллиметру. Не знаю, сколько это заняло времени, по моим ощущениям — несколько часов. Но он не проснулся — это главное. Солнце уже не такое розовое, надо торопиться.

Я собрала свою одежду, разбросанную по каюте, и закрылась в ванной комнате. Хорошо, что здесь есть одноразовые зубные щетки, но очень плохо, что нет расчески. На голове у меня сущий кошмар. Наскоро одевшись и умывшись, я пальцами расчесала волосы и заплела их в косу. Вроде не так уж плохо. Выгляжу не сильно помятой и потрепанной. Я задрала подбородок и показала своему отражению язык. Главное в нашем деле — непоколебимая уверенность в себе.

Дверь скрипнула, когда я слегка приоткрыла ее и осторожно высунулась наружу. Аркадий лежал в той же позе, обнимая вместо меня подушку. Замечательно. Я на цыпочках направилась к двери, постоянно оглядываясь на него. Так как смотрела я назад, а шла вперед, то, естественно, не заметила кроссовок Аркадия, оказавшийся у меня под ногами. Я споткнулась, замахала руками в тщетной попытке удержать равновесие, но мне это не удалось. Со страшным грохотом я растянулась на ковре.

Ну все. Сейчас он проснется, застанет меня в неприглядной позе, придется с ним разговаривать, что-то врать, кого-то из себя строить... А я просто хочу спать! В своей постели. Я закрыла глаза, надеясь, таким нехитрым способом спрятаться от реальности. Кажется, помогло. Тишина. Он не проснулся. Все-таки ковер здесь довольно толстый, скрадывает звуки. Я поднялась и выскользнула из каюты, бросив последний взгляд на Аркадия. Он даже не пошевелился.

— Эй, капитан! — обратилась я к пареньку, который вчера встречал нас у трапа.

Он мирно дрых в мягком шезлонге на корме, укрывшись пледом. Мои слова не произвели на него никакого впечатления, его глаза по-прежнему были закрыты, а рот,

напротив, слегка приоткрыт. Я потрясла его за плечо. Он отмахнулся от меня, как от назойливой мухи. Пришлось прибегнуть к крайним мерам — выкрутить ему ухо. Он что-то пробормотал и перевернулся на другой бок.

— Мадемуазель, — услышала я за своей спиной. — Чтобы разбудить Василия в пять утра, нужно взять его за ногу и окунуть в море.

Я обернулась. Передо мной стоял коренастый бородатый моряк в белоснежной рубашке, отглаженных брюках и начищенных ботинках. В пять утра!

— Капитан Воробьев, — представился он. — Почто мальчика мучаете?

— Мне нужно на берег, — сказала я, отводя глаза.

— Доставим через двадцать минут, — отрапортовал капитан и поднялся по трапу наверх.

А я осталась на палубе, чтобы любоваться свежим утренним морем, мучиться от неведомо откуда взявшейся неловкости и бояться, что Аркадий проснется до того, как я успею сбежать с судна.

— Спасибо, — сказала я капитану, спустившись по трапу.

— Всегда пожалуйста, — ответил он.

Сделав пару шагов, я все-таки остановилась и задала мучивший меня вопрос.

— Скажите, а ваш... клиент, он сразу яхту на ночь арендовал?

Капитан пожал плечами и развел руками. Не хочет отвечать. Мужская солидарность? Тайна сделки? Еще какая-то чушь?

Я развернулась и собралась уходить, когда он негромко произнес:

— Сразу.

— Спасибо.

Оборачиваться я не стала.

Мое второе пробуждение в это утро было долгим и тягучим. Мне снилось, что Аркадий на руках несет меня в каюту, осторожно опускает на кровать, снимает с себя футболку, обнажая великолепные мышцы и прокачанный пресс, а потом тянется к моему топу. Я удерживаю его горячие жадные руки, не в силах справиться со смущением. Но, когда он начинает целовать мою шею, а потом опускается ниже, смущение улетучивается. Аркадий возобновляет свои попытки избавить меня от топика, но у него ничего не выходит, потому что он не знает, что нужно расстегнуть молнию сбоку. Я снимаю топ сама, и отбросив вместе с ним остатки смущения, отпускаю на волю все свои потаенные желания.

Я очень долго не могла выбраться из этого на удивление раскрепощенного сна, мне просто не хотелось просыпаться. Как хорошо, что вчера я догадалась отправить смс деду: «Приду поздно, буду спать до обеда». Иначе он давно начал бы ломиться ко мне, чтобы выяснить, не случилось ли чего, ведь обычно я так долго не сплю. Так... смс... я отправила смс, потому что собиралась вчера на свидание с Аркадием. Так, значит... О господи! Это был не сон, а самая что ни на есть осязаемая реальность! Все это было на самом деле. Я, действительно, делала все то, от воспоминаний о чем мои уши сейчас пылают, как опшаренные кипятком. Я заползла под одеяло, чтобы спрятаться от удивительно ярких и довольно бесстыдных воспоминаний, но они настигли меня и там.

Мне не хотелось вставать, по всему телу разлилась приятная истома... давно забытое ощущение. Я закрыла глаза и снова провалилась в полудрему. Одна часть моего мозга пребывала в блаженном забытии, другая продолжала создавать самые разные мысли. Например, она подумала, что было бы здорово снова оказаться в объятиях Аркадия. Прямо сейчас. Может, зря я сбежала? Лишила себя множества самых разных удовольствий.

Ну, нет. Я все сделала правильно. Во-первых, избавила нас обоих от утренней неловкости. Ну ладно, себя. Когда на мне нет одежды, а вокруг светло, я чувствую себя очень уязвимой. Тем более с тем, кто присутствовал при моем вчерашнем безумстве. Вернее, принимал в нем самое активное участие. А, во-вторых, если бы мы проснулись вместе, нам бы и домой пришлось возвращаться рука об руку. Я представила, как мы идем по улице, как водится, по закону подлости, встречаем всех моих знакомых, которые потом будут изводить меня многозначительными намеками, заходим в отель, весь персонал шушукается за нашими спинами, а потом появляется дед с дробовиком в руках. Да, дробовик у него есть, он же старый охотник.

В общем, я не хочу огласки. Моя личная жизнь, тем более продолжительностью всего в семь дней, должна быть скрыта от взоров широкой общественности. Поэтому нужно объяснить Аркадию ситуацию, пока она не объяснилась сама собой в самый неподходящий момент.

Так, сколько сейчас времени? Первый час. Ничего себе! Я села на кровати. Аркадий, конечно, уже вернулся с яхты. Возможно, ищет меня. спрашивает администратора, например. Вполне вероятно, что при этом присутствует дед. Как глупо, что мы не обменялись телефонами! Все как-то не до этого было.

Ладно, хватит себя накручивать. Скорее всего, умаявшийся Аркадий спокойно дрыхнет в номере. Ну или обедает. Я вдруг поняла, что невыносимо, просто зверски, хочу есть. Я мигом выпрыгнула из кровати, умылась и понеслась к холодильнику. Белый холодный друг

встретил меня почти девственной пустотой. Лишь упаковка йогуртов, пара яблок, засохший кусочек сыра и пачка сливок для кофе. Я жадно выпила сливки и пошла одеваться.

Нет, я не сижу на диете, просто почти никогда не готовлю, только кофе варю по утрам. В последнее время дед увлекся кулинарными экспериментами, а я стала его бессменным дегустатором. Надо сказать, большая часть опытов завершается вполне съедобно, хотя бывают и проколы, о чем я сообщаю ему без обиняков. Надеюсь, у деда найдется тарелка горячего супа и половина тушки барана, зараженного на вертеле, для оголодавшей внучки.

Я обычно врываюсь в его квартиру без стука и предупреждения, этот раз не стал исключением. Деда дома не было, супа и бараньего бока тоже. Похоже, он сегодня ничего не готовил. Куда, интересно, он подевался? Я вернулась к себе, нашла телефон и нажала вызов.

— Дед, ты где? — спросила я без лишних предисловий.

— В больнице.

Мое сердце ухнуло куда-то вниз, а колени подкосились. Неужели опять? А я развлекаюсь, дрыхну до обеда и ничего не знаю!

— Эй, все нормально, — дед, кажется, правильно оценил мое молчание. — Плановое обследование. Помнишь, я тебе говорил.

Точно! Говорил. Разве сегодня пятница? Видимо, да.

— Уф, — выдохнула я.

— Забыла?

— Ага.

— Как результаты?

— Пока не знаю.

— Ладно, увидимся.

Я положила трубку. Придется идти в ресторан.

Я редко ем в нашем ресторане, особенно в разгар сезона, когда отель забит отдыхающими, и поварам приходится готовить в огромных количествах. Качество от этого страдает, и поделать с этим ничего нельзя — я пробовала. Не то чтобы все совсем плохо, но в сентябре или, например, в марте, когда отель почти пуст, и на службе ножа и поварешки остается один Рустам, блюда становятся гораздо вкуснее.

Сейчас мне было не до изысков, поэтому я заявила прямо на кухню, попросила как можно быстрее подать мне тарелку борща, свежие ржаные булочки, стейк с овощами гриль и, так и быть, что-нибудь на десерт. Кусочек торта «Пьяная вишня» размером с арбуз подойдет.

Я устроилась за самым дальним столиком, спиной к стене, лицом к двери, чтобы не пропустить появление Аркадия, если он сюда забредет. Но я все же его проморгала — слишком увлеклась разделыванием стейка и поджаристого болгарского перца и запихиванием всего этого великолепия в рот.

— Приятного аппетита, — произнес Аркадий, усаживаясь напротив меня. — Хочу то же самое.

Он сглотнул слюну. Я кивнула официанту, рысью сновавшему среди заполненных народом столиков, он подошел, Аркадий озвучил заказ. Я за это время успела прожевать все, что было во рту и собраться с мыслями. Вернее, разогнать их. Нельзя думать о том, что было ночью. Нельзя! Иначе мои уши снова начнут пылать, а трепещущая тушка с грохотом провалится сквозь землю от смущения.

— Привет, — сказала я, не придумав ничего остроумного.

— Проголодалась? — спросил Аркадий.

Вроде бы, он не сказал ничего двусмысленного, но я почувствовала, как к щекам приливает жар. И ухватилась за стакан с холодной водой.

— Ешь с таким аппетитом, аж за ушами трещит. Я завидую.

После этих его слов мой аппетит напрочь улетучился. Я еще немного поковыряла стейк и принялась за десерт, очень вовремя поданный официантом. Аркадий ел борщ, смотрел на меня и улыбался. Во все свои восемьдесят восемь ослепительно белых зубов.

— Во сколько сегодня встречаемся? В восемь будет нормально? — спросил он.

— Что?

— Второе свидание, — произнес он заговорщицким шепотом. — Я уже кое-что запланировал. Надеюсь, тебе понравится.

Ишь ты, запланировал он.

— Теперь моя очередь планировать, — заявила я.

Никаких планов у меня, естественно, не было. Еще секунду назад и я не подозревала о своем желании стать организатором нашей следующей романтической встречи. Но что-то он слишком раскомандовался.

— Ну ладно, — сказал Аркадий. — Жду с нетерпением. Ты даже представить себе не можешь, с каким.

Я молчала, пытаюсь извлечь из своего мозга мало-мальски интересную идею для свидания. Не могу же я просто пригласить его в ресторан. Я должна придумать что-то не менее, а, желательно, более оригинальное, чем прогулка на яхте.

— Ты так очаровательно смущаешься, — ни с того ни с сего заметил Аркадий.

— Кто смущается? — возмутилась я.

— Ну не я же.

Как бы мне хотелось вогнать его в краску! Но шансов нет. Я не сильна в провокационных разговорах на щекотливые темы, а он — не скромная девица.

— Сегодня ночью ты был неплох, — выпалила я, не успев подумать, стоит ли произносить это сильно отдающее пошлостью утверждение.

— Неплох? — Аркадий приподнял одну бровь. И как у него это получается? — А с кем ты сравниваешь?

Да уж, смутить его совсем не просто. Господи, ну кто тянул меня за язык? Надо теперь как-то выкручиваться.

— Да так, — неопределенно пробормотала я.

— Я подозреваю, с героями фильмов для взрослых? — Аркадий ухмылялся.

— Ага, — буркнула я.

Сама виновата, не надо было и начинать.

— Руслана, — ко мне подошла невесть откуда взявшаяся администратор Марина. — Там пришли сантехник и чистильщик бассейна.

— Хорошо, я сейчас подойду.

Аркадий подавился борщом.

— Кто там к тебе пришел? — наконец смог выдавить он, глядя, как я ускоренно доедаю торт.

— Те, с кем я тебя сравниваю.

Я еле сдерживала смех. Даже если бы я была режиссером этой сцены, лучше бы не получилось.

— Диктуй свой телефон, — обратилась я к Аркадию.

Он пару секунд таращился на меня, потом произнес нужные цифры и решился на вопрос:

— Что это сейчас было?

— Не было, а будет. Я тебе потом подробно расскажу все интимные подробности, если захочешь.

Я быстренько ретировалась, надеясь, что моему совместному с Аркадием обеду никто не придаст особого значения. Почти все столики были заняты, так что удивляться тому, что он сел со мной, никто не будет. И никаких далеко идущих выводов из этого факта не сделает. Во всяком случае, я на это очень рассчитываю.

Решение о месте свидания пришло само собой, в том момент, когда я вернулась к себе, уговорив чистильщика бассейна выполнить свою работу ночью и оставив сантехника менять какой-то вентиль в сложной системе водоснабжения. Мой взгляд упал на бинокль, валявшийся на кресле, я вспомнила про трекинговые ботинки и поняла: надо вести Аркадия в горы. Конечно, нормальные туристы отправляются в путь с утра, но уж как получилось. Канатка работает до десяти, так что вполне успеем. Сегодняшнее свидание будет не поздним и совсем не романтичным. Это вообще будет не свидание, а поход. Так-то.

Ботинки и бинокль создали в моей голове сложный ассоциативный ряд, приведший меня к мыслям о Нике. Интересно, как она там? Переехал ли Эдуард? И не хочет ли моя близкая подруга, наконец, узнать о событиях, происходящих в моей жизни? Меня просто распирает от желания с кем-нибудь поделиться, а, кроме Ники, никаких кандидатов на роль личного психолога у меня нет. Я устроилась с телефоном в кресле возле окна и приготовилась к долгому душевному разговору.

— Привет, — голос Ники звучал деловито. — Хорошо, что ты позвонила. Я соскучилась.

Да неужели!

— У меня куча новостей.

— Здорово. У меня тоже.

— Что там у тебя за шум?

— Мы с Эдиком на рынке. Репу ищем. Ты знала, что сейчас никто не выращивает репу? А это, между прочим, страшно полезный и вкусный овощ.

Обалденная новость, ничего не скажешь. Ну, раз она на рынке, да еще и с Эдуардом, поговорить нам не удастся.

— Давай как-нибудь встретимся.

— Давай. Но сегодня я не могу. Мы с Эдиком собираемся на групповую медитацию в Йога-центр.

— А-а.

У меня на сегодня тоже другие планы, но все равно обидно.

— Давай я завтра днем к тебе заеду, — предложила я.

— Заезжай, — согласилась Ника.

Но я уже вспомнила, что она теперь живет не одна.

— Или лучше ты ко мне.

— Я постараюсь, — сказала Ника. — Но не обещаю.

Постарается она.

— О! — неожиданно радостно воскликнула Ника. — Эдуард нашел репу,

представляешь?

Лучше бы он своей лохматой репой с разбегу об стену ударился.

— Я тебе потом перезвоню.

Ника забыла отключиться, и я слышала, как она радостно верещала неестественным тоненьким голоском и называла своего сыроеда «Эдичкой». Похоже, я окончательно потеряла подругу.

Я услышала, как хлопнула дверь и помчалась в квартиру деда.

— Ну как? — с порога выпалила я. — Что сказал врач?

— Все отлично, — сообщил дед, водружая на стол пакеты с продуктами.

Он улыбался, но вид у него был какой-то странный. Виноватый, что ли?

— Ты когда-нибудь ел репу? — спросила я, наблюдая, как он выкладывает в холодильник баклажаны, кабачки и помидоры.

— Ел, — кивнул дед. — С кашей и тушеная она очень вкусная. Жаль, что сейчас непопулярна.

Я подошла и заглянула в пакет из кондитерской.

— Тебе же нельзя эклеры. Там сплошной холестерин.

— Это не мне, а тебе.

— Да? Что-то не помню, чтобы я их особо любила.

Дед отвернулся к холодильнику. Что-то с ним не так. Я сделала шаг по направлению к нему, он, как бы невзначай, отошел. Я попыталась подойти поближе. Он отступил к окну. Ага. Все понятно. Запах сигарет. Я посмотрела на деда обвиняющим взглядом, покачала головой и развернулась к двери.

— Лана! Ты куда?

— Ты знаешь. За сигаретами.

— Да подожди ты! Это был один раз! У меня же все хорошо!

— А будет плохо! — крикнула я, уже спускаясь по лестнице.

Возвращаясь из магазина с сигаретами в кармане, я увидела деда на террасе. Он беседовал с барменом. Я остановилась на противоположной стороне улицы, возле остановки, достала пачку, вытащила сигарету и засунула ее в рот. Так, теперь надо поджечь ее зажигалкой. И не забывать втягивать воздух, а то не загорится. Я действовала неспешно, демонстративно. Дед смотрел на меня, но мешать не собирался — знает, что меня не переупрямишь. И понимает, что виноват. Ну как так можно? Только все стало хорошо, как он снова хочет устроить своему сердцу веселую жизнь!

— Уже куришь?

Аркадий! И откуда он все время появляется, как будто из-под земли вырастает, ей-богу. Вообще не видела, как он подошел.

— Ага, курю.

Я затынулась. Закашляться не уже хотелось. Привыкаю, что ли? Так, глядишь, и втянусь.

Дед смотрел на меня и, естественно, на Аркадия, но я почти не волновалась. Слишком была на него зла. Он, значит, ведет себя как своевольный мальчишка, а я должна быть примерной девочкой! Может, поцеловать Аркадия у него на глазах? Нет, это уж слишком. Возможно, я получу сиюминутное удовлетворение, позлив деда, но последствия могут быть совершенно непредсказуемыми и, однозначно, разрушительными. Не стоит затевать всю эту свистопляску, ведь уже через шесть дней мой ни к чему не обязывающий курортный роман закончится. И пусть он останется тайной.

— Так, — сказала я Аркадию, который исподтишка за мной наблюдал, но ничего не говорил. — Иди, пожалуйста, к себе в номер.

— Ты же обещала рассказать, как все прошло с сантехником и чистильщиком бассейнов!

— Замечательно прошло.

— Не думал, что ты куришь.

— Только после встречи с сантехниками и им подобными. Послушай, Аркадий, иди, пожалуйста, к себе.

— Мне и здесь неплохо. Чего ты меня гонишь? Ждешь кого-то?

— А если и жду, то что? Через час мы с тобой идем в поход. Так что иди, готовься. Удобная обувь, головной убор, крем от загара и все такое.

— Куда мы идем? — удивился Аркадий.

— Увидишь. Я тебе позвоню.

— Второй раз обещаешь, — сказал он и, наконец, сдвинулся с места.

Я видела, как он поднялся на террасу, приблизился к бару... Так. Дед ему что-то говорит. Черт! Надеюсь, он держит себя в руках. Я бросила сигарету на пол, затушила носком шлепка, потом подняла и отнесла в мусорку на остановке. Когда я оказалась на террасе, Аркадия там уже не было. А дед выглядел вполне уравновешенным.

— Давай пачку, — протянул он руку.

— Ага, сейчас.

— Ну, тогда сама выкини. Не хочу, чтобы она у тебя была.

— Думаешь, я не удержусь от соблазна?

— Ты-то удержишься.

Я представила, как дед в ночи крадется в мою квартиру за сигаретами, и выбросила пачку.

Ботинки, конечно, выглядели слегка не по-летнему. Высокие, громоздкие, на толстой рифленой подошве. В них и в камуфляжных шортах с кучей карманов я была похожа на Лару Крофт, расхитительницу гробниц. Я заплела косу, как у Анджелины Джоли в вышеупомянутой роли и надела облегающую черную майку под горло. Еще бы пару пистолетов в руки — и будет один в один. Ну почти. Все же формы у меня не столь выдающиеся, как у расхитительницы. Хотя, говорят, сама Анджелина использовала для этой роли специальные накладки.

Так, хватит тут ролевых игр. Я распустила волосы и поменяла майку на более скромную с рукавами почти до локтя. Когда я была в горах в последний раз, у меня обгорели плечи, а нос почти обуглился, так как я забыла надеть бейсболку. Сегодня я такой ошибки не допущу.

Я достала из шкафа свой новый рюкзак, положила в него тонкую ветровку, крем от загара, пару яблок и несколько батончиков мюсли. Покрутила в руках фляжку. Зачем она мне нужна? Надо будет купить пару бутылок воды и проследить, чтобы Аркадий взял что-нибудь теплое. Погода в горах на удивление переменчива, особенно во второй половине дня. В любой момент могут набежать дождевые облака или подняться холодный ветер.

Очень удобно, что у меня теперь есть номер Аркадия, не надо шнырять по гостинице в надежде его встретить.

— Дождевика, у тебя, конечно, нет? — спросила я его, когда он взял трубку.

— Э-э, привет. Чего нет того нет.

— А какая-нибудь ветровка с капюшоном?

— Ты на градусник смотрела? Там почти сорок.

— Тридцать три, — поправила я. — Прекрасная погода. Но наверху все по-другому.

— Наверху?

— Мы идем в горы, — объяснила я.

— Пешком? — испугался Аркадий.

— Ага. После того, как поднимемся на канатке.

— Уф, — выдохнул Аркадий. — Хочешь сказать, наверху прохладнее, чем здесь?

Замечательно. Отдохну от жары.

— Куртку все же возьми. Встречаемся через пятнадцать минут возле тира.

— Возле чего?

— Возле тира, по пути на набережную.

— Давай я к тебе зайду. Ты в каком номере?

Я нажала отбой.

Я подозревала, что Аркадий проявит ослиное упрямство и не возьмет куртку, но он превзошел сам себя — пришел даже без кепки. И уставился на мой рюкзак с изумлением.

— Похоже, все серьезно, — сказал он. — Давай понесу.

— Право нести мой рюкзак еще надо заслужить, — огрызнулась я. — Почему не выполнил указания? Что непонятного в словах «головной убор» и «ветровка»?

— Виноват, исправлюсь.

— Ладно, — смилостивилась я. — Бейсболку купим по дороге.

— А ветровка мне не нужна. Мне очень жарко, честно слово.

Я посмотрела на него с легким презрительным высокомерием. Вот поэтому местные и называют отдыхающих «сдыхами» — этот неологизм родился на стыке глаголов «отдохнуть» и «сдохнуть». Вместо того, чтобы прислушаться к голосу разума и проявить осмотрительность, самонадеянные гости курорта бродят без кепок в полдень, продолжают подставлять свою уже облупившуюся розовую шкурку раскаленному солнцу, поглощают недозрелые сливы и перезрелые персики, запивая их неправдоподобно дешевым вином в пластиковых бутылках. А потом, естественно, оказываются в больницах с самыми разнообразными диагнозами. В горах тоже немало возможностей нанести вред здоровью, и отдыхающие делают это с большим энтузиазмом.

Впрочем, что касается местных, они всегда найдут повод сказать свое «фи». Те из приезжих, кто отправляется в горы в полной экипировке, тоже кажутся им нелепыми. Туристы с трекинговыми палками, в полном обмундировании, с рюкзаками за спиной и фотоаппаратами на шее вызывают у них ухмылку. Особенно местных смешат специальные компрессионные гетры, которые надевают опытные покорители вершин. Кстати, такие были на картинке в рекламном буклете, который мне подсунили в магазине вместе с ботинками. Может, мне стоило их купить?

Аркадия совсем не удивила моя просьба скрывать наш роман. И противоречить мне, он, к счастью не собирается. Наверное, он думает, что мой дед — просто самодур, который не хочет признавать, что его внучка повзрослела и имеет право на личную жизнь. На самом деле все сложнее. И печальнее.

Когда моя мама была моложе, чем я сейчас, ее соблазнил приезжий ловелас. Он клялся ей в вечной любви, обещал забрать с собой в далекие сказочные края — в общем, использовал стандартный набор курортного донжуана. Наивная неопытная девушка влюбилась не на шутку, и, естественно, верила каждому его слову. А он, позабавившись с

ней недельку, исчез в неизвестном направлении. Оказалось, что даже имя его было ненастоящим. Больше я ничего о нем не знаю. А ведь он мой отец. Отчество, у меня кстати, Александровна, в честь Блока, любимого маминого поэта.

О беременности мама узнала через месяц. Она с большим трудом пыталась собрать осколки своего разбитого сердца, а эта новость ее совсем добила. Она набрала воды в ванну, взяла с собой бритву и перерезала вены. К счастью, бабушка почувствовала неладное, и забила тревогу. Маму спасли, зародыш, который позже превратился в меня, не пострадал.

Я до сих пор не знаю, почему мама не сделала аборт. Со мной об этом никто не говорил, и подробности всей трагической истории я узнавала урывками на протяжении нескольких лет. Ей было всего семнадцать, возлюбленный ее обманул и бросил, материнский инстинкт в ней еще не проснулся — я это позже испытала на собственной шкуре. Скорее всего, оставить ребенка ее уговорили родители.

Я не хочу сказать, что мама меня не любила — любила, конечно, и сейчас любит. Но все же она была мне скорее подружкой или старшей сестрой, роль строгого и ответственного родителя досталась бабушке. Бабушка следила, чтобы я правильно питалась, вовремя ложилась спать и была одета по погоде. А с мамой мы шили наряды куклам, пускали мыльные пузыри с балкона, гуляли по лужам в дождь, пряча потом промокшую обувь от бабушки...

Иногда мама исчезала — на несколько дней, недель, месяцев. Уезжала с очередным ухажером в далекие прекрасные края. Видимо, ей всегда казалось, что счастье где-то там, за горизонтом, там, куда его увез ее первый мужчина. Но счастье обычно оказывалось ненастоящим, и она снова возвращалась домой. Для меня это были самые лучшие моменты детства, для нее, как я сейчас понимаю, они такими не были.

Больше ни один мужчина ее не бросал — она всегда делала это первой. Прошло уже двадцать пять лет, а та печальная история, как мне кажется, до сих пор имеет над ней власть. Она все еще мстит то ли мужчинам, то ли себе, то ли самой судьбе, сыгравшей с ней в юности злую шутку. Мне очень хочется, чтобы она встретила человека, с которым ее сердце, наконец, успокоится, и она будет просто наслаждаться жизнью, оставив позади все драмы.

К чему я все это рассказываю? Если знать предысторию, становится понятной неприязнь деда к приезжим парням, которые возле меня крутятся. С тех пор, как у меня завелся первый лифчик, он пытается их гонять чуть ли не с дробовиком в руках. И, понятное дело, мечтает, чтобы я вышла замуж за местного, например, за своего бывшего одноклассника Кирилла. Дед уверен, что Кирилл не растворится в воздухе, оставив меня в интересном положении и суицидальном настроении. Да и имя у него точно не вымышленное.

— Чего пригорюнилась? — спросил Аркадий.

Мы стояли на смотровой площадке рядом с подъемником, я думала о маме и игнорировала чудесный вид на город, горы и море, который раскинулся перед нами.

— Да так, — отмахнулась я. — Задумалась.

— О смысле жизни?

— Вроде того. А ты как считаешь, в чем ее смысл?

Я повернулась и посмотрела ему в глаза. Аркадий пожал плечами.

— Нет у нее никакого смысла.

— Вот и мне так кажется, — вздохнула я.

— Но, когда видишь такую красоту, с этим можно смириться, — продолжил Аркадий.

— Да, — я посмотрела по сторонам.

Все это я видела много-много раз, но все равно дух захватывает от масштабов и великолепия. И еще — от тишины. В горах всегда на удивлении тихо, даже если ветер шумит или идет дождь. Все равно обволакивает какая-то величественная торжественная тишина.

Я посмотрела на Аркадия, потому что почувствовала его взгляд.

— Не туда смотришь, — сказала я.

— Как раз туда, — ответил он.

Неожиданный приступ смущения заставил меня опустить глаза и отвернуться. Ну чего он сверлит меня взглядом? Мурашки прямо-таки табунами по коже бегают.

— Мы пойдем вон туда, — я показала на вершину, покрытую низким зеленым кустарником и каменными валунами, которые отсюда казались мелкими булыжниками.

— Отлично. Совсем недалеко. И не высоко. Я опасался, что придется по отвесным скалам карабкаться.

— Боишься высоты?

— Ну, вообще-то, да.

— И на канатке было страшно?

— А я об этом не думал. Ты меня все время отвлекала.

Ну надо же. У всех свои насекомые в голове.

— Я тоже боюсь высоты, — вещала я, пока мы шли по грунтовой дороге, проложенной по горному хребту.

— Правда? — обрадовался Аркадий.

— Но только в некоторых обстоятельствах. Меня пугают низкие бортики. Лучше уж совсем без них.

— Удивительное утверждение.

— Ты когда-нибудь катался на старом колесе обозрения? У нас в парке такое стоит.

— В детстве, кажется, катался.

— Страшно было?

— Ага. Хоть оно и не очень высокое.

— Вот. Невысокое. И бортики у него низкие. Это мне не нравится.

Аркадий хмыкнул.

— Если я стою на высоте рядом с бортиком высотой чуть выше колена, мне страшно, — объяснила я. — Хочется перешагнуть и упасть вниз.

— Так ты что, на этом колесе стоя каталась?

— Было дело.

— Да ты хулиганка.

— Есть немного.

Именно так, помнится, меня назвала билетерша. А еще она обещала вызвать милицию, но не вызвала, хотя мне этого даже хотелось. Может быть, тогда мама вернулась бы домой. Чтобы заняться моим воспитанием.

— А ты в детстве, наверное, был примерным мальчиком, — произнесла я.

— Ага. Учился на одни пятерки, слушался старших и постоянно переводил бабушек через дорогу.

— Врешь!

— Вру. Я тоже любил похулиганить. Самую уравновешенную гувернантку мог довести до истерики за пятнадцать минут.

— У тебя в детстве были гувернантки?

— Ага. Родители работали по двадцать часов в сутки.

Я вдруг поняла, что прямо сейчас происходит то, чего я хотела избежать. Мы рассказываем друг другу о себе. То, есть становимся ближе. Мне уже интересно, каким он был в детстве, что любил, что ненавидел, и как именно изводил гувернанток.

Гувернантки! Надо же. Может, у них и дворецкий был. Вместе с мажордомом. Не знаю точно, кто это такой, но из той же оперы. Так, пора это прекращать.

— Подожди-ка.

Я залезла в свой рюкзак, который болтался у Аркадия на спине, и достала солнцезащитный крем. Надо нанести его на все незакрытые одеждой участки тела. Не хочется потом ходить обугленной, как головешка.

— Тебе руки намазать? — спросила я Аркадия.

— А что, надо? Вроде солнце не очень печет.

— Сам смотри. Может, тебе идет красный цвет. Мне лично не очень.

— Мажь, — он вытянул руки вперед.

Оказывается, нанесение крема на мужские руки и плечи — довольно опасная с точки зрения целомудрия процедура. Я старалась воспринимать его руки просто как человеческие конечности и не думать о том, какими они могут быть нежными, сильными, страстными... Но запретные мысли так и лезли в мою глупую голову.

— Может, я тебе тоже что-нибудь намажу? — предложил Аркадий с лукавой усмешкой.

Догадался. Конечно, догадался. У меня щеки горят и это, наверное, заметно.

Я немедленно выразила свое презрение к его предложению громким фырканьем. Аркадий заржал. Ну прямо как в конюшне!

Мы дошли до развилки. Здесь грунтовая дорога, по которой инструкторы катают желающих на квадроциклах, разделяется на две. Одна, накатанная и утоптанная, ведет к пологому подъему. Там совершает восхождение большая часть туристов, стремящихся оказаться на самой высокой точке местной горной гряды. Другая, заросшая травой, тоже устремляется вверх, но к более крутому подъему с другой стороны горы.

— Предлагаю пойти налево, — сказала я.

— Налево я всегда готов, — отозвался Аркадий.

Умеет же он вложить пошлый смысл даже в самое безобидное высказывание!

— Налево идти дальше и подъем круче, — объяснила я. — Но там не натыкаешься на

каждом шагу на туриста, делающего селфи.

— Селфи — это пошло, — заявил Аркадий. — Пошли налево.

И повернул свои стопы в названном направлении.

Дорога шла то вверх, то вниз, ноги уже начинали тосковать по ровной поверхности. Вершина, которую мы собирались штурмовать, вроде бы, была совсем рядом, но мы никак не могли добраться до начальной точки восхождения. Солнце палило нещадно, прохладный ветерок, охлаждавший нас в начале пути, где-то заблудился. Тем не менее, я чувствовала себя прекрасно. В трегинговых ботинках мои ноги шагали легко, как на пружинах, а высокогорная тишина наполняла мое сердце блаженным покоем, который не могло нарушить даже присутствие Аркадия.

Он, кажется, тоже чувствовал себя неплохо. Во всяком случае, шагал бодро и не жаловался. Еще один поворот — и дорога стала тропинкой с довольно крутым углом наклона. Через пару десятков метров подъема перед нами откроется один из самых замечательных видов, какие только есть на нашем побережье. Я пропустила Аркадия вперед, мне хотелось, чтобы он первым это увидел, я-то бывала здесь много раз.

— Вот это да! — вырвалось у него, когда он остановился на небольшой каменистой площадке. — Обалдеть!

Да, вид, действительно, обалденный. Когда мы шли, его закрывала гора, но сейчас мы ее обогнули и немного поднялись, поэтому ничто не мешает созерцать бесконечную череду горных вершин, уходящих вдаль. С этой стороны не видно моря и города, только горы до самого горизонта — и это потрясающе.

Я села на пяточок зеленой травы между камнями и подставила лицо свежему ветру, который снова появился, когда мы завернули за гору. Аркадий разместился рядом. Я взяла у него рюкзак и достала бутылку воды.

— Много не пей, — предупредила я его. — Это неэффективно, да и запас ограничен.

— Как скажешь, командир, — отозвался Аркадий и сделал несколько глотков.

— Сейчас будет самый трудный участок пути. Так что надо набраться сил. Ты устал?

— Ни капли.

— Во время подъема у некоторых кружится голова, — сообщила я. — Все-таки высота над уровнем моря тут приличная.

— У меня не закружится, — самоуверенно заявил Аркадий.

Что ж, надеюсь так и будет. Лично у меня в горах бывают моменты, когда все плывет перед глазами.

Аркадий отодвинул рюкзак и упал на траву, потянув меня за собой.

— Отдыхать так отдыхать, — сказал он.

Я не возражала.

Моей голове было очень удобно на его плече, теплое дыхание грело макушку, а руки как будто закрывали от всего неприятного, что только есть на свете. По небу резво бежали белые пушистые облака, похожие на взбитые сливки, ветер тихонько шевелил мелкие листочки низкорослого кустарника. Этот еле слышный шелест убаюкивал лучше любой колыбельной.

Я постепенно выбиралась из состояния полудремы, навалившейся внезапно и вероломно. Глаза не хотели открываться, голова была тяжелой и как будто набитой сладкой ватой. Аркадий пошевелился, повернулся и прижался ко мне всем телом. Его рука медленно заскользила вдоль моей спины, воспламеняя под кожей крошечные очаги трепещущего пламени. Огонь быстро разрастался, грозя занять все доступное пространство. Дремота

мгновенно исчезла, вместо нее меня охватило сильное, просто невыносимое желание. Открывать глаза не хотелось. Хотелось, наоборот, закрыть их еще плотнее и, выбросив из головы все благоразумные мысли, нырнуть вместе с Аркадием в пучину страсти и даже, не побоюсь этого слова, похоти.

Но я же кремень. Поэтому и смогла вспомнить о своем дурацком правиле и все же открыть глаза навстречу суровой реальности. Аркадий был на пороге погружения в пучину: глаза закрыты, на лице застыло блаженно-предвкушающее выражение. Пора вернуть его на грешную землю. Я заняла удобную позицию и укусила его за нос. Не очень сильно, но вполне чувствительно. Он ойкнул и вперил в меня возмущенный взор.

— Больно? — спросила я.

— Ага.

— Зато сладострастный туман сразу развеялся. Да?

— Ну ты... акула, — проворчал Аркадий, но из объятий меня не выпустил. — Я раньше думал, что у русалок только хвост рыбий. А, оказывается, и зубы тоже от самых кусачих морских хищников.

— На счет «три» вскакиваем на ноги и бодро шагаем в гору, — сказала я. — Раз, два... три!

Не знаю, как у него это получилось, но он уже был на ногах. А я все еще сидела на земле. Аркадий подал мне руку, закинул на плечи рюкзак и жестом пропустил меня вперед, на крутую извилистую тропинку.

Вершина была совсем недалеко, мы ее видели, и и, казалось, могли достичь в мгновение ока. На самом деле подъем занял около часа. Мы карабкались почти вертикально вверх, то и дело сбивая дыхание и время от времени давая отдых трясущимся от напряжения ногам. Мы цеплялись за кустарник, но иногда все же скользили вниз, особенно Аркадий, ведь на его ногах были самые обычные кроссовки, а не ботинки со специальной рифленой подошвой. Головокружения меня на этот раз, к счастью, не одолевали.

Спасатели вбили вдоль края тропинки альпинистские колышки и натянули красный трос с флажками, предупреждающими об опасности, — потому что местами тропинка проходила по самому краю отвесного каменистого склона. Мы карабкались вверх, обрыв был справа, так что упасть было весьма затруднительно. Но, наверное, человеку, боящемуся высоты, в этом месте не по себе. Лично мне очень нравился этот склон. Я чувствовала азарт и желание покорить его, причем немедленно. Можно было бы не торопиться, но я лезла вверх все быстрее и быстрее, и Аркадию волей-неволей приходилось придерживаться того же бешеного темпа.

Этот феномен происходит не только со мной, я не раз наблюдала, как, казалось бы, полностью выдохшиеся туристы, по мере приближения к вершине обретают второе дыхание и начинают неистово карабкаться к конечной точке своего путешествия. Ника называет это высокогорным бешенством и считает, что я крайне подвержена приступам данной болезни. Когда мы ходим в горы вдвоем, я всегда забираюсь на вершину первой и потом с видом царя горы сию и жду Нику.

Мне и сейчас почему-то очень хотелось опередить Аркадия, но он постоянно наступал мне на пятки. Когда до деревянной смотровой площадки, где установлен указатель «высшая точка», оставалось не больше тридцати метров, он обошел меня на повороте и резво устремился вверх. Я задохнулась от возмущения. Это моя вершина я и должна достичь ее первой! Но Аркадия, который всю дорогу плелся в хвосте, похоже, сразил более жестокий,

чем меня, приступ высокогорного бешенства. Он ловко цеплялся за кусты и камни, как какая-нибудь мартышка, я никак не могла его догнать.

Все. Он на площадке, протягивает мне руку, я хватаюсь, тоже оказываюсь наверху и мы, обессиленные, падаем ничком.

— Ты победил, — задыхаясь, произнесла я.

— А мы, что, соревновались?

— А ты не заметил?

— Не-а.

— Врешь!

— Ну ладно, вру. Я всю дорогу тебе поддавался, но в конце решил взять реванш.

— Опять врешь. Ты еле полз, пока не заболел бешенством.

— Чем?

Я вкратце объяснила ему теорию Ники.

— Да! Точно! А я думаю — что это со мной такое, как будто крылья выросли.

Оглядевшись, я увидела, что мы на площадке не одни. С другой стороны поднялась группа туристов, они были такими же запыхавшимися как мы, а ведь поднимались по пологой стороне. Мы герои!

Как это обычно бывает, члены группы рассредоточились по площадке и защелкали телефонами и фотоаппаратами, пытаясь сфотографироваться на фоне гор в одиночестве. Аркадий тоже достал телефон и навел его на горные вершины.

— Все равно ничего путного не получится, — вздохнул он.

— Да, — кивнула я. — Даже самый крутой фотоаппарат не передаст впечатления.

А потом он повернул свой телефон на меня. Я протянула руку и закрыла экран рукой.

— Никаких фоток.

— Вот как?

— У нас все мимолетно, помнишь? Ни фоток, ни воспоминаний, ни сожалений.

Он молча посмотрел на меня и убрал телефон в карман.

Мы переместились на самый край площадки, свободный от туристов, уселись, свесив ноги вниз, и жадно припали к бутылкам с водой. Потом я достала из рюкзака яблоки и батончики мюсли, и мы закатали настоящий пир.

— Я бы сейчас слона съел, — сказал Аркадий, запихивая в рот целый батончик.

— Ну и зря бы ты это сделал. Нам еще обратно идти, а тяжесть в желудке очень мешает. Мюсли и яблоки — самая правильная еда в походе.

— Ерунда. Я бы съел целого барана и никакой тяжести не почувствовал бы.

Я протянула ему последний батончик.

— Это твой, — сказал он.

— Я вообще голода не чувствую. Горы заряжают меня энергией.

— Ну как хочешь.

Он проглотил батончик, запил его водой, придвинулся ко мне и обнял за плечи. Сидеть вот так, обнявшись, на вершине мира, было очень уютно.

— Как твой страх высоты? — спросила я Аркадия.

— Вообще я обычно его игнорирую. Как-то я даже прыгнул с парашютом. Пришлось, правда, памперс надеть во избежание эксцессов...

— Правда?

— Насчет памперса — нет. Обошелся.

— Ты очень смелый, раз вот так наступаешь на горло своим страхам.

— Нет, — произнес Аркадий каким-то странным, слишком серьезным тоном.

— Что — нет?

— Я не смелый. Я трус.

— Трусы не прыгают с парашютом.

Он ничего не ответил, но по тому, как он сжал мое плечо, я поняла, что его что-то всерьез гложет. Я бы могла спросить, о чем он думает, но он вряд ли стал бы со мной делиться. Да и не нужно мне знать о нем слишком много. Чем меньше, тем лучше. Поэтому я просто положила голову ему на плечо. Сейчас мы сидим рядом, нам хорошо вместе, но это скоро закончится. Хорошие моменты всегда заканчиваются, но обычно это бывает болезненной неожиданностью. В этот раз все будет по-другому. Сроки определены заранее, никаких неожиданностей, никакой привязанности и никакой боли. Мне нравится, когда все под контролем.

Ветровка мне понадобилась на обратном пути, во время спуска на канатке. Солнце к тому моменту почти погрузилось в море, перестав обогреть земную поверхность, в свои права вступила вечерняя свежесть. Внизу она приятна, а здесь, на высоте, вызывает легкий озноб. Натянув вышеупомянутый предмет одежды, я посмотрела на Аркадия взглядом «я же говорила», но на него мой взгляд не подействовал.

— Наконец-то я остыну, — обрадовался он. — Ветер приятный, как из кондиционера.

Я застегнула молнию на куртке и подумала, не надеть ли мне капюшон.

— Тебе, правда, холодно?

— У меня кожа не как у крокодила.

— Да, — Аркадий повернулся ко мне, — кожа у тебя нежная, шелковая. Как лепесток розы.

Я фыркнула.

— Рекламы насмотрелся?

— Ага.

Он продолжал сверлить на меня своими пронзительными серыми глазами. Я тоже не желала отводить взгляд. Обычно подобные поединки я выигрываю на раз, но сейчас оставаться холодной и невозмутимой было очень трудно. В глазах Аркадия я видела то же, что чувствовала сама, хотя и тщательно скрывала, — непреодолимое влечение. Но мало ли куда меня влечет. Я же не животное, могу обуздывать свои инстинкты.

— Как раз сейчас лучше смотреть не на меня, а по сторонам, — произнесла я, не отводя взгляд. — Здесь очень красиво.

— С тобой ни один пейзаж не сравнится.

— А ты все же попробуй сравнить.

— Твои ямочки мне нравятся гораздо больше, чем все эти горы.

Я очень обиделась за горы. Я их нежно люблю, а он даже смотреть не хочет!

— Я тебе говорил, что ты прекрасна, как волшебный сон?

Это еще что? Ироничный комплимент или попытка сбить меня с толку и заставить отвести глаза? Посмотрим еще, кто кого собьет.

— Эй, расслабься. Меня больше не нужно очаровывать. Я уже очарована и на все согласна.

Я победила. Он моргнул и отвел глаза.

— Но не сегодня, — добавила я.

Сегодня я могу перемещаться только на четвереньках. Икры ноют, даже когда я просто лежу в кровати, в бедрах болят все сорок (или сколько их там) мышц, но самые болезненные места обнаружили, когда я залезала в ванну. При попытке поднять ногу и перекинуть ее через бортик резкая боль пронзила глубокие слои ягодиц. Оказывается, там тоже есть мышцы и они, видимо, в обычной жизни не работают, а включаются только при покорении вершин.

У меня и раньше после походов в горы все болело, но все же не настолько сильно. Вообще мои мышцы в тонусе, в течение всего года я бегаю, гоняю по набережной на роликах или велосипеде, иногда даже хожу в спортзал, хотя в целом больше люблю занятия на свежем воздухе. Но летом, в жару, все виды активности, кроме плавания, отваливаются сами собой. Чтобы покататься на велосипеде, нужно вставать часов в шесть утра, не только потому, что в это время прохладно, главное — набережная пуста. В остальные часы, вплоть до трех ночи, кататься придется по головам. Хуже всего даже не расслабленные пешеходы, с грацией медуз дефилирующие от кафешки к кафешке, а велосипедисты-камикадзе, севшие на двухколесного друга впервые за тридцать лет и напроць забывшие, как поворачивать руль и жать на тормоз.

В нынешнем июне одна такая велосипедистка, позаимствовавшая средство передвижения у сына-подростка, устроила мне лобовую атаку. Разогнавшись на спуске, она впала в ступор, не в силах затормозить. Я пыталась объехать ее, как положено, справа — она повернула в ту же сторону, я влево — она, с упорством маньяка, снова за мной. Избежать столкновения было невозможно, мне, правда, удалось смягчить удар, направив велосипед по касательной.

К чему это я? После данного случая пришлось закрыть велосипедный и, заодно, роликовый сезон до сентября. С бегом немного по-другому. Обычно я летом не бегаю, слишком жарко. А вот вчера пришлось. Видимо, как раз от этой дополнительной нагрузки так сильно болят мои мышцы.

Вчера мы доехали домой на такси, идти пешком не было никакой возможности — ноги подкашивались от усталости. По дороге я объяснила своему временному любовнику принципы нашего общения. В отеле мы делаем вид, что едва знакомы, особенно, если где-то поблизости околачивается мой дед. Максимум, что позволено Аркадию — поздороваться и вежливо улыбнуться. И никаких многозначительных взглядов или, не дай бог, подмигиваний! Дед такие вещи сразу просекает, да и у администраторов с горничными глаз наметанный.

Пока я пыталась вбить в голову Аркадия правила поведения в обстановке строжайшей секретности, он пытался превысить допустимые пределы приличий. Его руки то и дело проникали под мою футболку или, как бы невзначай, скользили вверх по бедру, заставляя меня спотыкаться на полуслове и мучительно вспоминать, о чем я веду речь. Отбиваться, не устраивая жестокую бойню и не привлекая внимания таксиста, было сложно. Но я мужественно пыталась. С каждой секундой мужества оставалось все меньше и меньше, и, когда Аркадий умудрился прижать меня к себе провести губами от шеи до ключицы, я крикнула водителю:

— Остановите, пожалуйста, здесь!

— Эй, ты куда?

От неожиданности Аркадий ослабил хватку, я выскользнула из машины. Высунувшемуся вслед за мной Аркадию я объяснила, что нам не стоит подъезжать к отелю

вместе. Осталось всего два квартала, я дойду пешком.

Такси с Аркадием, вывернувшись, подобно филину, голову назад отъехало, я закинула рюкзак на плечи и зашагала по тротуару, выравнивая сбившееся дыхание и поправляя взъерошенную шевелюру. Надо еще придумать, как правдоподобно объяснить деду свое отсутствие. Хотя мы с ним давно договорились, что я взрослая, и делаю что хочу, я все же стараюсь держать его в курсе своих перемещений — просто, чтобы он лишний раз не волновался. Никаких подробностей, просто: ушла туда-то, вернусь во столько-то.

Я и сейчас планирую отделаться парой фраз, но, чтобы они звучали естественно, я сама должна верить в то, что говорю. Поэтому нужно нарисовать в голове трехмерную картинку. Итак, я вполне могла бы пойти в горы с компанией старых друзей и приехавших к ним в гости родственников (имена называть не буду, но представлю одноклассницу Ирку и ее мужа Федю). Неплохая легенда, правдоподобная. Я способна работать Штирлицем в тылу врага.

Я очень-очень устала и легла спать невыносимо рано — в десять часов, уверенная, что отключусь в тот самый момент, когда голова коснется подушки. Но моя родная уютная постель, всегда дарившая мне покой и отдых, неожиданно стала камерой пыток. Подушка то превращалась в сбившийся кирпичный комок, то, наоборот, растекалась по матрасу как плоский блин. Удобно расположить на ней голову не было никакой возможности. Одеяло, прежде казавшееся тонким и легким, сегодня давило, как могильная плита, а без него под струями кондиционированного воздуха я замерзала. Да что такое творится?

Признав поражение, я встала и переместилась из спальни в гостиную. Не включая свет, я села на пол у окна, распахнув одну створку. На улице было гораздо жарче, чем в комнате, правда, можно было почувствовать едва уловимый морской бриз. Я прижалась разгоряченным лбом к стеклу. Снотворного, что ли, выпить? Но у меня его нет. Никогда не чувствовала необходимости призывать сон искусственными средствами. Может, подойдет вино? В холодильнике должна быть початая бутылка сухого красного.

Вообще самое лучшее снотворное — это усталость. Но я и так уставшая, а спать не хочется совсем. Значит, у меня еще остались силы. Надо их израсходовать. Приняв решение, я вскочила, натянула спортивные шорты, топ, достала из шкафа запылившиеся беговые кроссовки и выскочила за дверь, зажав в руке ключи. Полночь — прекрасное время для пробежки, главное избегать людной набережной. Поэтому я побежала не вниз, к морю, а вверх, вглубь жилых кварталов.

Машин было немного, но все же на перекрестках приходилось притормаживать, чтобы осмотреться, и меня это раздражало. Не люблю терять темп. В конце концов, я приспособилась во время вынужденного ожидания бежать на месте, и все наладилось. Чем дальше я убегала от набережной, тем меньше прохожих мне попадалось. Вскоре, когда я оказалась в районе частных домов, прохожие исчезли вовсе, лишь собаки перегавкивались через заборы, провожая меня на всем пути следования.

Все, пора обратно. Я повернула назад и, сделав несколько шагов, невольно остановилась. Из калитки выходил человек, очень похожий на Аркадия. Уличный фонарь был далеко, лица я разглядеть не могла, но силуэт на удивление похож. Мужчина остановился, просунул руку между досками калитки и задвинул засов. Окна в доме, из которого он вышел, не горели, сам дом выглядел старым и заброшенным. Естественно, это не мог быть Аркадий. Что бы он стал делать в этой глуши, в полуразрушенном доме? В попытке отвлечься от жарких мыслей о нем, вызвавших жестокую бессонницу, я убежала за

пять километров от дома, но и здесь он мерещится мне в каждом прохожем! Я тряхнула головой, чтобы избавиться от наваждения, и возобновила прерванную пробежку. Сейчас я догоню его и увижу, что он абсолютно ничем не похож на предмет моих запретных желаний.

Догнать прохожего мне так и не удалось, он шел очень быстро, а потом свернул в какой-то глухой переулок. Преследовать его мне показалось неразумным, и я помчалась в сторону дома, постепенно увеличивая темп. Я должна загнать свой похотливый организм до смерти, чтобы он еле дополз до кровати и больше не возобновлял эротические грезы, лишаящие меня сна.

Поход вкупе с ночной пробежкой утомили меня так, что я проспала двенадцать часов. И все было бы прекрасно, если бы не побочный эффект в виде адской боли в мышцах. Сегодня у меня третье, весьма многообещающее, свидание со страстным и романтичным мужчиной, а мои ягодичные мышцы вынуждают меня переваливаться с ноги на ногу, подобно утке, больной ревматизмом!

Ванна, в которую я забралась со стонами и криком, в какой-то степени исправила ситуацию. Конечно, дотянуться в наклоне лбом до коленей мне сейчас вряд ли удастся, но я, по крайней мере, могу по-человечески ходить. Надо найти деда и выяснить, не нужна ли ему моя помощь. Сегодняшний вечер обещает быть весьма насыщенным, так что желательно переделать все дела днем.

Дед нашелся у бассейна, он сидел верхом на стуле и с философским видом созерцал хлорированную водную гладь, кажущуюся голубой из-за цвета облицовочной плитки. Я не люблю бассейнов, страдаю в них клаустрофобией, как карась в трехлитровой банке. В наш пятнадцатиметровый искусственный водоем я погружалась всего пару раз, в испытательных целях.

— Позавтракала? — спросил дед.

— И пообедала заодно, — кивнула я. — Проснулась голодная, как зверь. И с больными мышцами.

Вчера я, не моргнув глазом, скормила деду легенду о походе в горы с друзьями. Так что можно не стесняться в описании последствий этого похода.

— В следующий раз не надо оставлять чистильщика бассейнов без присмотра, — пробурчал дед. — В углах грязь оставил, да и сток, похоже, плохо вычистил.

Я попыталась разглядеть названные следы некачественно выполненной работы, но, из-за солнечных лучей, преломляющихся в толще воды, ничего не увидела. Подойдя поближе к краю, я сначала присела, а потом и вовсе распласталась плашмя, нависнув над водной гладью. Если бы у меня с собой были плавательные очки, я бы могла опустить голову в воду и рассмотреть подробности рельефа дна, а так ничего толком не видно.

— По-моему, ты придираешься, — сказала я деду.

Ну вот. Целительное действие горячей ванны, похоже, закончилось. Подниматься из положения лежа мне пришлось по частям. Когда я приняла позу старой больной собаки, сиюминутно встать на задние лапы, мимо меня проществовали знакомые белые кроссовки. Забыв о мышечной боли, я резко вскочила на ноги. Надо же было ему появиться именно в тот момент, когда я так некрасиво раскорячилась! Так. Спокойно. Это всего лишь один из гостей отеля. Я даже имени его не знаю. Надо в это поверить, и тогда я смогу вести себя естественно. Просто человек, один из трех миллионов туристов, посещающих за лето наш город.

Я повернулась к деду, оставив Аркадия за спиной. Надеюсь, он пройдет мимо и растворится в знойной полуденной дымке.

— Как ты мог разглядеть грязь, если я ничего не вижу? Нырнул в очках?

Дед тоже не любит бассейны, так что вряд ли.

— Мне не надо нырять, чтобы понять, как человек работает. У него на лбу написано, что он лентяй.

— Ах, вот оно что. Психология.

— Просто жизненный опыт.

— Ха, — прокомментировала я.

И, как бы невзначай, бросила взгляд на противоположную сторону бассейна. Увиденное едва не побудило меня пнуть ни в чем не повинный стул, с которого поднялся дед. Аркадий вальяжно развалился в шезлонге и знаками подзывал официанта. Кем он себя вообразил? Падишахом?

Собрав всю волю в кулак, я, как ни в чем ни бывало, спросила деда:

— Какие планы на сегодня? Моя помощь нужна?

— Да, очень. Я сейчас на пару минут загляну на кухню, а потом поговорим.

— Ладно, подожду тебя здесь.

Я прошла к барной стойке, взгромоздилась на табурет и попросила бармена Виталика налить мне вишневого сока со льдом. Если что и сможет облегчить мои душевные муки, то только очень холодный красный сладкий напиток.

Аркадий по-прежнему возлежал в шезлонге, спрятав бесстыжие глаза за темными очками и нагло улыбаясь мне через разделявший нас бассейн. Слева и справа от него, приняв живописные позы, расположились две загорелые блондинки. Видимо, Аркадий рассказывал им что-то весьма забавное — они то и дело принимались смеяться, теребя локоны и меняя позы на еще более живописные. Официант принес всем троим напитки, они чокнулись, блондинки снова захохотали.

Я продолжала наблюдать, давясь вишневым соком и пытаюсь справиться с приступом бешеной ревности. Да, это именно ревность, не буду вешать лапшу на уши хотя бы самой себе. Только сейчас мне пришло в голову, что вчерашний вечер Аркадий, скорее всего, провел вовсе не так целомудренно, как я. Это я пыталась истратить разрывающую меня сексуальную энергию на установление спортивных рекордов, он же, скорее всего, применил ее по прямому назначению. Возможно, с этими самыми блондинками. В тот момент, когда одна из девушек по-хозяйски положила руку на плечо Аркадия, у меня внезапно снесло крышу.

Спрыгнув с табурета, я не спеша продефилировала вокруг бассейна, не выпуская из рук стакан с соком. Оказавшись рядом с Аркадием и его гаремом, я нечаянно споткнулась, не удержала в руках стакан и он, нарисовав в воздухе дугу, ударился об изголовье шезлонга. Вообще-то я целилась в голову, но и так неплохо. Немного красного липкого напитка попало в лицо ошалевшему Аркадию, большая часть оказалась на его белоснежной футболке. Стакан не разбился. Посуду для отеля я выбирала хорошую, прочную.

Блондинки, естественно, заверещали, Аркадий вскочил, я рассыпалась в лицемерных извинениях. Мгновенно оказавшись рядом официант немедленно начал устранять последствия печального происшествия. А Аркадий последовал за мной. Выбора у него не было, я вцепилась в пострадавшую футболку, сообщив окружающим, что просто обязана ее постирать. Рядом с бассейном, за углом здания, была едва приметная дверь, ведущая в прачечную. Туда мы и направились.

— Очень жаль, что так получилось, — произнесла я, когда мы оказались за закрытой дверью.

— Только не говори, что это вышло случайно!

— Нет, конечно. Мне жаль, что я не попала в голову, как планировалось.

Я думала, Аркадий возмутится, но он громко засмеялся.

— Что ты ржешь? — возмутилась я.

— Я, конечно, знал, что ты огонь, но чтоб так! Это ревность? Я польщен.

— Это чувство собственности, — заявила я.

— О!

— Мне все равно, что там у тебя было до, и что будет после наших семи дней. Но в течение этой недели — только я никого больше. Я не какая-нибудь наложница из гарема...

— Я знаю. Я и не собирался...

— Да? — я вложила в этот возглас весь доступный мне сарказм.

— Да! Просто хотел сбить со следа твоего деда.

— Да?

— Да!

— А я ведь могла попасть, — вдруг дошло до меня. — Прямо в голову.

— Тебе бы потом было стыдно.

— Мне уже стыдно.

Это правда. Да что со мной творится? Обычно я психически устойчива и не склонна к совершению безумных поступков. Но даже адекватный человек может, в порыве жгучей ревности, нечаянно уронить стакан с вишневым соком на голову своего временного любовника.

Аркадий не позволил мукам совести сломить мой дух, он отвлек меня нетерпеливыми поцелуями. Сегодня мне ничто не мешает терять голову, и я ее уже почти потеряла... Нет. Не совсем. Дед. Он сейчас вернется, не обнаружит меня, но зато ему в красках распишут происшествие с участием стакана, Аркадия и его полоумной внучки. Надо это предотвратить. Возможно, когда-нибудь потом он все же услышит сей трагический рассказ, но к тому моменту краски потускнеют и актуальность потеряется.

— Мне нужно идти, — умудрилась я прошептать между поцелуями.

— Ну уж нет.

Аркадий наклонился ниже и нежно прикоснулся губами к моей шее. Это запрещенный прием, и он об этом знает. Мне трудно сопротивляться, когда... Нет. Я должна... Мне нужно... О-о-о...

— Руслана!

Голос деда. Он меня ищет. Он, видимо, уже знает, что я направилась в сторону прачечной и обязательно сюда заглянет. Бежать поздно, если мы сейчас выйдем, то обязательно наткнемся на него. Окна, через которое можно было бы сбежать, здесь нет. Здесь вообще ничего нет, кроме нескольких стиральных машин, стеллажей и гладильной доски. Спрятаться негде, если ты не гном и не мышь.

Ну все, сейчас дед войдет, увидит меня с Аркадием и сразу обо всем догадается — по моему смущенному потрепанному виду и яркому румянцу на щеках. Он будет в ярости. Я-то как-нибудь это переживу, а вот ему вредно испытывать сильные потрясения. В отчаянной попытке изобразить невинную стирку я рывком стянула футболку с Аркадия.

Ручка двери опустилась вниз. В этот самый момент Аркадий дернул меня за руку, и мы вместе оказались позади распахнувшейся двери. Очень плохая идея. Дед войдет, осмотрит прачечную, повернется, чтобы уйти, и увидит нас. Тут уже история о стирке забрызганной футболки не прокатит. Хотя... зачем ему входить? Вся прачечная как на ладони. Не будет же он искать меня за стеллажами и под стиральными машинами. Мое сердце колотилось, как пойманная в силочку птица. Если даже дед нас не заметит, то точно услышит это бешеный

стук.

Я увидела носок дедовой парусиновой туфли. Мое сердце подпрыгнуло к горлу, а потом скатилось в левую пятку. Аркадий, активно дышащий мне в затылок, жжал мое предплечье. За носком ничего не последовало. Дед постоял, развернулся, и вышел, прикрыв за собой дверь. Мои ноги подкосились, я бы сползла на пол, если бы Аркадий меня не подхватил.

— Ты что творишь? — набросилась я на него. — Еще секунда — и он бы нас увидел, причем в однозначно неподобающей ситуации.

— Но ведь не увидел. Так что я молодец.

Через секунду я уже сидела на стиральной машинке, Аркадий стягивал бретельки моего сарафана, не давая мне возможности придти в себя и включить разумное начало. Я знала, что дверь прачечной не заперта, что сюда в любую секунду может кто-нибудь войти, но эта мысль болталась где-то на периферии сознания. Мы слишком долго сдерживались, и сейчас нас не могло остановить даже землетрясение или торнадо.

К счастью, ни торнадо, ни посетители, в прачечную не заглядывали. Или заглядывали, но мы их не заметили. Надеюсь, ничья психика не пострадала.

— Пошли ко мне в номер, — предложил Аркадий по прошествии то ли пятнадцати минут, то ли пятнадцати часов, помогая мне вернуть на место все детали туалета.

Я представила, как придется тайком пробираться на пятый этаж, прятаться от деда и всех остальных, у кого может быть ко мне какое-нибудь дело, и у меня вырвалось:

— Сбежать бы куда-нибудь.

— Пошли, — Аркадий снова потянул меня за руку.

Мы вышли из прачечной и направились не в сторону входа в отель и бассейна, как можно было бы предположить, а в противоположном направлении. Через двадцать метров мы уткнулись в забор. Он отделяет задний двор, принадлежащий нам с дедом, от общей территории. Калитки здесь нет, она с другой стороны. Аркадий, не задумываясь, взобрался на забор верхом и протянул руку мне. Пришлось карабкаться, теряя босоножки и ломая ногти. Если бы не Аркадий, я бы рухнула вниз. Вообще с ловкостью у меня все в порядке, но после недавних утех в прачечной сил не было совершенно. Аркадий помог мне спуститься, вернулся за моими босоножками и приземлился рядом.

— Это ваш личный вход? — спросил он, кивая в сторону крыльца и двери.

— Ага. Мы что, идем ко мне в гости?

— Мы сбегает.

Калитка, ведущая на улицу, была открыта, мы вышли, Аркадий поднял руку и остановил проезжающее такси.

— В «Приют рыбака», — сказал он таксисту, усадив меня на заднее сиденье и устроившись рядом.

— О, — только и смогла выдавить я.

Как ни странно, мне совершенно не хотелось сопротивляться.

Когда мы проехали несколько кварталов, я вспомнила:

— Мой телефон остался на барной стойке. И ключи тоже.

— Ну и черт с ними.

— Нет. Если я внезапно исчезну без телефона, дед с ума сойдет. Мне нужно его забрать.

Поехали обратно.

Мы притормозили у входа, и я собралась выйти из машины, но Аркадий меня удержал.

— Я сам схожу.

— Виталик не отдаст тебе телефон.

— Ты с ним поговоришь. С моего.

Он вложил мне в руку свой айфон.

— Лучше я сама, — я дернулась, чтобы выйти, но он снова меня удержал.

— Я тебя не пущу.

— Чего это?

— Очень боюсь, что ты не вернешься.

— Ладно, иди, — сдалась я. — Только будь осторожен. Если дед там — затаись.

— Буду как ниндзя, — Аркадий поцеловал меня и выбрался из машины.

Он не звонил несколько часов. По крайней мере, мне так показалось. Я изнывала от волнения и неопределенности. А что, если он попытался забрать телефон у Виталика, его услышал дед, принял за злоумышленника и огрел огнетушителем, который висит на задней стенке? Дед вполне на это способен.

Так, причем тут огнетушитель? Я опять дала волю своей неукротимую фантазии. Звонок. Наконец-то. На экране высветилось «Русалка». Неоригинально. Я дала команду Виталику вручить телефон и ключи находящемуся перед ним постояльцу и намекнула, чтобы он держал язык за зубами. Прямо попросить об этом я не решилась, но, надеюсь, у него хватит сообразительности и такта не слишком трепаться о произошедшем.

Аркадий ввалился в такси с видом победителя, потребовал поцелуй и получил его. Мы тронулись, я напала на него с расспросами.

— Дед там был?

— Ага.

— Ой, — испуганно пискнула я. — И что?

— Все в порядке. Я со скучающим видом прогулялся вокруг бассейна, побеседовал с блондинками, — в этом месте я его ущипнула. — Полностью усыпил его бдительность. А, когда он ушел, подошел к бармену.

— Уф, — выдохнула я.

Даже хорошо, что так получилось. Дед видел Аркадия после того, как я исчезла, так что у него сложится впечатление, что эти два события не связаны. Осталось придумать эсэмэску, хоть как-то объясняющую мой внезапный побег из дома. Это сложно, придется поломать голову.

В итоге я написала: «Со мной все в порядке, развлекаюсь со вчерашними друзьями. Когда вернусь, не знаю». Это его успокоит. Все объяснения и угрызения совести — потом.

— Что ты делал вчера вечером? — задала я давно мучивший меня вопрос.

— Гулял, — ответил Аркадий. — А ты?

— А я бегала.

— Бегала? То есть наш поход тебя недостаточно утомил?

— Не могла уснуть, — пояснила я.

— Понимаю. Меня тоже одолела бессонница. Я слышал, что в таких случаях полезно колоть дрова, но топора под рукой не оказалось, так что я пошел прогуляться.

— И где ты гулял?

— Там, сям. А что? Ты меня видела?

— Вряд ли.

Я положила голову ему на плечо и закрыла глаза. Он взял мою руку в свою. Я почувствовала, что на моих губах застыла дурацкая блаженная улыбка.

«Приют рыбака» — это загородный ресторан, его изюминка в том, что большей своей частью он расположен на причале, уходящем далеко в море. Туристы часто прибывают сюда на различных плавсредствах — яхтах, катерах, скутерах. Зачастую посещение «Приюта рыбака» — это часть экскурсионной программы. Так что иногда здесь бывает настоящий аншлаг. Сегодня, правда, было вполне свободно, видимо, потому что еще не вечер.

Мы с Аркадием заняли столик, попросили официанта побыстрее принести холодного лимонада и уставились в меню, насчитывающее несколько десятков блюд, приготовленных из всех видов черноморской рыбы и местных морских гадов.

— Что посоветуешь? — спросил мой голодный друг. — Может, акулий суп?

— Катраны обычно жесткие, — сказала я.

— Но не в супе, — возразил Аркадий.

Пришлось согласиться.

— О, барабулька, — обрадовался он. — Сейчас же, вроде, не сезон?

Я снова кивнула и предположила, что королевская рыбка была заморожена весной, а сейчас просто извлечена из холодильника.

Интересно, откуда он так хорошо разбирается в тонкостях местной кухни и особенностях рыбалки? Он не похож на человека, который постоянно отдыхает на российских курортах. Скорее на того, кто попал сюда впервые, случайно или по воле злой судьбы.

— Хочешь мидии в сливочном соусе? — продолжал предлагать Аркадий. — Или в лимонном соке?

Я пожалала плечами. Есть особо не хотелось, а вот лимонад, принесенный официантом, был весьма кстати.

— Так чего ты хочешь? — снова спросил Аркадий.

Я молча и весьма красноречиво посмотрела на него.

— О! — восхитился он. — Прямо здесь прямо сейчас?

И положил руку на мою голую коленку. Когда его ладонь медленно заскользила вверх, я опрокинула стакан с лимонадом. Хорошо, что он был почти пустой. Похоже, сегодня день падающих стаканов.

— Пошли, — сказал Аркадий и в очередной раз схватил меня за руку.

— В сортир я не пойду. Такая романтика не по мне.

А куда еще он мог меня потащить? Приватных кабинок в «Приюте рыбака» нет.

— Ишь, какая привередливая! — ухмыльнулся мой кавалер.

Он отпустил мою руку, выскользнул из-за стола и о чем-то зашептался с официантом. Я надеюсь, он не просит его предоставить нам кладовку во временное пользование? Я, вообще-то, не так уж сильно сгораю от страсти, просто хотела его подразнить...

Моя рука снова оказалась в его власти, и мы куда-то помчались, так быстро, как будто нужно было немедленно потушить пожар, грозящий уничтожить все побережье и прилегающие к нему горные массивы. К счастью, мы взяли направление, далекое от кладовок и сортиров «Приюта рыбака» — на причал. И я уже поняла, почему. Там только что пришвартовалась та самая яхта, на которой прошло наше первое свидание. Красавица «Кассиопея».

— Ты согласна пообедать в море? — с улыбкой обернулся ко мне Аркадий.

Пообедали мы только вечером, после того, как солнце окончательно скрылось из глаз, растворившись в сумеречном море. Хорошо, что мой предусмотрительный кавалер заказал

добрую половину пунктов меню «Приюта рыбака». Мы в спринтерском темпе опустошили стол, плотно заставленный шедеврами черноморской кулинарии. Обычно я умерена в еде, но после нескольких часов, проведенных в парных физических упражнениях, организм настоятельно требовал пополнения энергетических запасов.

— Ну у тебя и аппетит! — восхитился Аркадий.

— Хочешь сказать, что я толстая?

— Ага. Как ватрушка.

— А ты тогда пончик. Со сгущенкой, повидлом и вареньем.

— Любишь пончики?

— Терпеть не могу.

— Ах, вот как!

Он легонько куснул меня за плечо. Я в ответ вцепилась зубами в мочку его уха. Не как питбуль, а как беззубый мопс.

— Нежнее, — прошептал Аркадий.

Я сжала зубы. Он легонько пощекотал меня, я захихикала и потеряла бдительность. Бретелька сарафана, не без помощи его рук сползла с моего плеча. Еще немного — и я останусь совсем без прикрытия. Когда мы внезапно проголодались и решили поужинать на палубе, то не стали утруждать себя поиском всех предметов одежды. Аркадий натянул джинсы, мне посчастливилось найти среди хаоса, устроенного нами в каюте, только сарафан. Так что под ним сейчас ничего не было.

Как ни странно, меня это слегка смущало. Да, мой пылкий любовник лицезрел меня в совершенно натуральном виде, и не только лицезрел... Тогда мое затуманенное страстью сознание совершенно позабыло о существовании таких глупых эмоций, как стыд и смущение. А теперь вспомнило. Я вернула бретельку на место и шлепнула Аркадия по руке.

— Эй, что за произвол! — возмутился он.

— Не балуйся за едой, — строго произнесла я.

— Я думал, трапеза окончена.

— А десерт?!

— А про десерт я забыл, — растерялся Аркадий.

Я расхохоталась. Не знаю почему, но мне нравится видеть его растерянным и озадаченным. Видимо, все дело в том, что обычно он излишне самоуверен.

— Как ты мог!

— Ты, правда, способна съесть еще и десерт, моя ватрушечка?

— Вот если бы он был, я бы подумала. А так и говорить не о чем.

На самом деле сейчас даже крошка от торта могла бы привести к непоправимым последствиям. Я бы попросту лопнула, если бы ее съела.

Пока я бегала припудрить носик, остатки нашего пиршества исчезли, на столе появилась бутылка шампанского и ваза с фруктами.

— Десерт, — торжественно объявил Аркадий.

— Скатерть-самобранка — это удобно.

Я устроилась на диване, поджав под себя ноги, Аркадий протянул мне бокал с пузырящимся напитком. Шампанского не хотелось, в голове и так шумело от избытка впечатлений. Я отпила глоток, поставила бокал на стол и свернулась клубочком, положив голову на колени Аркадия.

Яхту еле заметно покачивало, на небе ярко сияли несколько миллиардов звезд, теплый

солёный бриз приятно освежал после дневного зноя. У меня было ощущение, что мы совсем одни, где-то посреди бескрайнего мирового океана, вдали от берега, людей и всего того, что составляет привычную суетливую повседневность. Ни в одном месте на суше я не смогла бы испытать подобного. Яхта оказалась идеальным местом для того, чтобы на несколько часов перенестись в другое измерение.

Я чувствовала, что погружаюсь в дрему, но сопротивляться сну не хотелось. Мне было уютно, тепло, спокойно. Наверное, такие же ощущения я испытывала в детстве, засыпая на маминых руках.

После любой, даже самой долгой ночи неизбежно наступает утро. Обычно после безумных ночей утра хмурые, с головной болью, вселенской жаждой и более или менее выраженным раскаянием. Так было и на этот раз. Я не раскаивалась в том, что провела на яхте с Аркадием почти сутки, но мне было стыдно перед дедом, за то, что я сбежала в тот момент, когда ему нужна была моя помощь. А ведь я даже не успела узнать, в чем эта помощь заключается!

— Не хмурься, — сказал Аркадий, который проснулся раньше меня и успел раздобыть пару кружек кофе.

Кофе был очень кстати, но этого было недостаточно для того, чтобы я почувствовала себя свежей и бодрой.

— Ты по утрам всегда такая бука? — не унимался мой пылкий друг, успевший нацепить свою обычную тысячеваттную улыбку.

— Ты этого не знаешь, — буркнула я и, завернувшись в простыню, выползла на палубу.

Море невыносимо манило меня голубизной и прохладой. Как здорово было бы сейчас окунуться и проплыть пару сотен метров! Мое настроение сразу пришло бы в норму. Но у меня не было купальника, а использовать и так изрядно пострадавшее белье не хотелось. Не возвращаться же потом домой в сарафане на голое тело. А если я нырну в чем мать родила, мое бесстыдство наверняка заметит наша немногочисленная команда.

Хотя... плевать на всех. Ну увидят они из своей рубки, что на волнах колышется нечто без купальника. Вряд ли их из-за этого хватит инфаркт. Небось, еще и не такое видали, раз сдают яхту в аренду разным аморальным типам вроде Аркадия.

Я позволила простыне упасть на палубу и рыбкой скользнула с бортика головой вперед, прорезав водную гладь сложенными ладонями и почти не подняв брызг. Вынырнув, я увидела Аркадия, стягивающего джинсы. Никаких других предметов одежды на нем не было, так что действие слегка напоминало суетливый стриптиз. Его прыжок был не таким безупречным, как мой, он вошел в воду под неправильным углом и поднял тучу брызг. Надеюсь, он ничего себе не отбил.

Я наблюдала за его кульбитами, отплыв от яхты метров на двадцать. Аркадий показался на поверхности и помахал мне рукой. Я помахала в ответ и заняла стартовую позицию. Когда он приблизился, я, успев крикнуть: «Догоняй!», активно заработала конечностями. В прошлый раз наше соревнование было нечестным. Теперь же мы на равных, если не считать того, что у него ноги почти как ласты, минимум сорок пятого размера, и руки загребущие, как лопасти катамарана.

Не то чтобы я отнеслась к нашему соревнованию серьезно, но мне очень не хотелось, чтобы Аркадий меня догнал. Все-таки вода — моя стихия, а он здесь чужак, довольно обидно, когда какой-то сдых плавает лучше регулярно тренирующегося аборигена. Я вырвалась вперед, потому что действовала в несвойственной мне манере: как спринтер,

рванула на старте, не экономя силы. Как и следовало ожидать, моего рывка хватило ненадолго, минут через десять я начала выдыхаться. Соперник наступал мне на пятки, но сдаваться я не желала. Ни за что!

Не помню, чтобы я когда-нибудь так уставала от плавания. Утренний заплыв, задумывавшийся как бодрящая альтернатива чашке кофе, превратился в изматывающий марафон. Меня спасало только то, что я немного сбавила темп и выровняла ритм движений и дыхания. Но все равно, чтобы не дать Аркадию вырваться вперед, мне приходилось плыть гораздо быстрее, чем я это обычно делаю. Мне все труднее было грести руками и работать ногами, у меня даже голова немного кружилась от того, что я постоянно ею вертела, делая вдох над поверхностью и выдыхая вниз, в воду.

Когда Аркадий схватил меня за пятку, я дернулась в последний раз, как подстреленная на лету куропатка, перевернулась на спину и раскинула конечности в разные стороны. Надо отдышаться.

Он все-таки меня догнал. Он плавает лучше, хоть я и Русалка. Обидно.

— Убери руки! — завопила я, когда ладони Аркадия накрыли мою грудь.

— Ладно, ладно.

Руки-то он убрал, но теперь на сверхчувствительных, немного выступающих над водой, участках моего тела оказались его губы. Я его утоплю. Нет... пока не буду.

Заниматься тем, чем мы занимались, не имея точки опоры, совсем не просто. Но дельфинам, акулам и китам это удается. А чем мы хуже? Правда, пару раз Аркадий чуть не захлебнулся, задерживаясь под водой дольше, чем позволял запас воздуха в легких, да и у меня не всегда получалось сохранять бдительность и думать о вдохах и выдохах, но в целом мы были не хуже дельфинов. Наверное.

При мысли о том, что еще нужно плыть обратно на яхту, которая так далеко, что кажется игрушечным корабликом, я испустила долгий стон.

— Призываешь морских чудищ? — сострил Аркадий.

— У меня нет сил плыть обратно. Так что я останусь здесь.

Я распласталась на поверхности воды, мне было довольно уютно, почти как на мягком диване. Краем глаза я заметила хаотичное движение по левому борту. Слегка повернув голову, я смогла наблюдать, как Аркадий выполняет интенсивные махи над головой.

— Изображаешь утопающего? Думаешь, нас заметят и придут на помощь?

— Даже не сомневайся. Обязательно придут. Они же должны беспокоиться о своих пассажирах, голышом уплывших за горизонт.

— Они слишком далеко, чтобы нас увидеть.

— У них есть бинокль.

— Что?! Ты хочешь сказать, что они все это время за нами наблюдали?

— Э-э... возможно.

— Тебя это не смущает?

— А тебя смущает?

— Ну... да.

— Мне до ужаса нравится, как ты смущаешься.

— Сейчас я злюсь!

— Тоже неплохо.

Аркадий чмокнул меня в нос и продолжил свои упражнения.

Наши наблюдательные мореплаватели все же заметили и подобрали нас. Первым на

борт взобрался Аркадий, нагой, бесстыдный и прекрасный, как Аполлон. Матрос, опустивший трап в воду, остался невозмутим. Я подумала: «Какого черта?» и тоже собралась подняться по трапу. Уверена, ни одна мышца моего лица не дрогнула бы. Я тоже умею быть дерзкой, если надо. Но Аркадий чего-то вдруг засуетился, прогнал матроса и поднял с пола мою простыню.

Я уже настроилась быть беззастенчивой, поэтому простыню проигнорировала и проследовала в каюту в чем мать родила. Все же хорошо, что матрос к тому моменту успел ретироваться.

От места дислокации нашей яхты до города было, по моим предположениям, около пятнадцати морских миль. Время приближалось к вечеру.

— Пора домой, — сказала я Аркадию, развалившемуся в шезлонге на палубе.

К этому моменту мы успели перекусить, отдохнуть, выпить кофе и немного позагорать. Бесцельно жариться на солнце я не люблю, да и беспокойные мысли не давали расслабиться и получать удовольствие. Надо возвращаться.

— А я надеялся, что мы останемся хотя бы до завтра, — произнес Аркадий с несвойственной ему неуверенностью в голосе.

— Не останемся. Хотя ты можешь.

— Один?!

— А что? Отдохнешь, побудешь наедине с собой, поразмышляешь, заглянешь внутрь себя.

— Вот это мне как раз совсем не нужно.

— Что так?

Аркадий неопределенно хмыкнул, поднялся с шезлонга и побрел в сторону рулевой рубки.

Через пару минут яхта пришла в движение. Мы шли вдоль берега, довольно резво. Ветра не было, мотор мощный, ничто не мешало нам оказаться дома через какой-нибудь час. Наш феерический побег от реальности подходил к своему бесславному завершению.

Аркадий, развернувший свой шезлонг лицом к берегу, произнес:

— О, пацаны на Круче рапанов жарят.

Я вгляделась в крошечные фигурки на берегу, у крутого обрыва, сгрудившиеся вокруг тонкой струйки дыма.

— Или мидий, — отозвалась я.

Стоп. Круча. Рапаны. Откуда он все это знает? Кручей это место называют только аборигены, а приготовлением рапанов на костре занимается исключительно местное подрастающее поколение. Как эти слова попали в лексикон рафинированного столичного жителя, видевшего рапана разве что в ризотто?

Я открыла рот, чтобы выпалить пару наводящих вопросов, но молнией пронесшаяся в голове мысль заставила меня снова его захлопнуть. Не надо ни о чем спрашивать. Не надо пытаться узнать его получше. Мы навсегда расстанемся ровно через три дня. Я закрыла глаза, как будто это могло чем-то помочь.

— Что скажешь деду? — поинтересовался Аркадий через несколько минут.

— А тебе какая разница? — огрызнулась я.

— Грубишь.

— Да.

— Что-то не так?

— Все восхитительно.

Мне все еще не хотелось открывать глаза.

Я слышала, как скрипнул шезлонг Аркадия, потом почувствовала, как он опустился на палубу рядом со мной. Его рука накрыла мою ладонь. Мне одновременно хотелось и не хотелось ее стряхнуть.

— Надеюсь, у тебя не будет из-за меня неприятностей.

Я все же оставила свою руку там, где она была.

— Я большая девочка, справлюсь.

— Что-нибудь придумаешь?

— Нет! — я не смогла скрыть раздражение в голосе. — Не буду я ничего придумывать.

Наломала дров — подставляй шею. Не так ли? Терпеть не могу врать и изворачиваться.

Я открыла глаза. Выражение лица Аркадия, совершенно не соответствующее нашей, хоть и слегка напряженной, но все же вполне безобидной беседе, потрясло меня до глубины души. Он выглядел каким-то пришибленным, даже жалким, как пес, которого выгнали из дома, дав пинка напоследок. От его обычной дерзкой самоуверенности не осталось и следа. Что с ним такое? Вроде бы я не говорила ничего настолько ядовитого...

Заметив мой взгляд, Аркадий мгновенно убрал с лица озадачившие меня эмоции. Я даже начала сомневаться, что действительно все это видела. Он улыбнулся, оскалив два ряда превосходных белоснежных зубов, и потянул меня за руку. Я немного посопротивлялась, но все же соскользнула с шезлонга, и мы стали барахтаться на палубе, как два беззаботных жизнерадостных щенка.

Я боялась, что придется держать ответ перед дедом, но вышло иначе. Он ни о чем меня не спрашивал. У меня было заготовлено несколько пафосных фраз о неприкосновенности личной жизни и прочих демократических свободах, но они негодились. А ведь я настраивалась, готовилась! В порыве раскаяния я даже сама пыталась завести разговор о своем неподобающем поведении, но дед не стал меня слушать. Сослался на встречу с друзьями и испарился. Он даже не ответил на вопрос, какая ему нужна была помощь накануне моего побега. Сказал, что это ерунда, и он уже все сделал.

Так что я осталась в одиночестве в своей квартире, почему-то ставшей тесной и слегка чужой. Я слонялась из угла в угол, не находя себе места. На моей коже все еще горели жаркие поцелуи Аркадия, в ушах звучал его голос, а перед глазами маячила белоснежная голливудская улыбка.

Последние тридцать часов, проведенные в очень тесном общении с Аркадием, были наполнены неожиданными открытиями. Большую часть времени я ощущала его как свое естественное продолжение, а он каждую секунду чувствовал, чего мне хочется, ну, или просто хотел того же самого. Интересно, так всегда бывает, когда относишься к сексу легко и ничего не ждешь от отношений? Не боишься показаться неловкой, не думаешь о том, как в этой позе выглядит твое неидеальное тело, не заботишься о впечатлении, которое производишь, а просто отдаешься своим желаниям... Может, именно ради этого становятся роковыми соблазнительницами и женщинами-вамп?

За свои двадцать пять лет я нечасто заводила близкие отношения с мужчинами, и всегда они были обременены сомнениями в том, с кем я на это решалась, и неуверенностью в себе. Оказывается, может быть по-другому. Мой последний серьезный роман, на который я возлагала неоправданно больше надежды, закончился таким феерическим провалом, что я поклялась себе больше никогда никому не позволять проникать в мое сердце. Я не собиралась становиться синим чулком, в моих планах были легкие, ни к чему не обязывающие и никого не ранящие отношения, но до встречи с Аркадием у меня такого ни разу не было. Как-то не складывалось, вернее, я не решалась. А вот теперь все получилось. Я настоящая вампириша. Использую мужчин в своих целях, а потом просто выбрасываю.

Мужчин? Я попыталась представить на месте Аркадия кого-нибудь другого. Пусть у этого гипотетического героя-любownika будут карие глаза и темные волосы. И, для пущего отличия, усы... Нет, не как у Гитлера! Усов вообще не нужно. Пусть будет небольшая такая бородка, чуть больше, чем легкая небритость. Сейчас это модно. О, она колется! Гладкая щека Аркадия нравится мне больше... Стоп. Чем я вообще занимаюсь? Что только не забредет в мою дурную голову! Надо отвлечься.

Я включила телевизор, открыла ноутбук и, для верности, зашла на страницу непрочитанных сообщений в телефоне. Но валяться на диване в обществе гаджетов мне пришлось недолго. Раздался звонок в дверь. Не представляю, кто это может быть, в наше время гости редко приходят без предварительного звонка. Разве что друзья деда. Но он как раз ушел на встречу с ними.

На пороге стояла моя любимая подруга Ника. Вот уж неожиданность!

— Ты чего не позвонила? — спросила я после коротких, но душевных приветственных объятий. — Что-то случилось? С Эдиком рассталась?

Ника молча прошла в гостиную, окинула взглядом место моей недавней дислокации и выдала:

— Ты знаешь, что электромагнитное излучение разрушает ауру?

— Ч-чего? — такого поворота я не ожидала.

— У тебя одновременно включены целых три вредных прибора!

Я несколько секунд молча таращилась на Нику. Неужели все зашло так далеко?

— Надо провести очищающую церемонию, — продолжала тем временем моя свихнувшаяся подруга, щелкая пультом от телевизора, закрывая ноутбук и засовывая телефон между диванных подушек.

— Ника, — смогла, наконец, выдать я. — Что происходит?

— В тебя вселились бесы, — пояснила она. — Мне Эдик сказал. Нужно их из тебя изгнать.

Она наступала на меня, и ее глаза сверкали совершенно безумным огнем. Я растерялась и не могла придумать, как действовать в столь экстремальных обстоятельствах. Поэтому просто пятилась назад, пока не уперлась спиной в стену.

— Я принесла высушенные жабы лапки, помет черного орла и кровь мышидевственницы. Сейчас придет Эдик и его друзья, с которыми мы проводим выходные в секте, устраивая шабаши и оргии. Кстати, квартиру я на него уже переписала.

И тут до меня начало доходить. В тот же момент глаза Ники стали совершенно нормальными, и она расхохоталась.

— Так ты себе представляешь мою нынешнюю жизнь?

— Ну... — замялась я. — Не совсем.

— Тогда почему твой первый вопрос — не рассталась ли я с Эдиком?

— Просто ты так внезапно появилась на пороге...

— Оказалась в ваших краях, дай, думаю, зайду к любимой подруге. Вдруг она скучает одна. К тому же я обещала.

— Молодец, что зашла, — промямлила я.

Мне было немного стыдно. Я, и правда, считала Эдика исчадием ада, втягивающим мою подругу во что-то странное и подозрительное, но ничего плохого Нике о нем не говорила. Как она догадалась?

Мы с Никой плюхнулись на диван, я предложила ей чаю, она сначала отказалась, но потом все же согласилась на зеленый без добавок. Все было почти как раньше: мы сидели, болтали, хихикали над всякой ерундой. Как мне этого не хватало! Единственное отличие — раньше мне не приходилось быть осторожной в общении с подругой. Сейчас же я, как сапер на минном поле, обходила взрывоопасные участки, связанные с Эдуардом.

Может, я зря на него ополчилась? Может, он отличный парень, любит Нику и все у них будет хорошо? Возможно, он даже перебесится и бросит свое сыроедение. Все возможно, но прямо сейчас я настроена по отношению к нему не очень благодушно.

Ника, похоже, не оценила мою сдержанность. Взбодрившись зеленым чаем и наплевав на политес, она спросила прямо в лоб:

— Чем тебе не угодил Эдик?

— Э-э...

— Ты ведь его совсем не знаешь.

— Да, — дипломатично согласилась я.

— Я думаю, ты просто ревнуешь.

— Что?!

— Ну, это естественно. У меня появился парень, я стала меньше времени проводить с тобой...

Что за бред! Если бы это был нормальный парень, я была бы счастлива за подругу, даже если бы мы виделись лишь по последним понедельникам каждого нечетного месяца. Хотя с чего нормальному парню мешать нашему общению?

— Если бы у тебя сейчас кто-то был, ты бы по-другому восприняла всю ситуацию, — продолжала тем временем моя прозорливая подруга.

— Вообще-то, у меня кто-то есть, — выпалила я. — И я уже несколько дней пытаюсь поделиться с тобой этой новостью.

— О-о! — Ника аж подпрыгнула на полметра. — Немедленно рассказывай.

— Ну, вообще-то, все не совсем так...

— Не совсем как?

— Не совсем... традиционно.

И я выложила ей всю историю.

Ника умеет держать покерфейс и, если она не хочет, чтобы вы догадались о ее истинных эмоциях, вы ни за что не догадаетесь. Во время моего рассказа она в нужных местах издавала соответствующие моменту восклицания, типа: «Ого!», «Да ладно!», «Ну ты даешь!», но прочесть ее мысли я не могла. Мое, местами подробное, местами скомканное, повествование подходило к концу, и я поняла, что волнуюсь. Да в чем дело? Я что, жду приговора на суде? Похоже на то.

— Я рада, что ты так весело проводишь время, — выдала моя скрытная подруга.

— Да, — кивнула я. — Весело.

Что-то мне подсказывало: в ее словах спрятан подвох.

— Сколько тебе осталось веселиться? — спросила Ника.

— Три дня.

— А что потом?

— Ничего.

— Он уедет, ты выбросишь его из головы и заживешь так, как будто ничего и не было?

— Да, — уверенно ответила я.

— Не будешь вспоминать его, тосковать, даже не заревешь ни разу?

— С чего это мне реветь?

По-моему, она несет откровенную чушь.

— Тебе хорошо с ним?

Я кивнула. Что за допрос она тут устроила? Нападает на меня, как прокурор в суде. Подруга называется.

— Когда что-то хорошее заканчивается, всегда грустно, — глубокомысленно изрекла Ника.

— Ты статусы из «В контакте» цитируешь? Не будет мне грустно. Расставание через семь дней — часть плана.

— Что за план?

— Ты сама говорила, что мне нужно развеяться, завести роман... Вот я и завела. Короткий курортный роман. В чем проблема?

— Не знаю. — Ника пожала плечами. — Ты скажи.

— Мне не нужны долгие отношения. И ему не нужны.

— А кому из вас они не нужны больше?

Я проигнорировала ее вопрос.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Знаешь, мне даже понравилось быть такой женщиной-вамп. Без чувств, без всяких там розовых соплей. Это такой драйв!

— Ты не женщина-вамп.

— Что?

— Ты не такая, вот что. Ты притворяешься, а притворство всегда ведет к боли. Твои слова.

— Да что ты говоришь! — я просто задохнулась от возмущения. — Кто бы рассуждал о притворстве! Твои отношения с ненаглядным Эдиком — сплошная ложь!

— Значит, вот что ты обо мне думаешь? Я вру?

Ноздри Ники раздувались, как у норовистого жеребца. Я знала, что это не предвещает ничего хорошего, но остановиться уже не могла. Как ни закрывай крышкой кипящее молоко, оно все равно вырвется наружу и зальет все вокруг.

— Ты никакая не вегетарианка, и уж, тем более, не сыроедка. Медитации и детсадовский режим — это не твое. Не представляю, как этому самодовольному гусю Эдику удалось задурить тебе голову, но рано или поздно ты очнешься, и будешь рыдать у меня на плече!

— Я буду рыдать?

— Ты!

— Нет, это ты будешь рыдать! И я даже точно знаю, когда. Через три дня! Это тебя заморочили сказками про ни к чему не обязывающие отношения.

— Вообще-то, это была моя идея...

— Значит, ты сама себя заморочила. Ты не женщина-вамп.

— Ты меня вообще не знаешь!

— Зато ты изучила меня вдоль и поперек! Делаешь выводы, осуждаешь...

Ника вскочила и направилась к двери. Я не стала ее останавливать.

Я ничего такого не планировала. Я вовсе не собиралась вываливать на голову подруги всю неприятную правду и всю желчь, которая у меня по этому поводу накопилась. Кто, скажите мне, кто тянул меня за длинный ядовитый язык? Я знаю, кто. Сама Ника и тянула. Я-то была уверена, что подруга порадует за меня, одобрит мой план развеяться и развлечься. А вышло совсем по-другому. В общем-то, понять, в чем дело, не так уж и трудно. У нее сейчас «серьезные» отношения, во всяком случае, она так думает. Короткие романы, мимолетные знакомства и прочий флирт и блуд остались в прошлом. И, как это обычно бывает, ей кажется: то, что хорошо для нее, хорошо для всех. Если она нашла любовь на всю жизнь (ха-ха!), то и я должна поступить также. Вряд ли она именно так все для себя формулирует, но подсознательно моя влюбленная не в того парня подруга считает именно так.

Если бы я поняла все это раньше, то, наверное, смогла бы придержать свой не в меру болтливый орган речи. Не стала бы озвучивать все, что на нем вертелось. Надо быть сдержаннее! Я впервые так серьезно поссорилась со своей лучшей подругой. И я вполне бы обошлась без этого грустного и опустошающего опыта.

Я бродила из угла в угол, не находя себе места. Мне очень хотелось немедленно все изменить и исправить, избавиться от этого тянущего тоскливого ощущения в груди. Но что я

могу сделать? Бежать за Никой? Уже поздно, она ушла. Но даже если я прямо сейчас помчусь вслед за ней на машине и настигну ее на пороге дома, она не станет меня слушать. Она слишком обижена. С Никой нельзя разговаривать по горячим следам конфликта, ей нужно дать остыть.

Пойду к ней завтра, решила я. И мы спокойно обо всем поговорим. И непременно все исправим. Я не могу остаться без лучшей подруги! После того, как я приняла это решение, мне стало немного легче. Я поймала себя на том, что перестала задерживать дыхание и вздохнула полной грудью.

Не успела я наклеить временный пластырь на свои душевные раны, как за дверью раздались голоса. Один из них принадлежал деду, остальные тоже казались знакомыми, но идентифицировать их с ходу я не смогла. Высунув нос в коридор, я увидела веселую компанию, состоящую из трех бравых гусаров: моего родного деда Арсения Петровича, его друга со школьной скамьи Ивана Семеновича и еще одного боевого товарища, приобретенного позже, в армии. Звали последнего Геннадий Геннадьевич, или Ген Геныч. Он, как гранату, держал в руке бутылку чего-то красного, скорее всего, не вишневого сока. Компания ввалилась в квартиру деда, я — вслед за ними.

— Я же сказал, я этот шмурдяк пить не буду, — произнес дед в тот момент, когда я вошла, а Ген Геныч водрузил бутылку в центр стола.

— Етить-колотить... — начал Ген Геныч, но, увидев меня, замолчал.

— Здравсьте, — выпалила я.

— Добрый вечер, — Ген Геныч слегка поклонился.

Старая гвардия при дамах не выражается.

— О, Ланочка пришла! — обрадовался Семеныч. — Выросла-то как!

Ага, выросла. Лет десять уже не расту.

— Я в погреб, — сообщил дед. — У меня там есть пара бутылок замечательного каберне.

На самом деле пара ящичков, или даже пара пар ящичков, ну да ладно. Дед любит красное сухое вино, но поводов для волнений нет. Выпивает он немного, пьяным я его никогда не видела. Да и врач сказал, что бокал хорошего вина ему вреда не нанесет, а вот сигареты... Проблема в том, что он, когда выпьет, может, для полноты ощущений, выкурить сигаретку-другую. Поэтому я подошла к столу, за которым расположились Ген Геныч и Семеныч, и спросила деловито:

— Сигареты есть?

Семеныч похлопал себя по карманам и развел руками.

— Смолишь? В школе не ругают?

— Я школу семь лет назад окончила.

— Так сколько тебе годков-то? — поразился Семеныч.

— Двадцать пять стукнуло, Иван Семенович.

Он окинул меня оценивающим, с ноткой жалости, взглядом.

— Дед тебя на сухарях и воде держит?

— А что?

— Да ты совсем не в теле. Двадцать пять годков... Пора бы уже нагулять... это самое. Вот бабка твоя, Марья Ильинична, роскошная была женщина.

Он мечтательно вздохнул, закатив глаза к потолку.

— Попридержи свой болтливый язык, — вступил в разговор Ген Геныч. — Это самое

ему подавай. Старый маразматик.

— Да сам ты маразматик, — обиделся Семеныч. — Чуть что — сразу обзываться.

— Я уж двадцатипятилетнюю девицу от школьницы отличу, еще из ума не выжил. Хотя вам, девушка, — он бросил взгляд в мою сторону, — и правда, не мешало бы побольше кушать. А будешь курить, вообще никогда не вырастешь.

— Так у вас есть сигареты?

— Есть, но тебе вряд ли понравятся.

Он привстал, не спеша полез в задний карман штанов и выудил помятую пачку «Явы». Я быстренько выхватила ее из его ладони и засунула в свой задний карман.

— Э! — возмутился Ген Геныч. — Одну возьми и хватит!

— Верну на выходе, — сообщила я.

— Что за произвол?

Ген Геныч аж подпрыгнул на стуле. Семеныч переводил довольный взгляд с него на меня. Он видимо, воспринял это как месть за его поруганное достоинство.

— Деду курить нельзя, — сообщила я. — Категорически.

— Мне-то можно, — буркнул Ген Геныч.

— Сомневаюсь. Но вас я перевоспитывать не собираюсь. Мне деда хватает.

— Значит, не вернешь сигареты?

— Верну на выходе, я же сказала.

— Вот наглые девки пошли, скажи? — вмешался Семеныч.

— Все бабы — мегеры, — подтвердил Ген Геныч. — Будь ей хоть семьдесят, хоть семнадцать.

Это он, видимо, свою жену вспомнил, которая его иначе как «Ирод окаянный» не называет.

— Ну не могут они спокойно смотреть, как мужик жизнью наслаждается. Обязательно надо вмешаться и все испортить.

Дверь открылась, вошел дед с двумя бутылками в руках.

— Пошлешь дурака за двумя бутылками, он две и принесет, — высказался Ген Геныч.

— Тебе и ящика мало, — огрызнулся дед. — Никак не напьешься. Печень вон уже над штанами выпирает.

Ген Геныч посмотрел на свою печень, убедился, что окружающим ее пока не видно, и попросил дать штопор. Я думала, он сейчас нажалуется деду на меня, но он повел себя вполне по-джентльменски. Промолчал. А, может, у него еще одна пачка во втором кармане припрятана?

Дед достал бокалы, я совершила набег на холодильник, нарезав и выставив на стол все, что можно было. Пусть хотя бы закусывают. Особенно Ген Геныч. Я его знаю: выпьет дедово каберне, потом возьмется за свой шмурдяк, а потом придется волочь его домой за шкуру или укладывать в гостевой спальне. Семеныч, хоть и не настолько привержен страсти ко всем жидкостям с градусами, тоже может увлечься. Потом мне от его жены попадет, что не уследила. А вот жена Ген Геныча, Аглая Петровна, за него не переживает — она абсолютно уверена, что однажды он, напившись, окочурится где-нибудь в канаве, как собака (ее слова). Возможно, она даже с нетерпением ждет этого момента.

Накрыв на стол, я незаметно ретировалась. Остаться мне, к счастью, никто не предлагал. Ну да, у них же серьезные мужские разговоры, куда мне. Сначала аксакалы обстоятельно обсудят проблемы футбола, на местном и мировом уровне. Семнадцать лет

назад наша городская команда, видимо, совершенно случайно, выиграла краевой чемпионат. Этот факт до сих пор вызывает гордость и ни на чем не основанные надежды всей мужской половины города.

Следующая стадия — сплетни. Тот, кто сказал, что сплетни — удел женщин, никогда не присутствовал на посиделках седовласых ковбоев. Они перемывают косточки общим знакомым похлеще бабушек у подъезда. Ну и на десерт, естественно, — споры о политике. Если бы судьбы страны оказались в руках этой дивной троицы, они бы в два счета поставили к стенке кого надо, а кого не надо заставили бы вкалывать на рудниках на благо отчизны. Ну и, конечно, мигом решили бы все вековые и насущные проблемы.

Через пару часов я осторожно заглянула к выпивающим. Две пустые бутылки стояли на полу, откупоренный шмурдяк — возле бокала Ген Геныча. Семеныч с пеной у рта доказывал, что инфляцию придумали прихвостни империализма, которые на этом наживаются. Третья стадия. Что-то сегодня быстро.

Еще через полчаса вся шайка дружно клевала носом. Я просочилась в дверь, включила чайник и заварила зеленый чай. Дед любит выпить чашечку-другую после застолья. Его друзьям я тоже налила. Ген Геныч посмотрел на меня так, как будто я ему предложила миску собачьего корма.

— Пф, — фыркнул он. — Чай. Зеленый.

И вылил в свой бокал остатки шмурдяка. Семеныч от чая не отказался. Задумавшись, он положил себе семь ложек сахара, отхлебнул, удивился, поставил чашку, расплескав немного на стол.

— Ну что, пойдем развлекаться? — бодро предложил Ген Геныч, опрокинув в себя последний бокал.

— Ага, — сказала я. — Лет пять в вырезвители не были. По вам там все соскучились. И в полицию вас давненько не забирали. Пора напомнить о себе.

— Петрович, — обратился Ген Геныч к деду, — а чего у тебя внука такая дерзкая?

— Вся в меня, — ухмыльнулся дед. — Ладно, герой, решай: тебе такси вызвать или в гостевой постелить?

— Эх вы, старперы! — с искренним сожалением произнес Ген Геныч, резво вскочил, зашагал к двери, споткнулся о ковер перед диваном, рухнул частью на диван, частью на пол и громко захрапел.

— Один готов, — констатировал дед. — Придется тащить в кровать. Семеныч, помоги.

Втроем мы кое-как отволокли худого, но рослого и на удивление тяжелого Ген Геныча на кровать, потом вдвоем посадили Семеныча в такси и вернулись в квартиру деда.

— Иди ложись, я все уберу, — сказала я.

— Да мне пока не хочется спать. Давай вместе.

Дед мыл посуду, я вытирала ее полотенцем и раскладывала по местам. Дед не признает посудомойку, хоть она у него, по моему настоянию, имеется. Когда-то мы постоянно мыли посуду втроем — я, дед и бабушка. Лет в шесть меня распирало от важности, еще бы, мне доверяли такую ответственную миссию — вытирать тарелки, чашки и ложки. Дед всегда стоял у раковины, а бабушка убирала со стола и помогала мне расставить все по местам. Вроде бы ничего особенного, всего лишь мытье посуды, а сейчас эти моменты вспоминаются как самые счастливые...

Мы с дедом болтали о каких-то пустяках, смеялись, разбили одну тарелку и решили, что это на счастье... Давно у меня на душе не было так легко и спокойно. В конце я даже чуть не

рассказала деду о ссоре с Никой, но сдержалась. Ведь тогда мне пришлось бы объяснять причину, а к этому я не была готова. Хоть дед и самый близкий и родной человек, некоторые вещи ему знать не нужно. Для его же спокойствия.

Утром в нашу гостинцу пришла беда откуда не ждали — нагрянула с проверкой санэпидемстанция.

— Не иначе как Шапокляк на нас телегу накатала, — предположил дед.

Так, и не только за глаза, он звал хозяйку соседней гостиницы, конкурировавшей с нашей. У них не было бассейна, поэтому отдыхающие зачастую выбирали нас. Шапокляк это приводило в бешенство, что вполне естественно для злобной старухи. Вместо того, чтобы построить бассейн и успокоиться, она постоянно плела против нас какие-то интриги, которые, впрочем, особого вреда нам не приносили. Ну прям как в мультике, только наша Шапокляк была раза в три шире мультяшной в поперечнике.

С чистотой и всевозможными нормами у нас полный порядок, но, конечно, при желании всегда можно найти, к чему придраться. Вдруг как раз сегодня пол на кухне надраен не до блеска или где-нибудь в недрах холодильника завалился кусок чего-нибудь внезапно протухшего. Но, оказывается, внимание доблестных последователей Мойдодыра было направлено в другую сторону. Они предположили, что у нас есть грызуны — мыши и даже, страшно сказать, крысы. По косвенным признакам мы с дедом догадались, что эта информация поступила к ним извне. У деда от таких чудовищных обвинений бейсболка встала дыбом.

— Точно, Шапокляк, — шепнул он мне. — Старая кочерыжка.

А тетенькам-проверяющим он сказал:

— Если вы найдете хоть одну крысу, я на ней женюсь. В самом прямом смысле.

Одна из тетенок хихикнула, вторая посмотрела на деда так, что сомнений не осталось: если крыса найдется, деду придется сдержать свое обещание. Причем в ее присутствии.

После вышеизложенного обмена репликами тетеньки отправились на охоту — в первую очередь, конечно, в ресторан, а потом и в другие возможные места обитания грызунов — в прачечную, котельную, подвал. Мы с дедом следовали за ними, впрочем, на пятки старались не наступать, чтобы не злить и без того сердитую половину комиссии.

Когда мы входили в ресторан, нам на глаза попался что-то дожевывающий Аркадий. Уходить он не торопился. Остановился у двери, вежливо произнес: «Доброе утро», дождался, когда мы с дедом ответим, но и после этого не исчез, хоть я и сигналила ему глазами. Выходя вслед за тетеньками из ресторана, мы снова на него наткнулись. Он по-прежнему что-то жевал. Бойтся погибнуть от истощения и поэтому не уходит далеко от еды?

За время нашей поисковой крысиной экспедиции мы наткнулись на моего временного любовника еще два раза. Да что происходит? Пришлось улучшить момент и зажать его в темном углу.

— Ты что, специально перед дедом маячишь? — прошипела я.

— Ну, я подумал, если он злится, пусть лучше оторвется на мне.

— Что? — не поняла я.

— Ну... ты, вроде, собиралась ему все рассказать.

— С чего ты взял?

— Вчера, когда мы возвращались, ты сказала, что не будешь врать и изворачиваться.

Я пару секунд беспомощно хлопала глазами, а потом вспомнила.

— Ты понял все слишком буквально. Я ничего о тебе не говорила, хоть и не

изворачивалась. Так что можешь с чистой совестью идти развлекаться.

— Когда мы увидимся?

— Не знаю. Думаю, через пару часов освобожусь. Наберу.

Я почти ушла, но Аркадий вернул меня обратно и нежно поцеловал в шею. О, господи.

Через пару часов я не освободилась, и через пару пар тоже. Охота на крыс оказалась безрезультатной, и сердитая половина комиссии без добычи совсем озверела. Полагаю, дело было не только в крысах. Тетенька злилась на деда. Он тоже хорош! Не мог ради общего дела придержать свой язвительный язык. То и дело отпускал ехидные шуточки. Получалось забавно, мы со смешливой тетенькой постоянно хихикали, но сердитую это прямо-таки бесило. Видимо, она считала свою работу очень ответственной и серьезной, а поведение деда — совершенно неуместным.

Когда пришло время обеда дед, безо всякого ехидства, предложил комиссии отведать наших ресторанных яств. Сердитая тетенька наотрез отказалась, хохотушка заметно расстроилась. Мы как раз обследовали местность в районе бара, поэтому дед сказал:

— Ну освежиться-то точно нужно. Тридцать три градуса в тени. Позвольте предложить вам чего-нибудь прохладительного.

Тут даже злюка не смогла отказаться. Ее организм интенсивно избавлялся от жидкости, выделяя пот стаканами, так что ей определенно требовалось восстановление водного баланса.

Мы с комиссией расположились у бара. Бармен Виталик прорекламиривал свой фирменный коктейль «Супермохито», где некоторые традиционные ингредиенты заменялись на капельку абсента и пучок мяты.

— Мне безалкогольный, — бросила злюка.

— Мне тоже, — пролепетала хохотушка.

По всему было видно, что она прямо-таки жаждала вкусить эту самую каплю абсента, но находилась под каблуком своей сердитой товарки. Возможно, та была выше по званию.

Бармен подмигнул хохотушке и, когда наливал коктейль, все же капнул абсента. Дед, вращая глазами, намекнул, что нужно заправить зеленым зельем и второй коктейль. Виталик незамедлительно исполнил немую просьбу. Злюка сидела спиной к бару, так что манипуляций коварного бармена не видела.

Дед, взмахнув своим безалкогольным «Мохито» провозгласил тост за удачное для всех завершение экспедиции, хохотушка улыбнулась, злюка нахмурилась. Все выпили.

— Какой интересный вкус, — заметила смешливая тетенька.

— Это все мята. Мы ее сами выращиваем, — поспешил сказать дед.

Злюка в мгновение ока опустошила свой бокал, Виталик немедленно принес ей еще. Уже с двумя каплями абсента. Как опытный бармен, он знал, что после первой вкус притупляется, и выпивающий уже плохо понимает, что находится в его бокале.

После третьего бокала злюка продемонстрировала, что приятная компания вкупе с нужными напитками оказывает самое благотворное действие на человеческую природу. Она перестала хмуриться, на ее лице даже пару раз мелькнуло блеклое подобие улыбки. Мы с дедом не могли не заметить, что эта улыбка была адресована не нам, а исключительно Виталику. Бедолага еще не догадывался, какое испытание его ждет...

Но и он заметил перемены. Поэтому сменил фоновую музыку на что-то душевно-разухабистое, сделал ее погромче и стал менять пустые стаканы на полные еще более резво. После шестого коктейля, выпитого уже совсем не суровой санэпидемстанцией, дед

забеспокоился.

— Нам нужно не бесчувственное тело, а тело, способное поставить подписи в нужных местах, — шепнул он мне.

Виталику он сказал, что пора прекратить расходовать абсент, а злоке, превратившейся в обычную разухабистую тетку, каких пачками встречаешь на свадьбах, намекнул, что пришло время подписывать акты. Но ей, видимо хотелось активных телодвижений, потому что она начала подпрыгивать на стуле и ритмично кивать головой под музыку. Хохотушка не отставала, и я стала всерьез опасаться, что они пустятся в пляс. Будут, как курицы, взмахивать растопыренными локтями, вращать тазобедренными суставами и выкатывать в экстазе глаза. В три часа дня, у бассейна, где барахтаются дети, это было нежелательно.

— Давайте пройдем в конференц-зал, — предложил дед.

Без помощи Виталика было никак не обойтись, тот и сам это понимал — бывшая злока уже на нем повисла и, хихикая, пощипывала за бок.

— Как далеко ты готов зайти ради блага отеля? — серьезно спросил дед.

Виталик посмотрел на тетеньку, судорожно сглотнул и произнес:

— Я... это... если надо... Только текилы выпью.

— Да я шучу! — похлопал его по плечу дед. — Но за готовность к самопожертвованию ради общего дела хвалю. Выпишу тебе премию.

Виталик расплылся в улыбке. Еще бы, такая гора с плеч! Вернее, гору еще надо дотащить до конференц-зала. Но хоть дальше от него ничего не требуют.

Едва мы прибыли в конференц-зал, все акты были немедленно подписаны, а холодная минералка, которую по просьбе деда принесла официантка, употреблена по назначению. Вообще кондиционированный воздух конференц-зала заметно остудил пыл комиссии. В пляс они больше не рвались.

— Все-таки надо было их сначала накормить, — заметила я. — Теток совсем развезло. Нехорошо это.

— И сейчас не поздно, — сообразил дед и в мгновение ока, при помощи повара и официантов, организовал скатерть-самобранку.

Мы с ним принимали активное участие в застолье, лицемерно создавая иллюзию общего веселья. Виталик по-прежнему подносил бокалы с «Супермохито», но, по указанию деда, абсента в них больше не было. К концу затянувшегося обеда обе наши тетеньки были в полном порядке. Сердитая заметно подобрела, хохотушка продолжала радоваться жизни.

Когда мы посадили их в такси, дело уже шло к ужину.

— Вот это денек, — выдохнула я.

Дед торжественно пожал руку сначала Виталику, потом мне и провозгласил:

— Враг в очередной раз повержен. Но моя месть будет жестокой.

— Кому будешь мстить?

— Старухе Шапокляк, кому же еще!

— А вдруг это не она?

— А кто? Крокодил Гена с Чебурашкой? Завтра в двенадцать в администрации общий сбор. Будут призывать доблестных владельцев частных гостиниц не уклоняться от налогов. Там мы с ней и встретимся...

Голос деда звучал зловеще. Надо будет обязательно пойти с ним, помочь ему держаться в рамках. Кто знает, до чего может довести его воинственный настрой.

Добравшись до забытого в квартире телефона, я обнаружила, что он раскалился от звонков и смс. Я набрала номер Аркадия.

— Что за истерика? — спросила я, когда он взял трубку.

— У кого?

— У тебя! Семнадцать сообщений. Раз не отвечаю, значит, не могу. Занята. Чего орать?

— Я соскучился.

— Ха. Встретимся... не знаю. Через пару часов.

— Ты это говорила шесть часов назад.

— У меня был тяжелый день. Пойду полежу в ванне, смою пот и грязь.

— Вот бы мне с тобой...

— Ха.

— Да что за «ха»? Подцепила слово-паразит?

Точно, подцепила. От хохотушки.

— Увидимся вечером, — сказала я.

— А, может...

— Нет.

— Ну, ладно. Что будем делать?

— Сегодня, кажется, моя очередь придумывать план свидания. Я, пожалуй, не буду изощряться и просто приглашу тебя в ресторан.

— Может, просто придешь ко мне? — тихо и вкрадчиво произнес Аркадий. От его голоса и того, что он подразумевал, меня обдало жаром, как из духовки.

— Нет, ну это как-то... нелогично. Девушку сначала ужинают, а потом уже танцуют.

— Значит, «потом» все же будет, — обрадовался Аркадий.

— А ты как думал!

— Кто тебя знает...

— Ладно, я побежала.

И я действительно побежала. Вприпрыжку. Надо быстрее набрать ванну, а потом как следует повертеться перед зеркалом.

Я перетряхнула свой не такой уж обширный гардероб и не нашла ничего, что могло бы мне помочь вписаться в задуманный образ. А задумка была такая: я выгляжу сногшибательно, так, чтобы у Аркадия челюсть упала на пол. А то в последнее время он мало удивляется.

В конце концов, я девочка или мальчик?! Одни штаны, шорты и футболки. Летних юбок всего четыре, платьев чуть больше, но они все какие-то не такие. Хотя... Я сняла с плечиков то самое трикотажное платье, по поводу которого Ника была настроена так скептически. Она утверждала, что я никогда его не надену. А вчера она говорила, что я не женщина-вамп. Ха! Она ошибалась в обоих случаях.

Натянув через голову эту змеиную шкуру, я всунула ноги в туфли на каблуке и посмотрела в зеркало. Разрез сбоку почти до талии, вырез сверху ниже ватерлинии, облегает так, что я чувствую себя голой. И цвет — малиновый, как закат над морем. Вызывающе? Без сомнения. Пошло? Вероятно. Стоит мне это надевать? Не стоит. Но я надену. В конце концов, я женщина-вамп или кто?

С выбором белья пришлось помучиться. Все швы, бретельки и застежки проступали через тонкую ткань и портили впечатление. Ну не идти же без белья! С таким-то вырезом и разрезом. К счастью, в недрах моего бельевого ящика нашлась штуковина, купленная мною, так же, как это платье и знаменитое пальто-коврик в состоянии аффекта — супероблегающее черное боди со встроенным лифчиком и утягивающим эффектом. Производители умудрились изготовить его почти без швов и при этом снабдить внушительным пушапом. После того, как я, на глубоком выдохе, корячась и извиваясь, в него влезла, оказалось, что моя грудь стала на пару размеров больше. А талия, наоборот, меньше. Ого!

Разобравшись с одеждой, я приступила к макияжу. Нарисовала стрелки, стерла, так как рука дрогнула и одна получилась кривой, снова нарисовала, подправила, растушевала тени и нанесла тушь. Так, теперь помада. Нужно что-то яркое, под цвет платья. Пришлось смешать три тона, чтобы добиться нужного оттенка. Немного пудры, и я готова.

Не для того я наряжалась, чтобы, скрючившись, протиснуться в такси и смазать все впечатление от моего платья-вамп. Первоначальный план был именно такой — Аркадий вызывает такси и ждет меня в машине у заднего входа. Но теперь придется внести изменения. Я позвонила Аркадию, приказала ехать в кафе и ждать меня за столиком, который я предварительно заказала. Объяснение я придумывать не стала, просто проинформировала его, что так надо.

В ожидании его отъезда я соорудила на голове замысловатую прическу с участием шпилек, невидимок и лохматого цветка. Разобрала — я не Кармен, чтобы носить имитацию растительности на голове. Скрутила волосы в жгут и закрепила заколкой. Так-то лучше. Пора вызывать такси, по всем расчетам Аркадий должен уже быть на месте. Ехать-то тут не больше пятнадцати минут.

Ресторан «Летняя терраса» — уникальное заведение. Он находится в центре города, занимает два просторных зала, зимний и летний, перед его посетителями открывается потрясающий вид на море и набережную, и при этом, даже в разгар сезона, в нем на удивление малоллюдно — в то время как во всех соседних заведениях яблоку негде упасть. Дело в том, что это, в некотором роде, секретное место. Для своих.

Его владельцам принадлежит куча доходных предприятий нашего города, от гостиниц до клубов и аквапарков, «Летнюю террасу» они открыли не для прибыли, а для души. Они не никак не рекламируют ресторан, более того, вход в него не так-то просто найти. Заведение находится на последнем этаже гостиницы, куда поднимаются на специальном лифте, предварительно сообщив швейцару пароль: «Я на террасу». Вход, естественно, свободный, но чужие туда забредают не часто. Чаще всего здесь тусуются местные, многие любят приводить гостей, чтобы насладиться произведенным впечатлением. Таинственность, шикарный вид, уют в стиле французского Прованса и изысканное меню обычно никого не разочаровывают. Еще один существенный плюс «Летней террасы» — музыка. В отличие от абсолютного большинства местных заведений, здесь не отплясывают под Сердючку и не подпевают хором хитам Стаса Михайлова. Так любимый нашей публикой шансон в «Террасе» тоже не услышишь. Здесь царит ненавязчивый мелодичный джаз, иногда блюз, изредка — рок-н-ролл.

Итак, я получила смс о прибытии машины, взяла клатч, бросила последний взгляд в зеркало и вдруг поняла, что не могу выйти из квартиры в таком виде. Мой план был сразить наповал Аркадия, а не довести до инфаркта деда, который, по закону подлости, обязательно

вывернет из-за угла, когда я буду дефилировать к выходу. Производить неизгладимое впечатление на случайных прохожих в мои планы так же не входило.

Я снова бросилась к выпотрошенному шкафу, цапнула с верхней полки сине-голубое парео с разводами и обмотала его вокруг своего развратного платья. Я стала похожа на бабочку, нижней частью вылупившуюся из кокона, а верхней все еще остающуюся внутри него. Когда я высвобождала из складок импровизированного палантина руку, телефон нетерпеливо пискнул: пришла повторная смс. Похоже, таксист в нетерпении бьет копытом. Ничего, подождет.

Раздумывая, в какой момент мне следует полностью сбросить кокон, я поднялась на лифте. Стеклопанные двери ресторана открыли передо мной полную панораму зала. Я увидела Аркадия, который, как ему и было сказано, сидел за моим любимым столиком в углу у окна. В его руках был телефон, его глаза, естественно, были прикованы к экрану гаджета. Эй, не туда смотришь! Сейчас перед изумленными взорами публики появится новоиспеченная женщина-вамп в малиновом платье с боковым разрезом до талии и вырезом глубиной с черное море. И ты запросто можешь проморгать ее феерическое шествие между столиками.

Я почти размотала свой многослойный кокон, собираясь оставить его в холле на кресле, как вдруг мой взгляд упал на один из немногих занятых столиков вблизи двери. Я перестала разматываться и застыла с открытым ртом. Вот уж неожиданность так неожиданность! В зале «Террасы», вымытые, приодетые и, скорее всего, надушенные, сидели Лапоть и Ерш. Они бросали нетерпеливые взгляды в сторону двери, Лапоть был слегка сердит, Ерш натянуто улыбался и что-то вещал своему товарищу. По всему видно — они кого-то ждут. Двойное свидание? На Лаптя не похоже, но, видимо, сегодня не одна я веду себя эксцентрично.

Что делать? Появиться перед ними во всей неотразимо развратной красе — значит, дать повод для самых изощренных шуточек Ерша на несколько месяцев вперед. Я вполне могу обойтись без них. Значит, разматываться рано. Войду в коконе и сброшу его непосредственно у нашего с Аркадием столика. Очень кстати, что он уткнулся в телефон, увидит меня в нужный момент, и ни секундой раньше. Хорошо бы еще подружки спасателей пришли поскорее, тогда им будет не до меня.

Забросив конец парео на плечо, я взялась за ручку двери и потянула ее на себя. Лапоть и Ерш устремили в моем направлении взгляды, в которых читались надежда, преданность и бесконечный восторг. Так псы обычно смотрят на хозяина, вернувшегося домой с работы. Но это был не хозяин. Вернее, не девушки, которых они ждали. Это была я. Надежда и преданность в глазах моих друзей-спасателей сменились бесконечным удивлением. Видимо, они не ожидали меня здесь увидеть. Еще меньше они ожидали, что я устрою весьма оригинальный стриптиз. Для меня, кстати сказать, это тоже было неожиданностью.

Край парео сполз с моего плеча, зацепился за угол двери, да так прочно, что, сколько я его не дергала, это не дало результата. Барахтаться на полу, отцепляя своевольный кусок ткани, я посчитала нецелесообразным. Поэтому просто позволила кокону разматываться. Чем дальше я отходила от двери, тем меньше ткани на мне оставалось. В финале на мне осталось лишь то, что уже не могло разматываться — облегающее малиновое платье откровенного кроя.

Ерш и Лапоть выглядели как ударенные молнией: их рты были распахнуты, челюсти со скрежетом упали на пол, глаза вылезли из орбит и болтались на тонких веревочках. Если я и преувеличиваю, то совсем немного. Вероятно, они подумали, что представление с разоблачением было разыграно специально для них, и это поразило их до глубины души.

Поравнявшись с их столиком, я небрежно бросила:

— Привет, мальчики! У вас свидание? Хорошего вечера.

Лапоть промычал что-то неразборчивое, по эмоциональной окраске — возмущенное. Ерщ, как обычно, оказался менее сдержанным. Сначала из его уст вырвалось пара слов, которые приличным барышням ни знать, ни слышать не полагается. Впрочем, ничего обидного в них не было. Они выражали безусловное удивленное восхищение. Потом он взял себя в руки и произнес:

— Я так и знал!

— Что ты знал?

Мне стало интересно, я даже притормозила немного.

— Ты не Русалка, ты Клеопатра!

Я фыркнула и пошла дальше.

Аркадий все еще был увлечен своим телефоном. Вид у него был какой-то замороженный. Пора бы его разморозить, не время сейчас предаваться унылому созерцанию. Я мысленно приказала ему поднять глаза и посмотреть в мою сторону. Сила моей мысли была так велика, что подействовала на всех в радиусе километра, даже повар высунулся из двери кухни. Но Аркадий был глух к моим приказам.

Как бы медленно я ни шла, заказанный мной столик с сидящим за ним бесчувственным чурбаном неумолимо приближался. Еще немного — и я окажусь перед самым его носом, а в такой перспективе он не сможет сполна оценить эпатаж и вызов моего наряда. Недолго думая, я прицелилась и зацепила клатчем солонку с одного из столиков. Тонкостенная стеклянная посуда упала на покрытый плиткой пол и разлетелась на мелкие кусочки. Происходило все это, к моей радости, с весьма приличным грохотом.

Тот, для кого предназначался звуковой сигнал, как по команде поднял глаза, скользнул взглядом по моей фигуре, изящно огибающей кучку соли и стекла на полу и снова уставился в телефон. Правда, через секунду он рывком вскинул голову и всмотрелся внимательнее, после чего его челюсть скрипнула и поползла вниз. За всеми этими телодвижениями я оказалась прямо перед ним. Аркадий, в отличие от моих друзей-спасателей, очень быстро пришел в себя. Он встал, схватил меня за руку, свободную от клатча, поднес ее к своим губам и произнес:

— Мадемуазель, вы сногшибательны. Я сражен наповал.

— Привет, — выдавила я.

Надо было подготовить ответную речь. А так я не знала, что сказать, поэтому просто села отодвинутый им стул. Аркадий смотрел на меня, улыбался, но что-то было не так. Во-первых, эффект от моего чумового наряда оказался далеко не таким сногшибательным, как я рассчитывала. Он слишком быстро пришел в себя и, как мне показалось, на самом деле не так уж и сильно удивился. Во-вторых, взгляд у него был какой-то пустой, как будто он смотрит не на меня, а на что-то, находящееся за тридевять земель отсюда.

Официант принес меню, смотреть в него я не стала, так как знала наизусть. Упомянутые мною выше владельцы заведения были консервативны: они выбрали пару десятков своих любимых блюд, утвердили с поваром их рецепты и никогда ничего не меняли. Так что выбор был небольшим, но зато каждое блюдо представляло собой шедевр. Я заказала форель, запеченную под сырной корочкой и зеленый салат с соусом капрезе. Аркадий попросил то же самое.

Шампанское разлито, горка салата аппетитно зеленеет на тарелке, я блистаю нарядом и

остроумием, а Аркадий по-прежнему не разморозился. В конце концов, это дурной тон! Пришел на свидание с девушкой — убери пелену с глаз, смотри на нее, а не на своих невидимых призраков!

— Проблемы? — решила я ступить на хрупкий лед.

На самом деле мне не нужно этого знать.

— Тебя что-то беспокоит? — парировал Аркадий.

— Тебя.

— Все окей.

Пинг-понг. Я кисло улыбнулась. Аркадий встрепенулся и, наконец, посмотрел на меня по-настоящему. Его взгляд вперился в мою грудь, приподнятую встроенным лифчиком и прикрытую минимальным количеством ткани.

— Ты сегодня очень... — он замялся.

— Обольстительна? — предположила я.

— Более чем, — с видом знатока, оценивающего возраст вина, кивнул он. — Но не только.

— Сексуальна? — выдвинула я следующее предположение.

— О, ну это твое неотъемлемое свойство. Всегда.

— Тогда, может, развратна?

— Э-э-э. Вероятно.

Даже сейчас, когда его глаза открылись, он смотрит на меня совсем не так, как Ерш с Лаптем и остальные, не очень многочисленные, посетители кафе, наблюдавшие мой феерический выход. Вернее, вход. Он не поражен. Не сражен наповал. Его челюсть больше не скрипит и на пол падать не собирается.

— Тебе не нравится мое платье?

А чего ходить вокруг да около?

— Оно твое? — спросил Аркадий.

— Нет, у ночной бабочки отжала!

Аркадий коротко заржал.

— Что не так? — спросила я.

— Все восхитительно, — он положил руку на мое запястье. — Особенно ты.

— Но платье тебе не нравится.

— Не буду отрицать, что без платья ты мне нравишься гораздо больше.

На самом деле по его виду не похоже, что он жаждет меня раздеть. Скорее, похоже, что он ждет, когда закончится это нудное свидание, и он сможет беспрепятственно вернуться к своему телефону. К своим делам, к своей жизни.

В этот момент меня пронзила ясная и четкая мысль: неделя — это слишком много. Вспышка страсти закончилась, интерес увял. Мимолетный роман потому так и называется, что длится всего пару мгновений. Увидел — захотел обладать — получил — все. Конец. Помидоры, как говорится, завяли, чувства, которых, в общем-то, и не было, иссякли. И не только у него. У меня тоже. Вот сейчас я смотрю на него, и мне совсем не хочется, чтобы его губы прикоснулись к моей шее, чтобы его руки, нежные и сильные, стянули эти дурацкие бретельки этого нелепого малинового платья.

Глупо получилось. Не вовремя я вырядилась, как... э... девушка с пониженной социальной ответственностью. Смотреть в пустые глаза Аркадия мне не хотелось, хотелось немедленно сбежать, но вместо этого я залпом выпила бокал шампанского. Внимательный

официант в то же мгновение снова его наполнил.

— Ну, — я подняла бокал и посмотрела на Аркадия. — За перемены.

— К лучшему? — спросил он.

— Несомненно.

Второй бокал тоже не смог утолить мою разгоревшуюся жажду. А разгорелась она в том числе и потому, что я заметила, как Аркадий украдкой смотрит на экран телефона. Надо встать и уйти. Это самый лучший выход. Дальше будет только хуже. Мы сидим тут, молчим, как совершенно чужие друг другу люди... Почему так? Мы и есть чужие. Все, что было, было прекрасно, а теперь все закончилось. Что тоже неплохо. Впереди — что-то другое. Может, еще более прекрасное. Точно. По-другому и быть не может. Жизнь вообще прекрасна и удивительна... Особенно после трех бокалов шампанского.

Телефон Аркадия пискнул, он бросил взгляд на экран и вскочил.

— Руслана, извини, но мне срочно нужно позвонить.

Он положил руку на мое предплечье и проникновенно заглянул в глаза. Кажется, он впервые назвал меня по имени. Вообще меня мало кто зовет полным именем, даже звучит непривычно. И официально.

Я кивнула, Аркадий вышел на балкон, а я оглядела зал. С моего места мне плохо было видно столик Ерша и Лаптя, поэтому я пересела на стул Аркадия. Наблюдать за моими друзьями-спасателями было забавно. Лапоть выглядел злым, Ерш пытался скрывать свое недовольство. По взглядам, которые они время от времени бросали на дверь, я догадалась, что их продинамили. Девушки не пришли. Какая жалость! Бедный Лапоть. Ершу, кобелине, конечно, так и надо.

Лапоть как будто собрался уходить, даже отодвинул стул, но тут официант принес графин водки с закуской, и он придвинул его обратно. Ерш держал речь. Представляю его слова: «Да ладно тебе, посидим вдвоем, по-мужски. Когда мы в последний раз вот так сидели?». Слышать этого я не могу, слишком далеко, но догадаться нетрудно. Лапоть, как всегда, недовольно бурчит, но уходить уже не планирует. И правда, куда торопиться? Дома телевизор и слипшиеся пельмени, а тут вкусная еда, да еще и веселящие напитки...

Тут Ерш поднял глаза, увидел меня и отсалютовал мне рюмкой водки. Я в ответ подняла бокал шампанского. Лапоть тоже махнул в мою сторону своей ручищей, в которой рюмка совсем затерялась. И тут меня осенило: чего я кисну в компании замороженного Аркадия, когда рядом друзья, с которыми точно не будет скучно и неловко?

Я взяла клатч и, с бокалом шампанского в руках продефилировала к их столику.

— Если не возражаете, я слегка разрушу вашу интимную атмосферу.

— Русалка! — обрадовался Ерш. — Молодец, что пришла. Зачем тебе нужен этот тухлый сдых? С нами веселее.

Лапоть буркнул что-то одобрительное. Мы чокнулись и выпили.

— Шампанского даме! — провозгласил Ерш.

Лапоть произнес какую-то невнятную фразу, я разобрала только «глупости» и «как люди». После этого он плеснул в мой бокал щедрую порцию водки. Мне было уже все равно, я выпила и вдруг заметила перед собой неизвестно откуда взявшуюся форель. Видимо, официант подсуетился. Очень вовремя. Говорят, пить на пустой желудок вредно для печени. И для головы. Вот сейчас я как следует закушу, и с моей головой точно все будет в порядке.

Форель была на удивление вкусной, только немного сухой, поэтому меня постоянно мучила жажда. Я попросила у официанта воды, он принес. Тем временем Лапоть снова

подлил водки в мой бокал для шампанского.

Я уже не замечала, что пью, и не слышала тостов, произносимых красноречивым Ершом. Об Аркадии я совсем забыла, а когда вспомнила и оглянулась на покинутый мной столик, то заметила, что его там нет. Ушел... Прекрасно. Так и должно быть. Не придется ждать еще два дня. Долгие прощания никому не нужны. Надеюсь, у него хватит такта завтра же съехать из нашего отеля. Поживет остаток отпуска где-нибудь в другом месте. И я его больше никогда не увижу. Что мне, собственно, и нужно.

— Потанцуем? — внезапно предложил Ерш, поднимаясь со стула и протягивая мне руку.

— Подожди, — Лапоть опустил свою тяжелую ладонь на его плечо и внимательно посмотрел на меня. — Хочешь танцевать?

— Хочу! — с энтузиазмом согласилась я.

Вообще-то я не большой любитель танцев на полный желудок, но сейчас мой возбужденный адской алкогольной смесью организм требовал движения. Ерш вывел меня на свободное от столиков место и положил руки мне на талию. Вид у него при этом был довольный, как у кота, упавшего в ведро со сметаной. Я только сейчас услышала, что играет какая-то медленная композиция Элвиса Пресли. В «Террасе» сегодня, кажется, вечер посвященный королю рок-н-ролла. Ввиду интенсивности происходящих событий я до этого не вслушивалась в музыку, но сейчас осознала, что самый романтичный в мире голос звучит уже давно.

Я едва успела опустить ладони на плечи довольного Ерша, как мелодия сменилась. Это снова был Элвис и рок-н-ролл в его самом чистом виде. Скорее всего, я никогда в жизни не танцевала под такую музыку, но сегодня особенный вечер, моя душа то ли поет, то ли стонет, и безумные танцы — самый лучший способ ее успокоить. Мысль о растекшемся по крови шампанском, приправленном водкой, придавала мне смелости и я, что называется, отошла. Ерш, увидев мои зазорные конвульсии, не растерялся и присоединился. Вскоре я заметила неподалеку еще одну извивающуюся пару, потом еще... Такого чинная и изысканная «Терраса», наверное, не видела никогда.

После третьего трека мои силы пошли на убыль, тут, очень кстати, музыка снова замедлилась, я упала в объятия Ерша и повисла на нем. Его руки, поначалу целомудренно покоившиеся на моей талии, через какое-то время поползли вниз.

— Ершик, — вкрадчиво произнесла я. — Мы же с тобой друзья?

— Ну так. Ясен пень.

— А чего же ты, любезный друг, меня лапаешь?

— Ой, извини, рефлекс.

Он резво вернул руки на место.

— Так-то лучше.

— Вообще ты в этом платье на друга не очень похожа.

— А на кого я похожа?

— Ну... на Клеопатру.

— Ту, которая после жаркой ночи откусывала любовникам головы насмерть?

— Какую жуть ты рассказываешь. Ага, на эту.

— А ты бы согласился?

— Чтоб мне голову откусили?

— Умереть после ночи любви.

— Э-э... с тобой?

— Да при чем тут я?

— Ну, с тобой, может, и согласился бы. Чисто по дружбе. А так нет. Столько еще девчонок недолюбленных по свету бродит! Кто ими займется, если я безвременно погибну?

— А ты, Ерш, все о своем. Никак не угомонишься.

— Меня, между прочим, Андрей зовут.

— Да ну? — удивилась я. — Никогда бы не подумала. Не похож ты Андрея.

— На Ерша похож?

— Ага. Вылитый. Что-то у меня голова кружится. Пожалуй, хватит на сегодня танцев.

Я плюхнулась на свой стул, выпила содержимое обоих своих бокалов, причем оно показалось мне одинаковым на вкус.

— Ну вы даете, — сказал Лапоть. — Я вас в ютуб выложу.

— Ты снимал?

Я попыталась схватить его телефон, но оказался проворнее и быстро убрал его в карман.

— Само собой.

— Ну и выкладывай, — неожиданно для самой себя согласилась я. — Буду звездой интернета. На пьедестале почета между козой, сожравшей пиджак, и мужиком, обматерившим гаишника. Самое подходящее для меня место.

— Ты же его удалишь? — с неожиданной суровостью спросил Ерш.

— Да удалю, удалю. Завтра поржем, и все.

— Давайте сегодня поржем, — предложила я, сделав хороший глоток из своего, неведомо как, снова наполнившегося, бокала.

Да что за вкус у этой водки? Как вода. Я поставила бокал и засмеялась. Ерш присоединился. Лапоть посмотрел на нас, как на умалишенных и достал телефон. Я, продолжая смеяться, плеснула в него водкой из бокала. Ерш плеснул чем-то в меня. Я повернулась к нему, чтобы достойно ответить, и тут мои глаза уперлись в знакомые рваные джинсы, оканчивающиеся белыми кроссовками «Reebok».

— Потанцуем?

Аркадий протянул руку, видимо, надеясь, что я опущу в нее свою ладонь. Но я не опустила.

— Спасибо, я уже натанцевалась.

Белые кроссовки не двинулись с места.

— Девушка не хочет танцевать. Еще вопросы?

Это Ерш.

— Тогда, может, просто поболтаем? — продолжал Аркадий.

И чего он приперся? Было так весело. Все испортил. Я уже вычеркнула его из своей жизни, а он снова нарисовался. Зачем?

— Чего-то не хочется, — выдавила я.

— Эй, ты тугой что ли?

Снова Ерш. Обостряет ситуацию.

— Уважаемый, я не с тобой разговариваю.

Это Аркадий. Я все еще не хочу поднимать голову и встречаться с ним глазами. Не хочу, и все.

— А давай, поговори со мной, — Ерш с грохотом отодвинул стул и поднялся.

— Какие проблемы? — вежливо поинтересовался Аркадий.

— Пойдем, выйдем?

— Не вопрос.

Я посмотрела на Лаптя. Он был невозмутим, как кусок камня. Почему он не утомит Ерша? Когда я снова повернула голову в сторону белых кроссовок, они уже удалялись. Рядом с ними шагали черные потертые «Конверсы» Ерша. Я испугалась и растерялась. Что делать?

— Да не кипешуй ты, — выдал Лапоть. — Все будет нормально. Ерш на вид дриш дрищем, но дело знает. Десять лет кикбоксингом занимался.

Вот уж неожиданный факт из биографии моего давнего знакомого!

— То есть они драться будут? И Ерш победит?

— Не факт.

— Что не факт?

Лапоть пожал плечами.

Я вскочила на ноги, Лапоть схватил меня за руку и усадил обратно. Я попыталась выдернуть руку, но его клешня была цепкой. Тогда я лягнула его ногой. Он, как будто, и не заметил.

— Пусти меня! — возмущенно прошипела я.

— Чего ты суетишься? Сами разберутся, не маленькие.

— Как разберутся? Морду друг другу набьют?

— А ты за кого болеешь?

— Ни за кого, — буркнула я.

— А чего тогда подскакиваешь?

— Да глупо это все. Зачем им вообще разбираться? Из-за меня? Я-то вообще ничего такого не хотела.

— А чего ты хотела?

— Да ничего!

— Если твоему сдыху морду набьют, будешь его жалеть?

— Да пошел ты!

Я выдернула руку из клешни Лаптя и снова выпила.

— О, — Лапоть посмотрел за мое плечо. — Я же говорил, все будет тип-топ.

Я повернулась и чуть не упала со стула. Ерш и Аркадий возвращались назад. Насколько я могла видеть, физиономии обоих были в полном порядке. Но это ладно. Они чуть ли не держались за руки, во всяком случае, дружески похлопывали друг друга по плечам. Аркадий скалился во все свои восемьдесят восемь белоснежных зубов, Ерш от него не отставал. А ведь раньше я не замечала, что он такой зубастый!

Ерш уселся на свое старое место, Аркадий — на свободный стул напротив меня. Деваться было некуда, пришлось встретиться с ним взглядом. В его глазах отсвечивала сияющая улыбка, больше я ничего не разглядела.

— Поговорили? — спросил Лапоть.

Оба кивнули с чрезвычайно довольными рожами. Что они там, на балконе, делали, хотела бы я знать? Пили и целовались?

— За красные перчатки! — поднял стопку Ерш.

Мы все чокнулись. Какие еще перчатки? Может, еще за синие носки выпьем? Может, я уже так много выпила, что чего-то не понимаю?

Аркадий неотрывно сверлил меня взглядом, Ерш, по своему обыкновению, трещал без умолку, Лапоть то и дело что-то куда-то наливал. А мне вдруг стало невыносимо душно.

Надо выйти на балкон, освежиться. Перед глазами все плывет и кружится, как на карусели.

Такое со мной уже бывало. В первый раз, когда мы на дискотеке с одноклассниками выпили пару бутылок какого-то ликера, ничем не закусывая. И еще раз уже в студенческие годы, на буйной вечеринке после одного бесславного события. Оба раза наутро мне было так плохо, что хотелось немедленно утопиться в унитазе, чтобы прекратить мучения. И оба раза я клялась, что больше никогда не буду столько пить. Ну что ж, я продержалась довольно долго. А сейчас, насколько я знаю из опыта, начнутся провалы в памяти. Завтра я не буду помнить того, что сейчас произойдет.

Я увидела, что Ерш и Лапоть поднялись.

— Пойдем покурим, — объяснил Ерш то ли мне, то ли самому себе.

— Я с вами, — сказала я.

— Ты не куришь, — проинформировал Ерш.

— Вы тоже!

— Сиди.

Лапоть положил мне на плечо свою тяжелую клешню. Нет, что он о себе думает? Командует мной весь вечер! Я посмотрела на него испепеляющим взглядом, но прожечь дырку в его толстой шкуре мне так и не удалось. Поэтому я перевела взгляд на Аркадия. Его-то шкурка почувствительней будет.

— Говори, — скомандовала я.

— Говорить? — он снова улыбнулся. Так и хочется запустить в него солонкой. Но, боюсь, второй экземпляр «Терраса» мне не простит.

— Ты же их выгнал.

— Попросил.

— Не важно.

— Да, я, действительно, хотел тебе кое-что сказать. Для начала — извини.

— За что?

Вот уж не ожидала такого поворота событий.

— Я был непозволительно груб.

— Не припомню такого.

— Вернее, невнимателен.

— На здоровье. Мне-то что. Слушай, я тоже хотела тебе кое-что сказать. Давай не будем затягивать. Семь дней — это слишком долго.

— Что?

— Мне казалось, мы друг друга прекрасно поняли. Зачем ты снова пришел?

— Что значит — снова? Я никуда не уходил.

— Ты уходил.

— Мне очень нужно было поговорить по телефону. Я совершенно не хочу грузить тебя, но сегодня необычный день. Решался важный вопрос. Жизни и смерти.

— Твоей жизни и смерти?

— И моей тоже.

Я уставилась в свой бокал. Меня охватила растерянность. Вопрос жизни и смерти... Так серьезно? А я злилась, что он не уделил должного внимания моему платью. Все усложняется. Я этого не люблю.

— Ты удивительная, — сказал Аркадий.

— Чего?

— И танцуешь потрясно.

— Ты видел?!

Я почувствовала, как мое лицо, до самых корней волос, заливает горячая пунцовая волна.

— Мне, правда, очень понравилось. И всем остальным тоже.

— Каким еще остальным?

— Ну... весь ресторан аплодировал.

Правда, что ли? Я никаких аплодисментов не слышала. Пить надо меньше, вот что! Больше никогда и ни за что! Интересно, я завтра вспомню этот наш разговор?

— Это не я танцевала.

— Коллективный глюк?

— Это во мне танцевали разные напитки. Ты что, не видишь? Я же вдребезги пьяная. Ты у меня в глазах двоишься.

Так и есть. Почти. Аркадий не двоился, но слегка расплывался. Видимо, двоиться он начнет чуть позже.

— Так ты, говоришь, в зюю? — раздался бас Лаптя.

Они с Ершом, видимо, уже покурили или погуляли, или что они там делали? Может, танцевали фокстрот под звуки спрятанного на балконе клавесина. Сегодня удивительный вечер, еще и не такие чудеса возможны. А на балконе так вообще происходит что-то невероятное. Надо бы навестить это дивное место.

— Точно, — ответил за меня Ерш. — Невооруженным глазом видно — девушка в дрова.

— Странно, — задумчиво произнес Лапоть. — Впервые вижу, чтобы кто-то так пьянел от простой воды.

— Что?! — спросили мы с Ершом и Аркадием хором.

Наше трио уставилось на Лаптя квадратными глазами. Потом мы синхронно перевели глаза на ополовиненный графин с водкой и две пустые бутылки с водой. Аркадий захохотал первым.

— В глазах двоится, говоришь, — еле выговорил он сквозь хохот.

— Но я же помню... — растерянно бормотала я. — Я пришла, ты налил мне водки в бокал, я выпила. Потом ты налил еще. И так много раз.

— Ну да, — кивнул Лапоть. — Водка была. Граммов двадцать. В первый раз. А потом только вода.

Он развел руками. Трясущийся от смеха Ерш сполз со стула, Аркадий последовал за ним. Лапоть оставался невозмутимым. А я вдруг осознала, что трезва как стеклышко. А ведь минуту назад я чувствовала себя абсолютно пьяной. Вот она, сила внушения! С одной стороны хорошо, что я не напилась. Не придется обниматься с белым холодным другом — а ведь я уже на это настроилась. И голова завтра не будет болеть. Но с другой стороны — это как-то глупо.

Я посмотрела Лаптю в глаза, взяла графин, щедро плеснула в свой бокал водки — получилось чуть больше половины — и залпом выпила. Вернее, собиралась залпом выпить. От непомерно большого глотка у меня перехватило дыхание, жидкость пошла не в то горло, мне показалось, что я сейчас задохнусь и умру. Очень глупая будет смерть — на глазах у почтенной гогочущей публики захлебнуться в бокале водки.

Лапоть треснул меня по спине, остатки водки вылетели изо рта и, почему-то, из носа. Я схватила второй бокал, с водой, чтобы погасить пожар, полыхающий в моей носоглотке. Ерш

и Аркадий тоже вполне могли пасть смертью храбрых — они задыхались от смеха. Я промокнула лицо салфетками и украдкой огляделась. Люди за соседними столиками, кто с любопытством, кто с раздражением, поглядывали в нашу сторону. Хорошо, что ресторан почти пуст и все посетители сидят довольно далеко. Но все равно — я покрыла себя несмываемым позором.

— Из-за вас я больше никогда не смогу придти в это заведение, — прошипела я, откашлявшись. — А мне, между прочим, тут нравится.

— Из-за нас? — удивился Ерш, уже оправившийся от приступа истерического смеха.

— Да, — твердо произнесла я. — Из-за вас всех. Особенно из-за тебя. — Я строго посмотрела на Лаптя. И из-за тебя тоже, — пришла очередь Ерша получить мой прожигающий железом взгляд.

— Ну а больше всех, конечно, виноват я, — вмешался Аркадий.

— Несомненно.

— По-моему, здесь больше делать нечего, — продолжила я.

— Точно! Мы с Лаптем как раз подумываем пойти в клуб.

— Я не подумываю, — отметил Лапоть.

— Отличная идея, — провозгласила я. — Я на секунду удалюсь.

Пока я искала свой клатч, Лапоть подозвал официанта, тот, кивнув на Аркадия, сообщил, что молодой человек уже закрыл счет. Лапоть возмутился таким произволом, Аркадий произнес что-то примирительное, после этого я ушла.

Зеркало в туалете явило мне потрепанное существо с перекосившейся прической, без помады и со слегка потекшими глазами. Я распустила и расчесала волосы, влажной салфеткой удалила потеки и накрасила губы. Вполне приемлемо. Во всяком случае, теперь я не так сильно похожа на запойную проститутку. Еще бы отыскать свой палантин... Что-то мне абсолютно расхотелось щеголять в развратном платье.

Бравую тройцу я застала уже в холле, они продолжали над чем-то посмеиваться. Уж не надо мной ли? Даже не знаю, как относиться к тому, что Аркадий спелся с Ершом и Лаптем. В нормальной ситуации я бы, пожалуй, обрадовалась, но в той, что есть... Нет, это совсем ни к чему. Но что я могла поделать?

Я вернулась к двери, заглянула в ресторан, окинула взглядом холл.

— Что-то потеряла? — спросил Аркадий.

— У меня был палантин.

— Тот кусок ткани, с которым ты устроила стриптиз? Это было великолепно, поверь мне, — восхищенно заявил Ерш.

— Какой стриптиз? Я что-то пропустил? — удивленно вытаращился мой временный любовник.

Да, пропустил!

— Не было никакого стриптиза! — огрызнулась я. — Просто мой палантин зацепился за дверь.

— А почему я ничего не видел? — огорчился Аркадий.

— Ты смотрел в телефон.

— А, точно. Пока меня не отвлекла разбившаяся солонка.

Хватит уже все это мне припоминать! Да, я сегодня была немного сумасшедшей. Ну и что? С кем не бывает?

— Палантин — это что-то вроде шарфа или покрывала? — уточнил Аркадий.

— Именно.

— Да зачем он тебе нужен? Так прикольное, — это, конечно, Ерш.

— Замерзла, — отрезала я.

Я продолжала оглядываться по сторонам: вдруг кто-то из официантов все же подобрал мое имущество и где-нибудь его пристроил. Аркадий подошел к одному из окон, обрамленных гардинами нежного зеленого цвета, намотал ткань на руку, и изо всех сил дернул. Струящееся полотно упало к его ногам, карниз скрипнул и накренился.

— Подойдет? — спросил он, поднимая кусок ткани длиной метра четыре и шириной метра два.

— Ага, — кивнула я.

Секунду назад я заметила свой палантин, мирно лежащий на нижней полке журнального столика. Но теперь это было неважно. Конечно, я воспользуюсь тем, что добыл мой бесстрашный и изобретательный рыцарь.

Ерш выдал что-то восхищенно-матерное.

Аркадий подошел, замотал меня в гардину и чмокнул в щеку.

— Ты мой герой, — прошептала я.

— Так-то тут камеры стоят, — Лапоть кивнул на потолок.

— Бежим! — крикнул Ерш.

— Теперь нас точно больше никогда сюда не пустят! — сказала я.

— О! — воскликнул Аркадий. — Как неловко.

Он подошел к камере, приложил ладонь к груди, поклонился, достал из кармана несколько купюр, продемонстрировал их прибору, потом подошел к фикусу на окне и засунул их в горшок.

Мы дружно захохотали и втиснулись в открывшиеся двери лифта. Во время неспешного движения на первый этаж вся компания сосредоточенно обрывала крючки с моей гардины. Видимо, сегодняшний вечер в «Летней террасе» запомнят надолго.

Все-таки мы затащили Лаптя в клуб, как он ни отбивался. Пришлось применить физическую силу Аркадия, ловкость Ерша и мое обаяние. В клубе было весело, особенно Ершу. Он довольно быстро познакомил себя и Лаптя с симпатичными девушками, а мы с Аркадием под шумок сбежали.

Я все еще была замотана в зеленую портьеру, и мне этот вариант вечернего костюма нравился гораздо больше, чем предыдущий. В нем было тепло и уютно, как в одеяле. Сегодняшний вечер был, пожалуй, самым прохладным за последний месяц. Легкий ветерок приятно охлаждал кожу, остужал разгоряченные мысли, расслаблял и успокаивал. За вечер много чего произошло, но сейчас это все было неважно. Думать, анализировать, и, тем более, что-то предпринимать, абсолютно не хотелось.

Выйдя из клуба, мы пошли по набережной в сторону, противоположную от отеля, дошли до конца и повернули обратно. Как бы медленно мы ни шли, отель неумолимо приближался.

— Пойдем ко мне? — спросил Аркадий.

— Ты забыл...

— Я не забыл. Давай разделимся. Я пойду первым, ты придешь попозже. Так нас никто не увидит вместе.

— То есть ты хочешь, чтобы я прошла через весь отель, мимо охранника, администратора, ночной горничной и еще кого-нибудь, кто обязательно попадется мне на пути, завернутая в штору?

— А кто знает, что это штора?

— А потом скрылась в номере самого сексапильного постояльца гостиницы, — продолжала я. — Материала для сплетен хватит на год. Еще и до деда дойдет.

— Э-э... Ну тогда... Я знаю, что делать!

По блеску в глазах Аркадия, я поняла, что через секунду он предложит что-то совершенно сумасшедшее, и мне лучше убежать сейчас, пока я этого не услышала. Но я не убежала.

— Никто тебя не узнает, — произнес он радостным шепотом. — Ты замотаешься в штору, как в паранджу. С головой.

— Ты рехнулся.

— Да! Мы сделаем это. Я надеюсь, вход в ваш отель восточным женщинам не воспрещен?

— Э... нет.

— Приводить к себе гостей тоже, вроде, разрешается?

— Ну... да.

По правилам лица, не проживающие в отеле, должны покинуть его до 12 ночи, но на деле мы закрывали глаза на присутствие в номерах посторонних. Если запретить постояльцам заводить курортные романы, они будут выбирать другие отели. Так что да. Теоретически Аркадий мой привести в свой номер женщину, замотанную в штору, выдаваемую за паранджу.

Не успела я и слова сказать, как Аркадий размотал уже ставший мне родным кусок ткани и обмотал меня им заново, забросив один конец на голову. Я не видела, что получилось, но чувствовала, что мне теперь трудно идти. Через секунду мне стало еще и

неудобно смотреть — Аркадий обернул тканью мою голову и лицо, оставив лишь узкую щель для глаз.

— Что ты делаешь! Я еще не согласилась!

— Разве?

Он отошел, чтобы полюбоваться на творение своих рук.

— Замечательно. То, что нужно.

— Я хочу на себя посмотреть!

— Э-э... Пошли.

— Куда ты меня тащишь?

— К зеркальной витрине.

Вскоре я смогла лицезреть себя во всей красе. Если в начале вечера я была похожа на бабочку, вылупившуюся из гусеницы лишь нижней частью, то теперь я полностью превратилась в зеленую гусеницу.

— По-моему, на паранджу не очень похоже.

— Вот и хорошо.

— Я думала, мы пытаемся добиться сходства.

— Мы пытаемся добиться, чтобы тебя не узнали.

И то правда.

— Готова?

— Подожди!

Я дала себе пару секунд на размышления: стоит ли оно того? Размышлять было нечего: стоит. Осталась всего пара дней. Я и так чуть не лишила себя возможности еще немного насладиться ни к чему не обязывающим восхитительным курортным романом.

Вытянувшееся лицо Марины, дежурившей за стойкой, я видела лишь мельком. Сразу же отвела глаза, мне казалось, что она может узнать мой взгляд. Но ей похоже, было не до этого. Я вошла первой — Аркадий придерживал дверь. Она вскинула голову и уставилась на меня, забыв о профессиональной невозмутимости. Подоспевший Аркадий взял меня под руку, и мы пошли. Поравнявшись с Мариной, он произнес:

— Чудесный вечер, не правда ли?

— Э-э, да, конечно.

— Мне нравится сегодняшняя прохлада, а вам?

— Да, я... да.

— Доброй ночи.

Мы уже входили в лифт, а Аркадий все не мог уговориться. Я ткнула его в бок, чтобы он прекратил этот неуместный диалог.

— Доброй ночи, — растерянно пролепетала нам вслед Марина.

Освещение в лифте было ярким, зеркало большим, и я, наконец-то, увидела себя во всей красе. Увидела и вскрикнула: гардина была полупрозрачной. Сквозь нее явственно проступали очертания моей фигуры и даже малиной цвет платья. Черты лица под тканью различить было непросто, но если, к примеру, подозревать, что это я...

— Она меня узнала!

— Уверен, что нет. Не сомневаюсь ни секунды. Ты видела ее лицо?

— Видела... Но ткань прозрачная.

Аркадий посмотрел в зеркало.

— Не совсем. И только при этом освещении. А здесь, кроме меня, тебя никто не видит.

Двери лифта открылись, за ними стояла ночная горничная Лиза со шваброй в руках. Вообще-то персонал не должен пользоваться гостевым лифтом и, насколько я знаю, они это правило соблюдают. Появлению Лизы, да еще и с рабочим инструментом, может быть только одно объяснение: ей позвонила Марина. Поделилась впечатлениями. И Лиза, конечно, рванула к лифту, чтобы посмотреть на явившееся в наш скромный отель чудо в перьях, то бишь в куске зеленой ткани. Так торопилась, что даже не успела избавиться от швабры.

— Добрый вечер, — вежливо произнесла Лиза.

— Вечер добрый, — отозвался Аркадий, загоразывая меня своим широким плечом. Я тем временем, судорожно поправляла ткань на лице. Ее там должно быть как можно больше.

Лиза отошла в сторону, я просеменила мимо нее, опустив глаза, Аркадий, как мог, пытался оказаться между мной и любопытными глазами горничной. Завтра я буду хитом дня! Все, кому не лень, будут обсуждать таинственную незнакомку, которую привел к себе Аркадий, несомненно, для самых извращенных плотских утех.

Мы ввалились в дверь, рухнули на ковер и расхохотались. Я так ослабла от смеха, что не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Из моих глаз, куда-то к ушам, текли слезы. У Аркадия, в отличие от меня, руки не ослабли. Он попытался высвободить меня из моего зеленого кокона, но это оказалось не так уж и просто. От его рывков ткань затягивалась еще туже. Тогда он стал перекачивать меня, как куль, и так я постепенно высвободилась. Но сил встать у меня не было. Очень уж смешно все это выглядело. Аркадию пришлось сгрести меня в охапку, чтобы положить на кровать.

Он решил не останавливаться на достигнутом и начал стягивать с меня платье.

— Весь вечер мечтал снять с тебя это, — бормотал он.

То, с какой интонацией он произнес «это», заставило меня насторожиться.

— Подожди, — остановила его я. — Так мое платье тебе все-таки не нравится?

— Ни капельки.

— Я сейчас обижусь.

— На здоровье.

С удивительной ловкостью, вероятно, выдающий большой опыт, он освободил меня от платья. Боюсь, с боди ему никакой опыт не поможет. Лично я ему помогать не планирую. Я обижена за платье. Не нравится оно ему, видите ли!

Через несколько минут Аркадий начал рычать, как тигр, из-под самого носа которого убежал обед. Я предчувствовала, что очень скоро от боди останутся одни клочки. Ну и пожалуйста. Оно жутко тесное и вряд ли я захочу его еще когда-нибудь надеть. Как его снять, я, кстати говоря, совершенно не представляю. Вероятно, самым лучшим выходом будет острый кинжал.

— Харакири, — пробормотала я.

— Что?

Аркадий замер и прислушался к моему шепоту.

— Я хочу сделать себе харакири. У тебя есть кинжал?

— Э-э... может, не стоит? Твой танец был не так уж плох...

Зачем он напомнил?! Не хочу об этом думать. Не было ничего!

— Может, ножницы есть? — продолжала я деловито. — Маникюрные, например.

— К сожалению, свой маникюрный набор я забыл дома.

Ну почему мне не пришло в голову включить такой важный в хозяйстве предмет, как

ножницы, в стандартную комплектацию номера? Или хотя бы только люкса. И ведь никто не подсказал, не посоветовал. И ножа в номерах нет. Только чайные ложки. Я, что, теперь навечно замурована в этом боди?

— Рви зубами, — скомандовала я Аркадию и откинулась на подушки.

Должны же его восемьдесят восемь белых отполированных зубов хоть на что-то сгодиться! Вскоре я услышала хруст материи.

— Передавай от меня пламенный привет своему стоматологу, — успела прошептать я, прежде чем погрузиться в восхитительное бездумное блаженство.

— Может, устроим пожарную тревогу? — предложил Аркадий. — Все выбегут на улицу, а ты спокойно пойдешь домой.

— Хорошая идея, — похвалила я. — Но не подходит. Дед наверняка будет бродить по гостинице, проверять оставшихся. И я совершенно точно на него наткнусь.

Мы уже полчаса пытались придумать, как мне выйти из номера Аркадия незамеченной. Это было сложно. Я не сомневалась, что после вчерашних событий он находится под особым вниманием персонала. Весть о закутанной по самые глаза незнакомке наверняка разнеслась по отелю, и всех разрывало от любопытства. Они не упустят шанса рассмотреть ее поподробнее при дневном свете!

Вариантов было немного: я могла либо выйти, либо остаться тут навсегда. Второй вариант вообще не вариант, так что нужно снова выбирать: выйти в платье или без платья. Не голышом, естественно, а, например, в футболке и шортах Аркадия. Может, отправить его в магазин, чтобы он купил мне что-нибудь повседневное? Это не решит всех проблем, но хотя бы избавит от одной. При любом раскладе я не хочу снова натягивать это жуткое малиновое платье. Главная проблема, магазин — это слишком долго. При самом благоприятном раскладе весь процесс займет не меньше двух часов. А мне нужно успеть вернуться домой до того момента, как дед уйдет на собрание. Ведь я обещала пойти с ним.

Сейчас почти одиннадцать, у меня осталось не больше получаса. Что же предпринять?

— Может, мне вылезти по водосточной трубе?

— Не сомневаюсь, ты была бы шикарной женщиной-кошкой, — ухмыльнулся Аркадий. — Черная лайкра смотрелась бы на тебе даже круче, чем вчерашнее платье.

— Решено. Лезу.

— Вот только водосточной трубы возле моего окна нет.

Я подошла к зеркалу и еще раз полюбовалась тем, как на мне сидит футболка Аркадия. Почти как платье. Но сразу видно, что часть мужского гардероба, и что у меня позади бурная ночь. Да... От мыслей о вчерашнем меня просто бросает в дрожь. Не надо сейчас об этом думать. Оставлю эти воспоминания на потом, буду перебирать их в памяти долгими одинокими вечерами, лежа в ванной... Так! О чем это я?

О том, что на мне будет надето, когда я буду дефилировать по коридорам гостиницы под пристальными взглядами любознательного персонала. О! Обычно по утрам я хожу в купальнике и полотенце. Возвращаюсь с пляжа. Купальника у меня с собой нет, но полотенце, очевидно, найдется. Чем можно заменить купальник? Если отрезать облегающий верх моего малинового платья, а низ прикрыть полотенцем... будет очень похоже! Я почти озвучила свою гениальную идею, но вовремя вспомнила, что подходящего костюма мало. По утрам я возвращаюсь в купальнике с моря, а не выхожу из номера, находящегося под самым пристальным вниманием. Я вообще не захожу в гостиницу, пользуюсь отдельным входом.

Нет, эта проблема неразрешима. И о чем я только вчера думала? Надо было идти домой.

Я подошла к шкафу и произвела ревизию гардероба Аркадия. Футболки, рубашки, джинсовая куртка, шорты...

— Неужели у тебя нет ни одного сарафанчика?

Аркадий оскалился, сверкнув зубами.

— По-моему, эта футболка смотрится на тебе шикарно.

— Значит, надо переодеться. Моя цель — выглядеть не шикарно, а незаметно.

— Это я и хотел сказать. Футболка вполне незаметная, просто я знаю, что под ней ты. А ты выглядишь шикарно.

Я кисло улыбнулась. Compliments мне сейчас не помогут.

Из двух шорт Аркадия я выбрала самые короткие, со шнурком на талии. Не хотелось бы бегать по коридорам со спущенными до колен штанами, я же не начинающий репер. Футболку поменяла на самую маленькую. Но и она висела на мне, как мешок на пугале. Осталось надеть туфли на шпильках, взять в руки клатч — и можно на подиум.

Аркадий невозмутимо наблюдал за тем, как я перетряхиваю его гардероб. Мог бы, кстати говоря, хоть чем-нибудь помочь. Не знаю, чем, но вальяжно возлежать на растерзанном ложе, в то время как я волнуюсь и мечусь по комнате — это просто свинство. Как будто прочитав мои мысли, он оторвал от кровати свой ничем не прикрытый мускулистый организм, подошел ко мне сзади и обнял.

— Ты похотливое животное, — заявила я, и, поверьте, у меня для этого были все основания.

— Да, — не стал отрицать очевидного мой почти уже оставшийся в прошлом любовник. — А ты?

— Всю свою похоть я истратила сегодня ночью.

— Точно?

Э-э... не совсем. Одного поцелуя в шею будет достаточно, чтобы костер моих желаний вспыхнул снова. Но Аркадию это знать необязательно.

Я попыталась вырваться из его нежных цепких лап. Мне вообще не до этого! Меня ждет. Лапы не разжались, как я ни дергалась.

— Ты же не хочешь увидеть меня в гневе? — угрожающе произнесла я. — Я бы не советовала. Испортишь все впечатление от нашего феерического романа.

— Вообще-то хочу увидеть, — пробормотал Аркадий куда-то в мой затылок. — И в гневе, и в радости, и в смущении...

О чем это он?

— Мне пора. У тебя есть какой-нибудь пакет? Не идти же мне с клатчем и на каблуках, в самом деле.

— То есть ты просто выйдешь? — удивился Аркадий, ослабил хватку и я выскользнула.

— Да, — ответила я, озираясь по сторонам в поисках пакета.

— Но тогда все узнают...

— Да. Это провал.

— А, может... — начал Аркадий.

— Не может, — оборвала его я. В этот момент мне почему-то очень хотелось тюкнуть его по темечку каблуком моей лаковой туфли. — Все эти трюки не сработают. Я все равно должна выйти. И выйду. Мне не нравится шухариться, как крыса в подвале!

— Какой слог! — восхитился Аркадий. — Я преклоняюсь перед твоей готовностью броситься грудью на амбразуру. Я не шучу.

И правда, кажется, не шутит.

— Но... — продолжил он.

— Никаких «но», — возразила я, вытряхивая из пакета, найденного в шкафу, носки

Аркадия.

— Даже приговоренному дают последнее слово. Просто выслушай меня.

— Ну, — требовательно произнесла я.

— Все знают, что ты в номере, — вкрадчивым голосом, как будто рассказывая сказку, начал Аркадий. — И ждут, что ты выйдешь.

— Да ты что! Вот удивил.

— Не перебивай. Вопрос вот в чем: когда они перестанут тебя ждать?

— Чего?

— Когда они перестанут поджидать и высматривать тебя?

— Ну и когда?

Я не хотела ему помогать.

— Когда ты уйдешь.

— Ну надо же! Гениально.

Туфли и клатч были втиснуты в пакет. Можно идти. Я сделала пару весьма решительных шагов по направлению к двери.

— Никто не будет тебя высматривать, — произнес Аркадий. — Ты уже ушла.

Я остановилась. Моя челюсть тихонько скрипнула и накренилась вниз.

Аркадий рассказал мне свой план за тридцать секунд. Он выходит из номера и идет к стойке администратора. По пути спрашивает всех, кого можно, об исчезнувшей девушке. Тайственная незнакомка в малиновом платье и зеленом покрывале ускользнула рано утром, пока он еще спал!

Администратор, горничные, охранник — все будут в недоумении. Как она могла прошмыгнуть мимо них незамеченной? Видимо, это произошло где-то с четырех до шести, когда те, кто был на дежурстве, дремали, а остальные еще просто не пришли. Какая досада! Все соберутся внизу, чтобы обсудить происшествие. Никто больше не будет ее, то есть меня, высматривать. И я благополучно перемещусь в свою квартиру.

— Это гениально!

В порыве чувств я бросилась Аркадию на шею, уронив пакет.

Через пару минут мой сообразительный сообщник высунул голову из-за двери и подмигнул.

— Я дам тебе сигнал, когда путь будет свободен.

Я хотела выдохнуть с облегчением, но поняла, что еще рано. Меня еще может поджидать масса неожиданностей в извилистых коридорах нашей гостиницы.

Все прошло безукоризненно, даже не о чем рассказывать. Я думала, Аркадий даст мне сигнал по телефону, но он осчастливил меня личным присутствием: стоял на стреме, пока я с независимым видом выходила из его номера и шествовала вдоль коридора. Я поднялась по лестнице, вошла в дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен» и оказалась в наших с дедом апартаментах.

Дед, кажется, был уверен, что я ночевала дома. Во всяком случае, когда я переоделась в свое и вышла к завтраку, он говорил только о подлой Шапокляк и не менее подлой городской администрации, которая пытается навязать нам невыгодную схему уплаты налогов.

У нашей Шапокляк нет черной шляпки блином, длинного носа и ридикюля с крысой внутри. Хотя за обитателя ее безразмерной, отнюдь не дамской, сумочки может сойти карманный муж, который обычно следует за ней, как верный пес, выполняющий команду «к ноге». По сравнению с ней он такой миниатюрный, что она вполне могла бы носить его в своем бауле вместо той-терьера.

Мы встретили их в холле перед актовым залом, где должно было проходить собрание. Дед сразу ошетинился и почти начал рыть когтями земли, готовясь к схватке. Вот сейчас как раз наступил тот момент, ради которого я, с помощью Аркадия, обвела весь персонал гостиницы вокруг пальца.

Я сказала:

— Фу!

Ну, то есть, не совсем так. Но посыл был именно такой. Я постаралась в доходчивых выражениях внушить деду, что прямая схватка, да еще в присутствии свидетелей, не принесет никакой пользы. И даже морального удовлетворения. Шапокляк начнет верещать как потерпевшая и науськивать на деда своего карманного мужа. Не будет же дед с ним драться, это неспортивно, у них слишком разная весовая категория. Драться с самой Шапокляк тоже не комильфо, она какая-никакая, а все же дама...

Так и представляю, как она зажимает голову деда под мышкой и дубасит его своим баулом, а карманный муж бегаёт вокруг и, потягивая, пытается цапнуть беспомощного врага за штанину.

Повиснув на руке деда, я не дала ему приблизиться к этой нелепой парочке. Сейчас он этим недоволен, но, я уверена: позже, поразмыслив, он будет благодарен, что избежал позорной публичной свары.

Я почти уснула под пламенные речи пылкого оратора, призывавшего с трибуны не увиливать от налогов и грозившего владельцам частных гостиниц масштабными и при этом внезапными проверками. В зале царили скептицизм и скука. Кто-то с недоверием пытался вникнуть в три предлагаемые схемы налогообложения, кто-то пялился на экран телефона, а кто-то, как я, клевал носом. И зачем мы все тут собрались?

На выходе из здания городской администрации я столкнулась со своей старой знакомой Ленкой Петровой. Вернее, Еленой Грин — именно так теперь себя именуёт эта широко известная в узких кругах художница. Когда-то мы вместе занимались в кружке бисероплетения, а потом встретились в Питере. Я осваивала скучное и презренное гостиничное дело, она парила в заоблачных высях изобразительного искусства. Мы общались не очень тесно, но было приятно, находясь вдали от дома, иногда поболтать с кем-то, кто помнит тебя с ободранными коленками и рогаткой в школьном портфеле.

Правда, теперь Ленка у меня ассоциируется с величайшим провалом моей жизни. Да что там Ленка — целый прекрасный город ассоциируется, хотя ни в чем не виноват. За время учебы я полюбила Питер всей душой, но теперь мне туда совершенно не хочется, даже на пару дней. Вот идиотство!

Ленка напала на меня, как коршун на цыпленка. Затискала, обслюнявила, оглушила радостными воплями. Мне пришлось вести себя соответственно — не стоять же столбом. Дед, не ожидавший от меня такого аффективного поведения, испугался и сбежал, а мы немного побродили по набережной, почти не разжимая объятий. Моя питерская подруга непрерывно щебетала, радостно и очень быстро. Я почти захлебнулась под этим восторженным потоком, но главное все же уловила: по побережью гастролирует выставка

молодых художников, в ближайшие две недели она осчастливит своим присутствием наш скромный городок. Сегодня открытие. И, самое главное, — на выставке представлены целых три Ленкиных работы! Я горячо поздравила ее с успехом и клятвенно пообещала, что непременно буду на открытии, ровно в семнадцать ноль-ноль. Придется идти, а что делать.

Прощались мы, по инициативе эмоциональной и любвеобильной Ленки, не менее горячо, чем здоровались. И тут случилось странное и неловкое происшествие. Пока Ленка меня слюнявила, я углядела на заднем плане свою любимую подругу Нику. Она шла куда-то по своим делам, как обычно, размахивая сумочкой, но, увидев меня в объятиях другой, как будто споткнулась, изменилась в лице, остановилась, а через секунду зашагала дальше. В ускоренном темпе, чаще и резче размахивая сумочкой, как будто убегала.

Ленка тоже умчалась — готовится к открытию, а я стояла посреди набережной столбом, не зная, что предпринять. Догнать Нику? И что? Сказать ей что-нибудь вроде: «это не то, что ты думаешь»? Объяснить, что она моя любимая подруга, а Ленка так, случайная знакомая? Полный абсурд. Как будто муж застукал меня с любовником.

Я не смогла придумать приемлемого выхода из этой на удивление дурацкой ситуации, стоять столбом тоже было как-то не с руки, так что я повернула в нужном направлении и зашагала в сторону дома.

Аркадий увязался на выставку со мной. Я не хотела его брать, потому что не горела желанием объяснять Ленке, кто это. А потом подумала: какого черта? Не буду ничего объяснять, и все. Никому нет дела до того, с кем я посещаю культурные мероприятия, пропагандирующие современное искусство.

Соблюдая конспирацию, мы встретились на набережной — никаких объятий и, тем более, поцелуев. Просто пошли рядом. Через пару минут случилось странное происшествие: Аркадий поздоровался с каким-то дядечкой, явно местным, а не отдыхающим. Тот назвал его Аркашей и, вроде бы, собрался приступить с расспросами, но мой спутник ловко ушел от разговора.

Мы шли дальше. Я молчала, Аркадий пытался развлекать меня остроумными замечаниями обо всем, что попадалась ему на глаза. А мне на глаза ничего не попадалось, перед ними была непрозрачная пелена — потому что я смотрела вовнутрь себя и то, что я там видела, вгоняло меня в тоску. Ненавижу это тянущее чувство неловкости и дискомфорта, оно хуже изжоги! Появляется оно, когда что-то идет не так, а я не могу это немедленно исправить. Вот сейчас наши отношения с Никой свернули вообще не в ту колею, и это меня страшно мучает. Мы не успели помириться после той дурацкой ссоры, а теперь все стало еще хуже! Мне хочется немедленно метнуться к Нике домой и любыми способами сделать так, чтобы все было как раньше. Но, зная горячий нрав своей подруги и помня все те случаи, когда я обжигалась, понимаю: лучше подождать, дать ей остыть и посмотреть на ситуацию трезвым взглядом. Если я приду к ней прямо сейчас, мы еще больше поругаемся. Но ждать и терпеть эту душевную изжогу просто невозможно!

— Хочешь мороженого? — спросил Аркадий.

Весьма кстати. Возможно, нечто холодное и сладкое способно потушить тлеющее внутри моей души пламя. Где она, кстати, находится, эта самая душа? По моим ощущениям, где-то над желудком. Так что мороженное может сработать — это как приложить к душе лед.

— Фисташковое, — сказала я. — И безо всяких там сиропов.

Аркадий со всех ног бросился выполнять возложенную на него миссию. Он улыбался продавщице мороженого, и его зубы сияли еще ослепительнее, чем обычно. Полирует он их по утрам, что ли? Внезапно я поняла, в чем дело — он загорел. Раньше он был бледный, а теперь приобрел оттенок молочного шоколада «Аленка», и на этом фоне его и без того белые зубы кажутся еще белее. Сколько дней он уже здесь? Я точно помню, что сегодня шестой, предпоследний день нашего мимолетного курортного романа. А приехал он дня за два-три до этого.

Девять дней назад я и не подозревала о его существовании. А теперь... Что теперь? Ничего.

Я сграбастала принесенное Аркадием мороженое и в изжоговом запале откусила половину шарика. Через секунду я издала жалобный протяжный звук. От жадности я отхватила слишком большой кусок, зубы свело от адского холода, быстро проглотить откушенное не получалось, а выплевывать, вроде, как-то не очень красиво...

Аркадий встревожено посмотрел на меня, я замахала рукой, мороженое, наконец, проскользнуло в желудок.

— Холодное! — пожаловалась я.

— Странно. Я четко сказал: мне горячего мороженого.

— Ха-ха.

Мороженое съедено, липкие руки очищены влажными салфетками, можно смело затесаться в ряды почтенной публики, рвущееся увидеть шедевры молодых художников. Охлаждение желудка благотворно повлияло на душевную изжогу. И то хорошо.

— Уже пять, — сказал Аркадий. — Нам еще далеко?

— Ну... Сначала метров двести прямо, потом налево, пройти два квартала, повернуть направо, войти парк и идти по дорожке до выставочного павильона. Опаздывать нежелательно, Ленка обидится.

— Они же все равно вовремя не начнут. Никто не начинает.

— Кто последний, тот собачья какашка! — выкрикнула я и помчалась со всех ног по озвученному выше маршруту.

Аркадий, судя по всему, несколько секунд стоял столбом, отходя от шока. Никто не ожидает от взрослой девицы, занимающей должность директора гостиницы, подобного инфантильного поведения. Он догнал меня на повороте к парку, я попыталась подставить ему подножку, но запуталась в задних конечностях и едва не упала сама. Аркадий поймал меня в ту секунду, когда мой нос стремительно приближался к твердому и шершавому асфальту.

— Ну ладно, — выдохнула я. — Так и быть. Собачья какашка — я.

И почему он все время меня обгоняет и обыгрывает? Так нечестно!

— Не-ет, — протянул Аркадий.

Он даже не запыхался! А я, между тем, тяжело дышала. Неудобно бегать с набитой мороженым утробой.

— Да, — отрезала я. — Уговор есть уговор.

— Ты — конфетка, — заявил Аркадий, притянул меня к себе и поцеловал.

Прямо в губы! Прямо на глазах у почтенной публики, спешащей на открытие выставки! На мгновение я выпала из реальности, закружившись в вихре упоительных ощущений. Жадные губы Аркадия застали меня врасплох, они увлекали, дразнили, обещали, его рука скользнула вверх, пальцы нежно обхватили шею... Нечеловеческим усилием воли я остановила головокружение.

— На нас все смотрят, — сердитым шепотом произнесла я и поправила волосы.

— Тебе очень идет стыдливый румянец, — заметил Аркадий и взял меня за руку, увлекая к выставочному павильону.

— Нет никакого румянца, — огрызнулась я.

Мои щеки пылали.

Я могу догадываться, о чем говорили ораторы, открывающие выставку, в числе которых был наш мэр, но воспроизвести их речи у меня не получится даже приблизительно. Я ничего не слышала. Мы с Аркадием привалились к стеночке, спрятавшись за спинами на удивление плотной толпы пришедших, и уставились на трибуну, где выступающие довольно быстро сменяли друг друга. Он держал меня за руку, я прислонилась головой к его плечу. Стена была прохладной, плечо — теплым, ладонь Аркадия — мягкой и надежной. Кажется, я задремала — стоя и с открытыми глазами — и меня посетила удивительная греза о том, как я навсегда впечаталась в эту стену, вернее, растворилась в ней вместе с то ли с целым Аркадием, то ли с его рукой.

Я собиралась найти Ленку и засвидетельствовать свое присутствие, но она нашла меня первой, я едва успела выдернуть руку из лапы Аркадия. Моя подруга-художница была задрапирована в нечто пестрое, по форме напоминающее мою вчерашнюю портьеру, а по цвету — летний салат.

— Appetitный матерьяльчик, — высказалась я.

— Ручная роспись, — поделилась Ленка. — Я сама узор придумала.

— Правда? Обалдеть. Очень красиво.

Аркадий поздоровался, но знакомить их я не стала. Незачем. Ленка, кажется, подавала мне сигналы о своем желании быть представленной, но я их проигнорировала. Не хочу и не буду. Вскоре эта яркая экзотическая птичка упорхнула, предварительно указав нам местоположение своих работ и успев шепнуть мне на ухо:

— Великолепный экземпляр. С удовольствием взяла бы в натурщики.

Я хмыкнула и не стала передавать Аркадию этот комплимент.

Когда мы начали неспешный обход выставки, моя душевная изжога возобновилась, но на этот раз она была вызвана не конфликтом с любимой подругой, а болезненными воспоминаниями, охватившими меня в этом вместилище просвещения и культуры. Сколько раз я бывала на подобных мероприятиях с другим спутником, на которого страстно и мучительно хотела произвести впечатление! И сколько раз меня ждало горькое разочарование, приправленное приторной снисходительностью!

В той части выставки, с которой мы начали, преобладали анатомические картины, где люди, как водится у современных художников, выглядели либо пугающе, либо отталкивающе, либо и то и другое вместе. У некоторых не хватало частей тела, у других были лишние, у одного гражданина вместо головы наличествовал костер, другой представлял собой гибрид человека и явно нездорового кролика, у третьего в самых неожиданных местах торчали змеи...

— На удивление реалистично, — высказалась я.

— Сюр-натурализм, — заметил Аркадий.

Моя нога, занесенная для следующего шага, застыла в воздухе. Сердце, готовое к следующему удару, на мгновение споткнулось. Я боялась поднять глаза на Аркадия. Я была почти уверена, что увижу все еще не забытое покровительственно-снисходительное выражение. Когда-то я воспринимала его как поощрение, чуть позже мечтала о том, чтобы оно сменилось восхищением, потом оно стало вызывать у меня нервный тик... Неужели все повторяется?

Кажется, пришло время сказать пару слов о моей первой взрослой любви, завершившейся бесславно, если не сказать позорно.

Его звали Герман, в честь прадедушки-гусара, который в свободное от укрощения лошадей и девиц время писал дивные лирические стихотворения. Прадедушка оставил после себя мемуары, медальон, ставший семейной реликвией, и великолепный набор генов, улучшенный последующими поколениями путем вступления в брак с тщательно отобранными кандидатами. Природа непредсказуема, гены могут перемешаться внезапным и обескураживающим образом, но в случае с Германом она сработала идеально. Ему досталось самое лучшее от нескольких поколений интеллигентов и аристократов, умудрившихся остаться таковыми даже при советском строе.

Он был высок, строен и изящен, его волосы сами собой укладывались в элегантные волны, глаза сверкали незаурядным умом и блестящей эрудированностью, тонкие гибкие

пальцы как будто созданы были для того, чтобы извлекать божественные мелодии из клавишных, струнных и прочих инструментов. Да, он играл на скрипке, на рояле и немного на арфе. С пяти лет занимался с репетиторами английским и французским, читал Бодлера и Рембо в оригинале, переводил пьесы Шекспира и сонеты Петрарки. Вместо песочницы бабушка водила его в Эрмитаж и консерваторию.

Я же в детстве ходила в кружок бисероплетения и в школьную секцию баскетбола. А на досуге читала детективы и любовные романы.

Я была очарована, покорена и сражена насмерть. Поколения гусаров, фрейлин двора, профессоров, академиков, художников, выставившихся в Лувре, и пианистов, концертирующих по всем пяти континентам, смотрели на меня из-за плеча Германа и, как будто, шептали: «Мы — белая кость, сливки и элита. Мы живем необыкновенно утонченной, возвышенно-духовной идеальной жизнью. Нам доступны горние выси и заоблачные дали. Мы — избранные». Я умирала от зависти. Мне тоже хотелось чувствовать оттенки настроений в произведениях Бетховена, понимать, о чем страдал Дюрер и цитировать Теннисона в оригинале. И я очень старалась.

Герман был моим учителем, я — прилежной ученицей. Я надеялась, что его тонкие изящные руки вылепят из меня нечто достойное. Я была податливой глиной в его руках, заглядывала ему в рот, пока он возвышался надо мной на своем пьедестале из хрусталя и мрамора. Он был мягок, терпелив, снисходителен. Я оправдывала его ожидания, а в некоторых случаях, даже, замирая от счастья, превосходила. В основном эти случаи касались интимной стороны отношений. Так что это не помогло, когда, наконец, через два с половиной года отношений, пришло время быть представленной его великолепному семейству.

Подготовка началась за месяц до знаменательного события. Я была натаскана по всем вопросам этикета и хороших манер, проинструктирована по поводу подходящих тем для разговоров и моих желательных ответов на возможные вопросы. Я знала, как себя вести, если речь пойдет о вещах, в которых я плохо разбираюсь — а таких была бездна! Мною, под надзором Германа, было куплено уродское темно-синие платье с жестким воротником. Волосы, по его же настоянию, я зализала в пучок, похожий на фигу.

Как это ни удивительно, но тогда все это казалось мне нормальным. Все, что он делал, я принимала как должное. Я не возмутилась даже в тот момент, когда он заставил меня стереть вполне нейтральную помаду, назвав ее вульгарной и повторно принять душ, чтобы избавиться от запаха моих, слишком кричащих, духов. Поистине, любовь зла! Начисто лишает мозгов.

Герман страшно волновался перед смотрами, у него даже руки слегка дрожали, когда он нажимал на звонок квартиры своих родителей. А я довольно быстро успокоилась. Мне показалось, что все идет хорошо — мне все рады, я вижу со всех сторон улыбки и слышу комплименты. Как я была наивна! Принимала за симпатию простую вежливость. Я мнила себя Золушкой — простушкой, очаровавшей своей красотой и непосредственностью прекрасного принца и все его семейство, но на деле я оказалась героиней совсем другой сказки. Как нетрудно догадаться, это была сказка про Русалочку, которая всей душой полюбила того, кто ей не предназначался.

Хоть я и не поняла этого сразу, смотрины провалились. Чего и следовало ожидать. Провинциальная выскочка, в родословной которой значатся лишь грубые крестьяне, неотесанные рыбаки и простые солдаты, была недостойна благородного отпрыска голубых

кровей. Герман не сказал мне этого прямо, но с того момента его отношение ко мне резко изменилось. Он стал холодным, отстраненным, совершенно недоступным. Я чувствовала, что мысленно он уже не со мной и догадывалась, что он готовится к серьезному разговору.

И тогда я собрала всю свою гордость в кулак, и первая предложила расстаться. Какое он испытал облегчение! Напряженная складка на его благородном челе, появившаяся в последние дни, наконец-то разгладилась. Я не обманула его ожиданий и благополучно самоустранилась в последний момент.

В отличие от сказочной Русалки, я не превратилась с морскую пену, хотя очень хотела этого. Я не умерла от разрыва сердца, не сошла с ума бесконечными бессонными ночами, наполненными бездонным мраком. Меня не сбила машина, и мне на голову не упал случайно пролетающий кирпич, хотя я страстно мечтала об этом. Я выжила. Я даже неплохо сдала выпускные экзамены, хотя, кажется, это сделала не я, а мой робот-заместитель. Я вернулась домой. Боль постепенно утихла. Но я все еще избегаю своих однокурсников, которые были свидетелями несбывшегося мезальянса, не решаюсь вернуться в Питер и, как выяснилось, болезненно реагирую на мероприятия, связанные с современным и прочим искусством.

Аркадий, между тем, переместился в следующий раздел выставки, увлекая за собой меня. Здесь мне понравилось больше. Художник, как и я, любил море, он видел его ярким и пестрым, не боялся применять зеленый, темно-фиолетовый и даже ярко-розовый.

— Какие колористические контрасты, — высказался Аркадий.

Ну что ж, мне не привыкать.

— Прослеживается импрессионистский хроматический круг, — выдала я заученную в былые времена фразу.

Аркадий бросила на меня мимолетный взгляд, в котором, как мне показалось, промелькнуло удивление. Что, не ожидал от примитивной провинциальной Русалки? Получи! Правильно, конечно, что не ожидал. Я не разбираюсь в живописи. Так же как в музыке, поэзии, скульптуре и театре. У меня не было гувернанток и происхождения я самого плебейского. Почему рядом со мной снова оказался человек, который смотрит на меня сверху вниз?!

Когда мы добрались до угла, в который были втиснуты работы моей питерской подруги, я с облегчением выдохнула. Притворяться не придется. Это в самом деле очень красиво. Я не знаю, как называется этот стиль и это направление в живописи, но на меня оно производит самое радостное впечатление.

Цветы. Едва угадываемые за нагромождением беспорядочных на первый взгляд мазков, нежные, трепетные, живые. На первой картине — маки с васильками, на второй — тюльпаны, ну а на третьей — целый разноцветный и разнокалиберный луг.

Я пятилась назад, чтобы лучше рассмотреть работы, и мой мягкий затылок столкнулся с весьма твердой, хоть и не мраморной, колонной. Потирая ушибленное, место я огляделась по сторонам в поисках Ленки. Очень хотелось по свежим следам высказать ей свое восхищение, и как можно скорее удалиться с выставки. Что-то мне стало тут неуютно. Я даже подумывала о том, чтобы незаметно ускользнуть от Аркадия, который, очень удачно, куда-то запропастился... Но он вынырнул из-за обидевшей меня колонны и спросил:

— Тебе тут нравится?

— Да, неплохо, — прокомментировала я. — По-моему, вполне достойный уровень работ. А ты что скажешь?

— Честно? — Аркадий заглянул мне в глаза. — Я абсолютно ничего в этом не понимаю. Я грубый неотесанный чурбан.

Мои глаза распахнулись до размера чайных блюдечек, а душа воспарила в заоблачные выси.

— Правда? — с восторгом переспросила я.

— Но я готов внимать тебе, моя просвещенная и высокообразованная госпожа. Полчища гувернанток бились напрасно, но, может, тебе удастся.

— Э-э... должна признаться, и я в этом деле тоже абсолютный дятел.

— Врешь!

— Это бы врешь!

— Зуб даю!

Неужели? Свой великолепный белоснежный зуб? Я бы взяла. На память, как трофей.

— А как же твои глубокомысленные и уместные комментарии? — спросила я.

— Я знаю несколько нужных слов и умею их комбинировать.

— О, да ты виртуоз! Лично я заучивала фразы целиком. Вот, смотри.

Я подошла к одной из картин, довольно незамысловатой, изображающей зимней пейзаж, и произнесла с нарочито умным видом.

— Это полотно выполнено в сдержанной манере, близкой к реалистичной.

— Наполнено динамикой, — подхватил Аркадий. — Это ко всему подходит.

— Вижу здесь изысканность и тонкий лиризм, — высказалась я о следующей работе.

— По-моему, здесь прослеживается влияние японской живописи. Или скандинавской. А, может, казахской?

Аркадий глубокомысленно кивал, прищурил глаза и приложив указательный палец к подбородку. Я не выдержала и захихикала. Он строго посмотрел на меня, наклонил голову, поправил воображаемые очки, нахмурился и покачал головой.

— Мы в храме искусства, дорогая, — произнес он профессорским голосом. — Сделайте умное лицо.

Я изо всех сил старалась не загоготать в голос, поэтому откуда-то из середины моего организма вырывались стоны и всхлипы. Кажется, у меня истерика. Хочу остановиться, но не могу. Как неудобно-то! Люди оглядываются. Надо взять себя в руки, но почему-то не получается.

Увидев едва приметную белую дверь с надписью «Пожарный выход», я ринулась к ней, чтобы как можно быстрее избавиться приличное общество от своего хрюкающего присутствия. На мое счастье, пожарный выход был не заперт, я вылетела на площадку лестницы. Через секунду ко мне присоединился Аркадий.

Я рухнула на ступеньки и расхохоталась, уткнувшись в колени. Если бы меня в тот момент спросили, над чем я смеюсь, я бы не смогла ответить. Причины давно выветрились из моей дырявой головы, мне и смешно-то уже не было, но моя тушка по-прежнему сотрясалась от конвульсий. Я смеюсь или плачу? Нет, ну точно — смеюсь. С чего мне плакать-то?

Аркадий сел на ступеньки рядом со мной, обнял меня за плечи и сказал:

— Сдается мне, с тобой не все в порядке.

— Все окей, — выдавила я. — Сейчас будет.

Да что со мной творится-то? Что за припадок? Может, пора вызывать санитаров? Ну вот еще. Новая напасть. Мой истерический смех перешел в икоту со всхлипываниями. Глоток

воды мне бы сейчас не помешал, или ледяной душ, чтобы придти в чувство. К счастью, Аркадий нашел другой способ взбодрить и образумить меня. Он впился в мои губы яростным и страстным поцелуем. Настолько яростным, что я даже испугалась в первое мгновение. Видимо, на это и был расчет: все знают, что лучшее средство от икоты — испуг.

Минус на минус обычно дает плюс, а испуг на испуг, как выяснилось, приводит к возвращению икоты. В тот момент, когда белая дверь внезапно распахнулась и явила нам сердитую уборщицу со шваброй в руках, я снова начала икать.

— Бесстыдники! — возопила поборница чистоты, потрясая своим рабочим инструментом. — Чего творят! Похабники!

Мы вскочили и, давась смехом (Аркадий) и икотой (я) рванули вниз по лестнице. Вырвавшись из прохладного помещения в зной летнего вечера ослепленные, после лестничного полумрака ярким солнцем, мы остановились. Я икнула. Аркадий похлопал меня по спине.

— Не поможет, — я попыталась сказать это так, чтобы слова попали в промежутки между спазмами икоты.

Аркадий хотел снова меня поцеловать, но я отстранилась.

— Второй раз не сработает, — произнесла я и громко икнула. Очень неловко, между прочим.

— Может, воды?

Я огляделась по сторонам в поисках точки продажи прохладительных напитков. В парке их было немало, но сейчас ни одна не попала на глаза. Я вспомнила, что ларек «Соки-воды» есть прямо перед входом в выставочный павильон и махнула рукой в ту сторону. Аркадий немедленно последовал в указанном направлении, а я опустилась на ближайшую скамейку, чтобы немного поразмыслить.

Итак, что происходит? Почему я гогочу, всхлипываю и икаю, не в силах остановиться? Если это истерика, то в чем ее причина? Я подумала, что Аркадий такой же сноб, как Герман и расстроилась. Это понятно, хоть мне и нет до него никакого дела. Просто мысль о повторении той давней, но все еще не забытой ситуации показалась мне очень-очень неприятной. К счастью, оказалось, что все совсем не так... и что? Не знаю.

В эту секунду я вдруг четко осознала, что мне нужно бежать прочь от Аркадия, и как можно быстрее. Кажется, сейчас я еще могу спастись. Потом будет поздно. Остался всего лишь один день, но это целая вечность, за это время я увязну по самую макушку. Может, уже увязла... Нет! Еще нет. Если прекратить это сейчас, все будет нормально. Я выживу.

Я вскочила и снова села. Зеленый газон, желто-синие клумбы и чахлый фонтанчик как будто пустились в хоровод. Вроде бы, я сижу на месте. Значит, либо вселенная вращается вокруг меня, как вокруг солнца, либо у меня кружится голова... и, к тому же, противно подташнивает. Я закрыла глаза и стала медленно и глубоко дышать, надеясь, что головокружение остановится.

— Представляешь, там не было воды. Только лимонад.

Сквозь щелочку между ресницами я увидела картонный стаканчик с зеленой пузырящейся жидкостью.

— Тархун, — объяснил Аркадий.

— Уже не надо, — буркнула я.

И правда, от икоты не осталось и следа. Страх снова сработал. Я до дрожи в коленях испугалась того, что может случиться, если я останусь с Аркадием еще хотя бы на один час,

не то что на целый день. Я окончательно потеряю голову и просто умру, когда мы расстанемся.

— Медитируешь?

— Типа того.

Мне не хотелось открывать глаза. Вот бы сейчас провалиться куда-нибудь в тартарары и вынырнуть пару недель назад! В мою спокойную, налаженную и безмятежную жизнь. Зачем его вообще принесло в наш тихий городок? Не мог отдохнуть где-нибудь на Мальдивах?

Я открыла глаза и произнесла чужим скрипучим голосом:

— Мы, кажется, договаривались на семь дней.

Аркадий молча сел рядом и уставился на меня.

— Я передумала. Шести вполне достаточно.

— Ты хочешь расстаться досрочно?

Он уже не смотрел на меня, его взгляд блуждал по газонам и клумбам. Лимонад из накренившегося стаканчика капал на светлые джинсы.

— Да, — прохрипела я.

— Ладно.

— Ладно? То есть ты согласен?

Кажется, я этого не ожидала. А чего я ожидала? Что он начнет меня уговаривать? Глупости. Терпеть не могу нытье и уговоры.

— Согласен.

— Ну тогда пока.

Я развернулась и пошла. Вот так просто. Никаких проблем, никаких осложнений. И сожалений тоже никаких. Кто говорил, что я буду рыдать? Ника. Так вот, она ошиблась. Я прекрасно себя чувствую. Мне спокойно и легко. Я сама рулю своей жизнью и мне это нравится.

Ноги привели меня на пляж. Да, было бы неплохо сейчас занырнуть в воду и проплыть пару километров. Но я без купальника. Сбегать, что ли, переодеться? Пока я раздумывала, меня заметил Лапоть, спустившийся с вышки. После вчерашнего мне было немного неловко. Похоже, ему тоже. С чего бы это? Неадекватной звездой вечера была я, а не он. Не очень-то хочется с ним болтать, но наши взгляды уже встретились, так что придется подойти.

— Привет, — я первой прервала неловкое молчание. — А где Ерш?

— Лежит болеет.

— Похмелье?

— Да нет, вроде, ангина.

— Вот это да! Вы что, вчера закончили вечер в холодильнике?

— Вроде того. Много льда в напитках, кондиционеры и все такое. А Ерш, он же нежный. Только дунь на него — сразу кашлять начинает.

— А ты говорил он спортсмен, кикбоксер.

— Ага. Но горло у него с детства слабое.

— Он хоть лечится?

— А то. Гонял меня с утра в аптеку с километровым списком. Он же в меде учится.

Ерш — будущий врач? Никогда бы не подумала. Что-то в последнее время он постоянно открывается мне с неожиданной стороны.

— Может, мне его навестить? Бульончика там принести или малинового варенья. Или... он там не один? За ним, небось, толпа поклонниц ухаживает?

— Нет там никаких поклонниц. Один лежит, страдает.

— А... Ну тогда диктуй адрес.

С Ершом и Лаптем я знакома пару лет, с тех пор, как они начали работать на нашем пляже спасателями. В первое время мы воевали — они постоянно гонялись за мной на своей моторке и пытались выдворить в зону купания, за буйки. Я, естественно, сопротивлялась — как можно запрещать мне плавать в моем родном море там, где хочется?! В итоге мы пришли к компромиссу. Они поняли, что воевать со мной бесполезно, и что я соображаю, что к чему и не лезу туда, где носятся катера и скутеры. Я пообещала не создавать проблем, они от меня отстали.

А вообще я о них мало что знаю. Только то, что они не местные, приезжают на лето поплескаться в море и, заодно, немного подзаработать. Где они живут, мне тоже до сегодняшнего дня было неизвестно. Лапоть меня просветил. Оказывается, они снимают квартиру в многоэтажке на соседней улице. Я записала адрес и направилась домой готовить бульон больному.

Ровно через полтора часа я, с хозяйственной сумкой в руках, стояла у двери квартиры на двенадцатом этаже. Рядом торчала лестница, ведущая на крышу. Люк закрыт на замок, но я точно знаю, у кого есть ключ... За секунду до того, как я нажала на кнопку звонка, меня одолели сомнения. А чего, я, собственно, приперлась? Не такие уж мы близкие друзья с Ершом, да и, несмотря на уверения Лаптя, он может быть не один. Скорее всего, не один. Уверена, даже с температурой под сорок и распухшим горлом, он остается самым сексуально озабоченным спасателем на всем побережье, от Таманского полуострова до Абхазии включительно. Ну да ладно. Вручу ему термос с бульоном, банки с медом и

вареньем, и испарюсь. Мне безразлично, чем он там озабочен, я просто пришла навестить больного товарища.

Дверь открылась так быстро, что я отпрянула от неожиданности. Он что, стоял и смотрел в глазок? Я-то приготовилась долго ждать, пока больной сползет с кровати и дошаркает до двери. Ерш был в шортах, футболке, но с шерстяным шарфом на шее и в теплых носках.

— Привет.

Он совсем не удивлен моему приходу. И, кажется, в квартире кроме него никого нет. Разве что он спрятал пару девушек в шкафу и еще пару под кроватью. Комнат всего две, все двери нараспашку, и, что самое удивительно, везде просто идеальная чистота.

— Мне Лапоть звонил, так что я тебя ждал, — просипел Ерш.

О, точно. Я почему-то не подумала, что Лапоть его предупредит.

— Значит, ты разогнал всех поклонниц и навел порядок.

— Э-э, типа того.

— Я слышал, ты собиралась сварить мне бульон. — Ерш взял из моих рук сумку. — Я тронут до глубины души.

Мы прошли на кухню, Ерш, издавая хриплые восторженные вопли, разобрал мою сумку.

— М-м, обожаю малиновое варенье. А мед... как мне его не хватало! Клубника тоже будет очень кстати.

— Там много витамина С, — заметила я.

— Точно.

Кухня произвела на меня неизгладимое впечатление. Здесь было чисто, как в операционной.

— Я совсем не так представляла себя ваше холостяцкое жилище, — вырвалось у меня.

— А как?

— Ну...

— Вчерашняя пицца на полу, пивные бутылки на подоконниках, лифчики на люстрах, — подмигнул мне Ерш.

— Да! — рассмеялась я. — Как-то так.

Ерш тем временем поставил на плиту чайник и достал из шкафа пару чашек. С блюдами.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовалась я.

Выглядел он нормально, только глаза слегка красные и голос сиплый.

— С того момента как увидел тебя — просто великолепно.

— А до этого?

— Тоже неплохо. Температуру сбил, горло лечу. Все будет нормально.

— Я и не знала, что ты будущий врач.

— Лапоть разболтал?

— Не гинеколог, надеюсь.

— Угадала.

Я округлила глаза.

— Шучу. Я буду хирургом.

— Ничего себе.

— А ты, я знаю, в Питере училась. Туризм и гостиничное дело.

— А тебе кто разболтал?

— Есть у меня осведомители...

В общем-то я тайны из своего образования никогда не делала, так что неудивительно.

— Ты ешь бульон, пока не остыл.

— С удовольствием. А тебе чаю или кофе?

— Лучше чаю.

Даже если не считать того, что Ерш пил бульон, это было довольно странное чаепитие. Я привыкла, что мы тренируем друг на друге остроту языка и ироничность мышления, а тут мы просто разговаривали, безо всяких колкостей. И Ерш оказался на удивление приятным и интересным собеседником. Это вообще был другой человек! Ничуть не похожий на того не в меру болтливую, заикливого на одной теме спасателя, которого я знала. Он даже как будто стал старше.

— Тебе сколько лет? — не удержалась я.

— Двадцать семь.

А я всегда думала, что он на пару лет младше меня.

После трех кружек чая я засобиралась домой, Ерш, которого теперь было немного неловко называть Ершом, еще раз сердечно поблагодарил меня за визит и пригласил заходить еще. Я отделалась ничего не значащим междометием и направилась к выходу. Ерш вежливо пропустил меня вперед, распахнул передо мной дверь и даже на прощанье не сказал ничего пошлого.

Ну и дела! Ерш — хирург. Ерш — чистюля и джентльмен. Куда катится этот мир?

Когда я вышла от Ерша, на улице уже стемнело. Размахивая сумкой с пустым термосом, я направила стопы в сторону дома, мечтая о тихом уютном вечере на любимом диване. Как это ни странно, за последние два с половиной часа, прошедшие с момента нашего расставания, я ни разу не вспомнила про Аркадия. Как будто его никогда и не было. Это было не только странно, но и по-настоящему здорово. Вернее, было бы.

Оглядываясь назад, я понимаю, что тогда у меня было что-то вроде болевого шока. Я слышала истории о том, как с людьми происходят серьезные неприятности — аварии, падения с высоты, травмы. Они что-то ломают, но от шока некоторое время не чувствуют боли. Со мной случилось нечто подобное. Я сломала не руку и не ногу, у меня было разбито сердце. Но я этого пока не осознавала, меня обволакивала шоковая анестезия.

Приближаясь к малооживленному перекрестку, я увидела Ген Геныча, что совершенно неудивительно: он живет неподалеку. Удивительным было другое — в его руке торчал пышный букет крупных ромашек, аккуратно упакованный в бледно-зеленую бумагу. Это был стильный, со вкусом подобранный букет, никак не вязавшийся с долговязой нескладной фигурой Ген Геныча. И, почему-то, особенно, — с его выдавшей виды засаленной кепкой.

Заметив меня, Ген Геныч суетливо дернул рукой, как будто хотел спрятать букет за спину. Прятать его он все же не стал, просто опустил, видимо, чтобы цветы не так бросались в глаза. Я решила не смущать старикана, сделала озабоченное лицо, достала из сумки телефон и уткнулась в экран, как будто я не смотрю по сторонам и ничего дальше своего носа не вижу. Проходя мимо Ген Геныча, я подняла рассеянный взгляд, буркнула «Здрасьте» и последовала дальше.

Через несколько шагов я остановилась и, продолжая прикрываться телефоном, оглянулась. Интересно, кому это Ген Геныч несет столь изысканный букет? Может, у него свидание? Может, он завел любовницу? Меня это, конечно, совершенно не касается, но любопытство разбирает. Я сама не заметила, как ноги понесли меня вслед за Ген Генычем,

причем я, как заправский сыщик, передвигалась перебежками, прячась за ларьками и крупными деревьями. Впрочем, конспирация была не так уж и нужна: Ген Геныч о слежке даже не догадывался, что неудивительно, и засечь «хвост» не пытался. Кроме того, было темно и для того, чтобы остаться незамеченной, достаточно было держаться подалеже от фонарей.

Мне было весело. Я даже пару раз хихикнула себе под нос, выглядывая из-за пятнистого ствола платана. Вот бы сейчас натянуть парик, темные очки на пол-лица и вывернуть куртку наизнанку, как это делают заправские сыщики в сериалах. Но ничего из вышеперечисленного у меня нет, даже темных очков. На мне платье, выворачивать которое прямо посреди улицы неприлично и совершенно бесполезно, это не сильно изменит мою внешность. Я вовсе не собиралась разоблачать Ген Геныча, его личная жизнь — только его дело. Если вспомнить, как честит его разлюбезная Аглая Петровна, то можно не удивляться тому, что он ищет тепла и сочувствия где-то на стороне. А мне всего лишь любопытно. А что? Так всегда бывает: те, у кого нет собственной личной жизни, любят подглядывать за чужой.

Ген Геныч вел себя очень странно. Он шел напрямик к себе домой. А как же любовница? Я-то уже насочиняла себе трепетную пожилую барышню, этакий божий одуванчик, в противоположность боевитой Аглае Петровне. Но Ген Геныч вошел в собственную калитку, проследовал прямо к собственной жене, которая развешивала белье на веревке, тронул ее за плечо... Аглая Петровна, увидев букет, смутилась, как пятиклассница, зарылась в него лицом, а потом чмокнула в щеку довольного Ген Геныча. Он приобнял ее за плечи, они улыбались друг другу, как юные влюбленные...

Да что творится с этим миром? Она же всегда называла его «Ирод окаянный», а он ее — «Змея подколодная»! Они же воевали всю жизнь, и не только на словах! Неужели они всех обманывали? Зачем?!

Легкий ветерок раздувал простыни, развешанные Аглаей Петровной, она, задрав голову, смотрела на своего высокого нескладного мужа, он улыбался ей, а в ее руках белел необыкновенно красивый букет ромашек. Ничего более романтического и трогательного я не видела за всю свою жизнь.

В этот момент меня и накрыло. По моим щекам покатались горячие жгучие слезы, настолько едкие, что, казалось, они оставляют после себя глубокие борозды. Меня била крупная дрожь, а где-то в самом центре груди разгорался пожар, грозящий выжечь все внутренности дотла. Я выбралась из кустов, в которых устроила засаду, и сначала побрела, а потом побежала, не соображая, куда и зачем я так тороплюсь.

Мои глаза застигла пелена из слез, я неслась, не разбирая дороги, натыкаясь на прохожих и столбы, пару раз я слышала резкий скрип тормозов и летевшие вслед проклятия... Мне было все равно. Я пыталась убежать от себя, от своих чувств, от нестерпимой боли. Если бы я могла рассуждать здраво, то догадалась бы, что это невозможно. То, от чего я бежала, все равно оставалось со мной — в голове, в сердце, на губах, даже на кончиках пальцев, которые еще помнили прикосновение теплых и сильных рук того, кого я больше никогда не увижу.

И все-таки я нашла спасение. Море. Только оно могло сейчас успокоить и утешить, поэтому ноги сами принесли меня на отдаленный кусок дикого пляжа, не освещенный фонарями. Я очнулась на берегу, вдали от набережной, там, где из воды торчат неудобные скользкие камни и поэтому почти не бывает купальщиков. Платье, которое я попыталась

стянуть через голову, зацепилось молнией за сережку. Я изо всех сил дернула его, мочку обожгло резкой болью. Пусть.

Я вошла в воду, предвкушая медленное погружение в темную прохладную гладь, но моя нога соскользнула с камня, покрытого водорослями. Попытавшись удержать равновесие, я замахала руками, но это не помогло. Я грохнулась на копчик. Сидя в воде, среди склизких водорослей и камней, в темноте и одиночестве, я разрыдалась. Я обхватила руками колени, уткнулась в них лицом, чтобы хоть немного приглушить вырывающиеся из моего горла жуткие звуки. Мои плечи сотрясали рыдания, я кусала пальцы — не знаю, зачем. Может, чтобы придти в себя. Но я все равно не могла остановиться, даже на секунду, чтобы перевести дыхание.

Все когда-нибудь кончается, иссяк и поток моих слез, их соль смешалась с солью морской воды, а их количество, как мне показалось, существенно повысило уровень моря. Встав на четвереньки, я поползла на глубину, не рискуя снова подняться на ноги. Наконец-то можно было нырнуть далеко в непроглядную бездну, раствориться в темной толще воды, почувствовать себя не обремененным тяжелым душевным грузом человеком, а прозрачной беззаботной медузой. Или маленькой радостной рыбкой, беспечно шныряющей туда-сюда. А, может, даже русалкой... Нет! Русалкой я быть не хочу. Это очень печальная история о влюбленной девушке и прекрасном принце, живущем своей жизнью, в которой нет для нее места.

Неспешное дыхание бескрайнего моря убаюкивало меня. Я лежала на спине, смотрела на звезды, покачиваясь вверх-вниз и постепенно все мысли улетучивались из моей головы. Море всегда было моим убежищем, нырнув в его спасительные волны, я забывала обо всем. Соленая вода могла смыть все: проблемы, неприятности, горечь расставаний, боль обид... Справится ли она с тем, что обрушилось на меня сейчас? Должна справиться.

Выбиралась я тоже на четвереньках, пятясь боком, как краб. От прохладного ветерка моя кожа покрылась мурашками и, как я подозреваю, губы приобрели фиолетовый оттенок. Больше всего я сейчас похожа на ощипанную подмороженную курицу: такая же синяя, такая же пупырчатая и жалкая. На берегу я нашла свое платье, босоножки и даже хозяйственную сумку с термосом. Тот момент, когда я навещала больного Ерша, казался сейчас таким далеким, как будто он случился в прошлой жизни. Надо же — я совершенно потеряла голову, но не потеряла сумку и даже сберегла любимый дедушкин термос! Это делает честь моей практичности. Хорошо, что телефон, кошелек и ключи от дома тоже на месте.

Моя рука потянулась к телефону. Не надо смотреть на экран, не надо надеяться! Там ничего нет и быть не может. Когда я нажимала на кнопку включения, мое сердце разогналось до 250 оборотов в минуту. Потом оно на секунду остановилось, споткнувшись о пустой экран... Ничего. Так и должно быть. Хватит стучаться о грудную клетку!

Я сняла мокрый лифчик, натянула платье, отжала волосы. После некоторых раздумий трусики сняла тоже. Они мокрые и холодные, от них намокает платье, а я начинаю стучать зубами. Надо двигаться в сторону дома в ритме самбы, пока я окончательно не превратилась в замерзшую синюю тушку. Прыгая по камням и размахивая сумкой, я выбралась на освещенный кусок пляжа, от которого рукой подать до набережной, а там и до моего дома остается совсем немного.

Мне казалось, что некоторые прохожие странно на меня смотрят, как будто я нацепила клоунский нос или у меня юбка заправлена в колготки. Может, и правда, с моим гардеробом что-то не так? Неужели платье просвечивает? Да нет, не должно. Ткань плотная и, к

счастью, оно длинное, свободное и достаточно пестрое, чтобы не акцентировать внимание на выступающих вперед, затвердевших от холода элементах моего организма.

Увидев ларек с горячими сосисками в тесте, я ринулась к нему. Я замерзла и проголодалась, традиционный пляжный перекус будет как нельзя кстати. Юная амазонка с кольцом в носу и забитыми «рукавами», ловко выуживающая сосиски из кипящего масла, тоже посмотрела на меня слишком пристально и выдала:

— У вас кровь с уха капает.

Черт. Я схватила салфетку и прижала ее к мочке уха, которое, по всей видимости, было порвано сережкой, когда я снимала платье. Затолкав горячую сосиску в рот, я достала телефон и навела на себя камеру. Зрелище было удручающим: красные глаза, окровавленная мочка уха и струйка крови на шее. Можно без грима сниматься в кино про зомби. Салфетка не очень исправила дело, засохшая кровь не оттиралась. Пришлось заскочить в дамскую комнату и отмыться под краном. Шея теперь выглядит нормально, а глаза так и остались красными и распухшими, с этим я ничего не могу поделать. Ну и ладно. Кого интересуют мои глаза, если мне самой нет до них никакого дела?

Наш город совсем небольшой, можно даже сказать маленький. Зимой, когда отдыхающие уезжают, вся жизнь концентрируется в центре. А летом здесь очень тесно, невозможно шагу ступить без того, чтобы не наткнуться на кого-нибудь знакомого, особенно, когда тебе совершенно никого не хочется видеть.

Я миновала оживленную, сияющую огнями и гремющую музыкой набережную, и свернула на почти пустынную дорогу, ведущую к моему дому. Поправляя мокрые спутанные волосы, падающие на лицо, я снова задела злополучное ухо и почувствовала теплую струйку на шее. Сколько можно! Похоже, мочка уха вмещает в себя не меньше литра крови. Салфеток в моей вместительной сумке не нашлось, зато там было мокрое белье. Использовать лифчик я не решилась, все-таки это предмет узнаваемый, прижимая его к уху, я буду выглядеть более чем странно. А трусики вполне подойдут. Если их скомкать, это будет всего лишь маленькая тряпочка.

Кто бы сомневался, что именно в этот момент я попадусь на глаза кому-то из знакомых! Сегодня на удивление удачный день, все складывается так благоприятно для меня, что хоть в петлю лезь. Знакомым оказался Кирилл. Спокойный, безмятежный, в светлых летних брюках и выглаженной рубашке с коротким рукавом. Аккуратный, как всегда. И чего он, спрашивается, бродит тут? Неужели опять к нам заходил? Дед уже не знает, что и придумать, чтобы заманить своего любимчика. Небось, сам выводит из строя гостиничный вай-фай, а потом зовет на помощь Кирилла.

Похоже, мой бывший одноклассник рад меня видеть. В отличие от некоторых, он не скалится, как акула, сожравшая стоматолога, а мягко улыбается, как нормальный человек. Я тоже ему улыбнулась. Как ни удивительно, это вышло само собой. Вот уж не думала, что сегодня вечером мне захочется улыбаться!

— Привет, — сказал Кирилл.

— Привет, — ответила я.

— Купалась?

— Плавала.

— Дня тебе мало. Настоящая Русалка.

Он снова улыбнулся, и я, кажется, тоже.

— Как дела? — спросила я.

— Все хорошо, как обычно.

Живут же люди! Обычно. Хорошо. Спокойно.

— Ты не от нас идешь, случайно? Дед тебя нещадно эксплуатирует. Ты ему не поддавайся, а то совсем на шею сядет.

— Да нет, у Мамаев был.

Мамаев — это Павел Мамаев, старый друг Кирилла. Тоже в нашей школе учился, а живет на улицу выше нашей гостиницы.

— Понятно.

— А ты чего за ухо держишься? Болит?

— Да, ерунда, — ответила я и зачем-то махнула рукой.

Той самой, которой прижимала весьма интимную часть своего туалета к окровавленной мочке. Трусски повели себя очень подло. Сначала они повисли на моем мизинце, а потом и вовсе аккуратно спланировали на тротуар. Упали они, как назло, вовсе не комком, в котором невозможно ничего распознать. Они прямо-таки распластались на асфальте, как будто страстно желали привлечь к себе внимание.

Да, это стринги. Да, они красные и кружевные. Я и купила, и надела их как бы в шутку. Вообще я предпочитаю удобное белье и эти врезающиеся в кожу веревочки переносу с трудом. Но сегодня меня бес попутал. Когда я собиралась на свидание с Аркадием, я планировала совсем другое его окончание. Думала: либо он заведется при виде этих красных кружавчиков, либо мы вместе посмеемся...

Теперь смеяться придется одной. Кирилл, который, конечно же, не мог не заметить моего провала, деликатно отвел глаза. А я резво наклонилась, подняла свои красные труселя и, пробормотав что-то невнятное, помчалась прочь от своего опешившего друга. Интересно, что он обо мне теперь будет думать? Что я разгуливаю по вечерам без трусов, при этом лихо покручивая их на пальце? Будет ли он снисходителен, составляя новое мнение обо мне? Хотя бы ради нашего давнего знакомства... Впрочем, если вспомнить то, что произошло между нами год назад, снисходительности от него ждать не стоит.

Я забыла про Кирилла задолго до того, как открыла дверь в квартиру. Потому что вспомнила Аркадия, и на мои хрупкие плечи снова навалилась невыносимая тяжесть. Наверное, я очень громко шаркала ногами — дедова дверь открылась, и он вышел в коридор. В халате, благоухающий зубной пастой и ароматным гелем для душа. Жаль, что лампочка у нас в коридоре такая яркая...

— Ты чего бредешь, как зомби? — с лету оценил мое состояние дед.

— Перекупалась, — говорю. — Устала.

— Пошли, я тебя накормлю.

— Вообще не хочу есть. Я на набережной сосисок налопалась.

— Сосисок! — дед фыркнул. — А чего глаза такие красные?

— Очки забыла, — нашлась я. — А плавала долго. С открытыми глазами.

— Чего там ночью смотреть-то?

— А я с закрытыми не умею. Ладно, спокойной ночи.

— И тебе сладких снов.

Дед удалился к себе, подозрительно косясь на мою опухшую физиономию, но больше ни о чем не спрашивая. Вот и хорошо.

Я набрала горячую ванную и готова была плюхнуться в нее прямо в платье, сил стягивать его через голову совсем не было. Но я умудрилась снять его через ноги, расстегнув

все пуговицы. Оно хрустнуло, наверное, порвалось по шву. Ну и ладно. Все равно я его больше никогда не надену. Потому что оно будет напоминать мне о самом дрянном дне моей жизни.

Лежа в горячей воде, я ощущала, как мое замерзшее и измученное тело отогревается, но внутри, в области сердца, все равно осталась колючая льдинка. Что же нужно, чтобы ее растопить? Наверное, время. Говорят, оно лечит. Возможно, и меня вылечит, надо только подождать, перетерпеть. Перетерплю, у меня просто нет другого выхода.

Вода в ванной остыла, кожа на моих ступнях и ладонях сморщилась, как у ящера. Неудивительно, ведь я только вылезла из моря, и вот уже снова барахтаюсь в ароматной пенной жидкости. Если я буду столько времени проводить во влажной среде, точно превращусь из русалки в неведомое морское чудовище. Я выбралась из ванны и завернулась в полотенце, потому что халата под рукой не оказалось, а искать его мне было лень. Рухнув на кровать, я поняла, что, несмотря на нечеловеческую усталость, как моральную, так и физическую, уснуть сегодня ночью у меня не получится.

Я честно пыталась отдаться в объятия Морфея, около двух часов ворочаясь с боку на бок и упорно гоня прочь мысли о своем бывшем любовнике. Вместо этого я старалась думать о чем-нибудь другом. О Нике и ее драгоценном Эдичке, о курении деда, о маме, которая в последнее время даже звонит редко, не говоря уже о том, чтобы приехать в гости. Обычно это означает, что у нее все плохо. Когда хорошо, она жаждет поделиться со мной своим радостным настроением... Раз плохо, значит, она скоро вернется. И меня снова будут раздражать двойственные чувства. С одной стороны, я буду счастлива ее видеть, с другой — буду знать: раз она дома, значит, потерпела очередную неудачу и пребывает отнюдь не в радужном настроении.

Я думала даже о Германе, в надежде, что неприятное прошлое отвлечет меня от еще более неприятного настоящего. Но это не помогло. Я почувствовала, что в моих глазах снова собираются слезы, переполняют их и тонкими струйками стекают к ушам. Мне хотелось громко взвыть, поэтому я вцепилась зубами в угол одеяла. Мне нельзя распускаться, нельзя. Я должна взять себя в руки.

Вместо того, чтобы истерить, как глупая, хотя уже не синяя и не подмороженная, курица, я решила заняться глубоким самоанализом. Все равно не спится. Я сползла с кровати, обнаружила, что на мне ничего нет, натянула майку, трусы, и, на подгибающихся ногах переместилась на кухню. Вот та самая початая бутылка красного сухого, которая завалилась у меня с незапамятных времен. То, что нужно для самоанализа и временного успокоения. Я взяла бокал, потом, поколебавшись, поменяла его на большую пивную кружку. Так-то лучше.

Я рухнула на пол перед большим окном в гостиной, предварительно стащив с дивана пару подушек. Распахнув окно, я не ощутила желанной прохлады, но воздух был свежим и пах морем и акациями, которые цвели где-то внизу. Я снова подумала о Германе и удивилась — впервые за два с половиной года, прошедшие с момента нашего расставания, эти мысли не вызвали во мне привычного отклика. Я могла думать о нем без зуда в сердце и без противного тянущего ощущения где-то над желудком, там, где по моим предположениям, находится душа. Или пищевод. Я переварила это. Снисходительного Германа, его аристократическую семейку, ощущение собственной ущербности... Меня отпустило!

Прямо сейчас, без малейшего чувства неловкости, я готова встретиться лицом к лицу со своим бывшим, с сокурсниками и прекрасным городом Санкт-Петербургом. Я поняла, в чем

была причина моей истерики в выставочном зале — именно в этом. В освобождении. И освободиться мне помог Аркадий. Он, такой потрясающий и исключительный, уверенный в себе до невозможности, не выказывал ни малейшей снисходительности по отношению ко мне. Он не смотрел на меня свысока, он принимал меня такой, какая я есть. Пусть все это было недолго, но это было. Теперь, после того, как он подарил мне немного своей непоколебимой уверенности, ни одна высокомерная зараза не сможет заставить меня чувствовать себя ущербной!

С Германом я всегда была Золушкой, которую пустили в блистательный дворец то ли по счастливой случайности, то ли по недоразумению. С Аркадием я чувствовала себя королевой. С ним любая будет так себя чувствовать. Потому что он такой — настоящий король и рыцарь.

Любая... но не я. Я его потеряла навсегда. Да что там, у меня его по-настоящему и не было. Для него это было лишь кратковременным развлечением. А для меня? По плану — тоже. Но все пошло не по плану. Иначе я не сидела бы сейчас здесь с пол-литровой кружкой вина и опухшими от слез глазами.

А все же вино немного помогает. Сейчас мне кажется, что все не так уж трагично. Пусть мы расстались, но Аркадий сделал мне бесценный подарок — он вернул мне меня. Вернул, но взамен забрал мой душевный покой. Почему он не остановил меня? Почему согласился расстаться на день раньше? Ведь еще вчера, когда я предложила то же самое, он сделал так, что я передумала. А сегодня даже не попытался. Все? Наигрался? Да пошел он куда подальше! Он мне вообще не нужен. Я забуду о нем завтра к вечеру. А, может, даже и с утра не вспомню. Несколько внушительных глотков вина укрепили меня в этом решении.

Я выйду замуж за Кирилла. Заведем детей, построим новый красивый дом с зеленым газоном и бассейном. Все, как хочет дед. К этому решению я пришла приблизительно в 4.30 утра, сидя на полу перед распахнутым окном и наблюдая, как наступающий восход окрашивает море в бледно-сиреневый, а крыши и деревья — в лилово-розовый.

А что? Кирилл хороший. Уравновешенный, позитивный, хозяйственный. Детей любит, я не раз наблюдала, как он возится со своими племянниками. Да и внешне он вполне себе ничего: высокий рост, спортивная фигура, правильные черты лица. Здоровый, опять же, гены хорошие. А главное — я его хорошо знаю, прекрасно представляю, чего от него ожидать. Он надежный, как автомат Калашникова.

Я ему нравлюсь. Он мне тоже нравится. Мы были отличными друзьями, и даже подумывали о большем, возможно, под влиянием деда, который очень упорно пытался нас свести, когда я вернулась домой из Питера. А, возможно, дед тут ни при чем. Кирилл, и правда, очень привлекательный молодой человек. Правда, в тот раз я все испортила, и вот уже больше года между нами царит тягостная неловкость. Мы здороваемся при встрече, иногда торопливо обмениваемся общими фразами, но наше общение не затягивается, мы оба стремимся как можно быстрее раствориться в закате.

Принятое решение благотворно подействовало на мое эмоциональное состояние, хватка тисков, вот уже несколько часов плотно сжимавших мою голову, ослабла. Я начала зевать и почувствовала сонливость. До кровати я так и не дошла, уснула прямо на полу, положив голову на диванную подушку, на которой до этого сидела.

Мое недавнее порочное прошлое настигло меня прямо с утра, в лице Марины, нашего администратора. Она позвонила мне и попросила придти. К этому моменту я уже соскребла себя с пола, где вчера уснула. Сказать, что я чувствовала себя плохо — значит, сильно преуменьшить проблему. Мое состояние было просто омерзительным: виски ломило так, будто мою голову нанизали на шампур, шея скрючилась и ныла от каждого движения. В целом у меня было навязчивое ощущение, что ночью я не спала, а весело проводила время под гусеницами танка или трактора. Это почти правда — я была слишком легкомысленна и неосторожна, не заметила опасности, и меня размазало тяжелым локомотивом безответной любви.

Что? Какой еще любви? Не надо так преувеличивать. Это просто ломка. Я подседа на наркотик, меня лишили доступа к нему, поэтому мне плохо. Вернее, я сама себя лишила, хотя могла бы еще продолжать, и это говорит в мою пользу — у меня есть сила воли! Я завязала досрочно, зашилась и закодировалась. И я не сорвусь, это просто невозможно. Мой наркотик исчез из моей жизни навсегда.

Я боялась посмотреть в зеркало, но после звонка Марины была вынуждена это сделать. Придется выходить в люди, надо выглядеть более или менее презентабельно. Черт. Вряд ли у меня это получится. Мое лицо похоже на бесформенный пельмень, которому зачем-то приделали маленькие красненькие глазки. На пельмень, который, кроме всего прочего, серьезно болен... О! А это отличная идея! Надо притвориться больной. Впрочем, особог притворства тут не понадобится. Во время самого тяжелого гриппа, скрутившего меня этой зимой, я и то чувствовала себя лучше.

Вспомнив Кирилла и, по аналогии, вчерашнее происшествие с трусами, я сняла серьги и внимательно осмотрела мочку пострадавшего уха. Жить будет. Небольшой разрыв, заживет, зашивать не обязательно.

Замотав шею шарфом и, для пушей убедительности зажав в кулачке носовой платок, я вышла из квартиры. И, конечно же, наткнулась на деда.

— Ты чего? — с ходу спросил он, даже не пожелав доброго утра.

— Ничего. А что?

— Заболела?

Дед внимательно вглядывался в мою помятую физиономию. Хорошо, что зрение у него не такое, как прежде. Вряд ли он отличит глаза, распухшие от слез от глаз, воспаленных простудой.

— Есть немного.

— Ну и куда ты намылилась? Марш в кровать!

— Мне Марина звонила...

— Я сам разберусь, иди отдыхай. А я тебе чаю приготовлю. Или молока с медом?

— Лучше молока. Ты пока его вскипяти, а я как раз сгоняю к Марине. Она меня уже давно ждет.

— Но потом в кровать!

— Непременно!

Я сама не знаю, почему настояла на том, чтобы лично разобраться с неведомой мне проблемой. Но как же хорошо, что моя, обычно круглосуточно дрыхнущая интуиция, на этот

раз меня не подвела!

— Ты же слышала эту историю о восточной куртизанке? — спросила Марина после приличествующих случаю (то есть моей мнимой болезни) слов сочувствия.

— О ком? — не поняла я.

— Да о той девице в покрывале, которую позавчера привел красавчик из люкса на шестом. Это Лиза так ее назвала.

Я сначала оторопела на секунду, но быстро справилась с волнением. Никто не знает, что это была я. И Марина не знает, иначе начало разговора было бы совсем другим. Я не удержалась и фыркнула. Восточная куртизанка! Лиза определенно любит романы с историческим уклоном.

— Э-э... ну да, слышала.

Хорошо, что Марина не стала уточнять, от кого.

— Тебе нужно кое-что увидеть, — заявила она.

Ее глаза горели нездоровым возбуждением, которое обычно вызывают слухи, сплетни и интриги. Мне стало сильно не по себе. Меня все-таки разоблачили? Иначе почему Марина так настойчиво пытается показать что-то именно мне?

Мы сели в лифт, вышли на шестом этаже, Марина открыла электронным ключом дверь того самого номера, из которого я недавно выходила в футболке и шортах Аркадия. Того самого, где я провела незабываемую страстную ночь с человеком, которого больше никогда не увижу. И, скорее всего, никогда не забуду, как бы мне этого ни хотелось.

Номер был пуст. Дверцы шкафа распахнуты, на тумбочке — тряпка и бутылочка полироли, на подоконнике — батарея моющих средств. Уборка идет полным ходом, значит, Аркадий съехал. Скорее всего, еще вчера, сразу после нашего разговора. Грудь сдавило. Я вдруг поняла, что уже давно задерживаю дыхание, и сделала глубокий долгий вдох. К сожалению, выдохнуть с облегчением я пока не могу. Я все еще не знаю, для чего меня сюда привела Марина.

Но я недолго оставалась в неизвестности. Марина завела меня в спальню, где кровать сияла белизной матраса, а на полу возвышалась гора постельного белья.

— Вот, — сообщила она и выдвинула ящик комода.

В ящике зеленой грудой лежала очень хорошо знакомая мне портьера, целая и невредимая. Рядом с ней покоились останки злополучного тесного боди и малиновое платье, тоже изрядно пострадавшее в результате известных событий.

На пару секунд меня охватила паника. Что делать? Как себя вести? Что изображать лицом? Сделав вид, что меня одолел насморк, я прижала к носу скомканный платок и осторожно посмотрела на Марину. Ее губы были крепко сжаты, а глаза выражали крайнюю степень волнения.

— Как ты думаешь, что он с ней сделал? — мрачным шепотом произнесла она.

— Кто? С кем?

— Да этот испорченный красавчик. С той восточной девушкой.

— Ну... э...

Я-то точно знала, что он сделал, и от воспоминаний об этом у меня мурашки табунами бегали по всему телу. Именно в эту секунду я впервые пожалела о досрочном прекращении нашего романа. Зачем нужно было так торопиться? Да, меня ждала суровая расплата, но можно было еще один день провести с ним, здесь, в этом номере, на этой кровати...

— Может, он ее убил, а тело разрубил на кусочки и вынес в пакетах...

— Что?!

Кажется, у персонала нашей гостиницы слишком много свободного времени. Одна читает исторические любовные романы, другая увлекается кровавыми детективами. Я сама не раз видела книги с мрачными обложками, которые Марина прячет за стойкой. И пусть себе читает, но зачем переносить их сюжеты в реальную жизнь?!

— Марина, ты с ума сошла? — только и смогла пролепетать я.

— Между прочим, никто не видел, как она уходила, — упорствовала Марина.

— Только не говори мне, что ты до восьми утра ни разу не сомкнула глаз.

Пора переходить в наступление.

— Ну я, конечно, немного подремала под утро...

Марина виновато опустила глаза. Так, это хорошо. Пусть чувство вины пересилит ее подозрительность.

— Уверена, в это время она и ушла.

— Гольшом?

Марина кивнула на пострадавшую одежду, покоящуюся на дне комода.

— В его футболке и шортах.

— Откуда ты знаешь?

— Это самое правдоподобное предположение.

Кроме того, это чистая правда.

— Ну, не знаю...

Похоже, ей не хочется расставаться с мыслью о маньяке-извращенце, поселившемся в нашем скромном отеле.

— Зато я знаю, — отрезала я.

В конце концов, кто тут главный?

— Я всех расспрашивала, никто ее не видел.

Ага, значит, наш администратор чувствует себя настоящим детективом. Она уже начала расследование... Надо заметить следы. Как насчет ложных показаний?

— Вообще-то кое-кто видел.

— Кто?

Марина наострила уши.

— Я.

Вот так-то. Крыть тебе, любительница детективов, нечем.

— Меня в тот день одолела жестокая бессонница, — на ходу сочиняла я. — Всю ночь просыпалась. Под утро встала, пошла на кухню попить. И вот, когда я стояла перед окном, увидела, как от бассейна идет девушка. Странно одетая.

— Как — странно?

Марина аж вперед подалась, так хотела услышать продолжение истории.

— В мужской футболке, в длинных шортах, но при этом на каблуках и с клатчем.

— О! Это точно она!

— Да... Я тогда не придавала этому эпизоду значения, но теперь не сомневаюсь.

Марина явно была разочарована. Такой детективный сюжет рассыпался на глазах! Не быть ей великим сыщиком.

— Все-таки он зверь, этот красавчик, — заметила она. — Разодрал белье в клочья.

Что да, то да. Настоящий зверь.

Я лежала в кровати, прихлебывала горячее молоко с имбирем и медом и тратила массу

душевных сил на то, чтобы не представлять, что бы я сейчас делала, если бы вчера не приняла опрометчивое решение расстаться с Аркадием досрочно. Сегодня был бы седьмой, заключительный день нашего беззаботного и страстного курортного романа. Возможно, мы были бы вместе с самого утра. Не исключено, что я бы проснулась в его постели... или он в моей. Это было бы очень легкомысленно, ведь ко мне в квартиру то и дело вваливается дед, но в спальню он обычно не ломится, так что ничего невозможного в моей идее нет.

Итак, мы бы проснулись вместе, прямо здесь, в этой кровати с мятыми простынями, где я сейчас лежу одна. Простыни были бы истерзаны не моими вчерашними бессонными метаниями, а совсем другими действиями, гораздо более приятными. Аркадий бы обнимал меня во сне, возможно, он, как обычно, закинул бы на меня ногу, чтобы я точно не сбежала... Но я все-таки сбежала. Зачем я вообще все это представляю?! Хватит. Надо немедленно прекратить. Подумаю лучше о чем-нибудь другом. О Кирилле, например. Помнится, вчера я твердо решила выйти за него замуж.

Мне стало смешно. Я даже хихикнула, представив, как отправляюсь домой к другу детства, прихватив букет цветов и кольцо в коробочке. Встану на одно колено и торжественно произнесу: «Выходи за меня!». А, нет, не так. «Женись на мне!». Интересно было бы посмотреть на физиономию Кирилла в этот момент. Может, физиономии я и не увижу, только сверкающие пятки.

Договоренность была — семь дней. Почему я не смогла ее придерживаться? Зачем устроила вчера весь этот цирк? Я знаю, что должна была делать, чтобы сохранить лицо. Надо было довести все до конца. Последний день, прощальный вечер, страстная ночь перед расставанием навсегда. «Так романтично», — сказал бы Аркадий. Да. Романтично, красиво. Я бы даже добавила: стильно. Утром мы бы попрощались, я бы сохраняла невозмутимость, сказала бы что-нибудь остроумное на прощанье. Как в кино. За кадром бы звучала красивая музыка. В главных ролях: Русалка и... прекрасный принц?

Ну нет. На принца он не похож. Принцы — высокомерные зазнайки, вроде Германа. Терпеть не могу принцев. Мне больше по душе пираты. Похож ли Аркадий на пирата? Что-то такое в нем есть. Он самоуверенный до наглости, любит ввязываться в приключения... Курортный роман с Русалкой — чем не забавное приключение? Значит, он пират. Только слишком стильный и приглаженный для пирата. Гламурный пират. Ха-ха. Очень ему подходит.

Так. Как получилось, что я снова думаю об Аркадии, вместо того, чтобы размышлять о нашем с Кириллом прекрасном будущем? И почему я стою перед распахнутым шкафом, вместо того, чтобы лежать в кровати? Как я тут оказалась, телепортировалась, что ли? Совершенно не помню, как выбиралась из-под одеяла...

Зачем я здесь? Похоже, я куда-то собралась и ищу одежду. Надо же. Мое подсознание действует вместо меня, даже не проинформировав хозяйку о своих планах. И куда же я, интересно, иду? Ответа нет. Кажется, этот странный порыв не имел конкретной цели. Я отлипла от шкафа, закрыла дверцы и подошла к окну. За окном все по-прежнему: тот же вид потрясающей красоты, то же море, те же красные черепичные крыши, придающие виду живописности, та же набережная, украшенная клумбами. Вот только по эту сторону стекла произошли перемены. Вид меня больше не радует. Я отвернулась и вернулась в постель. Уткнулась лицом в подушку, потому что почувствовала, как на глаза снова наворачиваются слезы.

После обеда появился дед. Поскребся в открытую дверь моей спальни, потом в проеме

показался его внушительный нос с не менее внушительными усами и, наконец, он нарисовался полностью. В одной его руке был термос, в другой — баночка с малиновым вареньем, в третье... Ой, нет. Там же, во второй, висела на мизинце прозрачная чашка с ромашками. Моя любимая.

Вид у него был крайне озабоченный и деловитый.

— Я тебе тут чаю заварил с душицей и липовым цветом. Свежий урожай, этого года!

— Где ты его добыл-то, свежий?

— У Клавды взял.

О, господи! Клава, то есть, Клавдия Андреевна, — это мама Кирилла, завзятая травница. Постоянно лазает по горам и лесам в поисках лечебных растений, а потом щедро одаривает ими всех окружающих. Теперь вся округа будет знать о моей мнимой болезни. И Кирилл тоже. Еще навещать придет, чего доброго.

Дед расположил на тумбочке возле моей кровати принесенное и устался на меня тревожным и внимательным взглядом.

— Думаю, надо вызвать врача, — выдал он, наконец.

— Нет!

— Ты неважно выглядишь.

Знал бы он, как я себя чувствую! Но врач мне, к сожалению, не поможет.

— Мне уже гораздо лучше.

— Температуру мерил?

— Нет у меня температуры!

Дед выудил из своего безразмерного брючного кармана градусник и сунул его мне. Да пожалуйста. Убедится, что жара у меня нет, и отстанет. Пока часы отсчитывали положенные для измерения температуры тушки пять минут, дед развлекал меня разговорами о семействе Кирилла. Видимо, за то время, пока Клавдия Андреевна отсыпала ему душицы с липовым цветом, она успела снабдить его изрядной долей информации обо всех домашних.

Самая радостная новость — у Кирилла скоро будет новый племянник, уже третий по счету. Жена Влада, его брата, снова беременна. Влад, озабоченный финансовым благополучием своего, растущего как на дрожжах, семейства, спешно достраивает третью гостиницу. Глава семьи чувствует себя неплохо, особенно, если учитывать неблагоприятные прогнозы врачей, которыми его щедро снабдили после сердечного приступа. Клавдия Андреевна уверена, что секрет успеха — в травках, которыми она регулярно его потчует. Я даже не сомневаюсь, что здоровье мужа — полностью ее заслуга. Не знаю, в травах ли дело, или в волшебной силе любви, но ее рвение не могло не дать эффекта.

— Все, — сказал дед. — Вынимай.

Я достала градусник и, не глядя, протянула его деду. Пусть знает! Нет у меня никакой температуры.

— Ну вот, — раздался его трагический голос. — Я так и знал. 38,3.

— Что? — Я аж подскочила на кровати. — Не может такого быть. Я абсолютно здорова!

Но дед не обратил никакого внимания на мои слова.

— Я вызываю врача, — заявил он и решительными шагами направился вон из моей спальни.

Черт! Только врача мне сейчас не хватало! Что я могу ему предъявить? Израненное сердце с осколками сожалений, тоски и отчаяния? Может, он возьмет пинцет и поковыряет все эти острые кусочки?

Не успела я откинуться на подушки и начать грызть уголок простыни, чтобы унять беспокойство по поводу предстоящего посещения медработника, как дед снова просочился в мою спальню.

— К тебе там гости, — произнес он строго.

— Гости?

Вот уж не ожидала. Мое сердце на секунду остановилось, потом затрепетало так интенсивно, что к горлу подкатила тошнота. Неужели Аркадий?

— Какой-то Андрей, — сказал дед.

— Андрей? Не знаю никакого Андрея.

Я снова откинулась на подушки. Устало и обреченно.

— Гнать его в шею? — спросил дед.

— Ага.

— Вообще-то, это я, — раздался из-за двери знакомый голос.

Ерш! Как он тут оказался?

— А где Андрей?

— Я — Андрей.

Ах, да! Он же представился мне во время нашего незабываемого танца в «Террасе». Ерш, то есть Андрей, все еще находился за дверью спальни, в гостиной. То ли проявлял деликатность, что вряд ли, то ли опасался деда, что вполне вероятно.

— Заходи! — крикнула я.

Дед удивленно и осуждающе вращал глазами.

— С этим гостем я давно знакома, — объяснила я. — Просто не знала, что он Андрей.

— А прилично ли принимать гостей вот так... в неглиже? — забеспокоился дед.

Ерш в этот момент уже частично проявился в дверях.

— Привет, Ерш, — произнесла я. — Тебя мой вид не смущает?

— Видали больных и пострашнее. И в анатомичке приходилось наблюдать разное... даже и вовсе без неглиже.

— О! — я подпрыгнула на кровати. — Ты же врач!

— Кто? Он?

Дед недоверчиво оглядел Ерша. Тот выглядел вполне прилично и был весь в белом, как будто знал, что придется доказывать свою принадлежность к служителям шприца и стетоскопа — белые выглаженные шорты, белая футболка без надписей.

— Диплом пока предъявить не могу, получу только через год, — объяснил он деду. — Но опросить и осмотреть пациентку вполне способен.

На слове «осмотреть» дед дернулся, но Ерш это проигнорировал и подошел ко мне.

— Горло покажешь? Вполне вероятно, что у тебя ангина.

— У меня не бывает ангин.

— Скажи «а». Шире.

Я распахнула рот во всю ширь, Ерш, изобретательно включивший фонарик на телефоне, светил мне в глотку. Через пару секунд он выключил фонарик, мягко дотронулся до моих миндалин, пристально посмотрел в глаза и уверенно произнес:

— С горлом все в порядке. Какая температура?

— 38,3, - отозвался дед.

Кажется, его доверие к Ершу в качестве врача резко возросло.

— Вполне вероятно, что это ротавирусная инфекция. Народ сейчас повально ей болеет.

В жару микроорганизмы размножаются со страшной силой и присутствуют везде, в том числе и в теплой морской воде, где ты отмокаешь часами.

Дед сосредоточенно кивал, а Аркадий продолжил:

— Живот не болит? Рвоты не было? Стул нормальный?

— Ерш! — возмутилась я.

Пусть он осматривал трупы в анатомичке, я не собираюсь обсуждать с ним интимные подробности функционирования моего организма.

— Я Андрей Евгеньевич. Без пяти минут дипломированный хирург.

— Все у меня нормально. Только голова болит. Сильно.

Я уже сама почти поверила, что чем-то больна!

— Явный признак интоксикации.

— А что делать? — встрял в разговор дед.

— Противовирусные препараты и сорбенты. Я напишу. Где у вас бумага с ручкой?

Дед метнулся в гостиную, притащил блокнот, ручку и подал Ершу. Тот изобразил какие-то загогулины и отдал обратно деду.

— Ничего страшного, — сказал он. — Через пару дней поправится.

— Да я завтра уже буду здорова как бык! — вмешалась я.

Что за суматоху они тут развели!

— Названия лекарств-то хоть настоящие? — спросила я Ерша, когда дед удалился, побежал в аптеку, судя по всему.

Ерш посмотрел на меня укоризненно. А потом ухмыльнулся своей обычной развязной улыбочкой и выдал:

— Накарябал там что-то, надеюсь, аптекарь меня не выдаст.

Я улыбнулась. Так-то лучше. А то этот Андрей Евгеньевич, без пяти минут хирург, меня как-то пугает. Спасатель Ерш мне гораздо ближе и роднее.

— Ты как тут оказался? — задала я вопрос, мучивший меня с того самого момента, как я увидела на пороге своей комнаты друга-спасателя. — Присаживайся, кстати.

Ерш плюхнулся на стул.

— Услышал, что ты болеешь, решил навеститься с ответным визитом. Ты меня вчера буквально на ноги поставила бульоном и малиновым вареньем. Кстати!

Он вскочил и бросился в гостиную. А я удивленно уставилась на стену. Вчера? Я была у Ерша только вчера? Кажется, с тех пор прошли века... Ерш вернулся с объемным пакетом.

— Неужели бульон принес? — поразила я.

— Нет, — смущенно произнес Ерш. — Я же не знал, что у тебя. При ротавирусной инфекции бульон нельзя. И фрукты. Только чай с сухарями и кашу без масла.

Он засунул руку в пакет и извлек нечто яркое, нежное и ароматное. Это был букет разноцветных гербер, закрепленный в корзинке и украшенный пушистой зеленью.

— Красиво, — ахнула я.

— Рад, что тебе понравилось.

— Хорошее лекарство, — одобрила я. — Обещаю выздороветь прямо завтра.

— Торопиться не надо, — серьезно заметил Ерш. — Набирайся сил постепенно.

Он поставил букет на подоконник, и в комнате как-то сразу стало веселее.

— Слушай! — вспомнила я еще одну вещь, не дававшую мне покоя. — Откуда ты вообще узнал, что я болею?

— Да так. Есть у меня свои источники.

— Что за источники?

— Тебе зачем? Хочешь применить санкции?

— Да нет. Просто хочу знать, что происходит вокруг.

Какие могут быть у Ерша источники? У нас общих знакомых-то нет, кроме Лаптя. Хотя... он же знаком с Аркадием. Откуда этот нудный тип опять появился в моей голове? Ну и что, что Ерш с ним знаком? Аркадий-то о моей болезни не знает. И дела ему до этого никакого нет, он вообще уже уехал, и сейчас в двух тысячах километрах от меня.

Итак, источники... Применить к Ершу пытки десятого уровня я не успела, потому что нашу увлекательную беседу прервали. Еще один посетитель у постели больного! Любимая подруга Ника. Вот это да! Надо почаще болеть, это притягивает друзей, как магнитом.

— У тебя все двери нараспашку, — выдохнула запыхавшаяся подруга. — Я шла к тебе, встретила твоего деда. Он говорит: ты болеешь и у тебя врач.

— Ага, — только и сказала я.

Мне хотелось вскочить и заключить любимую подругу в объятия, так я была рада ее визиту, но меня удерживала мысль, что ночнушка моя не очень подходит для таких телодвижений. Она короткая и из не очень плотного материала. Так что я сильнее завернулась в простыню и стала с интересом наблюдать, как Ника пялится на Ерша. На ее лице попеременно отразились удивление, недоумение и растерянность. Ей сказали, что здесь врач. А этот долговязый тип, хоть и в белом, на врача совсем не похож.

Мне, наверное, нужно было представить их друг другу и все объяснить, но я почему-то зависла. Может, потому, что была крайне удивлена поведением Ерша. Обычно, когда в его поле зрения появляется привлекательная девушка (а Ника определенно попадает в эту категорию, причем в самых первых рядах), в его глазах появляется плотоядный блеск, и он сразу же бросается ее очаровывать. Сейчас никакого блеска не было. Ерш стоял, вежливо улыбался, и не пускал слюни. В чем дело?

— Разрешите представиться, — раздался его внушительный, какой-то совсем не Ершовый, голос. — Андрей... Евгеньевич. Личный врач Рус... ланы.

— Ерш! — я закатила глаза. — Это Ерш, — пояснила я Нике. — А это Ника, — обратилась я к Ершу.

— Кто? — моя подруга переводила озадаченный взгляд с меня на Ерша и обратно.

— Ерш — это рыба, — все тем же докторским голосом произнес Ерш.

Я упала на подушки, сотрясаясь от смеха. Никогда не видела Нику такой ошарашенной!

— Мне пора, — тем временем продолжал Ерш. — Не буду мешать вашему общению. Я навещу тебя завтра. Не забывай принимать лекарства и соблюдать диету. Каши, сухари, чай. Все.

— Да ну тебя, — сказала я. — Диету. — Мы сейчас с Никой мороженого наедемся. Правда?

— Ты же болеешь! — отозвалась Ника.

Я только фыркнула.

Ерш ретировался, но мы с Никой остались одни совсем ненадолго. Вернулся дед с пакетом лекарств. Разложил их на полочке, начал читать инструкции. Подключил Нику. Сверился с рецептом Ерша, разложил их по-другому.

— Так. Вот это сейчас. Это через час, перед едой. Это вечером. Пойду сварю тебе кашу. Доктор сказал — диета.

Доктор! Быстро же дед проникся доверием к Ершу. И я его вполне понимаю. Когда он

становится Андреем Евгеньевичем, то прямо-таки излучает авторитет. Наверное, будет хорошим врачом.

— Ты была права, — сказала я Нике, как только дед удалился к себе варить кашу мнимой больной.

— В чем?

— Я ревела. И я не женщина-вамп.

Ника подошла ко мне, села рядом и обняла.

— Бедная моя девочка, — произнесла она, поглаживая меня по спине.

Я почувствовал, что сейчас снова разревусь.

— Прости меня, — сказала я. — Я вела себя как стерва.

— Нет, это ты меня прости! Не надо было мне тогда тебе говорить...

— Это мне не надо было! Не знаю, чего я так взъелась на твоего Эдуарда. Наверное, это ревность.

— Ты меня ревнуешь? — умилилась Ника.

— Конечно! Ты теперь все время с ним, кто будет меня понимать, любить и жалеть?

Я всхлипнула.

— Я буду, кто же еще.

Ника тоже всхлипнула.

Мы слегка всплакнули на плече друг друга, и после этого я почувствовала, что камень, придавивший меня, стал немного легче. Потому что я могу разделить его тяжесть с любимой подругой. Как все-таки трудно держать все в себе! И как хорошо, когда рядом есть близкий понимающий человек.

— И все-таки, кто это был? — спросила Ника по завершении душещипательной сцены.

Я сразу поняла, что ее вопрос относится к Ершу.

— Я тебе рассказывала о знакомых спасателях с пляжа.

— Это один из них? Ты говорила — они полные придурки. Особенно один.

— Это он и есть.

— А выглядит нормальным человеком.

— Сама в шоке.

— Он, правда, врач?

— Ага. Через год получит диплом хирурга.

Я уже назубок знаю вехи биографии Ерша.

— Это он цветы принес?

Ника подошла к подоконнику, понюхала герберы, забавно сморщив нос.

— Он.

— Так он... за тобой ухаживает?

— Кто? Ерш? Не смей меня. Он из неутомимых охотников. Увидел — охмурил — на плечо и в пещеру. Не получилось — следующая жертва.

— Что-то он мне таким не показался.

— Да ну его. Расскажи лучше, как у тебя дела.

Но Ника перевела разговор на меня. Я думала, что не хочу пока беречь раны и говорить об Аркадии. Оказалось, хочу. Я рассказала ей почти все, кроме самых личных моментов — все-таки у дружеской откровенности есть пределы.

— Значит, ты решила не дожидаться окончания срока, — задумчиво произнесла Ника.

— Да!

Я опять подумала, что, если бы не поторопила события, то сейчас была бы с Аркадием. Не лежала бы в кровати, зареванная и почти по-настоящему больная, а гуляла бы с ним по Круче или подставляла лицо морскому бризу, сидя на палубе яхты «Кассиопея»... А в постели я лежала бы завтра. Такая же зареванная и разбитая. Еще один день. Почему же я от него отказалась?

— Ты предложила расстаться, но хотела, чтобы он тебя остановил, — сообщила моя проницательная подруга.

Да? Я этого хотела? Конечно, именно этого. Я надеялась, что он скажет: нам не нужно расставаться, ни сейчас, ни завтра. Вообще никогда.

Вот о чем я мечтала, хоть и не признавалась в этом даже самой себе. А Ника сразу все поняла. От мысли, которая пришла мне в голову следом, я стиснула зубы и даже, кажется, застонала. Мысль была кристально ясной и отчаянно безнадежной: он тоже все понял. Он догадался, что я к нему чувствую. Понял, почему я пытаюсь досрочно прервать наши отношения и чего я от него жду. Понял, но ничего не сделал! Потому что не чувствовал того же самого. Я влюбилась в него, а он — нет.

— Я дура, — сказала я. — Непроходимая безмозглая идиотка. Он догадался. Этого не должно было случиться!

— Это он дурак и идиот, — сказала Ника. — Раз отпустил тебя.

Теперь я уж точно громко застонала. Мне хотелось провалиться сквозь землю. Это жуткий, несмыслимый позор! Я проявила слабость, я почти открыла ему свое сердце, а он — просто плюнул в него. Ненавижу его. Да! Именно его, а не себя, как было еще секунду назад. Если бы он сейчас попался мне под руку я бы... задушила его собственными руками. Но сначала треснула бы по его напыщенной физиономии самой большой и тяжелой чугунной сковородкой. Посмотрела бы я тогда, что осталось бы от его самовлюбленной улыбки! Все восемьдесят восемь белоснежных начищенных зубов посыпались бы к моим ногам. Раздирающая меня ярость требовала выхода, поэтому я схватила подушку и швырнула ее изо всех сил в стену.

Вернее, я думала, что в стену. Но подушка, прямо в полете, коварно изменила траекторию и полетела не в стену, а в дверной проем, в котором очень некстати нарисовался дед с миской дымящейся каши в руках. Не ожидая нападения, он двигался неспешно и безмятежно, как вдруг вражеский снаряд, набитый перьями, сбил его с ног. Ярости во мне было предостаточно, и я всю ее вложила в бросок, так что ударная сила подушки была приличной. Дед пошатнулся, взмахнул руками, чтобы удержать равновесие, тарелка с кашей выпала из его рук и полетела почему-то вверх и вбок, а не вниз, как предписывают законы гравитации.

Справа от деда, ровно в той стороне, куда полетели брызги горячей липкой каши, судя по цвету и консистенции, овсяной, внезапно возник еще один посетитель. Кирилл! В его руках была прозрачная кружка с чаем и вазочка с сухарями — видимо, он помогал деду донести до больной внучки ее скудный ужин. Но внучка оказалась не столько больной, сколько полоумной...

Несмотря на атаку горячей каши, Кирилл не уронил достоинства и предметов, которые были в его руках. Он аккуратно поставил кружку и вазочку на комод и только после этого посмотрел на свою рубашку, на которой красовались бледные неэстетичные блямбы.

— Руслана! — возопил тем временем разъяренный дед, чьи ноги были забрызганы кашей. Как, впрочем, и ноги Кирилла.

— Ой! — произнесла я шепотом.

Вот теперь самое время со страшным грохотом провалиться сквозь землю!

— Что ты творишь?! — вопрошал дед, оглядывая последствия нападения подушки. Весь пол был заляпан кашей и усыпан осколками, они с Кириллом выглядели так, как будто их оплевал верблюд. Подушка не пострадала.

Воздух вибрировал от напряжения, я вибрировала от ощущения непереносимой неловкости. В таких случаях японские самураи делают себе харакири! Я готова, правда. Хоть сию секунду вспорю себе живот, чтобы искупить свой позор. Я оконфузилась на всех фронтах, и не представляю, как дальше жить с этим...

В этот момент Ника хихикнула. А потом заливисто рассмеялась.

— Ну и видок у вас!

Кирилл улыбнулся. Дед сменил гнев на удивление.

— Чем вы тут занимаетесь?

— Бои подушками, — объяснила Ника. — Больная заскучала, мы решили развлечься...

— Я сейчас все уберу, — я отбросила простыню и вскочила с кровати, забыв про короткую полупрозрачную ночнушку.

Строгий взгляд деда и скромно потупившийся взор Кирилла напомнили мне о правилах приличия, и я резво вернулась в кровать, снова обмотавшись простыней. Надо уже переодеться, посетители просто идут косяком, ни минуты покоя!

— Вы пока можете почиститься, а мы приведем все в порядок, — сориентировалась Ника.

Кирилл уже расстегнул испорченную рубашку, но снять ее не решался. Вот уж кто никогда не забывает о приличиях!

— Встретимся у тебя в гостиной, — сказала я деду. — И спасибо за кашу. И за чай, — я посмотрела на Кирилла.

Он молча улыбался. Кажется, он на меня не сердится. Наверное, пока обойдусь без харакири.

Я опять не спала, мое сердце все еще болело: раны затягиваются медленно. Но я не рыдала. Более того, время от времени я ловила себя на том, что ни с того ни с сего начинаю улыбаться. Вчерашний день был очень странным. Он начался ужасно: с жуткой головной боли, с желания исчезнуть и ничего не чувствовать, с ощущения, что я никогда больше не смогу улыбаться... Но за этот день произошло столько всего! Меня навещали друзья, я веселила их своими выходками, на целые десятки минут забывая об Аркадии. Происшествие с подушкой и разлетевшейся по спальне кашей закончилось благополучно. Дед с Кириллом отмылись, мы с Никой вычистили комнату. Я переделалась, дед дал Кириллу свою футболку, и мы мило посидели вчетвером за чаем, наперебой вспоминая о летающей подушке и умирая от смеха. В конце посиделок я объявила, что совершенно выздоровела, ведь смех — лучшее лекарство. Но дед не поверил, заставил меня принять выписанные Ершом лекарства и не дал съесть шоколадку. Оказывается, у него был приличный запас отвратительной овсяной каши.

Самое приятное и самое неожиданное событие этого долгого дня произошло в конце наших посиделок. Открылась дверь и на пороге появилась... моя мама! Она вошла так буднично, как будто вернулась из магазина, а не приехала впервые за полгода. У нее даже чемодана в руках не было, только сумка средней упитанности. Мы все продемонстрировали ей отвисшие челюсти, после чего я вскочила, задев тарелку и снова расплескав овсяную кашу, и бросилась ее обнимать.

— Как я по тебе соскучилась! — повторяла она, прижимая меня к себе и поглаживая по волосам.

Я была так счастлива вдыхать знакомый запах ее духов, что чуть не разревелась. Как же сдержаться-то? Совсем не хочется устраивать душещипательную сцену, на глазах у публики. Особенно у Кирилла, который за последние два дня в каком только виде меня не наблюдал. Я уткнулась носом в мамины волосы и старалась думать о чем-нибудь постороннем. «Овсяная каша, я только что снова расплескала овсяную кашу», — повторяла я про себя. Кажется, моя мантра сработала. Щипать в носу перестало, жидкость, наполнившая глаза, впиталась обратно.

Выпустив маму из объятий, я спросила:

— Как ты тут оказалась?

— И не позвонила! — с упреком произнес дед, который уже давно стоял в очереди на обнимашки.

Пока длилась сцена семейных приветствий, Ника успела вытереть разлитую кашу со стола.

— С сегодняшнего дня я всей душой ненавижу овсяную кашу, — сказала я, убирая в посудомойку грязную тарелку.

— Чем провинилась безобидная овсянка? — спросила мама, вырвавшаяся из объятий деда немного помятой.

Мы все переглянулись и рассмеялись.

— Чувствую запах тайны, — улыбнулась мама.

Она поздоровалась к Кириллом и Никой, которые внезапно засобирались домой. Видимо, не желали больше быть свидетелями безобразий, которые творятся в нашем доме.

— Я вовсе не хотела разгонять вашу милую компанию, — огорчилась мама. —

Оставайтесь!

Но они все-таки ушли.

— Обязательно позвони завтра, — сказала Ника. — Мы еще не договорили.

Кирилл ничего такого не сказал, кроме «До свидания». Я бы на его месте тоже настороженно относилась к бывшей чокнутой однокласснице.

А потом дед поведал маме о моей болезни, она всполошилась, они вдвоем погнали меня в кровать, хоть я отчаянно сопротивлялась.

— Вере тоже нужно отдохнуть с дороги, — прибегнул дед к последнему аргументу, время-то уже позднее.

Верой зовут мою маму. Очень люблю это имя.

— Всего десять часов! — завопила я.

Я чувствовала себя маленькой девочкой, которую взрослые отправляют спать ровно в тот момент, когда начинается самое интересное.

— Я приму душ и загляну к тебе, — сказала мама.

— В твоей квартире все под слоем пыли, — сказала я. — Живи у меня. Я на диване лягу, а ты в моей спальне.

— Еще чего! — взвился дед. — У меня тут отдельная спальня в идеальном состоянии!

— Сегодня у деда переночую, — сказала мама. — А завтра у тебя.

Пришлось смириться.

Я с нетерпением ждала маму, закутавшись в плед и свернувшись в комочек на диване. Не хочу больше лежать в постели! И так почти весь день там провела. А дед меня не видит, и заставить не может. С чего он вообще взял, что мне нужен постельный режим? Ерш говорил только про диету. Да мне и диета-то не нужна, у меня не инфекция и не интоксикация, разве что от ядовитых продуктов распада моей неуместной влюбленности...

Мама пришла позже, чем я рассчитывала, или мне просто показалось, что время идет так долго?

— Дед заставил меня поесть, — пожаловалась она. — Жареную картошку! Сто лет не ела такой вредной и такой вкусной еды.

Да, она тоже зовет деда дедом. С тех пор, как появилась я, все его так зовут.

Мама села рядом со мной, обняла меня. Я накрыла ее пледом.

— Ну нет, жарко!

— Правда? — удивилась я.

Я-то была уверена, что на улице похолодало. У меня в квартире даже не включена сплит-система, а я мерзну!

— Тебя знобит, — мама дотронулась губами до моего лба. — Кажется, температура невысокая. 37, или около того.

— Нет у меня никакой температуры!

— А дед говорит — есть.

— Кому ты больше веришь? — улыбнулась я.

— Всем верю. Так что случилось? С чего ты решила заболеть? Ты же это терпеть не можешь.

— Да, не знаю. Ерш говорит: бактерии везде, жара, инфекции.

— Ерш?

— Один мой знакомый, без пяти минут хирург.

— Ого, — уважительно протянула мама.

Видела бы она этого хирурга в разгар пляжной охоты!

— Давай-ка ты все же ляжешь в постель. А я посижу рядом.

— Сказку расскажешь? Как раньше?

— Ну, если хочешь.

И мама, правда, рассказала почти что сказку. Оказывается, она выходит замуж. Наконец-то она встретила человека, который...

— Я не знаю, как это объяснить, — сказала она, трогательно волнуясь. — Я просто знаю, что это — он.

Никогда не видела такого света в ее глазах! Мама объяснила, что приехала, чтобы рассказать нам обо всем лично, а не по телефону. Мне показалось, что она немного боится говорить с дедом. Ну и дела! Не думаю, что дед будет гоняться за ее новым избранником с дробовиком. Да и нет его здесь, избранника. Интересно, почему он не приехал? Я не стала задавать этот вопрос прямо, но мама сама объяснила. Игорь много работает, не смог вырваться. Но мы обязательно увидим его еще до свадьбы. Ах, свадьба! Нет, ничего такого, объяснила мама. Никаких пышных церемоний. Только самые близкие.

Она выглядела такой счастливой, а меня уже начал грызть червячок тревоги. А что, если это все обман и иллюзия? Вдруг этот Игорь вовсе не такой хороший, каким кажется? То, что он не приехал, говорит вовсе не в его пользу. Работа у него, видите ли. У всех работа! Это не повод отказываться от придирчивых смотрин будущего тестя и будущей приемной дочери... Что? Кого? Дочери? У меня будет приемный папа?

От этой мысли мне захотелось то ли рассмеяться в голос, то ли разрыдаться, то ли снова запустить в стену еще какой-нибудь, неважно, мягкий или твердый, предмет. В общем, я сама не знала, что чувствую и что должна чувствовать по этому поводу. К счастью, до приемного папы я додумалась, когда мама уже ушла, так что я не ляпнула ничего такого, о чем завтра буду жалеть.

Перед уходом мамы я почти засыпала, но теперь сон снова покинул меня. Очень жаль! Я так устала, мне так нужен отдых... А тут опять эти мысли об Аркадии. Я же уже решила, что ненавижу его, что еще? Хватит о нем думать! Да мне вообще не до него! Столько событий сегодня произошло, ни одной свободной минуты не было. Я почти о нем не вспоминала. Я вообще не помню, как он выглядит...

Ровно после этой мысли память в красках нарисовала мне портрет Аркадия. Я почему-то вспомнила наше первое свидание. Он тогда ждал меня у причала. Самоуверенный, но не высокомерный, блистательный, но не сказать, чтоб гламурный, красивый без приторности — настоящий принц. Щедро дарил свою яркую улыбку окружающим, а, особенно, мне. И меня эта улыбка грела и манила. Я радостно бросилась на этот свет, как безумный мотылек. Я потеряла голову... совершенно потеряла. Пора возвращать ее на место.

Для начала я должна выспаться, просто обязана. Так что сейчас представлю огромное стадо белых баранов, мостик над речкой, и по этому мостику они, один за одним, будут переходить на другой берег. Так, начали. Первый баран, второй баран, третий... пятнадцатый... двадцать седьмой...

Да здравствуют бараны! Вчера они мне очень помогли, я перевела через речку совсем небольшую часть стада, когда меня сморил глубокий сон. Я беспробудно дрыхла почти 12 часов, а когда проснулась, почувствовала, что по-настоящему излечилась от своей мнимой болезни. Где-то на обочине моего сознания болталась мысль о позорном поражении в игре под названием «ни к чему не обязывающий курортный роман», но я эту мысль отбросила

куда подальше мощным пинком. Пусть себе летит! Мне не до нее!

Наскоро почистив зубы, я первым делом бросилась в квартиру деда, чтобы убедиться, что мама мне вчера не приснилась.

Она сидела на кухне, у окна, с чашкой кофе. А на столе дымилась тарелка аппетитных блинчиков. Запах, который они источали, заставил меня судорожно сглотнуть слюну.

— Доброе утро! — завопила я и схватила блинчик.

— Выглядишь абсолютно здоровой, — заметила мама.

— А чувствую себя еще здоровее!

— Дед не разрешает кормить тебя блинчиками, — пожаловалась мама.

— Он что, рехнулся? — у меня глаза вылезли на лоб.

Уж кто-то, а дед всегда старается запихнуть в меня как можно больше всякой разной еды.

— Говорит, диета.

— О! — я и забыла. — Хорошо, что ты его не послушала.

— А я вот немного сомневаюсь, — мама с некоторой тревогой смотрела, как блинчики исчезают в моей безразмерной утробе.

— Еще один — и все. А потом пойдем гулять.

— Тебе еще надо выпить таблетки. Я обещала деду. Вот. Одну такую и две вот таких.

Я схватила горсть таблеток, подошла к окну и с размаху швырнула их в воздух. Пусть летят! Мне они не нужны.

— Я не болею, — сказала я маме. — И никогда не болела.

— Так, так, — произнесла она «родительским» голосом, который у нее появляется лишь по особым случаям.

— Я тебе все объясню.

Ну, не все, конечно. Но кое-то все же придется. Так, в общих словах. Мол, был тут один приезжий. Ничего особенного, но все же. Красавчик, одним словом. Ну а я уже давно тоскую одна. Вот и решила завести небольшой романчик. И завела. Кто мне запретит? Все прошло чудесно. Буквально накануне мы расстались. Красиво, стильно, как в кино. Я сказал на прощанье что-то остроумное. Он меня, точно, никогда не забудет... А я? Да я уже не помню, как его зовут!

Стоп. А откуда тогда мнимая болезнь? Несостыковочка выходит. Ну да ладно, что-нибудь придумаю.

К счастью, объяснениям помешал дед. Он заявился на собственную кухню с корзиной абрикосов в одной руке, пакетом кукурузы в другой и двумя букетами крупных ромашек в зубах. Букеты он вручил нам, абрикосы высыпал в раковину, а кукурузу выгрузил на стол. Он бросил мимолетный взгляд на блинчики, но ничего не сказал. Ура! Значит, мне не придется отвоевывать право быть сегодня совершенно здоровым человеком, гулять, плавать и есть что хочется.

— О! — обрадовалась мама. — Будешь ее запекать?

У деда есть фирменный рецепт приготовления молодой кукурузы. Он не варит ее, как все, а запекает в духовке, причем прямо в листьях. Получается изумительно!

— Обязательно.

— Мы собрались прогуляться, — выпалила я.

— Таблетки выпила?

— Выбросила в окно, — призналась я.

Дед строго сдвинул брови, потом посмотрел на маму, на меня, улыбнулся и выдал:

— Ну и ладно. Что-то мне подсказывает, что твой буйный молодой организм одержал победу над болезнью.

— Да!

На радостях я чуть не прошлась колесом по кухне. Удержало только то, что колесо у меня получается из рук вон плохо, могут пострадать предметы мебели, посуда и невинные люди.

Мама сказала, что ей на сборы нужно двадцать минут. Мне хватит и пяти, так что можно немного помочь деду. Я съела пару абрикосов, заела шоколадкой, поставила букеты в вазы, заглянула через плечо деда, который выудил из морозильника домашнюю курицу и теперь поливал ее холодной водой в раковине.

— Ты же к ужину ее приготовишь? — вопросительно-утвердительно произнесла я.

— А что?

— Хотела отвести маму на обед в рыбный ресторан.

Дед фыркнул.

— Ну да, дома-то еды нет совсем.

Не любит он рестораны, его туда никаким калачом не заманишь.

— А вечером посидим здесь.

В этот момент прозвучал дверной звонок. Я аж подпрыгнула. Кто бы это мог быть?

— Добрый день, — раздался в трубке домофона голос Ерша. — Это Андрей.

— Какой еще Андрей? — не удержалась я. — Не знаю никакого Андрея.

— Э-э... Русалка?

— Ерш? Заходи.

Едва Ерш успел подняться, я схватила его за шкурку и уволокла в свою гостиную. Чтобы задать вопрос, мучивший меня со вчерашнего вечера. Кстати, за те две минуты, что ушли у него на подъем по лестнице, я успела переодеться из легкомысленного домашнего халатика в шорты и футболку.

— Я вижу, ты уже не в постели.

— Ты такой наблюдательный! Я и вчера не должна была там быть. Я здорова!

Последнюю фразу я почти прокричала ему в ухо.

— Я, конечно, рад твоему выздоровлению, но зачем так орать?

Ерш накрыл пострадавшее от моего зычного голоса ухо ладонью.

— Ты мне вот что скажи: откуда ты узнал, что я заболела?

— Температуру сегодня мерил? — Ерш попытался говорить строгим голосом Андрея Евгеньевича, но сегодня этот номер со мной не прокатит.

— Кто тебе сказал? — гнула я свою линию. — У нас же общих знакомых вообще нет. Только Лапоть.

— Голова не болит? Тошнота не мучает?

Оказывается, Ерша не так-то просто сбить с толку.

— Эй! Все со мной в порядке, — снова проорала я ему в самое ухо.

— Тогда ответь, пожалуйста, на мои вопросы, — не унимался невозмутимый Ерш, вернее, Андрей Евгеньевич.

— Да я их уже забыла.

Ерш снова озвучил свой вопросник, я ответила, он заставил меня поставить градусник, я согласилась, при условии, что он откроет мне свою тайну.

— Тайны никакой нет, — сообщил Ерш, после того, как я устроилась с градусником на диване. Мне сказал Лапоть.

— А он откуда узнал?

— От Регины.

Регина — это пляжная медсестра.

— А она?

— Не знаю, но, наверное, от Марка.

— Это еще кто?

— Бармен кафе «Лето». И ее брат.

— Он-то тут вообще каким боком?

Он удивления я чуть не выронила градусник, который достала из-под мышки. Ерш взял прибор из моих рук, посмотрел, покачал головой. Я выхватила градусник из его рук и увидела, что он показывает 36,2.

— И что тебе не нравится?

— Да нет, все нормально. После вчерашнего повышения так и должно быть. Ты ослаблена.

— Я тебе сейчас кулаком в ухо заеду, увидишь, как я ослаблена.

Нечего строить из себя важного доктора Андрея Евгеньевича и терзать мое любопытство, выдавая информацию в час по чайной ложке!

— Ладно, ладно, понял. Официально выписываю тебя с больничного.

— Так кто такой Марк?

— Он встречается с Мариной.

О! Вот, значит, какими путями сплетни о жизни нашей гостиницы распространяются по побережью. А, раз канал работает в одну сторону, значит, может работать и в другую... Я с предельной ясностью вспомнила наш коллективный визит в «Террасу», где я сначала исполняла что-то вроде стриптиза, потом танцевала рок-н-ролл, а потом чуть не упала под стол, опьянев от простой воды. А Лапоть, к тому же, снимал меня на телефон... Может, эта запись уже гуляет среди пляжных спасателей, медсестер и барменов? Но это ладно. Может, все уже знают о моем неудачном романе с приезжим белозубым красавчиком?

— И часто вы занимаетесь... распространением сплетен? — осторожно спросила я.

— Вообще не занимаемся! — возмутился Ерш.

— Ну, ну.

— Мы лишнего не болтаем. Особенно про тебя. Клянусь!

— А что, есть что болтать?

— Э-э... нет.

Тут я вспомнила эпизод, пару дней назад не дававший мне покоя. Теперь это абсолютно неважно, но я не люблю, когда что-то остается невыясненным или недоговоренным. Меня это мучает.

— Помнишь тот вечер, в «Террасе»? — спросила я.

Ну и зачем я это делаю? Сама напоминаю о том, о чем все должны забыть! Такова моя противоречивая и неугомонная натура...

— Э-э... а должен?

— В смысле?

— Ну, если ты хочешь, чтобы не помнил, то я не помню. Шел домой пьяный, налетел с разбегу на столб, сотрясение, выборочная амнезия.

— Отличный вариант. Но пусть твоя амнезия на пару секунд пройдет. А то мне одна вещь не дает покоя.

— Спрашивай.

— Помнишь, вы с... новым знакомым пошли на балкон вроде как выяснять отношения.

— Было дело.

Ерш выпятил грудь.

— Что там произошло? Почему вы вернулись в обнимку?

— Зря, да? Надо было ему морду набить?

— Просто скажи, чем вы там занимались. Лично у меня сложилось впечатление, что вы пили и целовались.

— Что?!

От удивления глаза Ерша так выпучились, что он, натурально, стал похож на рыбу. Тем более, что и рот у него открывался беззвучно, как у настоящего водного обитателя.

— Не угадала?

— Он встал в стойку, я сразу понял, что он тоже кикбоксингом занимался. Оказывается, мы на одних и тех же соревнованиях бывали...

Ах, вот оно что! Ну все, одной загадкой меньше, можно спокойно жить дальше. Кикбоксингом он занимался... И как ему за все годы занятий никто не испортил наглую самоуверенную улыбку? Я не о Ерше, конечно.

Ерш немного поучаствовал в нашей с мамой прогулке по набережной, и удалился на свой пост, спасать захлебывающиеся тушки отдыхающих и обхаживать свежеприбывших красоток. Прекрасно устроился, ничего не скажешь! Ему даже не нужно особо напрягаться, сиди себе, разглядывай в бинокль и невооруженным глазом соблазнительные изгибы, а потом жди, когда добыча, разомлевшая на солнце, сама запугается в искусно расставленных силках.

Солнце светило во всю мощь, как ему и положено в июле, так что наша прогулка по набережной была недолгой. Не вовремя мы выбрались на променады, в самое жаркое время дня. Зато в рыбном ресторанчике на пирсе было прохладно, уютно, и вкусно пахло. Когда мы входили, я бросила взгляд на причал и увидела яхту «Кассиопея», на которой провела самые яркие, романтичные и бесстыдные часы в своей жизни.

Ну вот, опять! Мне что, нужно уехать из города, чтобы не думать о нем? Спокойно. Все нормально. Это пройдет. Не сразу, но пройдет. Я в этом ни на секунду не сомневаюсь.

За обедом мы говорили о Кирилле. Маме, как и деду, он всегда нравился. Увидев его у нас в гостях, она подумала, что у нас завязались не просто дружеские отношения. Кажется, она даже обрадовалась. Она знала об истории с Германом и переживала за меня, ее беспокоило, что я столько времени одна. Но я вынуждена была ее разочаровать — с Кириллом ничего не получится.

— Почему? — спросила она.

Я пожалала плечами.

— Я сама все испортила.

Как именно, рассказывать маме я не хотела. Хотя мы и лучшие подруги, говорить с ней на интимные темы мне очень неловко. А дело тогда почти дошло до интима.

Примерно год назад Кирилл очень часто, по приглашению деда и по собственному желанию, захаживал к нам в гости. Он тогда был как-то веселее, много шутил, и я постоянно смеялась. Когда он пригласил меня не просто на дружескую прогулку, а на самое настоящее

свидание, я согласилась. Накануне я почему-то разволновалась и всю ночь не могла уснуть, беспокойно ворочаясь с боку на бок и стараясь понять, что я к нему чувствую, и стоит ли вообще пытаться перейти на другой уровень, ведь можно напрочь испортить хорошую дружбу... Как продемонстрировали дальнейшие события, сомнения мои были не напрасны.

Кирилл оказался на удивление напористым. Я всегда считала его робким и нерешительным, но он, безо всяких колебаний, поцеловал меня, и я ответила на его поцелуй. Мы оказались у него дома. Целовались до головокружения, пили вино, снова целовались. Вина было много, поцелуев еще больше, и я понимала, что очень скоро мы перестанем быть просто друзьями. Я уже была без блузки, в его постели, разгоряченная вином и жаркими ласками. Он протянул руку к тумбочке, пошарил там, не нашел того, что искал и, прошептав мне в ухо: «Я сейчас вернусь», удалился в ванную.

Моя голова, отяжелевшая от вина и недосыпа, кружилась и неумолимо клонилась к подушке. Я всеми силами пыталась отогнать от себя сон, готова была найти спички и вставить их в глаза, но спичек под рукой не оказалось... В общем, за те несколько минут, что Кирилл отсутствовал, я умудрилась уснуть. Обо всем, что было до следующего утра, я могу только догадываться. Видимо, он вернулся и застал меня мирно храпящей среди скомканных одеял. Надеюсь, на самом деле я не храпела и не пускала слюни! Наверное, он пытался меня разбудить. И не смог. Я спала крепко, как пьяный гусар.

Утром я обнаружила себя в постели Кирилла, без блузки но в джинсах и в лифчике, укрытую одеялом. Кирилл спал на другом краю огромной кровати. Я потихоньку сбежала. Некоторое время мы не виделись. А когда случайно встретились, он был не один, а в компании друга. Мы сделали вид, что между нами все, как обычно. Что мы просто бывшие одноклассники. С тех пор мы ни разу не говорили о том случае, и между нами навсегда поселилось мучительное чувство неловкости. Я несколько раз порывалась затеять серьезный разговор, но что я могла сказать? Прости, что уснула? Странное извинение, которое вряд ли бы что-то исправило.

Эту историю я от мамы утаила, свой курортный роман тоже хотела утаить, но как-то так получилось, что мы все же заговорили о недавних событиях моей личной жизни. Она спросила, почему я так долго одна и как я себя чувствую в одиночестве. Я сказала, что никакого одиночества нет, просто я пока не хочу длительных отношений. А вот как раз недавно у меня были кратковременные, но очень насыщенные и яркие взаимоотношения с одним приезжим товарищем.

Я выдала ей ту самую версию, которую заготовила еще дома, когда выкидывала таблетки. Про ни к чему не обязывающий курортный роман. Про то, как я прекрасно провела время, и как красиво и стильно мы расстались.

— Так это из-за него ты заболела? — спросила мама, внимательно меня выслушав.

— Нет!

Она тихонько вздохнула. Как трудно ей врать!

— Да... — промямлила я в итоге.

— Так не бывает, — сказала она.

— Как?

— Легко, мимолетно, без глубоких чувств.

— Как — не бывает? — удивилась я. — Должно быть. Я слышала о таком не раз.

— Ну, может, и бывает. Но не у тебя. И не у меня.

Она опять вздохнула.

— Думаю, насчет меня ты ошибаешься, — гнула я свою линию.

Она, конечно, была права. Ошиблась я, но зачем ей это знать? Только лишние переживания. Не нужно ей за меня переживать. У меня все хорошо. Будет в самом ближайшем времени.

— То есть все закончилось, и он уехал? — спросила мама.

— Ну... да.

— Я, конечно, не знаю всех обстоятельств, — произнесла она через несколько секунд. — Но все очень просто. Если бы он хотел быть с тобой — был бы.

Да. Все очень просто.

Когда принесли десерт, мама задала вопрос, который, похоже, мучил ее последние полчаса.

— Лана, ты не... беременна?

— Нет!

И взбредет же такое в голову!

— Ты совершенно точно знаешь?

Я задумалась. Задумалась! Вот до чего дошло. Нет, нет и еще раз нет. Этого быть не может. Я точно знаю. Несмотря на все экстазы и головокружения, я не забывала о средствах безопасности. Но напоминать об этом Аркадию мне не пришлось ни разу. Он был предельно осторожен, видимо, не больше моего хотел, чтобы у нашего скоротечного романа были последствия. Аркадий... Прочь, прочь! Уходи, ты мне в моей голове не нужен. Я чуть не замахала руками, чтобы прогнать непрошенное видение. Что ж, раз мама настаивает, я произведу в уме некоторые подсчеты.

— Совершенно точно я узнаю через неделю, — пришлось признать мне. — Но я уверена. Абсолютно.

Мама грустно улыбнулась.

— Если вдруг... ты скажешь мне? И... не будешь принимать поспешных решений...

Интересно, какое решение она считает поспешным? Нет, не хочу об этом думать. Мне никаких решений принимать не придется. Я в этом уверена. Но теперь, наверное, буду слегка волноваться. Пока мама не завела об этом речь, мне вообще не приходила в голову мысль о беременности. И кто только ее за язык тянул? Конечно, она боится, что со мной произойдет то же, что когда-то с ней. Но это невозможно. Я старше, опытнее, я вовсе не наивная дуручка. И это я его бросила, а не он меня!

После ресторана мы вернулись домой, потому что гулять по такой жаре — чистое безумие. Из открытой двери дедовой квартиры доносились странные звуки: хлопки попеременно с очень эмоциональными восклицаниями. Что-то подобное можно услышать рядом со столом доминошников, забивающих козла. Мы с мамой поначалу решили, что дед там не один, но, прислушавшись, разобрались, что чужих голосов нет. Что он там такое делает?

Я первой заглянула на кухню, вероломно, из-за угла. А что? Дверь не закрыта, значит, нельзя сказать, что я шпионю. Дед сидел за столом, перед ним стоял ноутбук.

— Ах, так! — воскликнул он, глядя на экран. — А двойку трэф не хочешь?

Он сначала щелкнул кнопкой мыши, что было логично, а потом бросил мышку и хлопнул ладонью по столу. Это было странно.

— Давай, давай, — продолжал тем временем дед. — Хочу увидеть еще одну карту.

В этот момент он увидел меня, но это не помешало ему снова бросить мышку и

хлопнуть ладонью по столу. После чего он еще раз посмотрел на экран и сказал ноут-буку:

— Перерыв.

— Что за вакханалия? — поинтересовалась я.

— Карты? — мама уже успела обойти стол и посмотреть на экран. — Пасьянс «Косынка»?

Дед громко фыркнул. А Ника говорит, что это я фыркаю, как лошадь. Слышала бы она деда!

— Покер, — коротко и высокомерно произнес он.

— С кем играешь? — спросила я.

— С машиной.

— Небошь, уже штаны проиграл. И шляпу.

— Я, вообще-то, выигрываю! — обиделся дед.

— Я убегу на пару часов, — сказала мама. — С Иринкой поболтать.

— Чтоб к ужину была дома, — строго произнес дед.

— Буду, буду.

— Чего это тебя на покер потянуло? — спросила я деда, созерцая курицу, густо засыпанную специями, натертую маслом и завернутую в полиэтиленовую пленку.

— Да так. Собираюсь отомстить старухе Шапокляк. Я ее по миру пушу!

Чтобы понять это высказывание, нужно знать о существовании закрытого покерного клуба, состоящего из более или менее состоятельных пожилых дамочек, преимущественно хозяек гостиниц. Этот знаменитый в нашем городе клуб занимается тем, что собирается по средам то у одной, то у другой участницы и яростно режется в покер. Во время игры дамы пьют шампанское, сплетничают не менее яростно, чем играют, и изо всех сил делают вид, что они — сливки и элита. Попасть в их клуб совсем не просто, нужно чему-то там соответствовать и получить от кого-то там рекомендацию. Не удивлюсь, если у этих высокомерных старушек есть дресс-код, и они приходят на заседания своего клуба в боа, шляпках с перьями и увешанные бриллиантами. Но при чем тут дед?

— Хочешь нарядится в платье и обыграть Шапокляк? — засмеялась я.

И осеклась. Потому что дед не засмеялся в ответ. Более того, в его взгляде промелькнуло виноватое выражение, которое появляется, если застукать его за чем-то неблаговидным. Например, за курением. Он что, рехнулся?

— Кто тебя туда пустит?

— Может, я все неправильно поняла?

— Пустят, — упрямо произнес дед.

— У них там сроду мужчин не было.

— И не будет.

В глазах деда бегали настоящие сумасшедшие чертенята.

— Ты что... правда, в платье вырядишься? А как же лицо? Ты на тетеньку вообще никак не похож. Только на дедушку.

— Маску надену, — ухмыльнулся дед.

— А руки?! — не унималась я. — А ноги? А походка, в конце концов!

— Лана, — строго произнес дед. — Уйми свою буйную фантазию. Ни в кого я не собираюсь переодеваться.

— Тогда как ты туда попадешь?

— Пусть это останется моей тайной.

Тайной?! Тайна для меня — это как для быка красная тряпка. Стоит сказать, что я чего-то не должна знать, как мне начинает невыносимо хотеться это выяснить. Я должна узнать, что планирует дед! Мне же его потом из неприятностей вытаскивать.

— А зачем ты по столу стучишь? — решила я раскрыть еще одну тайну.

— Что? А, это... не могу же я стучать по этой дурацкой машине! Она тогда коньки отбросит.

Вечером мы собрались на кухне у деда, за столом, в центре которого дымилась румяная запеченная курица, обложенная початками ароматной кукурузы. Мы с мамой здорово нагуляли аппетит, так как успели сходить на море и проплыть не меньше полутора километров. Моя мама тоже хорошо плавает и очень это любит. Собственно, это благодаря ей я стала почти настоящей русалкой.

— Как мне этого не хватает! — все время повторяла она, с наслаждением занырявая в бирюзовые глубины и выныривая обратно.

— Так возвращайся.

— Мы с Игорем думаем об этом, — призналась она, когда мы плыли обратно.

— Правда? — обрадовалась я.

— Но не в ближайшее время, конечно.

— Лет через двадцать, когда выйдете на пенсию? — я была разочарована.

— Не знаю, — она засмеялась.

— Он тут даже ни разу не был. Вдруг ему понравится.

— Думаешь, тут может не понравиться?

Мама с восторгом и любовью смотрела на наш уютный милый городок, раскинувшийся на берегах аккуратной бухты. Если тут так хорошо, почему же она уехала и не возвращается? Я не спросила этого вслух, но так громко подумала, что она, видимо, почувствовала мою мысль.

— Я давно хочу вернуться, — сказала она. — Но есть некоторые обстоятельства.

Понятно. Всегда есть некоторые обстоятельства.

Но никакие обстоятельства не могли помешать нам наброситься на курицу, которую дед лихо разделал ножом. Мы ели с таким аппетитом, что за ушами хрустело и кости летели в разные стороны. Дед был доволен. Он очень любит, когда его еду уплетают за обе щеки и терпеть не может всяких там диет (которых периодически придерживается мама) и моего «что-то сегодня аппетита нет».

Мы сидели, пили ароматный чай со свежей мятой, потихоньку отщипывали пирожные — после курицы наброситься на них мы уже не могли. Было так хорошо, уютно... но меня не покидало ощущение, что чего-то не хватает. Бросив взгляд на свободный стул возле деда, я поняла — не хватает бабушки. Раньше, когда мама возвращалась из очередной поездки, мы тоже сидели вместе по вечерам, пили чай с пирогами и блинчиками, болтали, смеялись... Нас было четверо, а теперь осталось только трое. На мои глаза навернулись слезы.

Я уткнулась в чашку с чаем, но остановить их уже было невозможно. Одна слезинка капнула в чай, оставив после себя круги на его поверхности. Я подняла взгляд, и мои глаза наткнулись на глаза деда.

— Разве ты не чувствуешь, что она здесь? — произнес он еле слышным шепотом.

Как он догадался? Я пожала плечами.

— Я бы все на свете отдала, чтобы она была сейчас с нами.

— Она с нами, — сказал дед уверенно.

Его голос дрогнул, но он смог улыбнуться. Я украдкой посмотрела на маму. По ее щекам тоже текли слезы, и она даже не пыталась их скрыть. Я накрыла ее руку своей. Дед положил ладонь сверху. Так мы и сидели, забыв про чай и пирог. Мою душу разъедала жгучая печаль. Мне очень хотелось почувствовать присутствие бабушки, но я, наоборот, очень остро ощущала, что ее здесь нет.

Вся жизнь состоит из этого — боль, радость, снова боль и снова радость... горе и счастье, потери и обретения. И только когда рядом те, кого ты любишь, можно пережить эти сумасшедшие американские горки.

После ужина я позвонила Нике, и мы поболтали, но совсем недолго, и обо всякой ерунде. Моя подруга не сказала этого прямо, но я почувствовала, что Эдик рядом, и что его присутствие мешает ей быть со мной такой, какой она обычно бывает — веселой, резкой, не стесняющейся в выражениях. Ну да, с ним же она не живой человек, а воздушное безе, травоядная нимфа и балерина Анна Павлова в одном лице.

Я снова почувствовала беспокойство за подругу. Притворяться в отношениях — это неправильно! Уж я-то знаю это, как никто другой. Когда-то, с Германом, я пыталась казаться и даже по-настоящему быть тем, кем не являюсь. И чем все это закончилось? Слезами, болью и зияющей раной в душе, которая затягивалась долгих два года. И, если бы не Аркадий, мне, возможно, понадобилась бы помощь психолога, чтобы вернуть утраченную уверенность в себе. Так, спокойно. Аркадий сейчас затесался в мои мысли случайно, и я аккуратно, интенсивными пинками, затолкаю его подальше на задворки сознания. Я не буду о нем думать!

Сегодня мама, как и обещала, осталась ночевать у меня. Я постелила ей в своей спальне, хоть она и сопротивлялась, порываясь пойти на диван.

— Ну дай же мне за тобой поухаживать, — возмутилась я. — Мне это очень нечасто удается.

— Извини, — тихо произнесла мама.

— Да ладно... — я даже растерялась от ее серьезного тона.

— Нет, правда. Извини меня.

— Да за что?

— За все.

Она стояла у окна, в моем халате, странно маленькая и беззащитная. Я оставила чистые простыни на комод и подошла к ней.

— Я всегда уезжала, оставляла тебя одну...

— Не одну.

— Ты скучала по мне.

— Да, очень.

— И я тоже очень-очень скучала. Но какая-то сила все время гнала меня прочь отсюда.

— Я знаю. Тогда я не понимала, но теперь... я знаю.

— Если бы я могла все вернуть... я не была бы такой эгоисткой.

Мама теребила пояс халата и смотрела на меня снизу вверх, как будто это я была взрослой, а она — маленькой девочкой. Это было так странно... Мы как будто поменялись ролями.

— Самые лучшие дни в моей жизни — те, которые я провела с тобой, — произнесла она, и улыбка озарила ее лицо. — Я все время искала счастье где-то далеко, но находила только здесь, дома.

— Я недавно думала об этом. И решила, что в те моменты, когда ты возвращалась, тебе было плохо. Ведь ты приезжала потому, что у тебя где-то там опять что-то не получилось.

— Да нет же! Я приезжала потому, что хотела побыть с тобой.

— Правда?

— Еще бы!

— Ну, тогда давай застилать постель.

Этот разговор был неожиданным и немного неловким. Мы с мамой никогда раньше не говорили о прошлом, о ее частых отлучках, о моем детстве...

— Ты такая взрослая, — произнесла мама, надевая наволочку на подушку. — И мудрая. Я такой не была.

— А какой ты была?

— Мечтательной, наивной. Витала в облаках и ничего не понимала в этой жизни. Наверное, поэтому у меня все сложилось так... криво и косо.

— Но теперь-то все хорошо? — спросила я.

— Да. Теперь все хорошо.

Мама просияла. Как она все-таки похожа на маленькую девочку! Может, все дело в моем халате. Он розовый, с бантиками и рюшами. Я его не ношу, я же не Барби. Купила, как обычно, в приступе шопоголического безумия.

Кажется, я больше никогда не смогу спокойно спать по ночам. Так, чтобы положить голову на подушку и мгновенно начать видеть яркие замысловатые сны. Вместо цветных снов теперь — серая липкая тоска. Мы и так проболтали с мамой почти до часу, я давно должна клевать носом. Я и клевала, пока не устроилась на диване, подложив под голову целых две подушки и укрывшись мягким пледом. У меня получилось такое уютное гнездышко — ложись и спи... Но я не могу.

Я ворочалась так, что от гнезда остались одни обломки, а ночнушка практически перевернулась на мне задом наперед. Как ей это удалось? Чудеса какие-то. Нет, уснуть, определенно, не получится. Не стоит и пытаться. Я сползла с дивана, побрела в сторону холодильника, открыла его, рассеянно оглядела содержимое. Что я тут ищу? Пора бы уже купить снотворное. Или хотя бы конфисковать из дедовых запасов еще одну бутылку сухого красного.

Послonyaвшись туда-сюда по гостиной, я села на пол перед окном. Чем бы таким заняться, чтобы при этом не разбудить маму? Посижу, посмотрю в окно. Сижу. Смотрю. Прошло целых две минуты! Что бы поделать еще? Я зачем-то побрела в прихожую, полюбовалась на мамину шляпу, напялила ее на себя перед зеркалом. Темнота не позволила мне понять, идет мне эта вещь или нет. Я видела лишь смутный силуэт, очень похожий на ядовитый гриб под названием бледная поганка.

Шляпа не удержалась на вешалке, соскользнула на пол, я наклонилась, чтобы поднять ее и взгляд мой наткнулся на беговые кроссовки. Я бы не увидела их, если бы белые полосы не сияли призывным флуоресцентным светом. Они валяются тут с той самой ночной пробежки, я так и не удосужилась убрать их в шкаф. А может... В два часа ночи? Почему нет? Чем это время хуже любого другого? Я знаю, что мама бы меня не одобрила. Дед — тем более. Но они сладко спят в своих постелях, в то время как я не могу сомкнуть глаз. А усталость очень даже может поспособствовать образованию сонливости. В тот раз помогло, поможет и в этот.

Я тихонько прокралась к шкафу, на ощупь нашла шорты, топ и майку, натянула их вместо ночнушки. Отыскала носки в ящике. Надеюсь, они одного цвета. А, впрочем, какая разница? Если я кого и встречу, так только подвыпивших ночных гуляк. А им до моих носков точно не будет дела, как и мне до их мнения по поводу моего внешнего вида. Телефон я закрепила в чехле на предплечье, ключи положила в потайной карман шортов. Я готова к спортивным достижениям!

Ночь была теплой, даже слишком. Я бы предпочла освежающую прохладу. Но приходится довольствоваться тем, что есть. Ничего, холодный душ в конце пробежки поможет остудить мое разгоряченное туловище и не менее разгоряченные конечности. Я хотела рвануть в сторону набережной, но ветер донес до меня звуки грохочущей музыки, и я повернула в противоположном направлении. Не хочу оказаться посреди безумного сабантуя, все эти люди со стеклянными глазами и выхлопом, как у Змея Горыныча, меня просто бесят! Особенно сегодня, когда мне хочется тишины и покоя, как внутри, так и снаружи.

В общем, я снова побежала в сторону жилых кварталов, подальше от набережной. Но в этот раз все было по-другому. У меня было ощущение, что к кроссовкам кто-то подло приделал чугунные подошвы. Иначе почему мне так трудно переставлять ноги? Куда делась

былая легкость и прыгучесть? Я бежала в гору, мой организм был против, но я не собиралась поддаваться слабости. Если бы я действительно устала, то давно дрыхла бы в своем уютном гнезде. Раз я не могу уснуть, значит, у меня полно лишней энергии. И я должна ее растратить во что бы то ни стало!

Улицы были пусты, мне даже не приходилось притормаживать на перекрестках, потому что и машин не наблюдалось, разве что изредка проносилась очередная «музыкальная шкатулка», оглашающая окрестности ритмичными звуками. Молодежь развлекается. Носятся толпой папиных машинах, тайно угнанных из гаража. Мы когда-то тоже так делали. Весело было...

Чем дальше я бежала, тем больше у меня появлялось энергии. Я же говорила! Она есть, просто прячется, не хочет быть истрачена на благое дело, хочет снова будоражить меня в ночи. Хватит! Я не желаю больше вспоминать о том, как теряла голову в объятиях Аркадия, как у меня перехватывало дыхание от его поцелуев, как я проваливалась в бездонный омут, когда его глаза приближались к моим, и он заглядывал прямо мне в душу... О ночах, наполненных бешеной страстью, томительной нежностью и самым настоящим безумием я не хочу вспоминать тем более. Я никогда раньше не испытывала ничего подобного и вряд ли когда-то испытаю. Кажется, я выгорела дотла. На месте моего сердца сейчас лишь горстка пепла, раздуваемая ветром сожалений.

О чем же я сожалею? О том, что это было или о том, что закончилось? Если бы я тогда поехала от Ники на такси, мы бы не встретились на единственном сухом островке посреди бушующего ливня, он бы не накинул мне на плечи свою куртку, и меня не ударило бы током прикосновение его теплых рук... Да, все случилось именно тогда. Я влюбилась уже в тот момент, хотя сама не поняла этого. Думала, это просто игра, просто развлечение. Если бы все было так просто, мне не было бы сейчас так мучительно больно...

А он? Где он сейчас? Что делает, о чем думает? Вспоминает ли обо мне? Может, уже забыл, в объятиях очередного летнего развлечения. Нет, такого быть не может. Не только я теряла голову в наши безумные ночи, он чувствовал тоже самое... во всяком случае, тогда я была в этом уверена. А, может, нет? А, может, это только мне было так хорошо? От этой мысли, пронзившей меня неожиданно и вероломно, я остановилась посреди дороги, как соляной столб. Разве такое возможно? Разве бывает так, что у одного участника событий стая бабочек под кожей, головокружение, экстаз, доходящий до глубокого обморока, а второго — ничего особенного? Интуиция и жизненный опыт подсказывали мне: да, такое может быть.

Это осознание было таким... обидным! То есть я парила на крыльях страсти и романтической влюбленности, а он просто удовлетворял свои низменные потребности? И меня вполне можно заменить любой другой наивной и восторженной дурочкой? Да пошел он вообще! Он недостоин того, чтобы я нем думала! Придя к этому яростному убеждению, я собралась бежать дальше. Я только сейчас поняла, что все еще стою посреди тротуара, как столб, рассуждаю сама с собой и, возможно, даже, разговариваю вслух.

Я сделала шаг, и мой взгляд случайно переместился в сторону кустов, разросшихся вдоль ближайшего забора. Увиденное в прорехе между кустами заставило меня снова остановиться, и не просто остановиться, а полностью окаменеть.

На крыльце дома сидел Аркадий и курил. Я не очень четко видела его лицо, потому что свет на него падал сзади, из-за приоткрытой двери. Но это был он. Его взъерошенные волосы, его рука с длинными сильными пальцами, его широкие плечи. Он повернулся, и его

темный профиль отпечатался на желтом фоне, как негатив фотографии.

Я инстинктивно шагнула назад. Я не хотела, чтобы он меня видел. Уже можно было остановиться, но я, сама того не замечая, все отступала и отступала, пока не оказалась на дороге. Очнулась я в тот момент, когда рядом со мной завизжали тормоза мотоцикла.

— Эй! — заорали мне прямо в ухо. — Проснись! Уйди с дороги!

Чьи-то руки толкнули меня в сторону тротуара. Я очнулась и побежала. Я неслась со всех ног, как заяц, в спину которого дышит стая волков. Ног я не чувствовала, тела тоже, мне казалось, я лечу над землей, как во сне, и ветер свистит у меня в ушах. Если бы едва не сбивший меня мотоцикл ехал в ту же сторону, уверена, я бы его обогнала. Мне нужно было убежать во что бы то ни стало. Я не хотела, чтобы меня увидел Аркадий. Он наверняка вышел к калитке, привлеченный визгом тормозов и криками. Наверняка вышел... но я этого не видела. Меня там уже не было.

Я остановилась, чтобы отдышаться только после того, как пробежала несколько километров. Ну, может, всего один километр. Я не знаю, я неслась как угорелая, ничего не видела, ничего не понимала... Знала только, что мне нужно оказаться как можно дальше от того места. И где я теперь?

Привалившись к стволу платана, я тяжело дышала и озиралась по сторонам. Я не разбирала пути и поэтому не знаю, куда принесли меня ноги. Справа от дороги высотки, слева частные дома. А в какой стороне море? В нашем городе это главный ориентир. Мое горло слиплось от жажды, дыхание вырывалось со свистом. Я села прямо на траву под платаном и обхватила голову руками. Перед моими глазами до сих пор был профиль Аркадия, черный на желтом фоне, яркий и симметричный, как настоящая фотография.

Это, правда, был он? Откуда он там взялся? Почему он сидел на крыльце какого-то ветхого дома, а не на террасе шикарной гостиницы? И что мне теперь делать? Если я не знала, как ответить на первые три вопроса, то ответ на последний был очевиден: надо идти домой и ложиться спать. Собственно, что такого невероятного произошло? Я не была уверена, что Аркадий уехал. Еще в самом начале нашего романа он намекал, что может остаться на побережье надолго. Правда, я думала, что он переедет в другую гостиницу, подальше от нашей, или вообще в соседний город. Но он остался здесь. И снял какой-то дом. Ну, захотелось человеку деревенской экзотики. Мне-то какое до этого дело? А, может, он зашел к кому-то в гости. К кому-то... к девушке? Да на здоровье. Пусть хоть гарем себе заведет, меня это ни капли не волнует.

Я поднялась и уверенно направила свои стопы в сторону моря. Я знаю, в какой оно стороне, не вижу, но чувствую. Кроме того, об этом можно догадаться по уклону. К морю — значит вниз. И район этот я знаю, я умчалась не так уж далеко. Просто в приступе паники все вокруг показалось незнакомым... И тут я вспомнила. Я уже видела Аркадия, приблизительно в том же месте. Когда бегала неделю назад. Я тогда подумала, что он мне померещился. Но теперь не сомневаюсь — это был он. Он вышел из этого самого дома, спрятавшегося за разросшимся кустарником. Вышел и закрыл за собой калитку, с таким видом, как будто ему это действие хорошо знакомо, как будто он делал это миллион раз.

Какие из этого можно сделать выводы? Ну, думай, дорогой Ватсон, это же элементарно. Он не впервые в нашем городке. Поэтому знает про Кручу, про рапанов, про сезонную ловлю рыбы. Возможно, в этом доме живет кто-то из его старых знакомых. Это очень правдоподобное объяснение. Хотя... почему же он сначала остановился в гостинице? Нужно признать: это все лишь догадки. Я понятия не имею, что происходит. И, что самое главное

— мне не нужно этого знать!

Вернувшись домой, я выпила литр воды, встала под холодный душ, почистила зубы, попыталась расчесать мокрые волосы, чтобы завтра они не торчали в разные стороны... Сна не было ни в одном глазу. Я старалась двигаться тихо, чтобы не разбудить маму, свет я включила только в ванной, на кухне ориентировалась на ощупь. Рухнув в свое разоренное гнездо, я приготовилась к долгой битве с неугомным желанием думать об Аркадии и, неожиданно, уснула. Все же пробежка, тем более такая активная — прекрасное средство от бессонницы.

Проснулась я на удивление рано, даже мама еще спала. В последнее время мой обычный распорядок был нарушен курортным романом и его последствиями. Теперь все кончилось, жизнь возвращается в обычное русло. И поэтому я, как обычно, отправилась с утра на море, прихватив полотенце и хорошее настроение. Оно и вправду было хорошим, сама не знаю почему. Наверное, мне надоело страдать. Все приедается.

Ерш и Лапоть были на месте, море манило, солнце светило — ничего не изменилось, жизнь продолжается! После заплыва я расстелила свое полотенце на мелкой гальке и прилегла немного отдохнуть. Обычно я так не делаю, не люблю поджариваться на солнце. Но сегодня я устала и решила, что немного солнечных ванн под шум прибоя мне не помешает.

Проснулась я от скрежета и грохота, сопровождаемых приглушенной руганью.

— Говорил тебе — давай помогу!

Знакомый голос. Кажется, это Лапоть.

— Кто же знал, что он развалится!

Это, точно, Ерш.

— Слушай старших и умных, и будет тебе счастье!

Это снова Лапоть.

Я открыла глаза и увидела перед собой Ерша. В его руках была верхняя часть огромного пляжного зонта.

— Улетаешь, Мэри Попинс? — пробормотала я и перевернулась на другой бок.

Так, стоп! Почему я вообще сплю на пляже? Я села и увидела, что нижняя часть зонта, представляющая собой палку с тяжелым металлическим основанием, лежит в опасной близости от моей головы. Рядом с ней сидит Лапоть и с немым, но явственным укором, смотрит на Ерша.

— Вы что, решили прикончить меня во сне? Что я вам плохого сделала?

Лапоть хмыкнул, Ерш открыл и снова закрыл рот.

— Ты уже начала поджариваться, — объяснил, наконец, Лапоть.

— Я укрыл тебя полотенцем, — продолжил Ерш. — Но ты его все время скидывала.

— Надо было перетащить ее в тень, — сказал Лапоть Ершу, как будто меня здесь не было.

— Она бы проснулась.

— А сейчас она сладко спит!

Он покосился на меня. Заметил, наконец!

— Ну вот я и решил поставить рядом зонтик, — высказался Ерш. — Но он оказался непрочным. И очень тяжелым.

— Сколько времени я тут валяюсь? — поинтересовалась я.

— Ну... часа два, — сказал Ерш.

Из моего рта вырвалось не очень приличное восклицание.

— Надо было меня разбудить!

— Жалко было, — признался Лапоть. — Ты так сладко сопела.

— И похрапывала, — добавил Ерш.

— Врешь!

— Ладно, вру.

— Большое спасибо вам за заботу, — обратилась я с искренней прочувствованной речью к спасателям. — Но в следующий раз — просто разбудите.

Я уже отошла на сотню метров, когда меня осенило. Ерш же без пяти минут доктор! Он может мне помочь. Пришлось вернуться.

— Слушай, — обратилась я к своему заботливому другу. — Посоветуй хорошее снотворное. Бессонница одолела.

— Опиши симптомы, — произнес Ерш строгим голосом Андрея Евгеньевича.

— Спать не могу! Какие тебе еще симптомы?

— Причины? Ощущения? Голова не болит, не кружится? Аппетит нормальный?

— Да ну тебя.

Я махнула рукой и пошла прочь. Ерш меня догнал.

— Это может быть очень серьезно. То у тебя температура, то бессонница...

— Да все нормально.

— Нет, ненормально! Ты сама на себя не похожа.

— И что ты предлагаешь?

— Давай как-нибудь встретимся, поговорим.

— О моей бессоннице?

— Ну а о чем еще? Я помочь хочу.

— Ладно, — я махнула рукой. — Встретимся.

— Давай сегодня вечером.

— Ну... не знаю.

— Я тебе позвоню.

Дневной сон не очень-то меня освежил, я высохла, нагрелась, впору было снова лезть в море. Но я торопилась домой. Мама, наверное, давно проснулась и потеряла меня. Пересекая набережную по диагональной траектории, я увидела Кирилла, который неспешным шагом двигался мне наперерез. Он меня еще не заметил, так как увлеченно созерцал что-то на экране своего телефона. Ну и прекрасно. Я вообще не горю желанием с ним общаться. В последнее время наши встречи протекают по удивительно однообразному сценарию: я веду себя как идиотка, он невозмутим и безупречен. Сейчас, вроде бы, ничто не предвещает провала, но кто знает... Я способная, найду, как в очередной раз опозориться.

Я замедлила шаг, чтобы не оказаться на пути Кирилла, но, кажется, сделала это слишком резко — женщина с коляской, следовавшая за мной по пятам, затормозить не успела. Маленькие, но очень жесткие колесики с разбегу врезались в мои голые пятки.

— Ой! — вскрикнула я.

Кирилл поднял глаза.

— Извините, — пробормотала женщина.

— Это вы меня извините, — проявила я вежливость.

Коляска вместе с бормочущим что-то обитателем укатила, а я оказалась лицом к лицу с Кириллом. Мы поздоровались, я нацепила радостную улыбку, Кирилл тоже непринужденно

улыбнулся.

— Как вода? — поинтересовался он.

— Мокрая и соленая, — резковато отозвалась я. И тут же поправила сама себя, — теплая, как парное молоко.

Кирилл — это не Ерш. С ним надо поаккуратнее. Он — парень чувствительный и деликатный. Ему я обычно не грублю и в ответ на невинный вопрос не огрызаюсь. С ним я, кажется, становлюсь лучше...

— Ты черная, как шоколадка, — продолжил светскую беседу Кирилл.

Кажется, это комплимент. Надо ответить, как подобает воспитанной барышне.

— Спасибо.

— А все загораеть...

— Да нет, загорать я не люблю. Лежать на пляже скучно.

Кирилл посмотрел на меня как-то странно. С недоверием, что ли?

— Ну, мне пора. Меня мама ждет.

Все прошло хорошо, надо испариться, пока я не ляпнула лишнего и не выкинула чего-нибудь чудесного, в моем стиле.

— Может, как-нибудь встретимся, сходим куда-нибудь? — внезапно выпалил Кирилл.

Его щеки, до этого момента достаточно бледные, приобрели оттенок нераскрывшегося розового бутона. Похоже, он волнуется...

— Давай, — согласилась я.

— На Цветочном бульваре открыли новую кофейню. Говорят, там очень вкусные чизкейки.

— Обожаю чизкейки!

— Я помню.

Лицо Кирилла вернулось к своему первоначальному цвету, а я вернулась к прерванному маршруту.

Только дома, в ванной, я поняла, почему Кирилл смотрел на меня так странно и не поверил моему утверждению, что я не люблю загорать. На моей левой щеке, которую во время сна на пляже я использовала как подушку, явственно отпечатался узор из мелкой морской гальки. Камни, на которых распласталось мое нежное лицо, имели разнообразную причудливую форму, и узор получился очень красивым, авангардным. Хоть сейчас на выставку. Ну вот. А я думала, что сегодня не опозорилась перед Кириллом.

Мама с дедом наколдовали вкуснейший обед из восьми, кажется, блюд. Я так поняла, они увлеклись и устроили что-то вроде кулинарного батла. Мой желудок стонал и жаловался, но я все равно запихивала в него медальоны из лосося, суфле из шпината, нечто поджаристое из говядины и зеленого лука, рулетки с курицей и чем-то красно-желтым...

— Ну, — спрашивала мама, — как тебе суфле?

— Тает во рту, — ответствовала я.

Мама с довольной улыбкой поглядывала на меня и с превосходством — на деда.

— А жульен разве не тает? — с вкрадчивой интонацией встревал дед.

— О, да, жульен восхитителен! А кто из них жульен?

Дед громко фыркал и вертел в руках полотенце.

Потом я попробовала медальоны, стонала от удовольствия, и дед расплывался в довольной улыбке. А мама пыталась подсунуть мне десерт...

— Хотите узнать, кто победил? — спросила я, когда почувствовала: еще немного, и

жюльены с крутонами ползут у меня из ушей.

Мои любимые повара наострили уши.

— Дружба! — громко провозгласила я. — Вы оба — мечта всех обжор и гурманов. Лучшим было все!

Мама рассмеялась, дед задрал подбородок с видом победителя... Как я их обоих люблю!

Звонок Ерша застал меня за серьезными сомнениями в собственной адекватности. Я вспоминала вчерашнюю ночь, свою пробежку, Аркадия, мелькнувшего за кустами, и думала: «А был ли мальчик?». В смысле, не померещилось ли мне все это? А, может, вообще приснилось? Может, я вовсе никуда не бегала?

Мои сомнения были настолько серьезны, что я пошла в ванную, открыла стиральную машинку и извлекла из нее топ, шорты и майку. Раз они лежат здесь, значит, я все-таки бегала. Я помню, как, вернувшись, перед тем, как принять холодный душ, отправила все в стирку. Но то, что пробежка была, вовсе не означает, что Аркадий был тоже. Как раз он вполне мог мне померещиться. Возможно, подсознание сыграло со мной злую шутку: я думала о нем, я оказалась в том месте, где в прошлый раз встретила кого-то на него похожего... и вуаля! Мое воображение снова его там нарисовало.

Главным аргументом против реальности произошедшего был факт, значение которого я почему-то не осознала раньше: настоящий Аркадий не курит. А этот фантом курил. Причем с таким видом, как будто наслаждается этой вредной привычкой уже не один год. И еще один аргумент: эта картинка, которую я видела и которая отпечаталась в моем мозгу, была какой-то ненастоящей. Желтый фон, темный силуэт, резкий профиль, рука с дымящейся сигаретой... Какой-то постановочный кадр! И автор этой постановки — мое подсознание. Зачем оно прилепило Аркадию сигарету? Вот уж не знаю. Видимо, вопрос курения, в связи с дедом, вертелся где-то в мыслях, и оно его нечаянно зацепило. Придя к этому выводу, я почувствовала некоторое удовлетворение. Прекрасно, Ватсон! Все очень логично. Не зря я в свое время увлеклась психоанализом и перелопатила гору литературы по этому вопросу. Я представляю, как работает подсознание... А если нет?

Был Аркадий в кустах или не был? Реальны мои воспоминания, или мне пора к доктору? Кстати, о докторах. Ерш. У него, кажется, было желание побеседовать со мной о моем состоянии. Может, он уже видит выраженные шизоидные симптомы, которых я пока не замечаю? Интересно...

Как будто прочитав мои мысли на расстоянии, Андрей Евгеньевич позвонил в этот самый момент. То есть сначала я не знала, что это он — номер незнакомый, у меня в телефонной книге его нет. Но по первым же звукам голоса я опознала своего приятеля, в последнее время удивляющего меня новыми гранями личности.

— Как дела? — поинтересовался Ерш, — как самочувствие?

— Пульс и давление в норме, — отрапортовала я. — Пациент скорее жив, чем мертв. С чем пожаловали, дорогой доктор?

— Хочу пригласить тебя на... э... беседу.

— Интерес профессиональный или дружеский?

— Там разберемся.

— Ну, давай, приглашай.

— Часов девять будет удобно?

— Так, так. Сейчас сверюсь с еженедельником и спрошу у своего секретаря, — паясничала я. — Кажется, я смогу найти для вас пару минут.

— Минут? — возмутился Ерш.

— Ну, может, пару часов. Как пойдет.

— Окей, — сказал Ерш. — Зайду за тобой в девять. Поедем в кофейню на Цветочном бульваре. Забыл, как называется — то ли «Санта-Фе», то ли «Сан-Тропе».

Положив трубку, я подумала: а стоит ли тратить время на профессионально-дружескую беседу с Ершом, в то время когда у нас гостит мама, которая завтра уедет? Я ринулась на кухню к деду, чтобы спросить, нет ли у нее на сегодня планов, и потом отменить намечавшуюся «беседу».

Когда я вошла, мои ближайшие родственники дружно замолчали, хотя до этого весьма напряженно о чем-то беседовали, я слышала из-за двери их голоса.

— Чего притихли? Меня обсуждаете за моей же спиной?

В этот момент я подумала, что обсуждали они, скорее всего, не меня, а мамино предстоящее замужество. И не стала приставать с неуместными вопросами. Может, у них тут серьезный отцовско-дочерний разговор.

Мама посмотрела на меня виновато и выдала:

— Мне тут подружки звонили... Решили устроить в мою честь вечеринку. Обижаются, что я приехала и скрываюсь.

— Вечеринка — это круто! — отозвалась я. — Ты не собираешься отказаться?

— Вообще я думала провести последний вечер с вами...

— С нами ты вчера была, и позавчера. И сегодня. И вообще, ты же через месяц снова приедешь.

Я произнесла это с ненавязчивой вопросительной интонацией. Мама клятвенно заверяла, что в самом ближайшем времени продемонстрирует нам своего ненаглядного Игоря.

— Конечно, приеду.

— Ну, тогда иди веселись. И раньше утра не возвращайся! Покажи им там всем.

— Что показать?

— Какая ты стройная, красивая и молодая! Они-то все, небось, набрали по двадцать кило и завели вторые подбородки.

— Лана!

А что? Я видела ее любимую Иринку. И Ленку со Светкой тоже. Моя мама выглядит как их дочка, ну, в крайнем случае, младшая сестра.

Мама убежала готовиться к своему отвязному девичнику, хотя было всего шесть часов, а встретиться они должны в восемь. Я осталась не у дел. Не буду же я за три часа начинать наряжаться на беседу со своим личным врачом самого широкого профиля. От скуки я вымыла плиту, на которой со времен кулинарного батла остались разноцветные брызги, разгрузила посудомойку, вытерла пыль на всех горизонтальных поверхностях в дедовой кухне.

Я уже собиралась применить разыгравшийся хозяйственный энтузиазм к собственной квартире, как на нашем пороге появился гость. Кирилл. Дед, что ли, опять его вызвал? Не дает человеку покоя со своими вай-фаями. Но, оказалось, на этот раз дело не вай-фае. Кирилл выступал курьером — он принес какой-то замечательный травяной чай, созданный лично Клавдией Андреевной по ее же эксклюзивному рецепту. Дед считал, что этот успокаивающий и, одновременно, тонизирующий напиток просто необходим моей маме.

Вручив мне пакет для передачи деду, который куда-то запропастился, Кирилл не ушел, а

начал неловко мяться на месте, теребя в руках телефон и переступая с ноги на ногу.

— Хочешь кофе? — вспомнила я о своей роли радушной хозяйки.

— Может, прогуляемся? — выдвинул встречное предложение Кирилл. — Помнишь, мы собирались сходить поесть чизкейков?

Мы собиралась? Э-э... ну ладно. До девяти времени навалом, я вполне успею совершить променад с другом детства перед тем как идти на встречу с личным доктором. Тем более, делать мне все равно нечего.

— Чизкейки — это здорово. Подожди пару минут, я переоденусь.

Только начав рыться в шкафу в поисках подходящего наряда, я задумалась: а зачем, собственно, Кирилл приглашает меня в кофейню? Вспомнив наш утренний разговор, я поняла, что и тогда, и сейчас, он вел себя довольно странно: смущался, смотрел в сторону, даже покраснел слегка. На моего одноклассника это совсем не похоже. Только если... уж не свидание ли это?! Похоже, что да. И как это я сразу не догадалась? Что же мне делать? Отказаться? Но почему сразу отказаться? Из-за моего траура по неудавшемуся курортному роману с Аркадием? Глупости какие. Кирилл в миллион раз его лучше. И я ему, кажется, снова нравлюсь. В смысле, не просто как друг.

Когда я попросила Кирилла подождать пару минут, я еще не подозревала, что иду на свидание. Хотела просто натянуть сарафан или шорты с топом. Но теперь... Что же мне надеть? На кровать полетели мои немногочисленные платья и юбки. Шорты я теперь не рассматривала — слишком буднично. Но и чрезмерно наряжаться не стоит. Что-нибудь красивое, стильное и ненавязчивое. Так. Вот это платье, белое с мелкими голубыми цветами. Нет, лучше тот клетчатый сарафан с большими карманами. Или все-таки юбка и блузка с открытой спиной? В итоге я натянула ретро-платье в горох, мазнула по губам помадой, а по ресницам — тушью и натренированным движением виртуоза свернула волосы в небрежный романтичный пучок. Туфли-лодочки, сумочка на тонком ремешке — и звезда из шестидесятых готова.

Кажется, на Кирилла мой вид произвел впечатление. Он хлопал своими длинными ресницами, поправлял воротник отглаженной рубашки (уж он-то всегда выглядит так, как будто на свидание собрался) и, конечно, озвучил почти изысканный комплимент:

— Ты очень элегантна. Это платье... необыкновенно тебе идет.

— Спасибо, — снисходительно произнесла я. — Ты на машине?

— Вызвал такси, — отозвался Кирилл.

Цветочный бульвар вместе со своими фонтанами, скульптурами, клумбами и кафешками находится довольно далеко от набережной, но летом там все равно толпятся тучи народа. Я опасалась, что в знаменитой новой кофейне не будет мест, но, оказывается, Кирилл заранее забронировал столик. Как предусмотрительно с его стороны! Получается, он готовился и был вполне уверен, что я соглашусь. Хорошо это или плохо? Не знаю, что-то я вообще сейчас туго соображаю, в голове сплошной туман. Я пришла на свидание с Кириллом, но совсем не уверена, что хочу в очередной раз попытаться завести отношения, более близкие, чем дружеские. Возможно, я снова собираюсь совершить ошибку... Но что делать? Я уже согласилась и я уже здесь. Сбегать поздно.

С другой стороны, если отбросить все, что было раньше, это наше первое свидание. Я не должна сразу давать какие-то определенные ответы. Мы просто посидим, поболтаем, съедим по чизкейку, может, выпьем по коктейлю. Спокойствие. Ничего страшного сегодня не случится. В крайнем случае, я могу сделать вид, что не поняла, что это свидание. Ведь

Кирилл этого слова не произносил.

Улыбчивая официантка по секрету сообщила нам, что сегодня особенно удался клубничный чизкейк, и мы послушно заказали по одному. Кирилл предлагал отведать еще какие-то яства, но я объяснила, что у меня дома недавно был кулинарный батл, и я не в состоянии оценить качество местной кухни.

— А ты, конечно, заказывай. Я буду морально тебя поддерживать в поедании разных вкусовностей.

Из напитков мы выбрали какой-то модный коктейль и, по моему настоянию, зеленый чай. Официантка, все время радостно улыбавшаяся Кириллу, упорхнула, мы остались вдвоем, и я почему-то заволновалась.

Чтобы придать нашему разговору обыденности, я вежливо расспросила Кирилла о его многочисленном семействе, в первую очередь о самочувствии жены брата, ожидающей прибавления, а он поинтересовался новостями из жизни моей мамы. Я почему-то не стала ему рассказывать о ее предстоящем замужестве. Кажется, я сама до сих пор не могу в это поверить. У меня есть серьезные опасения, что все сорвется в последний момент, и моя любимая мама снова останется с разбитым сердцем. Почему я так думаю? Сама не знаю. Может, потому, что я до сих пор собираю осколки своего. Надеюсь, мои предчувствия меня обманывают, и все будет хорошо.

Итак, семейные дела обстоятельно рассмотрены со всех сторон, коктейли выпиты и заказаны повторно, чизкейки, кстати, не такие уж и вкусные, основательно потрепаны... Кажется, сейчас что-то начнется. Не зря же щеки Кирилла снова приобрели приятный розоватый оттенок. В этот момент пискнул мой телефон, и я обрадовалась возможности на секунду отвлечься.

«До нашей встречи осталось полтора часа. Надеюсь, ты не передумала?» — писал Ерш.

Я заволновалась. У нас с Кириллом все как-то затягивается и сворачивает не в ту сторону. Когда я соглашалась съесть по чизкейку, я думала, что это будут просто дружеские посиделки. А когда осознала, что это свидание, то увлеклась выбором наряда и даже не вспомнила о своей договоренности с Ершом. Проклятый склероз!

Я не успела ответить на сообщение, как Ерш написал новое: «Лапоть уверен, что ты меня продинамишь. Говорит, я рылом не вышел. Мол, Ерш и Русалка не пара... тра-ля-ля, как там в песне». В конце сообщения — грустный смайл и еще куча разных картинок. Как будто Ершу не двадцать семь, а двенадцать. Но это ладно. Какая еще пара?! О чем вообще речь?

— Что-то важное? — спросил Кирилл. — Или неприятное?

— О, извини, пожалуйста. Это очень невежливо, но мне, действительно, нужно ответить.

— Никаких возражений, — мягко улыбнулся Кирилл.

Ответить, действительно, надо. Но что? Похоже, я, уже второй раз за сегодня, попала впросак. Я думала, что у меня две дружеские встречи, а оказалось, что я назначила свидания двум парням в один вечер. И, возможно, в одном и том же месте. Интересно, как называется эта новая кофейня? Если «Санта-Фе» или «Сан-Тропе», то мы с Ершом должны придти сюда же. О Боже!

Так, надо сосредоточиться. Ерш считает, что пригласил меня на свидание, а я согласилась. Лапоть думает, что я не приду, потому что Ерш рылом не вышел. А сам-то он! Я почему-то обиделась за Ерша. Он хороший друг, внимательный будущий врач и вообще... он

мне нравится. Не так, чтобы идти с ним на свидание, конечно. Ерш! Знаменитый охотник, вечный мартовский кот и самый озабоченный спасатель всего побережья! Кем надо быть, чтобы согласиться на свидание с таким парнем?! Легкомысленной романтичной дурочкой или такой же охотницей в поисках приключений. Я ни ко вторым, ни к первым не отношусь. И Ерш об этом знает... Знает ли?

Если нет, то к какой категории он меня относит? Может, после наблюдения за моими развлечениями с Аркадием он считает меня охотницей? Или, наоборот, думает, что мое сердце разбито после расставания, и я стала легкой добычей? Ха. Посмотрим еще, кто кого. Во мне проснулся спортивный азарт. Мне захотелось переиграть Ерша на его же поле, победить в той области, где он считает себя асом и виртуозом. Я соглашусь на свидание и покажу ему... Кузькину мать. Я уже согласилась, осталось лишь подтвердить это. Ну и решить проблему с Кириллом.

Осталось полтора часа... Вполне достаточно, чтобы разрулить ситуацию. Вот только домой возвращаться я не буду. Спроважу Кирилла и здесь же, как говорится, не отходя от кассы, встречу Ерша.

«Все в силе, — написала я Ершу. — Передай Лаптю, что я питаю слабость ко всем обладателям жабр. И пусть на свое рыло в зеркало посмотрит». Ответом мне была серия радостных смайликов, некоторые из них изображали поцелуев. Детский сад, честное слово! «Планы слегка изменились, — набрала я новое сообщение. — Заходить за мной не нужно, встретимся в районе кофейни». Ерш в ответ прислал новую серию картинок и восклицаний, но я их проигнорировала.

Я еще раз извинилась перед Кириллом. Мне, и правда, было очень стыдно. Он такой хороший! Добрый, мягкий, понимающий. А я настоящая стерва. Сижусь на свидании с ним и договариваюсь о встрече с другим мужчиной уже через полтора часа! Если бы он знал, какая я на самом деле, то не стал бы меня приглашать. И не стал бы улыбаться мне так подкупающе искренне...

— Помнишь, около года назад у нас с тобой было свидание, — неожиданно произнес Кирилл, и румянец на его щеках заиграл новыми оттенками.

Ой! Ну не надо, ну зачем об этом говорить?

— Э-э... Кажется, помню, — промямлила я, опустив глаза в тарелку с растрепанным чизкейком.

Я почувствовала, что мои щеки полыхают еще ярче, чем щеки Кирилла.

— Может, не стоит об этом? — удалось выдать мне.

— Я думаю, стоит, — произнес Кирилл с неожиданной твердостью. — С тех пор между нами существует... какая-то неловкость. Мне это не нравится.

— Мне тоже. Давай просто сделаем вид, что ничего этого не было.

Я на секунду подняла глаза и снова уткнулась в тарелку. Память, как назло, подсовывала мне яркие воспоминания о том, что было до того, как я в тот раз уснула в постели Кирилла. Мы так страстно целовались... Он был совсем не тем робким и нерешительным одноклассником, которого я знала много лет. Это был какой-то другой Кирилл. И вот сейчас он сидит передо мной, в его голосе снова звучат властные нотки. Нет! Я не могу. Просто не могу. Я испытываю к нему самую искреннюю симпатию, но сейчас очень неподходящий момент для начала чего-то нового или восстановления старого. Я измучена и разрушена, мне просто нечем влюбиться... В душе пустота. Как бы объяснить это Кириллу поделикатнее? Так, чтобы не обидеть его? Это очень сложная задача.

— Есть такая птица — страус, — внезапно произнес Кирилл.

— Что?

Мне не послышалось? При чем тут страус?

— Ты, наверное, слышала о ее повадках.

— А... да, приходилось.

Теперь я понимаю, к чему он клонит. И он абсолютно прав. Я прячу голову в песок. А, между прочим, мне это совершенно несвойственно! Обычно я встречаю неприятности лицом к лицу, как настоящий самурай. Попробую быть самураем и сегодня.

— Ты прав. Прятать голову в песок, выставив наружу задницу — очень глупо.

Кирилл улыбнулся. Это хорошо.

— Ты вспоминала тот... ту ночь? — спросил он.

— Э... да. С чувством жутчайшей неловкости.

— Понимаю, — кивнул Кирилл. — Я испытывал то же самое. И даже больше.

— Ну уж нет. Не больше. Это я до сих пор стораю от стыда. Видишь, даже сейчас у меня уши полыхают.

Я это явственно чувствовала. Мои ушные раковины раскалились и, вероятно, приобрели обожаемый мной малиновый оттенок.

— Посмотри на мои щеки, — отозвался Кирилл. — В последний раз я так краснел на уроке физкультуры, когда полз вверх по канату, и на моих штанах лопнула резинка. Помнишь?

— О, да! Такое не забыть!

Я расхохоталась, припомнив, какой вид был у моего одноклассника, болтавшегося у потолка спортзала, когда с него начали сползать треники. Он пытался ухватить их одной рукой, но ситуация требовала участия в процессе спуска обеих верхних конечностей. «Держись за канат! — орал тогда перепуганный физрук. — Брось штаны!» Ну а общественность, естественно, корчилась от смеха. Кирилл-таки сполз с каната, при этом штаны слезли с него лишь наполовину. А этот случай вошел в сокровищницу смешных историй нашего класса.

Обстановка, благодаря грамотным действиям Кирилла, разрядилась, можно продолжать выяснять отношения.

— Слушай, — начала я. — Извини меня.

— За что?!

— За то, что уснула. Видишь ли, ночь перед этим я совсем не спала. Волновалась. Все-таки свидание с тобой... Я боялась все испортить. И не зря боялась.

— Да это я виноват, — перебил меня Кирилл.

— Подожди, — остановила я своего друга, накрыв его руку ладонью. — Дай мне договорить до конца. Я месяцами репетировала эту речь!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кирилл кивнул. Моя рука осталась в его руке.

— Так вот. Я тогда не выспалась и держалась из последних сил. А вино на меня всегда действует как снотворное. Мы тогда выпили... бутылки две, наверное.

— Я помню только одну...

— Не важно. Я хочу сказать... Я должна была уснуть гораздо раньше. Но ты был неотразим... как чашка кофе. Нет, как целый кофейник! Я взбодрилась и совсем забыла, что засыпаю. Пока ты не вышел. Мне хватило и двух минут, чтобы уснуть беспробудным сном.

Как пьяный гусар. Вот. Все.

Я выдохнула. Такой груз упал с души! Давно надо было об этом поговорить, Кирилл прав: быть страусом — не мое.

— А, нет! — неожиданно вспомнила я. — Не все. Скажи мне честно и правдиво: я храпела? Пускала слюни?

— Ты очень мило сопела, свернувшись в клубок, — высказался Кирилл. — Я тоже готовил речь, — добавил он. — Самообличающую и покаянную. Только сейчас все из головы вылетело. После твоего впечатляющего рассказа.

— Ты на меня не сердишься? — спросила я.

— Я?! Я все это время сгорал со стыда. Да и сейчас... несмотря на твои объяснения, все равно сгораю. Девушка уснула практически в моих объятиях! После такого позора остается лишь застрелиться.

— В твоих объятиях я бы не уснула, уж поверь.

Кирилл смотрел на меня пылающим взором, его ладонь нежно сжимала мою руку. Я чувствовала, что он собирается что-то сказать... Скорее всего, что-то такое, чего мне лучше не слышать. Признания в чувствах, на которые я не смогу ответить — не лучший вариант продолжения сегодняшнего вечера. А ведь я сама его провоцирую. Мою последнюю фразу можно понять как приглашение, хотя я просто хотела его подбодрить и успокоить. Ну почему все так сложно!

К моему огромному облегчению в этот момент к нашему столику подошла официантка, явно запавшая на Кирилла. На меня она не смотрела, а ему улыбалась лучезарно и многообещающе. Ну и на здоровье. Кирилл точно достоин того, чтобы ему так улыбались. А вот я...

Пока Кирилл заказывал третью порцию коктейлей, я решила пойти попудрить носик. Мне совершенно необходима передышка. Через пару секунд я стояла вовсе не в дамской комнате, как можно было предположить, а на улице. Мне вдруг совершенно срочно понадобилось выяснить, как называется наша кофейня. При входе я, признаться, не обратила внимания на название. Так и есть, «Санта-Фе». Ерш заявится сюда уже через... о боже, сорок минут! И почему время летит так быстро? Мы ведь только пришли... Что же делать?

Неожиданно мне показалось, что среди толпы мелькнула знакомая рожица. Ерш? Не может быть! Не мог же он придти сюда настолько заранее! Я быстренько ретировалась за малую архитектурную форму, нечто вроде вертикальной клумбы. Такие там и сям, сегодня очень кстати, понатыканы на Цветочном бульваре. Он что, идет в кофейню? Какой кошмар! Мне остается только сбежать, оставив обоих кавалеров с носом. Как некрасиво с моей стороны!

Когда я уже направила свои стопы прочь от «Санта-Фе», меня внезапно осенила великолепная идея. Я схватила телефон и написала: «Ершик, извини, но планы снова изменились. Я вернулась домой, поэтому заходи ко мне». Для верности я даже добавила смайлик, изображающий поцелуй! Такова моя лживая и коварная натура...

Вскоре мне довелось наблюдать, как Ерш, едва успев войти в кофейню, снова из нее вышел. В его руках был телефон, он смотрел на экран в недоумении, но, похоже, решил следовать инструкциям. Я, конечно, не решила проблему, скорее, наоборот, усугубила ее. Но у меня хотя бы получилось отсрочить катастрофу. А, может, даже удастся ее избежать. Воспрянув духом, я вернулась за наш с Кириллом столик. Настырная официантка до сих пор вертелась возле моего кавалера, но меня, по понятным причинам, это вовсе не расстроило.

Может, он слегка отвлекся от мыслей о своих чувствах ко мне. Может, они даже вовсе испарились под воздействием ее приглашающей улыбки...

Похоже, что нет. Когда Кирилл снова положил свою руку на мою ладонь, я поняла, что сегодня из меня самурая не получится. Одно дело бросаться грудью на амбразуру проблем и неприятностей, и совсем другое — лезть на рожон в такой деликатной сфере, как чувства. Тем более, чувства чужие. Чувства очень хорошего человека, которого я ценю и люблю... но не в том смысле, в каком ему бы хотелось. Похоже, он готов идти до конца и жаждет объясниться нынешним вечером. Но я не могу! Совсем недавно мне разбили сердце и я просто не в состоянии сделать то же самое. Эта ситуация для меня невыносима!

— Послушай, Кирилл, — начала я, заранее сгорая от стыда за вранье. — Мне сейчас нужно бежать. Звонила мама, они с дедом ждут меня дома. Ты же знаешь, она завтра уезжает...

— Но я думал, вечер у тебя свободен, — он все еще не выпускал мою руку.

— Оказывается, нет.

— Очень жаль. Я надеялся, сегодня мы, наконец, серьезно поговорим.

— Но мы уже почти поговорили, разве нет? — спросила я в робкой надежде.

— Боюсь, не совсем.

Мои надежды на более или менее благополучный исход рухнули. Он все еще жаждет объяснений.

— Ну, тогда в другой раз?

— Несомненно. И не думай, что тебе удастся от меня сбежать.

В голосе Кирилла, уже не в первый раз, появились стальные нотки. Я до сих пор к ним не привыкла. Это что, угроза?

Я хотела улизнуть в одиночестве, оставив Кирилла на растерзание официантки, но он вызвался меня проводить. Ей не повезло. Мне тоже.

Когда мы подъехали на такси к моему дому, Кирилл захотел довести меня до двери. Прямо-таки уперся, как бык! Я говорю: «Не надо», а он все равно выходит из машины и отправляет таксиста восвояси!

— Мне тут идти пять минут, — говорит. — А объезжать пятнадцать.

Ишь ты, время он экономит! А мне как быть? Вдруг Ерш уже стоит на моем пороге, и Кирилл его увидит? По сравнению с этой неловкостью все предыдущие неловкости — мелкий мусор! Я незаметно (надеюсь!) теснила Кирилла в сторону улицы, он же настойчиво двигался к нашей калитке.

— Давай лучше я тебя провожу, — предложила я, не придумав ничего лучшего.

Кирилл удивился, но возражать не стал.

— Забегу в булочную, — придумывала я на ходу объяснение. — Мама очень любит наш ржаной хлеб, в Москве такого нет.

Это чистая правда, но не вся. Этим самым ржаным хлебом у нас все хлебницы забиты — дед постарался. Как хорошо, что Кирилл не может этого знать!

Мне все-таки пришлось купить буханку хлеба — Кирилл довел меня до булочной и даже вошел со мной вовнутрь. После этого мое терпение окончательно лопнуло, я сказала своему навязчивому другу: «Пока» и упорхнула, задорно помахивая ароматной ржаной булкой. Подходя к нашей двери, я увидела Ерша, вернее, всего лишь его мелькнувший хвост. Он вошел, значит, его впустил дед. Сейчас Ерш поднимется, они поздороваются, он объяснит причину своего визита — свидание со мной... А дед, между прочим, знает, что я в кафе с

Кириллом. Новые сложности. Да что сегодня за день такой!

Я снова схватила телефон и принялась упражняться во лжи и интригах. «Дорогой Ершик, я все еще в городе, поэтому давай все-таки встретимся на Цветочном бульваре. Надеюсь, ты не успел до меня добраться». Он же не знает, что я знаю... У меня, кажется, нос растет от постоянного вранья. Во всяком случае, очень чешется. Я чихнула так, что чуть не упала с каблучков, вернулась на улицу и поймала такси.

Мы благополучно доехали, я расплатилась, вышла и вдруг услышала за спиной:

— Девушка, вы свои вещи забыли!

Какие еще вещи? Таксист не поленился выйти, извлечь с заднего сиденья ржаной хлеб, запечатанный в пленку, и погнаться с ним за мной. Какой внимательный человек! Я-то надеялась избавиться от своей злополучной поклажи.

В таком виде меня и застал Ерш, приехавший на такси сразу следом за мной: в элегантном ретро-платье, на каблучках и с буханкой хлеба под мышкой. Тем не менее, удивленным он не выглядел, он был необыкновенно радостным, прямо-таки лучился от счастья.

— Я был абсолютно уверен, что ты не придешь, — сказал он.

— Почему это?

— Ну как же... все эти внезапные изменения... похоже на динамо.

— Кто сказал?

— Да кто угодно. Лапоть, например. Он ржет как конь и неистово злорадствует.

— Пошли ему фотку, — сказала я и прижалась к Ершу, щека к щеке.

Он быстренько нас сфотографировал, нажал «отправить» и засиял еще ярче. Но после этого задал вполне закономерный вопрос, кивнув на мою ношу:

— А это зачем?

— Говорят, ерши хорошо клюют на ароматный ржаной хлеб, — выпалила я.

Чего только не ляпнет мой дурацкий язык!

Ерш сначала вытаращился на меня, потом заржал, потом принял буханку из моих рук. Ну наконец-то я от нее избавилась!

— А я без подарка, — смущенно пробормотал он.

— Ну и слава богу!

Ерш повел меня в ту же самую кофейню, хоть я и пыталась предложить для нашего свидания другое заведение, через дорогу. Моя лживая фантазия иссякла, и я не могла придумать ни одного внятного аргумента, почему нам стоит идти туда, а сюда не стоит. Я просто сдалась. После всех сегодняшних треволнений у меня не было сил сопротивляться. И пусть мы оказались за столиком, соседним с тем, где сидели с Кириллом, и попали в зону влияния той же самой официантки. Мне все равно. И ее многозначительные взгляды меня совершенно не трогают.

— Клубничный чизкейк мы брать не будем, — заявила я с ходу. — Он невкусный.

Официантка, которую звали Надя — я прочитала на бэйджике — яростно сверкнула глазами. Зря я выступила со своим заявлением, похоже, я обрела на сегодняшний вечер кровного врага... И чего она так таскается с этим клубничным чизкейком, ей что, доплачивают за то, что она втюхивает его клиентам?

С Ершом я не могу быть нерешительной, он пробуждает во мне самые вредоносные качества. Он — охотник, но я-то не жертва. Значит, я тоже охотник, и это война, и мы бьемся насмерть, пусть словами, и пусть победа — лишь временное чувство превосходства. При каждой следующей встрече все начинается сначала, он нападает, а я... нет, не защищаюсь. А нападаю в ответ или даже первой затеваю ссору. Такими были наши взаимоотношения до того момента, как мы повадились навещать друг друга во время болезней. Тогда все как-то странно изменилась, взаимные подколы почти исчезли, он стал Андреем Евгеньевичем, я — его упрямой пациенткой. А теперь? Что теперь? Кого он во мне видит?

Какой смысл ломать голову, если можно просто спросить?

— Так у нас свидание? — задала я вопрос в лоб. — Или встреча врача и пациентки?

Ерш откинулся на стуле, посмотрел на меня пристально и ухмыльнулся. Так. Теперь он может даже не отвечать. Вижу знакомый блеск в его бесстыжих глазах.

— А ты всегда так наряжаешься, когда встречаешься с врачом? — произнес он со своей обычной развязной интонацией.

Узнаю друга Ерша!

— О, да! — с придыханием произнесла я. — У меня, видишь ли, с самых юных лет слабость к врачам.

Я наклонилась к нему через стол, и добавила интимным шепотом:

— Да если бы я раньше знала, что ты врач... давно бы пошла с тобой на крышу.

— На крышу? — зачем-то повторил опешивший Ерш.

— Ну да. Звезды считать. Ты же туда приглашаешь всех подвернувшихся барышень?

— Э-э... Все не совсем так, — промямлил Ерш.

Его развязность куда-то улетучилась, блеск из глаз тоже исчез.

— О-о, — разочарованно произнесла я. — Так мы не пойдём на крышу? А я очень надеялась.

— Ты же сейчас шутишь?

— А ты как думаешь?

— Ты меня немного пугаешь, — признался Ерш.

— Правильно. Меня надо бояться.

1:0. В первом раунде я веду. И во всех остальных выиграю, безо всякого сомнения.

— А теперь давай на время прервем наше страстное свидание и перейдем к встрече врача и пациентки.

После этой фразы я отпила джин-тоник, который заказала вместо новомодного коктейля, рекомендованного официанткой Надей. Ерш тоже отхлебнул из своего стакана и произнес голосом Андрея Юрьевича:

— Давай.

И как это у него получается? Всего одно слово — и совсем другой человек. Серьезный, внушительный, вызывающий доверие... Люди, вообще, странные и удивительные существа. В каждом живет как минимум две разных личности, а в некоторых — вообще целая толпа. Во мне, например.

— Говоришь, тебя беспокоит бессонница, — приступил к приему мой личный доктор.

— Ага.

— Давно?

— Всегда.

Мне, действительно, так казалось. Я уже не помнила времени, когда мой сон был крепким и безмятежным. А ведь, если посчитать, с момента нашего преждевременного расставания с Аркадием прошло дня три... Правда, так мало?

— То есть ты не высыпаешься уже много лет? — удивился Кирилл. — Очень трудно в это поверить.

— Ну, не лет, дней. А какая разница? Просто посоветуй мне хорошее снотворное. Это что, так сложно?

— У всех лекарств есть побочные эффекты, многие вызывают привыкание...

— Ну не нуди, а? Мне плевать.

— Есть и немедикаментозные средства. Физическая нагрузка, успокаивающий чай, секс...

— Что?

— Чай, говорю.

Андрей Евгеньевич был невозмутим, Ерша тут не было и в помине. Мне что послышалось?

— А еще очень важно выявить причину и поработать с ней.

— Что значит — поработать?

— Иногда помогает психотерапия...

— Ты же, вроде, хирург?

— Это мое хобби.

— А я думала, твое хобби — звезды считать.

— Нет, — серьезно произнес Андрей Евгеньевич. — Это иллюзия.

— Звезды?

— Та моя личность, которая работает на пляже спасателем.

— Что?

Тут уж по-настоящему опешила я. Кто — иллюзия? Ерш? Что происходит-то?

Андрей Евгеньевич улыбнулся, и в его благожелательной улыбке на секунду мелькнула самодовольная ершова ухмылка. Кто же сейчас передо мной? Как бы то ни было, теперь ведет он. 1:1.

Мы с Ершом засиделись в кафе допоздна. Выпили несчетное количество коктейлей,

перепробовали половину блюд в меню (кроме клубничного чизкейка!), вспомнили миллион забавных случаев из нынешнего и прошлого лета... Оказывается, Ерш наблюдательный, как Шерлок Холмс! И память у него как у 64-гигабайтной флешки. Помнит такие мелочи, которые я не то что забыла, а вообще не принимала во внимание.

Счет мы больше не вели, сошлись на ничьей. Думать о том, свидание это или не свидание я тоже давно перестала. Ерш щедро выписал мне рецептик легко безобидного снотворного, заметив при этом:

— Уверен, сегодня оно тебе не понадобится.

— Почему это?

— Я думаю, в твоей крови сейчас как минимум 0,5 промилле алкоголя. Или чуть больше... Ты сколько весишь?

— Неприлично задавать даме такие вопросы!

— Даму твоей комплекции не зазорно и об объеме талии спросить. Будет повод похвастаться...

— Ой, да ладно! Не надо меня комплиментить. Пошли уже отсюда. Вон, Надя на нас волком смотрит. Надоели мы ей.

В кофейне почти не осталось посетителей, только мы и еще одна парочка, страстно обжимавшаяся на диванчике в углу. Персонал не мог нас выгнать, хотя, судя по всему, неистово мечтал об этом. Но у них на вывеске было написано: до последнего клиента. Мы затребовали счет, Ерш настоял на том, что он гусар, поэтому платит. Мое мнение, что платить должна я, так как это была врачебная консультация, он в расчет не принял. На чаевые Ерш не поскупился, так что Надя должна быть довольна.

Мы вышли из заведения на свежий воздух, вдохнули полной грудью аромат цветущей акации... Ерш вдруг хлопнул себя по карману:

— Забыл твой подарок! Подожди секунду.

— Что? — удивилась я, но он уже умчался обратно в кофейню.

Я упала на скамейку у фонтана. Сколько, Ерш говорил, во мне алкоголя? Я лично его почти не чувствую. Мне просто весело и хочется качаться на качелях. Нет ли здесь где-нибудь качелей? Очень надо. Возвратившийся Ерш застал меня на детской карусели, которую я пыталась раскрутить, отталкиваясь ногой от земли. В его руках была злополучная буханка ржаного хлеба... Издевается он, что ли?

— Веселишься? — спросил он.

— Не получается, — пожаловалась я.

Он ухватился рукой за поручень и толкнул. Ух ты! Я полетела навстречу звездам. Вот только в желудке появилось очень неприятное ощущение.

— Стой! — закричала я то ли Ершу, то ли карусели.

Карусель послушалась и в то же мгновение остановилась. Ерш галантно подал мне руку, я сползла с сиденья и ухватилась за своего кавалера, так как земля под ногами качнулась.

— Ты был прав, — признала я. — Промилле во мне навалом. Отведи меня домой.

— Сейчас вызову такси.

Ерш достал телефон.

— Нет! Надо прогуляться, проветриться.

Я еще не знала, но мое самовольное подсознание уже составило план. Глупый, опасный и бессмысленный. А чего еще ожидать от подсознания, оглушенного как минимум пятью джин-тониками?

Мы с Ершом все время спорили, какой дорогой идти домой. Он предлагал живописные маршруты по широким улицам, меня несло в темные закоулки. Ну хочется даме, каприз у нее, хватит ее отговаривать! На его аргумент, что там мало фонарей, кривой асфальт и я все ноги переломаяю, я сняла туфли и заставила Ерша их нести. Нет, ну а что он?

— Да выбрось ты уже эту буханку! — предложила я в очередной раз.

— Ни за что! — Ерш прижал хлеб к груди.

Видно, на него джин-тоники тоже подействовали, причем довольно странно.

Так, здесь, скорее всего, направо. Теперь вниз. На этом перекрестке я бы еще раз свернула, хотя абсолютной уверенности у меня нет. В прошлый раз я попала сюда совсем с другой стороны. Вот точно, здесь. Теперь нужно углубиться в глухой переулок, и мы окажемся перед нужным домом.

В этот раз дверь была закрыта, свет не горел и никто не сидел на крыльце с сигаретой. Дом выглядел пустым и заброшенным. Я подошла к калитке, просунула руку вовнутрь и повернула засов. Калитка тихонько скрипнула и распахнулась сама собой, как будто приглашая войти. Я просто не могла не воспользоваться приглашением.

— Стой здесь, — скомандовала я Ершу.

— Где это мы? — поинтересовался он.

— У меня тут небольшое дело.

И очень важное. Я должна проверить, померещился мне Аркадий или нет. Сделав несколько шагов по направлению к дому, я остановилась, потому что чуть не споткнулась о доску, которая выбилась из целого штабеля таких же длинных свежеструганных досок. За этим штабелем был еще один, рядом валялись инструменты, какие-то железки и куски дерева. С дороги, из-за кустов всего этого было не видно, но тут раскинулась настоящая строительная площадка. Похоже, дом совсем не заброшенный. Возможно, внутри кто-то есть и сейчас он, ввиду позднего времени, мирно спит. Вот только кто этот кто-то? Аркадий, некто, очень на него похожий или вообще посторонний человек, не имеющий к Аркадию никакого отношения?

В тот момент я не особо задумывалась, как обход двора может помочь мне разрешить этот вопрос, но мне почему-то казалось, что может. Вдруг я найду какую-то вещь, принадлежащую моему временному любовнику. Тогда сомнений не останется: он здесь был. Вот только что это должна быть за вещь? Именной перстень с инициалами? Предмет одежды с меткой? Глупо, ничего не скажешь. Может, мне еще поискать окурок и попробовать определить его принадлежность по отпечатку прикуса?

Приблизившись к окну, я попыталась заглянуть в дом. Темно, но не совсем. Где-то в глубине есть какой-то слабый источник света. Он не в этой комнате, а в той, что напротив, за приоткрытой дверью. Отливает синим. Может, это экран телевизора или ноутбука. Или просто лампа с синим абажуром. Мое сердце застучало быстрее. Если в той комнате не задернуты шторы, я смогу увидеть того, кто там сидит. Возможно, через пару минут я буду лицезреть Аркадия... Будет забавно, если я постучу в окно, а потом прижмусь к стеклу, скорчив страшную рожу. Он, наверное, подпрыгнет от неожиданности! А, может, даже завопит от страха. Я бы здорово перетрухнула, если бы в моем окне внезапно появилось что-то подобное.

Так, спокойно! Никого пугать я не буду. И привлекать внимание тоже. Я просто хочу убедиться, что у меня не шизофрения и не белая горячка, что я видела настоящего Аркадия, а не фантом. И все. Больше мне ничего не нужно, только обрести уверенность в собственной

нормальности. А для этого я должна обогнуть дом и провести некоторые изыскания.

Я ступала медленно и осторожно, боясь наступить босой ногой на что-нибудь острое, и шума не производила вообще. Я чувствовала себя настоящим ниндзя, крадущимся в ночи по своим темным делам... Никто меня не видит и не слышит, я почти невидимка и, может, смогу даже просочиться сквозь стену, если не получится заглянуть в окно. Свернув за угол, я застыла, как вкопанная, нос к носу столкнувшись с жутким, непонятым, совершенно потусторонним существом.

У монстра была огромная голова неестественной формы, сверкающие глаза и низкий бас. Существо глухо зарычало, и я готова была предположить, что это собака, но у собаки не может быть такой гигантской башки! Свет от фонаря, горевшего на улице, сюда не попадал, поэтому рассмотреть подробностей анатомии представшего передо мной существа я не могла. Да и, признаться, не очень-то хотела. С первой секунды, как химера столкнулась со мной нос к носу, я мечтала только об одном: оказаться где-нибудь подальше от этого места. Наверное, я побежала сразу же, но мне показалось, что между мгновением, когда я увидела монстра и мгновением, когда мои голые пятки оторвались от земли, прошли часы. Вся жизнь пронеслась у меня перед глазами...

Древние инстинкты, дремлющие где-то в глубинах моего «я» сработали безупречно: я в мгновение ока испарилась с того места, где меня настигло чудище и материализовалась верхом на заборе, прямо посреди густого кустарника. Почему не у калитки? Не знаю, видимо, инстинкты пещерных предков посчитали, что, раз до забора ближе, нужно использовать этот шанс. Правда, они не учли, что на мне отнюдь не шкура мамонта, а платье с пышной юбкой. Юбка зацепилась то ли за гвоздь на заборе, то ли за шип колючего кустарника, и я никак не могла ее оторвать.

Чудовище меж тем было уже рядом, скалило зубы и пускало слюну, пытаюсь цапнуть меня за пятую точку, нанизанную на забор, как кусок шашлыка на шампур. Не сомневаюсь, что зверюга видит во мне как раз что-то вроде аппетитного деликатеса. Я слышала за спиной рычание, чувствовала горячее дыхание и уже готова была распрощаться с одной из важнейших частей моего организма (на чем я буду сидеть?!), как вдруг подоспела помощь. Доблестный Ерш, вооруженный буханкой ржаного хлеба, возник рядом со мной, схватил меня за руку и дернул изо всех сил. Я упала по ту сторону забора под громкий хруст романтического ретро-платья.

Разлеживаться и стонать было некогда, я вскочила на ноги и, наконец, обернулась, чтобы посмотреть в глаза монстру, чуть не лишившему меня седалища.

— Ой, собачка, — вырвалось у меня.

Да, это, все-таки, была собака. Помесь дога, лабрадора и теленка: черная, здоровая, и довольно-таки симпатичная. Вокруг ее шеи был закреплен массивный пластиковый воротник, поэтому голова и казалась такой огромной и странной. Ерш лупил по морде собаки буханкой, уже изрядно потрепанной, она в ответ, естественно, рычала и прыгала на забор, пытаюсь дотянуться до обидчика.

— Перестань обижать собачку! — завопила я. — Не видишь, она болеет!

— Что?

Ерш прекратил свое бесполезное занятие и повернулся ко мне. Собака воспользовалась моментом и выхватила из его руки то, что осталось от буханки. Уронив хлеб на пол, она придирчиво его обнюхала и, видимо, осталась недовольна. «Просто хлеб? — казалось, говорила ее морда. — Не могли колбасы внутрь положить, что ли? То же мне,

злоумышленники». Она села возле своей добычи и грустно посмотрела на нас. Судя по всему, свою миссию она считала выполненной: чужаки были выдворены за пределы охраняемой территории и при этом изрядно потрепаны.

Кстати, об этом... Я уже некоторое время ощущала всей поверхностью ягодиц прохладный морской бриз. Видимо, моя пятая точка осталась без прикрытия. Точно! Вывернув шею назад, я смогла лицезреть душераздирающую картину: задняя часть моего платья практически отсутствовала, в то время как передняя была в полном порядке. А, вон он, кусок моего платья. Лежит под забором с той стороны. Надо его достать и как-то присобачить на место...

Тут мой взгляд упал на Ерша. Он стоял позади меня и, засунув руки в карманы, созерцал открывшееся зрелище. На его лице застыло восхищенно-восторженное выражение. Я немедленно развернулась к нему передом, а к забору задом.

— Чего уставился, — накинулась я на своего друга, который вел себя совсем не подружески. — Никогда задниц не видел, что ли?

— В таком обрамлении — никогда.

Я фыркнула и произнесла деловым тоном:

— Надо достать мой кусок платья.

— Из-за забора?

— Оттуда, где он лежит!

— То есть, ты снова собираешься лезть в логово этого зверя?

— Я — нет. На мне неудобный костюм. Ты полезешь.

— Ни за что!

Выражение лица Ерша внезапно изменилось, и я вынуждена была снова развернуться к нему кормой, чтобы увидеть, на что он так пристально смотрит. В доме зажегся свет. Сначала в комнате, потом на веранде. Вслед за этим за окнами возник темный силуэт, движущийся к двери. Сейчас дверь откроется, и я увижу, кто это...

Но я не увидела, потому что Ерш резко дернул меня за руку и потащил за собой. Сначала я упиралась, но после того, как он спросил: «Хочешь увидеться с хозяевами?» я отрицательно помотала головой и прибавила ходу. Представляю, как мы выглядели со стороны: улепетывающий кавалер, одетый в полном соответствии с курортно-вечерним дресс-кодом, и сопровождающая его дама с оголенными ягодицами, окруженными лохмотьями платья. Даже немного жаль, что улица была пуста, и нас никто не видел.

Мы замедлились лишь через два квартала.

— Вроде, никто не гонится, — заметила я.

— А должны были? — спросил Ерш.

Я пожалала плечами. Откуда мне знать? Ведь я понятия не имею, кто живет в этом загадочном доме.

— Можно тебя спросить: что это было?

— Ты уже спросил.

— Да.

— Нельзя.

— Ладно.

— Ой, — я спохватилась и попыталась распространить целую часть платья на те места, где оно отсутствовало. Прикрыть ягодицы мне удалось лишь частично, а уж идти в таком виде совершенно невозможно.

— На тебе приличные трусы? — спросила я Ерша.

— Хочешь, чтобы я их тебе одолжил? Твои, вроде, не очень пострадали...

— Вообще-то я претендую на брюки.

— У меня есть идея получше.

Ерш снял рубашку и, предложил мне намотать ее на филейную часть, привязав за рукава к талии. Отличная идея! И мне не придется созерцать его в неглиже, вдруг у него там стринги или еще чего из арсенала соблазнителя. Стриптиза на сегодня достаточно!

Когда мы были уже почти рядом с домом, я вдруг вспомнила:

— А где мои туфли?

— Ой! — Ерш хлопнул себя ладонью по лбу. — Я их возле калитки оставил. Когда ты вскочила на забор, а вслед за тобой — эта жутка псина, я забыл обо всем на свете...

— Спасибо, что бросился на мою защиту. Хотя...

— Что — хотя? — возмущенно произнес Ерш.

— Ну, я не думаю, что эта милая собачка, действительно могла меня покусать.

— Чего же ты от нее убегала?

— Я тогда еще не знала, что это собака. Думала — это чудо-юдо страшный монстр. Мы же с ним в темноте встретились.

— Даже не сомневайся, псина защищала свою территорию и вполне могла оттяпать тебе очень симпатичную и нужную вещь...

— Ну да. Ты прав. Еще раз благодарю за мое спасение. И за рубашку. А туфли... фиг с ними! Не так уж они мне и нравились.

— Уверена? Я могу вернуться.

— Нет! Не надо. К тому же мы уже пришли. Спасибо за прекрасный вечер!

— Всегда пожалуйста!

Ерш посмотрел на меня, сначала в глаза, потом его взгляд переместился ниже, потом он отошел и взглянул на меня со стороны... И начал ржать, как будто он не рыба, а конь!

— Этот вечер я никогда не забуду! — проговорил он сквозь смех.

— И я! — мне вдруг тоже стало невыносимо смешно, когда я вспомнила, как висела на заборе, и как Ерш лупил собаку буханкой. Пригодился все-таки ржаной хлебушек, не зря мы весь вечер с ним таскались!

— У меня имеется вопрос, — сказал Ерш, когда мы отсмеялись.

— Опять?

— Не о твоём незаконном проникновении на чужую территорию.

— Ладно.

— У нас было свидание или что?

— Ты скажи! Помнится, это ты меня пригласил.

— Честно говоря, когда я тебя приглашал, то надеялся, что это будет свидание.

— Но получилось непохоже, — вставила я.

— Да, получилось нестандартно. Но я же не знаю, может, у тебя так всегда бывает. Помнится, однажды я присутствовал на твоей встрече с одним... сдыхом.

Даже Ерш напоминает мне об Аркадии, которого я изо всех сил хочу забыть! Сегодня ночью, я, конечно, делаю все, чтобы этого не случилось, но, тем не менее, я хочу!

— Так вот, тогда все тоже было очень неординарно, — продолжал Ерш.

Я сверкнула на него глазами, фыркнула и пару секунд помолчала.

— Я не знаю, что у нас сегодня было, — призналась я.

— А что было... немного раньше?

— В смысле?

— Сегодня вечером, до того, как мы встретились, — уточнил мой пытливый друг.

— Не понимаю.

Я, правда, не понимала.

— До меня дошли слухи, что прямо перед нашей встречей ты встречалась в том же ресторане с... другим претендентом.

Что? Откуда такие сведения?! О, кажется, я знаю. Надя. Зря я все-таки опорочила клубничный чизкейк. Видимо, она поделилась с Ершом ценной информацией, когда он возвращался за буханкой. Вот стерва!

— Ну... — начала я, лихорадочно придумывая, как бы поневиннее все объяснить.

— Нет, ну ты, конечно, имеешь полное право устраивать конкурс.

— Какой еще конкурс?

— Среди... женихов, скажем так.

Ах, вот что он обо мне думает!

— Не было никакого конкурса! Это случайно получилось.

— Понял.

— Надеюсь, ты не обиделся.

— Я?! — изумился Ерш. — Ты когда-нибудь видела меня обиженным? Мне эта эмоция вообще не знакома.

— Здорово, — улыбнулась я, — иметь дело с таким позитивным человеком.

— Но в качестве моральной компенсации я все-таки имею право затребовать прощальный поцелуй. Как ты считаешь?

Я молча чмокнула его в щеку, а, когда он попытался подставить губы, чмокнула еще и в другую. А потом величественно удалилась, изо всех сил надеясь, что рубашка, прикрывающая мои ягодицы, не просвечивает.

Утром меня ждало удивительное, необъяснимое, и совершенно невероятное с точки зрения законов природы открытие: мои туфли, казалось бы, безвозвратно утерянные во время вчерашней экспедиции, стояли у порога. Я минут на пять застыла, распахнув рот, и неотрывно на них пялясь. Потом подошла, с некоторой опаской взяла в руки... вдруг они исчезнут от прикосновения? Туфли точно мои. Едва заметные потертости там, где должны быть, каблук стоптан не совсем равномерно, как у меня всегда бывает... Как такое вообще возможно?

Может, все, что я помню о вчерашнем дне, мне приснилось? Как до этого приснился Аркадий, сидящий на крыльце с сигаретой. Или я схожу с ума, и мне мерещатся события, которых не было? На секунду я поверила в собственную ненормальность, и это меня напугало до темноты в глазах. И тут я вспомнила про собаку и платье. У меня есть доказательства собственной нормальности! Вернее, могут быть, если найдутся там, куда я их положила. Если же нет...

Платье было там, где я его вчера оставила — на дне шкафа. Задняя часть подола по-прежнему отсутствовала. Уф. Значит, все в порядке. Но тогда откуда взялись туфли? Видимо, пришли сами. Других объяснений у меня нет.

Расставаться с любимыми всегда грустно, вот и на этот раз, зная, что мама сегодня улетает, я начала грустить с самого утра, как только выбросила из головы злополучные туфли. Как мама не отбивалась, дед заготовил ей с собой сумку гостинцев, целый ассортимент вкусных и полезных для здоровья вещей: вино с лучших местных виноградников, мед от самых разборчивых пчел, с каждой из которых он знаком лично, вяленую хурму — любимое мамино лакомство, грецкие орехи прошлого урожая, но самые лучшие, размером с яблоко... Ну и эксклюзивный чай Клавдии Андреевны, конечно.

— У меня будет перевес! — смеялась мама.

— Такого в твоей Москве ни за какие деньги не купишь, — повторял дед.

— Это точно.

Мы посидели на дорожку, дед проводил нас до машины, они с мамой обнялись...

— Запомни, — сказал он. — Я должен увидеть этого твоего Игоря до свадьбы.

— Ладно. Мы постараемся приехать через месяц.

— А если он тебе не понравится? — не удержалась я.

Дед, насколько я знаю, спокойно отнесся к известию о том, что мама собирается замуж. Только спросил: надежный человек? Мама уверила его, что самый надежный.

— Понравится, — уверенно ответила мама.

— Ну а вдруг?

И чего я к ним пристала? Наверное, чтобы как-то отвлечь всех от подступающей к горлу грусти...

— Там разберемся, — буркнул дед, бросив на меня недовольный взгляд.

Он еще раз обнял маму, мы с ней сели в машину, а дед остался. Не любит он долгих прощаний. Я подозреваю, что он боится разреветься, а еще больше — что мы это увидим. Прекрасно его понимаю, сама такая же.

В аэропорту мы весело болтали о том, о сем, между делом речь зашла и о здоровье деда.

— Он не начал курить? — спросила мама

— Пытался. Я это пресекла.

И я рассказала ей о своем нетривиальном методе отучения деда от курения. Мама долго смеялась.

— Ну ты даешь! Надо же такое придумать! Наверное, это единственное, что могло его пронять.

— Ну так. Я же его знаю, как облупленного.

— Ты у меня такая умница, — мама обняла меня, облако ее духов окутало нас, как невидимое легкое покрывало. — И такая взрослая.

Она отстранилась, посмотрела на меня, я заметила, что ее глаза наполнились слезами. Мои тоже были на мокром месте, но рыдать на весь аэропорт совсем не хотелось. Ей, видимо, тоже. Наши прощания всегда получаются скомканными — потому что мы не хотим давать волю чувствам, которые разрывают нас изнутри. Мы обнимаемся и быстро убегаем друг от друга, сдерживая слезы.

Так было и на этот раз. Посадка на мамин самолет шла полным ходом, она не стала задерживаться, сказала, мне, что ждать не нужно и что все будет хорошо. Я понаблюдала издали, как она показала паспорт работнику аэропорта, сложила свои вещи в лоток, поместила на ленту досмотра и прошла сквозь рамку металлоискателя, обернувшись на прощание. Больше мне ее видно не было.

Я побрела к машине, еле волоча ноги. Упала на сиденье, и никак не могла собраться с силами, чтобы вставить ключ в зажигание. Мне не хотелось ехать домой, где еще пахнет мамиными духами, но нет ее самой. Не хотелось видеть гостиницу, где каждая ступенька и каждый шезлонг у бассейна напоминает мне об Аркадии. Чего же я хочу? Может, пришло время куда-нибудь уехать? На время или навсегда. Надо подумать об этом. А что тут думать? Можно просто пойти в кассу аэропорта и взять билет на ближайший рейс в любом направлении? А там — на следующий. И так до тех пор, пока я не окажусь за тридевять земель отсюда.

Может, я бы и осуществила свой безумный план, но меня отвлекли.

Я увидела того, кого увидеть совсем не ожидала и не хотела — своего бывшего временного любовника Аркадия. Он шел через автостоянку с большим черным чемоданом в руке. И не в сторону аэропорта, как можно было бы предположить, а к машинам. То есть он не улетает?

Рядом с ним шагала мужчина, такой же высокий и стройный, но лет на двадцать старше. Седые волосы, белоснежные зубы, уверенный взгляд победителя. Он был очень сильно, прямо-таки неправдоподобно похож на Аркадия. Его отец? Видимо, да. Они шли через стоянку по направлению к моей машине, и я вжалась в кресло. Аркадий, наверное, помнит автомобиль моего деда. Он может меня заметить... Я уже хотела заползти под сиденье и укрыться ковриком, как Аркадий резко свернул в сторону и подошел к темно-синему «Лексусу». Видимо, все же взял машину в прокат. Почему он не уезжает? И почему к нему навешиваются родственники? Он что, жить здесь останется? Тогда мне точно придется покинуть любимый город...

Я с бешено колотящимся сердцем наблюдала, как «Лексус» выехал со стоянки. Что происходит? Аркадий был мрачнее тучи, что на него совсем не похоже. А мужчина улыбался и с интересом озирался по сторонам. Как мне хотелось бы знать все подробности событий! Меня сейчас просто разорвет от любопытства!

Я не хотела ехать в сторону того переулка, где вчера пострадало мое платье, и откуда

домой, совершенно самостоятельно, вернулись мои туфли. Но сопротивляться одолевшему меня любопытству было совершенно невозможно. Я только одним глазком взгляну, и все. Я просто хочу убедиться, что Аркадий, действительно, живет в том доме. Зачем? Надо! Правда, надо. Всегда лучше знать, чем пребывать в неведении. Это относится ко всему на свете, а уж к этой ситуации в первую очередь. Если я буду уверена, что мой бывший любовник обитает именно там, я буду обходить это место за десять кварталов. Правда, буду! Вот только взгляну одним глазком, один раз...

Моя машина очень большая и очень приметная, поэтому я должна соблюдать осторожность. В узком переулке она будет выглядеть, как павлин на городском тротуаре. Может, оставить ее подальше и пойти пешком? Я припарковалась на соседней и улице и только собралась выйти, как зазвонил телефон. Ника.

— Привет, — произнесла моя подруга каким-то не очень веселым голосом. — Что делаешь?

Действительно, что я делаю? Снова собираюсь шпионить за Аркадием. Кажется, я совсем рехнулась. Я убрала руку с ручки дверцы и вставила ключ в зажигание.

— Да вот, думаю, не навесить ли мне любимую подругу, — сказала я в трубку.

— Приезжай! — радостно завопила Ника. — Я сижу одна, скучаю...

— Буду через двадцать минут, — сообщила я и завела машину.

Как вовремя Ника позвонила, не дала мне совершить очередную глупость! Она как будто чувствует меня на расстоянии.

По дороге мои мысли приняли другое направление: это моя машина приметная, а Никина нет. Мы можем взять ее и вернуться в этот злополучный переулок, чтобы все-таки убедиться, что Аркадий обитает именно здесь. Интересно, одобрит ли Ника мой план? Обычно она соглашается на все, хоть как-то похожее на приключение с непредсказуемым финалом. Вернее, раньше, соглашалась. Теперь, под влиянием своего дорогого Эдички, Ника изменилась. Но как далеко зашли эти изменения?

— О! — воскликнула Ника, когда я посвятила ее в последние события моей нескучной жизни и изложила вероятный план наших с ней действий. — Так он не уехал? Интересненько. Встретил отца? Любопытственно.

— Наверное, он тоже отдыхать приехал. Но Аркадий, похоже, этому не рад.

— Ну, у многих с предками проблемы...

Да, Нике эта проблема знакома хорошо. Она находится в состоянии вечного конфликта с родителями, которые с детства ей внушали, что она должна продолжить семейную традицию и стать юристом. А она всегда хотела быть свободным художником в самом широком смысле этого выражения. Сейчас Ника создает графические изображения для рекламы, при этом работает сама на себя, в офис не ходит и ведет довольно богемный образ жизни. Что ее маме и папе кажется разгильдяйством и шалопайством. Да-да, именно так они и говорят.

— Так ты хочешь узнать, живет ли он в том доме, где ты его видела?

— Э-э... Где мне кажется, что я его видела.

— Что значит — кажется?

— Ну, я же тебе рассказала — я бегала, увидела его на крыльце... А, может, нет...

— У тебя раньше когда-нибудь были галлюцинации?

— Раньше — нет.

— Значит, это был Аркадий. Я вообще не понимаю, почему ты сомневаешься. Ты что,

не веришь своим глазам?

— Не знаю...

И правда, почему я сама себе не доверяю? Наверное, потому, что некоторое время занималась изощренным самообманом: внушила себе, что я женщина-вамп, что могу заводить ни к чему не обязывающие романы, не испытывая никаких чувств. Что я совсем не влюблена в Аркадия...

— Ну ладно. Главный вопрос не в этом.

— А в чем?

Я с надеждой посмотрела на свою мудрую подругу.

— Зачем тебе нужно знать, где он живет?

Попытавшись что-то сказать, я открыла рот, но снова его закрыла. Сказать мне абсолютно нечего. У меня нет приемлемого ответа на главный, по мнению Ники, вопрос. Нельзя же считать ответом приступ острого любопытства или не поддающееся контролю желание снова и снова видеть Аркадия. Или сохранять пагубную для моего душевного здоровья иллюзию, что он как-то присутствует в моей жизни...

— Поехали, — неожиданно произнесла Ника.

— Что?!

— Раз тебе этого хочется, надо это сделать. С последствиями потом разберешься.

Мы уселись в серебристую «Хонду» Ники, я показала ей дорогу, и через пятнадцать минут мы уже въезжали в злополучный переулок. Надо, кстати, посмотреть, как он называется, а то я до сих пор не знаю, в какой точке нашего славного города со мной произошли странные и необыкновенные события. Так, вот табличка. Переулок Березовый. С чего бы это? Не одной березы я тут не вижу, их в наших краях вообще не густо.

А вот тот самый забор, на который я вчера была нанизана. Синего «Лексуса» нет и в помине, людей тоже не видно. Мы проехали мимо дома, и остановились в конце переулка. Ника открыла дверь машины.

— Ты куда?

— Пойду, разведу обстановку. А ты сиди.

А что, все правильно. Аркадий ее не знает, она, правда его тоже не видела. Но она хотя бы может посмотреть, есть ли в доме кто живой.

— Никого, — отчиталась Ника, вернувшись. — Пусто, тихо. И никакой собаки.

— Интересно, валяется ли там обрывок моего платья?

— Сейчас посмотрю. Где именно?

Я показала Нике место своего позора, она сходила и немного там постояла, делая вид, что смотрит на экран телефона. Через пару секунд моя подруга вернулась.

— Нет там никакого обрывка, — сообщила она. — Может, ты место перепутала?

В последнее время я мало в чем твердо уверена, но этот дом, этот забор и эту калитку со щекотдой-вертушкой помню очень хорошо.

— Там доски разные во дворе лежат?

— Лежат.

— Значит, место то.

Ника забралась в машину и завела мотор.

— Это то место, где ты вчера куролесила. Но не похоже, что это место, где живет Аркадий вместе с отцом. Эх, жаль, я вчера тебя не видела!

— А мне как жаль!

— Покажешь хотя бы платье, чтобы я понимала масштабы приключения?

— Для тебя — все, что угодно!

Когда мы вырулили из переулка, я поняла, что страшно голодна.

— Давай в «Жар-пиццу» заскочим, — предложила я Нике.

Она посмотрела на меня с упрёком. Ой! Я совсем забыла о растительной диете подруги. Сейчас все было как в старые добрые времена: мы вдвоем, ввязались в сомнительное приключение... Как будто никакого Эдуарда с его дурацкими и ущербными правилами жизни никогда не существовало!

— Только не говори, что тебе не хочется пиццы, — принялась я искушать подругу.

— Не хочется, — не очень уверенно ответила она. — То есть не хотелось до этого самого момента.

Вышеупомянутое кафе стремительно приближалась, а Ника все никак не могла решить, стоит ли возле него останавливаться. Она замедлила ход, потом снова прибавила скорость, снова замедлила... В конце концов, сзади раздался протяжный сигнал.

— Да езжай ты уже! — недовольно буркнула Ника и прижалась к обочине. Почти напротив призывно распахнувшей двери «Жар-пиццы».

— Помнишь, что ты мне сказала полчаса назад? Раз хочется, надо сделать. О последствиях подумаешь потом.

— Но это совсем другое... — пролепетала Ника.

— С чего это? Дело ведь не только в пицце, не так ли?

— Не знаю, — моя подруга растерянно пожала плечами.

— Ты не обязана делать то, что нравится Эдику.

— Но мне тоже это нравится.

— А пицца — нет?

— Пицца — это просто привычка. Она дает мне иллюзию удовольствия.

Так и слышу противный голос Эдички, произносящий эти слова!

— Так пойдем погрузимся в эту иллюзию! Ну, или посмотришь, как я погружусь.

— Ты садистка!

— А то!

Конечно, заставляя подругу созерцать поедание мной сочной хрустящей пиццы, вдыхать ее дразнящий аромат — это изощренный садизм. Но я была уверена, что она не устоит. И я не ошиблась.

Ника начала пускать слюни еще в тот момент, когда мы вышли из машины. А кто бы не начал? Я лично тоже чуть не захлебнулась, ведь из-за двери заведения по всей округе разносился умопомрачительный аромат. Оказавшись внутри Ника, даже не посоветовавшись со мной, заказала самую большую пиццу «От шефа». Я, в общем-то, не возражала, мне было все равно, какое из произведений кулинарного искусства утолит мой нарастающий голод.

Пиццу принесли быстро, исчезла она еще быстрее — моя отощавшая на подножном корму подруга набросилась на нее с яростью голодной гиены. Мне досталась буквально пара кусочков...

— Может, еще закажем? — предложила я, наблюдая за Никой, с довольным видом откинувшейся на спинку стула.

— Если хочешь, заказывай. Я пас.

Она вытерла губы салфеткой.

— Ну, тогда и мне хватит.

— Как это вкусно! — простонала Ника, прикладываясь к стакану с лимонадом.

Я внутренне ликовала. Все возвращается на круги своя! Моя подруга наконец-то прозрела, она пошлет своего нудного Эдичку в далекие чудесные края, и снова станет нормальным человеком! Вслух я, конечно, ничего подобного не говорила.

Но, оказывается, я рано радовалась. Счастье и удовлетворение, в которые погрузилась Ника, очень скоро сменились угрызениями совести.

— Неужели я слопала почти целую пиццу? — растерянно произнесла она, глядя на опустевшее блюдо.

— Я тоже усердно работала челюстями.

— Не так усердно, как я!

— Э...э, с этим не поспоришь.

— Я держалась почти два месяца!

— Зачем?

— Что — зачем?

Она даже не поняла вопроса.

— Зачем ты держалась? Зачем все это нужно?

— Ты не понимаешь!

— А ты объясни.

— Я пыталась, но ты настроена очень скептически. Ты не хочешь слушать!

— Сейчас хочу. Я сыта, благодушна и готова к лекции о пользе правильного питания.

— Дело не в питании, — начала Ника. — Вернее, не только в нем. Животная пища отягощает, так же как негативные эмоции и нарушение природных ритмов.

— А что будет, если ничем себя не отягощать? — поинтересовалась я, стараясь, чтобы в моем голосе не было и нотки скепсиса.

— Легкость, радость, беспрепятственное течение праны... Просветление!

Закончив свою тираду, Ника как-то сникла. Наверное, почувствовала, что в обстановке пиццерии она прозвучала напыщенно и неестественно.

— Не все так радужно, как казалось в начале? — осторожно поинтересовалась я.

Ника молча пожала плечами. Ну что ж, если она пока не готова обсуждать свою личную жизнь, я настаивать не буду, хоть и уверена, что ей стало бы легче, если бы она поделилась со мной своими сомнениями и проблемами. Может, если я первая начну делиться, она тоже подтянется?

— Кто тебе больше нравится, Кирилл или Ерш? — задала я вопрос с места в карьер.

— Нравится... в каком смысле?

— Как претендент.

— На роль твоего утешителя?

— Ага.

— Безусловно, мне нравится Кирилл. Ерш — рыба сомнительная.

— С Ершом весело, — сказала я. — С Кириллом я бы не стала висеть на заборах и отбиваться от собак буханкой.

— Почему?

— Ну... Он такой положительный. Как-то даже неудобно предлагать ему подобное времяпрепровождение. Но зато он будит во мне самые лучшие качества...

— Мне кажется, ты плохо его знаешь, — неожиданно произнесла Ника.

— Кого? Кирилла?

— Ага.

Это заявление меня удивило до глубины души. Вот уж кого-кого, а своего бывшего одноклассника я знаю, как облупленного!

— У тебя есть какие-то новые сведения?

Ника пожала плечами. Она тоже знает Кирилла давно, со времен школы. Но она все же не училась с ним в одном классе, как я! Ника была в параллельном, и с Кириллом, насколько я знаю, никогда близко не общалась.

— Я даже не знаю, к кому я больше склоняюсь, — продолжала тем временем я, так как моя подруга молчала. — То к Кириллу, то к Ершу.

— Мне кажется, тебе сейчас ни к кому не нужно склоняться, — произнесла Ника наконец.

— Почему это?

— Слишком рано. Ты еще не отошла от своего скоротечного курортного романа. Наломаеть новых дров.

— Да я вообще о нем забыла!

Правда, ничего не помню! Кто такой Аркадий?

— Мы только что ездили выслеживать твоего бывшего любовника, — заметила Ника.

О, точно! Спалилась с потрохами.

— Ты права, — нехотя призналась я. — Наломать. Особенно Кирилла не надо трогать. Не хочется обижать хорошего человека.

— А Ерша, значит, хочется обижать?

— Ерш переживет. Так ему и надо. Хотя...

— Что?

— В последнее время меня мучают серьезные сомнения по поводу правильности моего о нем представления.

— И меня, — сказала Ника.

— В смысле?

— О не похож на того мартовского кота, каким ты его описывала. Серьезный такой, авторитетный.

Я и забыла, что Ника видела Ерша в образе Андрея Евгеньевича!

Мои откровения так и не спровоцировали Нику на душевный разговор. Покинув кафе, мы отправились к ней, и там я пересела в свою машину.

— Может, зайдешь? — предложила подруга, но, по-моему, как-то нехотя.

— А Эдик уже дома?

— Скорее всего.

— Тогда не буду.

Получилось немного грубо, но Ника ничего не сказала. Явно не все ладно в их просветленно-вегетарианском королевстве...

Дед встретил меня неожиданным заявлением.

— Нам надо поговорить.

Его голос был очень серьезным, а вид очень встревоженным, так что я прямо-таки испугалась. Что случилось? Я что-то натворила? Или... что-то с мамой?

Я почувствовала, как кровь отхлынула от моего лица, а в глазах потемнело. Я ухватилась за стенку, потому что пол качнулся у меня под ногами...

— Самолет... — выдавила я. — Мама...

— Да нет! — воскликнул дед. — С ума сошла, что ли! Все в порядке, типун тебе на язык! Долетела, доехала, уже дома.

Уф! Мои колени ослабли, и я опустилась на пол. Как вообще мне в голову пришло подобное! А дед тоже хорош, пугает своими серьезными разговорами! Ну, раз с мамой все в порядке, я выдержу любые серьезные разговоры, даже если он выяснил что-то об Аркадии.

Дед протянул мне руку, помог подняться с пола и отвел к себе на кухню, не прекращая ворчать по поводу моего ненормального воображения. Когда он поставил передо мной чашку чая, я спросила:

— Что за серьезный разговор?

Он сел напротив меня и, глядя мне прямо в глаза спросил:

— Ты вчера пила?

Никак не ожидала такого поворота событий! Что за допрос? Я взрослая или где?

— Ну, выпила пару коктейлей...

— Пару?

— Ну, может, пять... А что? Все в порядке, я закусывала, была под присмотром личного доктора. И вообще не опьянела!

— Тогда почему ты разулась не в квартире, а у крыльца?

— Что?!

Совершенно не понимаю, о чем он говорит. Что за бред? Я вообще не разувалась, потому что была босиком.

— Я нашел твои туфли у входа. Стояли ровно под домофоном.

— Что?! — снова спросила я, пытаюсь осмыслить услышанное.

Так вот как мои потерянные туфли оказались в прихожей! Их принес дед. Но как они попали на крыльцо? Ну конечно, их доставил к порогу Ерш. Вернулся в Березовый переулок, нашел и вернул мне. Какая прелесть! Надо будет его поблагодарить.

— Только не вздумай ничего сочинять, — строго произнес дед.

— Э-э... Ладно, не буду. Ну, возможно, я была... не совсем трезвой. Или просто очень рассеянной! — озарило меня. — Ты же меня знаешь. Я то чайник в холодильник поставлю, то стираю с белым бельем синий носок...

— Так значит, дело в рассеянности, — подытожил дед. По всему видно, не очень-то он поверил в эту версию.

— Ну... во всем понемногу. Но если ты опасаясь, что я спиваюсь, то совершенно напрасно. Все под контролем.

Дед фыркнул.

— А что там про личного доктора? Ты, вроде, вчера с Кириллом уходила.

Черт! Зачем я не придержала свой болтливый язык?

— Ага, с Кириллом. Но потом встретила Ер... Андрея Евгеньевича.

Дед ничего не сказал, встал, и налил мне еще чаю. Когда я вру и изворачиваюсь, меня мучает сильная жажда.

Вечером я отправилась поплавать. Утром я проснулась поздно, хотела провести с мамой еще пару часов, и поэтому на море не пошла. Но я же русалка, без воды чахну, для душевного и телесного равновесия мне обязательно нужно пополоскаться в бирюзовом соленом растворе.

Когда я явилась на пляж, Ерш с Лаптем уже собирались уходить.

— Привет, — сказал Ерш. — Как дела после вчерашнего?

— Рубашку я тебе потом принесу.

— Да я не про рубашку. Кстати, можешь оставить ее на память.

— Ну что ты, зачем такая жертва. А с памятью у меня все нормально. Я тебя помню. Ты

Ерш.

Лапоть хмыкнул и выдал:

— Все-таки зря ты ее вчера не сфоткал. Я бы с удовольствием полюбовался на вид сзади...

— Ты о чем?

Ерш виновато опустил глаза.

— Вы, девочки, абсолютно всем друг с другом делитесь? — в это высказывание я вложила весь доступный мне сарказм.

— Ты не говорила, что это тайна! — принялся оправдываться Ерш.

— Не говорила. Но имела в виду!

— Ну, извини...

— Что, весь пляж и весь город уже знает, что я вчера бегала по улицам с оголенным задом?

Лапоть гоготнул.

— Нет!

Ерш вытаращил глаза и стал очень похож на рыбу. А я все думала: откуда у него это прозвище?

А, кстати, почему Лаптя зовут Лаптем?

— А как тебя на самом деле зовут? — поинтересовалась я у своего давнего друга.

— Что? — не понял он.

— Имя. Есть у тебя настоящее нормальное человеческое имя?

— Ну.

— Назови.

— Зачем это?

— А в чем проблема-то? Оно, что неприличное? Или ты вражеский шпион и скрываешься?

Лапоть пробурчал себе под нос что-то невразумительное.

— Что за секретность? — продолжала удивляться я.

— Да нет, имя, в целом, неплохое... — произнес Ерш.

— Да что за тайны мадридского двора! — возмутилась я, поворачиваясь к Лаптю. — Ты про меня столько разного знаешь, чего тебе знать вообще не надо, а мне даже имя не хочешь сказать.

Лапоть посмотрел на Ерша и коротко кивнул.

— Марлен его зовут, — сказал Ерш.

— Марлен? Очень необычно. Впервые слышу. Оно французское, как Марлон?

— Оно советское. Означает «Маркс и Ленин». Батя его — ярый коммунист.

— А-а.

Понятно теперь, почему Лапоть предпочитает зваться Лаптем. Я бы тоже избегала такого имени. Хотя...

— Последний вопрос: а почему Лаптя называют Лаптем?

Я приготовилась услышать какую-нибудь заковыристую историю, но мои ожидания не оправдались.

— Фамилия у него Лаптев.

Да уж.

— Давайте уже навсегда покончим с этим вопросом. Осталось выяснить отчество.

— Владленович он.

— О!

Марлен Владленович Лаптев.

— Сочувствую, — искренне произнесла я, обращаясь к Лаптю. — Кстати, русская поговорка говорит, что не имя красит человека. Полностью с ней согласна.

Лапоть по своему обыкновению пробурчал что-то неразборчивое.

— Кстати, — вспомнила я, вешая полотенце на перекладину спасательной вышки. — Спасибо за туфли.

Ерш посмотрел на меня непонимающе и ничего не сказал.

— Это был настоящий рыцарский поступок.

— Э-э... х-м...

Да что за привычка у этих двоих издавать невнятные звуки!

На следующее утро я снова столкнулась с Кириллом в квартире деда. Может, ему вообще сюда переехать? Заживут с дедом душа в душу, будут целыми днями чинить вай-фай и обсуждать обширное семейство Кирилла. Я чуть не ляпнула что-нибудь язвительное, спросонья напрочь забыв о нашем бесславном свидании, случившемся не далее как третьего дня. По утрам я иногда туплю. Да что там, не только по утрам...

В общем, вспомнив о своем nepозволительном поведении, я прикусила язык сразу после того, как выдавила «Доброе утро». Дед налил мне кофе, я добавила в него сливок и взгромоздилась на стул у окна, надеясь, что чарующие виды помогут мне окончательно пробудиться. На часах, кстати, было отнюдь не раннее утро, а почти одиннадцать часов.

Шушуканье у ноутбука, прерванное моим появлением, продолжилось. Если бы они не говорили неестественно тихо и не приглушали временами голоса до неуловимого шепота, я бы и не подумала прислушиваться. Но их странное поведение меня насторожило. Что такое? Что они там замышляют? Надо усыпить их бдительность, а потом вероломно выведать тайну.

Я встала, широко зевнула, поставила чашку в раковину и удалилась ленивой походкой человека, которому нет никакого дела до шушуканья ближних. Выйдя в коридор, я прикрыла дверь не до конца и приложила к ней ухо.

— Отлично! — произнес дед и сначала тихонько захихикал, а потом заржал в полный голос.

Эй, я тоже хочу посмеяться!

— А, может, еще вот так? — деловито произнес Кирилл.

Дед заржал еще громче.

Я тихонько приоткрыла дверь, сбросила тапочки и на цыпочках подкралась к заговорщикам. Взглянув из-за их спин на монитор, я тоже засмеялась. Очень громко, так, что дед с Кириллом подпрыгнули на своих стульях. На экране разместилась очень забавная картинка: наша соседка Шапокляк в образе настоящей Шапокляк; под мышкой ридикюль, рядом муж в образе крысы Ларисы со сложенными лапками.

— Прикольно! — оценила я. — Что вы собираетесь с этим делать?

— Запустим вирусом в их интернет-систему, — признался, помолчав, дед.

— Круто! Что, с покером не вышло?

— Еще посмотрим, какой из вариантов выбрать, — отозвался старший заговорщик.

— О, есть еще варианты? Колитесь.

— Белые мыши. Пятьсот штук. В их гостинице.

Это уже Кирилл злобствует. Можно подумать, это на него Шапокляк натравила санэпидемстанцию. Хотя, вполне возможно, что она и его семье насолила. Шапокляк, она такая, все ей нейдет, кажется, что у других и гостиницы лучше, и клиентов больше... А от зависти ее пробивает на всякие подлянки.

— Изобретательно, — говорю я. — Но вообще это хулиганство.

— А то! — засиял довольный дед.

— За это можно и в ментовку загреметь. И может, даже, больше, чем на пятнадцать суток.

— Ради такого дела я готов чалится на нарах, — дед произнес эту фразу с такой натуральной уголовной интонацией, что я подумала: а все ли факты его биографии мне известны?

— Тебя-то, может, и пожалеют, старого дурака. А вот Кириллу придется отдуваться по полной программе.

Дед озадаченно уставился на своего вероятного подельника и задумчиво почесал затылок. Кажется, я нашла верный аргумент против опрометчивых решений и безумных выходов.

— А что? Отмотаю срок, откинусь — местным авторитетом стану.

Кирилл так развязно мне подмигнул, что у меня отвисла челюсть. А всегда думала, что он хороший мальчик...

День прошел в суете и хлопотах. Я чувствовала свою вину за то, что в последнее время совсем не помогала деду, поэтому сегодня поработала на славу, решив кучу хозяйственных вопросов. Теперь можно и расслабиться. Только вот как? Кирилл намекал на продолжение банкета, то есть на новое свидание, Ерш ежечасно слал сообщения с кучей смайликов и картинок, скрытый смысл которых я была не в состоянии разгадать. А он определенно был, не зря же смайлики были так разнообразны и выстраивались в такие запутанные схемы.

Обоих кавалеров я мягко отшила, сославшись на занятость, которая, по моим словам, должна была продолжиться чуть ли не до полуночи. Вообще-то я планировала закончить все дела не позднее восьми, но, как говорится, накаркала. Освободилась только в одиннадцать. Еще не поздно, спать не хочется... А чего мне хочется? Сама не знаю. Я решила прогуляться. Нырнуть в самую гущу событий, в веселую шумную толпу на набережной. Давно меня не оглушали усиленные микрофонами задушевные голоса ресторанных певцов, не ослепляли яркие огни аттракционов, а мой нос не вкушал запахов жарящегося всего на свете.

Правда, вся эта суматоха мне быстро надоела, видимо, потому, что не соответствовала моему апатичному настроению. Мне просто лень было напрягать органы чувств в этом грохочущем балагане. Я свернула с набережной на проспект, решив вернуться домой другой дорогой.

Я шла, уставившись себе под ноги, не глядя по сторонам. Мне было неинтересно, что происходит вокруг. Я жалела, что выбралась на эту бессмысленную прогулку. Лучше бы осталась дома, повалилась на диване перед телевизором. Впрочем, это тоже бессмысленно...

Недалеко от дома мне нужно было пересечь оживленную улицу. Несмотря на поздний час, машины непрестанно сновали туда-сюда. Видимо, придется все же ковылять до пешеходного перехода, который кто-то догадался нарисовать в очень неудобном для меня

месте. Я подняла глаза, чтобы убедиться, что нарушить правила дорожного движения на этот раз не удастся, как вдруг... Мне показалось, что меня ударили под дых. Сильно, так, что несколько секунд я совсем не могла дышать. Думать я тоже не могла, мысли разлетелись, как стая чаек, напуганная брошенным в воду булыжником.

На другой стороне улицы стоял Аркадий. Он застыл на месте, так же, как и я. Я смотрела на него, он смотрел на меня. Поток машин разделял нас, как глубоководная горная река. Расстояние было большим, но его дальнобойный взгляд пронзал меня насквозь. Он не улыбался, что было для него очень необычно. Даже в момент нашего скоростного и безвременного расставания Аркадий, то ли по привычке, то от неожиданности, продолжал скалиться, демонстрируя свои великолепные зубы. Сейчас же он был необыкновенно серьезен, даже мрачен. Досадует, что наткнулся на меня? Тогда зачем он примагничивает меня взглядом? Почему не отвернется и не отпустит?

Внезапно плотный поток машин иссяк. Похоже, загорелся зеленый на соседнем перекрестке. Мы продолжали смотреть друг на друга. Кажется, это длится уже целую вечность... У меня слегка кружилась голова, возможно, от того, что я до сих пор не могла вспомнить, как нужно дышать, а мое сердце пропускало удары, выстукивая неровный тахикардический ритм. Действие магнита усилилось. Как кролик, загипнотизированный удавом, я сделала первый шаг. Аркадий тоже шагнул мне навстречу, почти в ту же секунду, но все же моя нога двинулась вперед на крошечное мгновение раньше.

Как я сделала остальные шаги, совершенно не помню. Очнулась на середине дороги, в жарких объятиях Аркадия. Мы разомкнули наши взгляды, я уткнулась носом в его футболку, он крепко прижимал меня к себе, как будто боялся, что я могу спохватиться и убежать. Мы оба молчали. Его сердце билось совсем рядом с моим, в таком же неровном ритме. Кажется, наши запыхавшиеся сердца даже стукались друг о друга...

Мимо неслись машины, кто-то сигналил, кто-то высовывался из окна и махал рукой... Я видела это краем глаза, но мне было все равно.

— То есть вы переспали, а потом он исчез? — произнесла Ника почти без вопросительной интонации.

Все так и было, но ее слова меня покоробили.

То, что моя подруга сейчас обозначила так прямо и так грубо, случилось еще позавчера. Я не знаю, как мы оказались у меня дома. Наверное, пришли ногами, ведь других вариантов нет, телепортироваться в нашей реальности невозможно. Но дальше нашего пути моя амнезия не простирается, я очень хорошо помню все, что происходило потом. Мы не разговаривали, не выясняли отношения. Я ни о чем его не спросила, и он меня тоже. Вместо этого мы набросились друг на друга, как изголодавшиеся звери на добычу, и в этом почти не было нежности, скорее — какое-то исступление.

Я и не знала, что во мне живет такое дикое безумное животное, мне хотелось кусать и царапать Аркадия, сделать ему больно, и я ни в чем себе не отказывала. Он не сопротивлялся, только слегка постанывал, и этот его стон распаллял меня все больше... В конце концов мое бешенство утихло, но не само собой, а благодаря его уверенным ласковым рукам и прохладным губам, остудившим мою ярость, переплавившим ее в текучую всепроникающую нежность.

В решающий момент из моих глаз по неведомой причине брызнули слезы. Аркадий тогда прижал меня к себе, шептал на ухо что-то невнятное и успокаивающее, гладил кончиками пальцев по спине, пока от его прикосновений мое желание не вспыхнуло с новой силой, только на этот раз в нем не было ни капли горькой ярости, только сладость, только нежность и мягкость.

А наутро я проснулась одна. Аркадий исчез, оставив после себя лишь вмятину на простыне и зияющую дыру в моем сердце. Сначала я думала: вот сейчас он позвонит. Через пять минут, через десять... Ну в три часа — самое позднее. Уж в это время он точно должен проснуться. К вечеру я поняла, что звонка не будет. Что он снова исчез из моей жизни, так же внезапно, как появился.

Я била себя по рукам, чтобы не нажать кнопку «вызов» на телефоне. Я не должна звонить ему сама, нет, ни за что! Это унижительно. Я не буду бегать за ним, как собачонка. Неужели он этого хочет? Я не знаю. Я вообще ничего не знаю и не понимаю. В конце концов я удалила номер своего вероломного любовника из телефона. И я изо всех сил пыталась стереть его из памяти, пытаясь сбить со следа свои мыслительные способности. Какие там цифры на конце? 75? Да нет, 57. Точно, точно. А перед этим не четверка, а восьмерка. Или вообще шестерка. Все запутывается, файл с воспоминанием стирается... Нет, не получилось. Я помню его телефон. Но у меня хватит гордости не прикасаться к кнопке «вызов».

Не знаю, как я пережила вчерашний день, а, особенно, ночь. Я не могла спать, новые воспоминания будоражили мою кровь, заставляя снова и снова чувствовать жар исступления. В моей голове крутился только один вопрос: неужели он не испытывает ко мне никаких чувств? Это невозможно, я ощущала любовь в его бережных прикосновениях, в его страстных поцелуях, в его взгляде, когда он смотрел на меня там, на дороге и потом, в спальне, в рассеянном лунном свете. Он смотрел на меня так, как будто хотел впитать меня взглядом и навсегда сохранить в своем сердце. Почему же он снова исчез? Это сводит меня с ума...

Ника вчера звонила мне несколько раз, но я была не в состоянии с ней разговаривать, сказала, что занята, что перезвоню... Не сомневаюсь, она сразу услышала лживые нотки в моем голосе.

— Лживые и измученные, — сказала Ника. — Я поняла, что с тобой что-то не так. И что ты не хочешь никого видеть. Но сегодня я не могла не придти.

— Да, — рассеянно кивнула я и зачем-то поправила диванную подушку, лежащую между мной и подругой.

Я рассказала ей, в чем причина моего угнетенного настроения. Мне очень не хотелось, но пришлось — Ника бы все равно не отстала. Теперь она знает, и мне это неприятно.

— Ты же не думаешь, что я тебя осуждаю? — спросила подруга, внимательно глядя на меня.

Я пожала плечами.

— Я сама себя осуждаю. Почему я снова поддалась гипнозу? Зачем я снова позволила ему...

— Может, потому что сама этого хотела?

— Мало ли чего я хочу! Я же не животное, могу себя контролировать.

— Можешь?

— Нет, не могу! Это сильнее меня.

— Жалеешь о том, что случилось? — осторожно спросила Ника после минутного молчания.

Я вспомнила, как проваливалась в огнедышащую пучину страсти, забывая себя, улетала в небеса от сладостного головокружения, и выдавила:

— Нет.

— Думаешь, он просто тебя использовал? Ты вроде как игрушка для избалованного мальчика?

Я покачала головой.

— А, может, он твоя игрушка? — продолжала Ника вкрадчивым голосом.

Я зачем-то кивнула.

— Тебе было хорошо. С его помощью.

— Никак не пойму, в чем ты пытаешься меня убедить?

— В том, что это ты его использовала и совершенно незачем посыпать голову пеплом.

— То есть, ты хочешь сказать, что я женщина-вамп? Не ты ли совсем недавно доказывала мне прямо противоположное?

— Мало ли что я доказывала раньше, — насупилась Ника. — Теперь я уверена в обратном.

— Ты бы не смогла быть психотерапевтом, — заявила я своей подруге. — Для всех. Но для меня ты — лучшее лекарство.

Ника улыбнулась.

— Правда?

— Ага. Забавно наблюдать, как ты выворачиваешь правду наизнанку, лишь бы мне полегчало. Со мной все нормально. Я знаю, что я не женщина-вамп. И что я влюблена в этого... в Аркадия. Но я с этим справлюсь. Я сильная, ты же знаешь.

— Я знаю, — Ника покосилась на меня с некоторым сомнением. Хочешь, я еще послежу за тем домом? Может, он все же там?

— Ни за что! Не смей! Я ничего не хочу о нем знать. Раз он не хочет, чтобы я знала...

Мы расстались с Никой под вечер, после чаепития, длившегося несколько часов, бесконечных разговоров (не только об Аркадии) и длинных пауз, когда мы обе молчали, и при этом нам было вполне комфортно. Как же здорово иметь подругу, которая умеет так подлить тебе чая или подать печенюшку, что ты всем организмом чувствуешь поддержку и заботу! И никакие слова не нужны...

Я проводила Нику до машины, даже помахала ей рукой. И собиралась пойти домой, чтобы спокойно лечь спать, даже не взглянув на экран телефона. Но тут в поле моего зрения нарисовался Кирилл. Опять он! Я, конечно, отношусь к нему с искренней дружеской любовью, и не хочу ранить его чувства, но в последнее время он переходит все границы. Я вижу его по пять раз в день! Это начинает меня утомлять. Потому что каждый раз приходится изворачиваться и притворяться.

В последнее время мне приходится делать это очень часто, практически со всеми, и я от этого смертельно устала! Я, вообще-то, прямой и искренний человек, постоянная ложь меня физически утомляет, у меня от нее мышцы болят. Мышцы лживого языка и лицемерного лица. Я снова хочу быть собой, говорить и делать все, что приходит в голову, не заботясь о том, что подумают другие! Может, пора быть с Кириллом пожестче? Может, хватит давать ему ложные надежды? Ведь вполне очевидно, что в итоге от этого будет только хуже, и ему, и мне.

Итак, Кирилл вошел в наш двор, вернее, не вошел, а почти вбежал. Вид у него был какой-то взбудораженный: глаза сверкали, ноздри раздувались, воротник рубашки перекосялся... Да что с ним такое? И вдруг я поняла. Вернее, узнала этот решительный блеск в глазах. У меня тоже такой появляется, когда я собираюсь совершить что-то безрассудное, что-то, на что долго не решалась... Кирилл пришел со мной объясниться! Он давно пытался это сделать, и сегодня пойдет до конца. Поэтому и выглядит таким энергичным и смелым.

Я должна ему помочь. Вернее, помешать. Короче говоря, помочь тем, что помешаю. Я сделаю так, что он передумает признаваться мне в своих чувствах. Хорошо бы эти чувства у него вообще исчезли... но тут как получится.

— Привет, — начала я с места в карьер. — Что-то сегодня мне совершенно не хочется тебя видеть.

— Чего? — Кирилл остановился, ноздри его стали раздуваться чуть меньше, дыхание замедлилось.

— Я иду спать, — сообщила я.

— Спокойной ночи, — растерянно произнес Кирилл.

— Дед, наверное, тоже спит...

Надеюсь, он поймет намек: не надо к нам сегодня заходить. Так, я же хотела быть пожестче... Получается или нет? А что еще жесткого я могу ему сказать? Послать его подальше? Ну нет, это слишком.

— Приходи как-нибудь в другой раз, — произнесла я с интонацией «не заходи больше никогда». А потом повернулась и пошла в сторону крыльца.

Кирилл постоял немного, растерянно хлопая глазами — я это видела боковым зрением, а потом побрел в сторону калитки. Это было грубо, да. Но именно это ему и нужно.

Дед встретил меня в дверях. Он был такой же взъерошенный, как Кирилл, седые волосы стояли дыбом, как будто он яростно чесал затылок, есть у него такая дурная привычка.

— Не видела Кирилла?

— Э-э... видела.

— Ну! Где он? Куда запропастился?

— Домой пошел.

— Что?! — дед был так поражен, как будто я сказала ему, что его разлюбезный Кирилл полетел на Луну верхом на пустом ведре.

— А что? Он же не у нас живет, ты помнишь? — раздраженно буркнула я.

— Что ты ему сказала? — догадался дед.

— Ничего особенного. Сказала, что иду спать. И что ты тоже, наверное, спишь. Вообще-то ты и должен спать, время-то позднее! Предложила зайти в другой раз...

Я все же не решилась сказать деду, что прямым текстом заявила его любимцу, что не хочу его видеть.

— Ну ты... балда!

— Сам ты балда! Чего обзываешься?

— Человек старался ради нас, рисковал своей свободой, можно сказать, а ты его домой послала?

— Чего? Что человек делал?

От удивления я чуть не сползла на пол по стеночке, к которой прислонилась под напором деда.

— Эх ты!

Дед раздраженно махнул на меня рукой и бросился в свою квартиру. Я побрела за ним, растерянная и пристыженная. Получается, Кирилл выполнял какое-то поручение деда, а я его так отбрила. Грубо получилось, очень грубо и некрасиво. Хорошо еще, у меня не хватило духу послать его прямым текстом. А ведь были такие мысли — для верности, чтобы окончательно отпугнуть...

— Ты же ее знаешь, — услышала я голос деда. — Она всегда ляпнет что-нибудь, не подумав. Грубиянка, что поделать... пороть ее надо было в детстве.

Это он с Кириллом по телефону разговаривает. Да, надо было меня пороть, точно. Может, тогда что-то путное из меня бы выросло.

— Все нормально? Как? О, да! Рассказывай все подробности. Может, все-таки? Ладно, приходи завтра. А Лану я все же выпорю.

— Правда, выпорешь? — спросила я, когда дед закончил разговор.

— Надо бы, конечно. Прогнать гостя с порога, послать его, практически! И какого гостя!

— Это он тебе сказал, что я его послала?

— Он сказал, что все в порядке, что придет завтра. Золото, а не человек!

Дед многозначительно посмотрел на меня, как бы говоря: почему ты до сих пор не прибрала к рукам это золото? Ответ он знал: коварная судьба распорядилась так, что к этому, безусловно, прекрасному человеку, я не испытываю никаких чувств, кроме дружеских. Она посмеялась надо мной, заставив влюбиться в кусок отнюдь не золота, а... чего? Холодного бесчувственного железа, вот чего!

— Так что случилось? На что ты подбил Кирилла? Это касается мести Шапокляк?

Дед молча смотрел на меня, раздумывая о чем-то.

— Не скажу, — наконец, выдал он с чрезвычайно довольной физиономией.

— Что?! Как ты можешь мне не сказать?

— Это и будет твоим наказанием. Вместо порки.

— Ну ты... зараза.

— Ага.

Это очень, очень жестоко! Дед знает, насколько сильно мое любопытство, и как я мучаюсь, когда чего-то не знаю... Да я вся изведусь до завтра, до того момента, как придет Кирилл и все расскажет. И до того, как я извинюсь за свое поведение и сниму тяжесть с души.

— Хочешь узнать — звони Кириллу.

— Я лучше спрошу его завтра. Во сколько он придет?

Дед пожал плечами. Потом, для верности, покачал головой, пожелал мне спокойной ночи и удалился к себе, оставив меня мучиться угрызениями совести и любопытством. Пытки, между прочим, запрещены законом!

Все утро я слонялась по дому в ожидании Кирилла, репетируя покаянную речь, но он все не приходил и не приходил. Зато неожиданно заявила моя любимая подруга, со своим крутым фотоаппаратом в руках и чрезвычайно довольным видом. Она аж подпрыгивала от нетерпения, так ей хотелось поделиться со мной распирающими ее новостями. Что, интересно, случилось? Сфотографировала НЛО? Поймала в свой дальнобойный объектив знаменитость, отдыхающую в нашем чудесном городке?

Ника уволокла меня с кухни деда в мою гостиную, закрыла дверь, уселась на диван и похлопала ладонью по подушке рядом с собой.

— Садись!

Я тяжело опустилась на мягкое сиденье. Что бы она там не сфотографировала, вряд ли меня это расшевелит. Накрывшая меня апатия безгранична. Мне вообще ничего не хочется и ничего не интересно.

— Я следила за Аркадием, — радостно произнесла Ника, распахнув глаза до размера чайных блюдец.

Себя я в тот момент не видела, но уверена, что мои удивленные очи были не меньше суповых тарелок.

— Что ты делала? — пролепетала я.

— Выследила его. И сделала несколько фото.

Тут уж я подпрыгнула от нетерпения, придавив диванные пружины, и чуть не выхватив у Ники фотоаппарат.

— Сейчас, сейчас. Вот.

Она продемонстрировала мне фото двух мужчин, разговаривающих у хорошо знакомой мне калитки. Неподалеку от нее мне недавно откусили платье и чуть не отхватили приличный кусок пятой точки. В одном из участников диалога я без труда узнала Аркадия. А вот второй... кажется, я его когда-то где-то видела. О! Вспомнила! Это с ним поздоровался Аркадий, когда мы шли на выставку, по окончании которой скоростижно расстались.

— Это Аркадий? — с надеждой спросила Ника.

— Да, — кивнула я. — Это точно он. Но как ты смогла сфотографировать их так близко?

— Благодаря дальнобойному объективу! А ты еще говорила: зачем тебе фотоаппарат, когда есть телефон.

Ника победно посмотрела на меня.

— Ладно, ладно, я признаю. Фотоаппарат очень нужная в хозяйстве вещь.

— Так вот, — продолжала Ника. — Я проезжала мимо на машине, увидела их, схватила

фотоаппарат, который предусмотрительно держала наготове... Они меня даже не заметили.

— Интересно, кто этот второй? — спросила я.

— Видимо, сосед, — сказала Ника. — Они поговорили, и он вошел в соседнюю калитку.

А Аркадий вошел в свою.

Сосед. Все понятно и логично, но неинтересно. А то, что Аркадий все же живет в этом доме — это, конечно, сенсация.

— Значит, мне не померещилось, — озвучила я очевидное. — Значит, он, действительно, там живет и я его видела. Я нормальная, у меня не бывает глюков. Это радостная новость.

Я говорила спокойным, почти равнодушным голосом, но сердце мое билось, как сумасшедшее.

— Вообще-то, есть еще новости, — произнесла Ника каким-то непонятным тоном. Виноватым? Предупреждающим?

— Выкладывай.

— Вот.

Ника показала следующую фотографию. На ней был запечатлен Аркадий, стоявший на крыльце, рядом с ним — девушка. Длинные темные волосы, гладкие и блестящие, яркая помада, короткое желтое платье умопомрачительной красоты... Явно модель.

— Они ссорились, — сообщила Ника.

— Что?

Разглядывая незнакомку, я поначалу не обратила внимания на позы изображенных на фото людей. Они стояли друг напротив друга, напряженные, явно недовольные.

Ника показала следующую фотографию. Те же участники, только ближе друг к другу. Лиц не видно, они смотрят куда-то внутрь дома.

— Потом они вошли в дом, — сказала моя подруга. — Я послонялась там немного, села в машину и ждала полчаса.

— И что? — выдавила я из себя.

— Приехало такси. Они вышли, она села в такси и уехала.

— А.

— Ты понимаешь?

— Конечно, понимаю. К нему приехала девушка. Может, вообще жена... А он тут... изменяет ей! Со мной! Вот почему он ведет себя так странно. Он несвободен!

— Может, все не так.

— Все мужики козлы, — сказала я.

— Полностью согласна. Но в этом случае все может быть не так просто...

— Обычно все просто. Не надо придумывать сложности там, где их нет.

— Они ссорились. Она уехала, он остался.

— Ну и что?!

— Наверное, не надо было мне за ним следить, — вздохнула Ника. — Только расстроила тебя.

— Конечно, не надо было! Но я очень благодарна, что ты это сделала. Ты меня знаешь, я всегда предпочитаю правду.

— Да, знаю. Но это еще не все.

— Что?!

Какие еще новости готовит мне подруга? Сейчас она покажет мне фото Аркадия в

окружении детишек?

— Я поехала следом за ней на такси. Она остановилась в «Ривьере».

— Понятно, — буркнула я.

Какая мне разница, где она остановилась?

— Ее там встречал мужчина.

— Еще один любовный треугольник? Вернее, это уже ромб. Сколько углов у этой фигуры и как я оказалась во все это втянутой?

— Нет, — Ника покачала головой. — Тут другое. Он взрослый и, насколько я могла разглядеть, очень похож на Аркадия.

— Его отец.

— Видимо.

— Значит, отец помогает вернуть блудного мужа в семью.

— А он, похоже, сопротивляется, — добавила Ника.

— Я не хочу во всем этом участвовать, — сообщила я.

— И не участвуй. Но теперь ты, если хочешь, можешь пойти к нему и объясниться напрямую. Сказать все, что о нем думаешь.

— Нет! Ничего я о нем не думаю. Все. Выбросила из головы.

Мы помолчали. Я, действительно, ничего не думала. Мой мозг переваривал новую информацию. Я не ожидала ничего подобного, мне ни разу приходило в голову, что Аркадий может быть женат. Он не похож на женатого человека, он вел себя как свободный искатель приключений, привыкший менять девушек как минимум раз в неделю. Женат? Очень трудно в это поверить. Даже в наличие постоянной девушки поверить почти невозможно.

— Может, это вовсе не жена. И не девушка.

Ника как будто читает мои мысли.

— А кто?

— Сестра, например.

— Ага, конечно. Двоюродная. Приехала поругаться.

— Всякое может быть, — Ника пожала плечами.

— Всякое, — согласилась я. — Но ничего хорошего ждать от этой ситуации не приходится.

Ника виновато опустила голову. Энтузиазм, с которым она ко мне влетела, куда-то улетучился.

— Зря я все-таки тебя не послушала.

— Нет. Меня, конечно, надо слушаться. Но я рада, что ты за ним проследила. Теперь я знаю...

— И что?

— Ничего. В общем-то ничего не изменилось. Я давно решила выбросить его из головы. Решение в силе.

Тут за дверью раздались голоса деда и Кирилла, и я вскочила с дивана.

Ворвавшись в квартиру деда, мы с Никой застали забавную картину: дед бегал вокруг Кирилла, похлопывая его по плечам и восхваляя на все лады. Кирилл выглядел смущенным и, видимо, мечтал угомонить деда. Это желание явно усилилось, когда он увидел нас с Никой.

— Привет, — сказал он, глядя на Нику и не глядя на меня.

Обиделся, точно. Игнорирует. Так. Когда лучше принести ему свои извинения? Прямо

сейчас или наедине?

— Кирилл, — начала я.

— Ты настоящий герой, — подхватил дед.

— Да, — согласилась я. — Рыцарь и Робин Гуд.

— Что случилось-то? — спросила Ника.

— Лично я не знаю, но уверена: что-то грандиозное и достойное восхищения.

— Шапокляк в панике! — радостно сообщил дед.

Ах, значит, дело все-таки в этом. Они провернули какую-то из запланированных пакостей. Ника, которая была не в курсе перипетий нашей вражды с владелицей соседней гостиницы, по-прежнему растерянно переводила взгляд с Кирилла на деда.

— Может, кто-нибудь объяснит мне, что происходит? — жалобно попросила она.

Кирилл открыл было рот, но через секунду снова его закрыл. И не только потому, что он от природы скромный парень и не любит хвастаться своими подвигами. Просто дед сразу же затрещал, как сорока, не дав ему вставить и слова. Это была настоящая баллада, достойная того, чтобы ее исполняли под звуки гуслей на царском пиру.

Он в красках описал Нике и мне, как Кирилл встал на защиту обиженных и угнетенных — то бишь нас, и взялся отомстить подлой и коварной Шапокляк. Сначала наш доблестный рыцарь, обладающий к тому же недюжинным остроумием, нарисовал в фотошопе карикатуру на злобную старуху. И, затаившись в тайном убежище, выпустил джина из бутылки. Карикатура оказалась в компьютерной системе вражеского отеля и каждый, кто подключался к вай-фаю, мог видеть истинное лицо хозяйки гостиницы, а, заодно, и ее мужа.

Но на этом славные подвиги рыцаря Кирилла не закончились. Следующий был даже более самоотверженным, так как требовал личного участия, и на кону стояла свобода и чуть ли не жизнь (во всяком случае, по словам деда). Приобретя в зоомагазине пару десятков белых мышей, наш рыцарь заключил их в ларец, взобрался на своего ретивого коня и отправился в поход. То, что в роли коня выступал велосипед, а в роли ларца — обыкновенная картонная коробка, дела не меняет. Оказавшись на вражеской территории, он, с заряженной коробкой в руках, проник в самое сердце укреплений, то бишь в гостиничный холл. Дело было вечером, там толпилась масса народа, и никто не обратил особого внимания на паренька с небольшой коробкой из-под утюга в руках.

Кстати говоря, на паренёчке был рабочий комбинезон и бейсболка, надвинутая на самые глаза — во вражеском стане повсюду камеры! Он поставил коробку у лифта, предварительно сняв скрепляющую ее ленту, вошел в лифт и поднялся на следующий этаж. Там он снял комбинезон и вернулся в холл, чтобы издали насладиться паникой противника. А паника была знатная! Как только один из постояльцев задел ногой коробку, стоявшую на проходе, она развалилась, и грызуны вырвались на свободу. Люди визжали, запрыгивали на столы и на стойку администратора, опрокидывали кресла и вазы с цветами... Только Шапокляк, явившаяся на звуки истошного визга, не потеряла присутствия духа. Она гонялась за мышами и пыталась схватить их голыми руками. К счастью, ей это ни разу не удалось, все грызуны благополучно разбежались по гостинице.

Дед описал это все так ярко, как будто лично присутствовал при славных событиях. Оказывается, он встретил Кирилла на улице, и, пока они поднимались по лестнице, тот успел ему все рассказать. Сейчас же храбрый рыцарь переминался с ноги на ногу, явно смущаясь от всеобщего внимания. Но, когда по окончании рассказа Ника, не стесняясь в выражениях, выразила ему свое восхищение, он прямо-таки расцвел... На меня мой

обиженный друг по-прежнему не смотрел, хоть я регулярно издавала приличествующие случаю восклицания.

По окончании рассказа дед, невзирая на возражения, заставил всю компанию отобедать — он сегодня приготовил праздничное блюдо, чуть ли не целую ногу дикого буйвола, запеченную с грушами и пряными травами. Я так поняла, это был пир в честь победителя, на котором продолжалось обсуждение его подвигов. Кирилл оттаял, уже не так смущался и добавлял все новые подробности к балладе деда. Ника хохотала как сумасшедшая, дед то и дело подкладывал всем добавки, а я... Я тоже смеялась, хоть мне хотелось плакать.

У Аркадия есть девушка, может, даже жена... Почему меня это так удивило? Почему мне это не приходило в голову раньше? Это же самое простое и естественное объяснение всех странностей его поведения. Видимо, я просто непроходимая идиотка. Влюбленная, слепая и недалекая.

Кирилл вдруг засобирался, взглянув на часы и сообщив, что у него есть неотложные дела.

— Я тебя провожу, — сказала я и встала из-за стола вслед за ним.

Дед посмотрел на меня одобрительно, а Ника как-то странно. С осуждением, что ли? Она, наверное, думает, что я хочу броситься с головой в новые отношения, чтобы побыстрее забыть Аркадия. Мы были так заняты фотографиями моего бывшего любовника, что я не успела рассказать ей о том, как вчера обидела нашего общего старого друга.

Прежде, чем мы с Кириллом удалились, я все-таки успела шепнуть подруге:

— Мне надо с ним поговорить.

— О чем? — удивилась она.

— Извиниться хочу. Потом расскажу.

Ника кивнула.

— Ты собираешься... — начала она.

— Нет, — твердо произнесла я. — Не собираюсь. Он меня не интересует.

И вышла из квартиры деда вслед за Кириллом. Мы обе поняли, о чем речь — об Аркадии, конечно.

— Я бы и сам нашел выход, — произнес он, придерживая мне дверь.

— Не в выходе дело...

— Я догадался. Извинения не нужны. Все нормально. У всех бывают плохие дни... Мне правда, нужно идти.

— Я все-таки провожу тебя, — упрямо произнесла я.

Раз я решила поговорить с ним, значит, поговорю. Я, наконец-то, набралась смелости и готова обсудить все начистоту, а он ускользает. Что за дела такие?

Так что я прилипла к Кириллу, как банный лист. Обсуждать серьезные вещи, спускаясь по лестнице, не очень удобно, но я все же начала разговор.

— Слушай, насчет вчерашнего...

— Да нормально все.

— Нет, но все же. Извини.

— Да проехали!

— Так ты меня простил?

Кирилл остановился, я, активно наступающая ему на пятки, тоже. Он повернулся ко мне и посмотрел снизу вверх, так как стоял на ступеньку ниже.

— Я тебя простил и извинил. Понятно?

— Понятно.

Кирилл продолжил спускаться, я за ним.

— Это еще не все, что я хотела тебе сказать, — не унималась я.

— Это срочно?

— Ну... нет. Да!

— Конечно, если это вопрос жизни и смерти, я отложу свои дела... важные, между прочим.

— Нет, нет. Не откладывай. Это ненадолго.

Лестница заканчивается, и мне, наконец-то, надо решиться.

— Я хотела поговорить о наших отношениях и о твоих чувствах.

Фу, как мелодраматично получилось! Жаль, обратно слов не вернуть и вылетевшую из моего рта неуклюжую фразу не переформулировать.

— О моих чувствах?

Кирилл приподнял одну бровь. Что это за выражение? Точно не смущение. Мы вышли во двор. Пусть первый блин нашего откровенного разговора был неловким, все равно нужно продолжить.

— Мне хотелось устранить все недомолвки и недоразумения. Понимаешь, я очень-очень люблю тебя. Как друга. И меня совсем не радует, что я не могу ответить на твои чувства...

Боже, что за бред я несу? Надо было подготовиться!

— Ты не можешь ответить на мои чувства? — переспросил Кирилл.

Мы как раз подошли к его машине, и он остановился у двери. Я кивнула. Все-таки он очень странно реагирует на мои слова. Я ожидала смущения, неловкости. А он подозрительно спокоен. Притворяется?

— А на какие конкретно мои чувства ты не можешь ответить? — деловито спросил он, открывая дверцу.

Точно, притворяется. Смущается, поэтому не смотрит на меня, делает вид, что очень торопится.

— Ну... — промямлила я. Почему неловко мне? По плану неловкость должен был испытывать Кирилл. — Ты же испытываешь ко мне... чувства.

Нет, это просто невыносимо!

— Да, испытываю. Я тебя очень люблю. Как друга.

Кирилл улыбнулся своей распрекрасной мягкой улыбкой, пожал плечами и уселся в машину. Я стояла и хлопала глазами, не в силах подобрать с пола упавшую челюсть. Что?! Как друга?!

Двигатель машины Кирилла завелся, он высунулся в окно.

— Я, правда, сейчас тороплюсь. Извини.

— Ну нет, — произнесла я.

Через секунду я уже была внутри автомобиля, рядом с Кириллом. Он посмотрел на меня, снова улыбнулся и тронулся с места.

Минут пять мы молчали. Я уже жалела о своем порыве. Зачем я поехала с Кириллом? Я веду себя как ненормальная. Что он обо мне подумает? А, впрочем, он меня прекрасно знает. Все мои заскоки, причуды, всю мою придурь. Его этим не удивишь. Вот я снова, в какой уже раз, выставила себя перед ним полной идиоткой. Вообразила, что он в меня влюблен. С чего это, интересно? Я, что, Анджелина Джоли? Стоит мне появиться, как все парни падают к моим ногам и сами собой в штабеля укладываются? Я самая обычная русалка без хвоста, но с

завышенным самомнением.

— Я рад, что мы об этом, наконец, заговорили, — нарушил неловкое молчание Кирилл. — Вообще я планировал расставить все точки над «и» тогда, в кафе. Но ты убежала.

— Я идиотка, — озвучила я очевидное.

— Ну нет. Я сам дурак.

— Нет, это я...

— Ладно, оба хороши. Пойдет?

— Пойдет, — согласилась я.

А что мне еще оставалось сказать?

— Знаешь, порой мне казалось, что ты ко мне равнодушна. В смысле, не как друг. Ты так странно вела себя при встречах.

— Я?

Вспомнив все свои косяки, я вынуждена была согласиться. Действительно, я вела себя странно. То убегала, то несла какую-то чушь, то вообще размахивала красными стрингами... Хотя...

— Могу сказать о тебе тоже самое. Ты тоже был странным. И поэтому я заподозрила.

— Я? — Кирилл помолчал пару секунд. — Точно. Ты права.

— Да уж...

— Я давно мечтал объясниться, — продолжил Кирилл. — Та наша попытка...

— Не надо было этого делать, — встряла я.

— Наверное. Но теперь мы точно знаем, что мы — просто друзья.

— Да! — я выдохнула с величайшим облегчением.

Кирилл улыбнулся. Я посмотрела на дорогу и поняла, что мы подъезжаем к аэропорту.

— Ты кого-то встречаешь? — спросила я и почувствовала свою неуместность. — Я, если что, могу на такси домой вернуться.

— Спокойно. Я никого не встречаю.

— Улетаешь? — предположила я.

— Нет.

— А что еще можно делать в аэропорту?

— Забрать посылку.

— А что за посылка?

— Одна редкая штукавина. Для компьютера. Можешь подождать здесь, я быстро.

Кирилл убежал, я осталась в его машине, наедине с целым ворохом мыслей, которые срочно нужно обдумать. Итак. Во-первых, у Аркадия есть девушка, и она к нему приехала. Об этом я уже думала, и хорошо бы выбросить эти мысли из головы, но совершенно очевидно, что у меня это не получится. Во-вторых, Кирилл вовсе в меня не влюблен.

Если первая мысль вызывала у меня ощущение тупого ножа, поворачиваемого в сердце, то от второй меня снова обдала горячая волна неловкости. Навоображала себе! Избегала Кирилла, боясь, что он признается мне в своих чувствах... А он боялся того же. Но не избегал меня, а жаждал объясниться. То есть он не вел себя как страус, а я вела.

И все же вторая новость меркнет для меня на фоне первой. У Аркадия есть девушка. Может, даже жена. Она хочет его вернуть, а он... Да какая разница, чего хочет он! Он несвободен, а вел себя так, как будто у него никого нет, как будто он вольный пират в поисках приключений. Я вздохнула. Все мужики козлы, правильно Ника говорит. Или это говорит не Ника?

Нет, Кирилл, все-таки исключение, подумала я, увидев своего друга идущим к машине со свертком в руках. Он так бережно прижимал к груди этот сверток, так радостно ему улыбался, что я почувствовала укол ревности. Что? Я ревную к свертку? Дело, конечно, не в свертке. Это выверты моей противоречивой и извращенной натуры. Когда я думала, что Кирилл ко мне неровно дышит, то мечтала, чтобы это прекратилось. Теперь, когда я знаю, что он относится ко мне как другу, я чувствую некоторое сожаление... Тьфу! Что я за человек такой? Надо было меня пороть в детстве, правильно дед говорит.

Как бы я не презирала затаившуюся в глубине моей души ревность, она выпустила свои ядовитые ростки наружу и моими устами задала Кириллу вопрос:

— У тебя кто-нибудь есть?

— В смысле...

— Да, в этом смысле.

Он помолчал и покачал головой, и это покачивание было грустным и вполне конкретным.

— Тебе кто-то нравится, — утвердительно произнесла я.

Он сжал губы, как будто стараясь удержать рвущиеся наружу слова.

— Ну, говори. Я же друг, помнишь.

— Ну нет.

— Почему: ну нет?

— Если ты друг, это не значит, что у меня не может быть личных тайн.

— Ах, так это тайна!

Я почти увидела, как он помахал перед моим носом красной тряпкой.

— Ну и зачем тебе что-то скрывать от меня? Не доверяешь? Это обидно. Да, очень обидно. Заявляю официально: я обижена.

Я надула губы и отвернулась, но Кирилл не поддался на провокацию. Он продолжал хранить невозмутимое молчание, и даже слегка улыбнулся.

— Но все-таки, почему ты мне не хочешь говорить? Я ее знаю?

Губы Кирилла слегка дрогнули.

— Точно! — завопила я. — Я ее знаю. Кто это?

Не так уж мало у нас общих знакомых, если начать всех перебирать, часа не хватит. С кого бы начать? Пока я размышляла над этим животрепещущим вопросом, зазвонил мой телефон. Ника. Видимо, жаждет объяснений. Я убежала, оставив ее в неведении, пообещав рассказать все потом.

— Привет, — сказала я. — Я все еще с Кириллом.

И посмотрела на него. В этот момент, по его напряженному лицу, по изменившемуся взгляду и еще бог знает почему я поняла: это Ника. О ней он думает и в нее тайно влюблен. Вот это да!

Моя ничего не подозревающая подруга попросила перезвонить позже и положила трубку, а я сидела и смотрела на Кирилла, не говоря ни слова. Он тоже молчал, но я знала, что он знает, что я знаю.

— Очень хорошо тебя понимаю, — наконец, произнесла я. — Была бы парнем — сама бы в нее влюбилась.

— Только у нее уже есть парень.

— Эдик! — презрительно фыркнула я. — Ты его видел?

— Видел. Пошел как-то йогу, поправить спину — а там она. И он.

— Да мы его в два счета ликвидируем! Давай придумает план. Значит, так...

— Вот! — воскликнул Кирилл.

— Что? — не поняла я.

Почему он мешает изложить мои гениальные идеи? Их уже штук пятьдесят, просто голова лопается.

— Вот поэтому я не хотел тебе говорить.

О. Понятно. Не хочет, чтобы вмешивалась. Но как же... Это же так здорово и так правильно: Кирилл и Ника! Я уже слышу марш Мендельсона и качаю на руках их симпатичных детишек... А тут Эдик! Да я киллера найму! На что не пойдешь ради счастья лучшей подруги и любимого друга.

— Пообещай мне, — веско произнес Кирилл.

— Ничего ей не говорить? Обещаю.

— И ничего не предпринимать. Абсолютно ничего. Ни-че-го, — произнес он отдельно, по слогам, как будто я умственно отсталая.

— Как — ничего? — растерялась я.

Ничего не говорить Нике я еще согласна. Но ничего не делать...

— Поклянись, — настаивал Кирилл.

Его взгляд стал жестким, и я поняла, что сопротивляться бесполезно

— Клянусь.

— Чем-нибудь важным клянись.

— Пусть у меня плавники отсохнут и хвост отвалится! — буркнула я.

— Нет, — возразил Кирилл. — Не пойдет.

— Здоровьем клянусь, — выдавила я. — Деда.

Эту клятву я точно никогда и ни за что не нарушу.

Я бы могла сказать, что забрела сюда случайно. Что просто шла мимо, вдруг смотрю — «Ривьера». Какая неожиданность! Но в моем рюкзаке лежит бинокль, а это случайностью никак не объяснить. Как он туда попал? Я положила. Вернее, моя разнузданная авантюрная половина, запланировавшая слежку, в то время как вторая, разумная часть меня, пыталась удержать ее, ухватив за шкуру. Моя внутренняя авантюристка победила, и вот я здесь. На спасательной вышке по соседству с закрытым пляжем «Ривьеры».

Меня бы сюда не пустили, если бы не полезные связи — с Ершом и Лаптем. Местным спасателям я сказала, что мне нужно понаблюдать за чайками, я вроде как орнитолог-любитель. Полная чушь, но надо же было что-то сказать. Не знаю, поверили ли они мне, но на вышку пустили. Так что я сижу здесь, в засаде, с биноклем в руках и зудящим недовольством чуть выше желудка, там, где обитает моя душа. Да, я веду себя глупо! Да, мне нужно немедленно уйти! Но я все равно сижу, направляя бинокль то в сторону моря, где летают истошно вопящие чайки, то в сторону пляжа «Ривьеры», где чаек нет, но вполне может появиться девушка Аркадия.

— Как дела? — спросил меня снизу спасатель с победительным именем Александр и серьгой в ухе. Это ему звонил Ерш, когда просил за меня.

— Отлично, — ответила я. — Чайки жгут.

— Да? — заинтересовался он. — А как именно?

— У них там отвязная тусовка, — импровизировала я. — Веселятся. Закусывают рыбкой, рачками, жучками-паучками.

— Ого — Александр пошевелил ушами. То ли от удивления, то ли хотел меня поразить. Я снова уставилась в бинокль, мой новый знакомый тактично удалился.

Вот и она. Вошла в ворота, улыбнулась охраннику на входе, продефилировала походкой манекенщицы к свободному шезлонгу, аккуратно на него опустилась. Точно, модель. Так изящно двигается, как будто на нее направлены десятки телекамер. Я бы лично плюхнулась на шезлонг, как мешок с картошкой. Красивые позы и утонченные движения мне недоступны. Среди моих предков сплошные крестьяне и рыбаки, ни одного благородного дона или аристократической дамы... Так, при чем тут это? У меня что, опять комплекс неполноценности прогрессирует?

Отлепив бинокль от глаз, я немного отдышалась. Зачем я это делаю? Что за мазохизм? Мне нужно немедленно уйти отсюда и навсегда забыть Аркадия и его распрекрасную модель. Додумав эту правильную мысль, я снова прикинула к биноклю. Девушка Аркадия, тем временем, живописно расположилась на шезлонге. Объемная шляпа закрывала ее лицо, но стройные ноги от ушей, тонкая талия и безупречный бюст как минимум второго с половиной размера были мне прекрасно видны. Неудивительно, что она понравилась Аркадию. Она же абсолютно безупречна, хоть сейчас на обложку всех модных журналов одновременно! Удивительно то, что сейчас он не с ней.

Я еще минут десять изучала подробности анатомии распрекрасной модели, причем она, как будто почувствовав внимание, опустила спинку шезлонга и перевернулась на живот, продемонстрировав, что сзади она так же привлекательна, как и спереди. Похоже, она на пляже надолго. Охотится за загаром. Что ж, сейчас самое время, в четыре часа солнце уже не такое обжигающее, загар ложится идеально.

Уложив бинокль в рюкзак, я кубарем скатилась с лестницы.

— Спасибо, — прокричала я спасателю Александру и помахала рукой.

— Заходите еще! — любезно ответил он. Шевелил ли он при этом ушами, я не видела, так как очень торопилась.

Моей целью был пляж «Ривьеры», а туда так просто не попадешь, пускают только постояльцев пансионата с пластиковыми браслетами на руках. Я, конечно, могу поднять свои связи и раздобыть такой браслет, но это займет время, а его у меня сейчас нет. Так что придется действовать спонтанно. Заметив покидавшего пляж упитанного паренька лет десяти, я достала из рюкзака бинокль и направилась к нему.

— Эй, пацан, — обратилась я к обладателю заветного браслета. — Дело есть.

Он остановился и с опаской посмотрел на меня. Наверняка родители запрещают ему разговаривать с незнакомыми взрослыми, но я не похожа на коварного злоумышленника. Поэтому он не побежал и не начал звать на помощь.

— Нравится бинокль? — спросила я. — Десятикратное увеличение, диаметр объектива 30 мм.

Хорошо, что я изучила характеристики прибора, пока ждала на вышке появления своей жертвы.

— Я биноклями не увлекаюсь, — пробурчал мальчишка, хотя я заметила, что взгляд его прилепился к прибору.

— Хочешь такой? — спросила я.

Он почти кивнул, но сдержался. Хитрый, чуует подвох.

— Но взамен мне от тебя кое-что нужно.

— Так и знал, — фыркнул он. — Денег нет.

— Браслет.

Он посмотрел на свою руку.

— Он пластиковый.

— Я знаю. Видишь ли, мне очень нужно попасть на пляж «Ривьеры». Я слежу за одним человеком...

Крошечный огонек интереса в его глазах стал чуть больше. Кажется, я выбрала верную тактику.

— Ты шпионка?

— Вроде того. Только... тс! — я приложила палец к губам.

— А ты за кого? — поинтересовался мой юный собеседник.

Так, вот сейчас, кажется, наступил самый важный момент нашего разговора. Если я ошибусь — операция будет провалена. Чем увлекаются нынешние дети? На чьей они стороне? Не имею ни малейшего понятия.

— За наших, конечно, — уверенно произнесла я.

— За каких наших?

— Ну... за человека-паука, — лягнула я.

— Мне не три года и я не дебил, — пацан повернулся и собрался уходить.

— Ладно! — остановила я его. — Я сама за себя. Выслеживаю личного врага.

— Что собираешься с ним сделать?

— Э-э... ничего. Просто поговорить.

На его лице мелькнула тень разочарования.

— Хотя... как пойдет. Может, и до рукоприкладства дойдет. Дам в дыню, понятно?

— Ага.

Пацан снял браслет и протянул мне.

— Спасибо! Бинобль все же возьми.

— Не могу, — вздохнул он. — Мне нельзя брать вещи у незнакомых.

— Вообще это очень правильно, — согласилась я, надевая браслет на руку. — А что скажешь про браслет?

— Скажу — потерял. Уже было такое.

— Еще раз большое спасибо.

— Я бы посмотрел, как ты дашь в дыню.

Еще зрителей мне не хватало! И вообще, я так-то не планировала распускать руки...

— Жаль, меня бабушка ждет.

— Пока!

Пацан побрел в сторону корпусов «Ривьеры», а я, гордая победой, сверкающая браслетом, отправилась на пляж.

Я ступила на пляж, как на минное поле — с колотящимся сердцем и подгибающимися коленками. Улыбнулась охраннику, который лениво скользнул взглядом по моему браслету, взяла полотенце. И медленно, практически припав к земле, как кот на охоте, стала приближаться к своей жертве. Какой шезлонг выбрать? Совсем рядом или чуть подальше, чтоб можно было беспрепятственно наблюдать? Но тогда, если она будет разговаривать по телефону, я ничего не услышу. Значит, рядом. Благо, места справа и слева от девушки Аркадия не заняты.

Подкравшись к свободному шезлонгу, я, как бы невзначай, сдвинула его немного назад, чтобы создать более удобную наблюдательную позицию, расстелила полотенце и упала лицом вниз, активно сожалея, что не догадалась захватить шляпу. Под ней так удобно прятать лицо! Хорошо хоть, темные очки при мне. Пока что я не могу решиться посмотреть на эту безупречную красавицу с близкого расстояния. Мне кажется, она сразу меня вычислит, догадается, что я та самая особа, что связалась с ее женихом или даже мужем.

Минуты шли, солнце палило, меня бросало в жар — не только из-за раскаленного солнца. Моя соседка по пляжу лежала лицом вниз и практически не шевелилась. Уснула она там, под своей шляпой, что ли? Я уже перевернулась и даже села, подняв спинку шезлонга. С близкого расстояния девушка выглядела не менее безупречно, чем в бинобль. Гладкая кожа, модный купальник, стильный маникюр и педикюр... Я отчаянно пыталась разглядеть, есть ли на безымянном пальце ее правой руки кольцо, но, как назло, как раз это на это место упала прядь ее блестящих черных волос.

Вот она сдвинулась с места, повернула голову в мою сторону, снова накрыла лицо шляпой... Прядь волос соскользнула с ее руки, и я увидела на безымянном пальце сияющий камень, прикрепленный к золотому ободку. Кольцо. Вроде, не обручальное. Помолвочное? Похоже. Значит, она его невеста. Мне стало так жарко, что я, забыв о намерении не покидать свой пост, вскочила и бросилась к морю. Охладиться жизненно необходимо, иначе в ближайшие несколько секунд от меня останется лишь горстка пепла или лужица. Я сторю от злости или растаю от боли!

Я нырнула в прохладную бирюзовую воду, опустилась на дно, треснула кулаком по камню... ну и кому от этого стало хуже? Камень не пострадал, а ребро ладони болит. Доплыв до буйков, я повернулась лицом к пляжу. Девушка Аркадия, вернее, его невеста с кольцом на пальце, сидела в шезлонге и смотрела на меня. Ну, может не на меня, а на море.

Нет, наверное, все же, на меня. Я снова нырнула. Под водой она меня точно не увидит.

На ее глазах были большие темные очки, часть лица закрывала шляпа, поэтому я не могу с полной уверенностью сказать, что она разглядывала меня, пока я шла от воды к шезлонгу. Но у меня было четкое ощущение сверлящего взгляда. Ну и почему она на меня так пристально уставилась? Узнать она меня никак не может. Никак. Она понятия не имеет о моем существовании!

— Как вода? — спросила невеста Аркадия нежным хрустальным голоском, когда я, наконец, добралась до пункта назначения.

— Восхитительная, — ответила я с таким же медовой интонацией.

Сама не знаю, как это получилось. Обычно я так не разговариваю.

— Холодная? — она зябко повела плечом.

О, да она мерзлячка! Трепетное изнеженное создание... Не знаю, как можно назвать холодной воду, прогрешуюся как минимум до 26 градусов.

— Совсем нет.

— Вчера вечером я замерзла...

Я удержалась от того, чтобы громко фыркнуть.

— Сейчас вы вряд ли замерзнете. На таком ярком солнце.

Она встала и, надев шлепки, нерешительно направилась к морю. Интересно, если я подложу под ее полотенце горошину, она почувствует? Должна, ведь она настоящая принцесса!

У воды принцесса скинула шлепки, сняла с руки резинку и, собрав волосы наверх, соорудила что-то вроде пучка балерины. То есть она будет плавать по-собачьи, держа голову над поверхностью? Ни разу не нырнет, не освежится в прозрачной прохладной воде? Люди, которые так себя ведут, всегда вызывали у меня недоумение. Как можно купаться в море, оставляя голову снаружи? Это все равно, что есть ароматную дыню, зажав нос прищепкой. Никакого удовольствия! Она даже темные очки не сняла, ладно хоть шляпу оставила на берегу.

Принцессы не плавают, плавают русалки. Я убедилась в этом воочию. Невеста Аркадия минут десять осторожно входила в воду, войдя по грудь, присела несколько раз и... вышла. Тоже мне, искупалась! Срамота, да и только. Так как видеть и слышать меня она не могла, я громко фыркнула. Но к ее приходу я соорудила на лице вполне дружелюбную улыбку. Благо мои лживые глаза были закрыты очками.

— И правда, приятная водичка! — прокомментировала принцесса.

Водичка! Так, спокойно. Фыркать нельзя. Мы не в конюшне, мы на элитном пляже элитного отеля. Общаемся с особой голубых кровей! Я расплылась в улыбке. Молча. Что сказать, я так и не придумала.

Принцесса снова подставила свои великолепные тела солнцу, я тоже лежала поджаривалась, вертясь, как уж на сковородке. Это было невыносимо. Не люблю загорать! Да и что я, вообще, тут ловлю? Разглядеть я ее разглядела: она в сто раз красивее меня. Кольцо на пальце тоже увидела. Что еще мне нужно? Пора отсюда сваливать. Другой вопрос: зачем я вообще сюда приходила? С этим разберусь позже, в спокойной обстановке. Сама себе прочитаю лекцию о недопустимом поведении. Выслеживать его невесту! Пристроиться рядом и высматривать кольцо! Как я вообще до этого докатилась?

Только я опустила ноги с шезлонга и нащупала ими свои босоножки, как лежащая рядом принцесса молвила:

— Извините, а вы не знаете, случайно, есть тут поблизости какое-нибудь приличное заведение с хорошими коктейлями?

— Ну, в лобби «Ривьеры» очень хорошие коктейли подают, насколько я знаю.

— Да, неплохие. Но хотелось бы отдохнуть с видом на море.

— Кажется, я могу вам помочь. В паре сотен метров отсюда есть бар «Барракуда». С прекрасным видом и обширной коктейльной картой.

Надо же, я говорю как ходячий рекламный проспект! Серж, бармен и, по совместительству, совладелец «Барракуды» был бы мной доволен.

— Большое спасибо! — сладко пропела принцесса и тоже начала собираться.

Похоже, она торопится промочить горло. Возможно, чтобы взбодриться перед встречей с Аркадием.

Я как раз закончила застегивать босоножки. Мы поднялись с шезлонгов одновременно, синхронно последовали к выходу с пляжа и вместе вышли на набережную. И все это молча. А о чем говорить с незнакомым человеком, который, к тому же, — невеста твоего бывшего временного любовника?

Она все же нашла, что мне сказать, и это было совершенно неожиданно.

— А вы не хотите выпить чего-нибудь прохладительного?

— Я... э-э... — я растерялась и не сразу сообразила, что ответить.

— О, извините, у вас, наверное, другие планы. Просто я тут почти никого не знаю... Не очень люблю ходить по барам одна.

— Да нет, я с удовольствием!

С преогромным, ага.

— Я очень рада. Кстати, меня зовут Лидия.

— А я... Ника.

Почему я назвала именно это имя? Потому что оно первым пришло мне в голову! Свое настоящее, конечно, говорить не стоило. Вдруг когда-нибудь, через пару лет, они с Аркадием будут предаваться воспоминаниям. «А помнишь, мы с тобой поссорились как раз накануне свадьбы. Ты тогда уехал на море, а я приехала следом», — произнесет она с легким упреком. «Какой я был дурак!» — воскликнет Аркадий. Она улыбнется, показывая, что давно его простила и скажет: «Я тогда познакомилась с одной странной девушкой с необычным именем Руслана». Аркадий в этот момент поперхнется и опрокинет на себя коктейль. И вспомнит меня — свою порочную случайную связь. А я не хочу, чтобы меня вспоминали в таком контексте!

Так, о чем это я? Аркадий и коктейль. Аркадия тут нет, а коктейли очень скоро будут. Мы с Лидией пошли, практически рука об руку, вдоль по набережной. Вот был бы номер, если бы мы сейчас встретили Аркадия! Интересно, как бы он себя повел? Удивился бы и встал столбом? Испугался и убежал? Сделал вид, что не знает меня?

Похоже, мне не суждено это узнать — мы добрались до «Барракуды» так и не встретив моего бывшего временного любовника и, по совместительству, жениха моей спутницы. Только оказавшись у дверей бара, я поняла, что мое знакомство с Сержем может стать проблемой. Во-первых, он может назвать меня по имени. Во-вторых, Лидия думает, что я приезжая, ведь местные не загорают на пляже «Ривьеры». А раз так — у меня не может быть друзей в баре. Хотя... вдруг он не друг, а просто случайный знакомый? В общем, главное, чтобы он ляпнул чего лишнего. А лучше бы, конечно, его вообще не было на месте.

Я пропустила Лидию вперед, надеясь хотя бы на пару секунд спрятаться за ее спиной и

осмотреться. Так, Сержа пока не видно. Отлично. Идем на террасу, в самый дальний угол. По счастью, как раз отсюда открывается лучший вид на море. Мы уселись, причем я выбрала место у стены, с которого было видно не столько море, сколько зал, посетителей и, конечно, бармена Сержа. Да. Я его уже увидела. Стоит за стойкой, полирует полотенцем стакан и задумчиво смотрит в пространство.

После того как мы сделали заказ официанту, к счастью, незнакомому, я произнесла:

— Пойду попудрю носик.

И удалилась с террасы. Я сразу же подскочила к Сержу и, забыв поздороваться, выпалила:

— Сделай вид, что ты меня не знаешь. А, главное, — не называй по имени.

Он поднял свои томные серые глаза и меланхолично произнес:

— Я тебя не знаю.

Даже не удивился!

— Я тут инкогнито, — объяснила я.

— Окей, — произнес Серж и посмотрел на стакан в своих руках.

Проблема была решена, я, для вида, посетила дамскую комнату и вернулась к невесте Аркадия с редким именем Лидия. На нашем столике уже стояли два коктейля и тарелка фруктов. Лидия задумчиво теребила соломинку. На столе лежал ее телефон. Как бы мне хотелось заглянуть в него, прочитать ее переписку с Аркадием! Может, она куда-нибудь ненадолго отлучится, а его забудет?

— Вид тут, и правда, восхитительный, — произнесла тем временем девушка. — Спасибо вам, я бы сама ни за что не нашла это место.

— Не стоит благодарности, — отозвалась я. — Мне его тоже показали.

— А вы давно здесь отдыхаете? — поинтересовалась она. И, окинув меня быстрым взглядом, продолжила. — Судя по загару, не одну неделю.

— Ну, не так уж и долго, — уклончиво ответила я. — А вы?

— Я приехала пару дней назад.

— Вы одна? — выпалила я.

Осторожно! Я ступаю на тонкий лед. Как бы не сболтнуть и не спросить чего лишнего. Она — моя случайная соседка по пляжу и отелю, мы просто болтаем. Я не испытываю нездорового интереса к ее личной жизни. Надо помнить об этом, и тогда разговор войдет в нужное русло.

— О, нет! — улыбнулась Лидия. — Со своим женихом.

Хоть это и не было для меня новостью, я все же чуть не поперхнулась своим коктейлем. Я догадывалась, была почти уверена, а вот теперь знаю совершенно точно. Не на 99,9 процента, а на все 100.

— Как же жених отпустил вас на пляж одну? Не боится, что уведут? — выговорила я пошлейшую фразу.

Лидия расплылась в сладкой улыбке.

— Боится, конечно! Но, знаете, — она заговорщицки наклонилась ко мне, — Иногда полезно заставить мужчину ревновать.

— Это да. Очень полезно, — я тоже смогла улыбнуться.

Надеюсь, моя улыбка была не очень похожа на улыбку гиены. Значит, он ревнует. А она считает это полезным. Ну-ну. А я тут каким боком? Зачем я тут сижу и это слушаю? Мне захотелось немедленно встать и удалиться из «Барракуды», предварительно опрокинув

стакан с коктейлем на чью-нибудь голову. Нет, не на голову Лидии, конечно. Для этого маневра идеально бы подошла голова Аркадия. Очень жаль, что его здесь нет.

У меня и в мыслях не было продолжать расспросы о ее, то есть их, личной жизни. Она сама начала рассказывать, честное слово!

— Мой жених, — она выговорила эти два слова чуть ли не с придыханием, так, что мне стало совсем тошно. — Он все время меня ревнует. Это так мило...

— Э-э... да, — промычала я.

Я бы проглотила это молча, но она смотрела на меня, явно ожидая реакции.

— Но иногда это перестает быть забавным. И создает проблемы, — продолжала она.

— Да?

Я по-прежнему выдавала ожидаемую реакцию.

— Недавно он ужасно разозлился на меня. А ведь это был просто невинный флирт, я бы ни за что на свете не стала ему изменять!

О, злой Аркадий. Вижу это как наяву.

— В общем, мы поссорились, он уехал на море. Но теперь, к счастью, все в порядке. — Она вздохнула со счастливым облегчением. — Все недоразумения позади!

— Вы помирились?

— Да! Я так рада.

В этот момент подошел официант и она заказала нам еще по коктейлю. Видимо, на радостях. Мне очень хотелось встать и уйти, и я уже почти сделала это, собираясь пробурчать невнятное извинение, что-то вроде: «К сожалению, мне пора, пока я не поведала вам душераздирающую историю о том, как ваш жених сильно переживал. Просто места себе не находил от огорчения, так что пришлось даже искать утешения у одной местной русалки...» Нет, конечно, ничего подобного я говорить не собиралась. Я не любительница скандалов и свар. А еще я очень не люблю, когда меня используют. Даже для утешения. Даже по взаимной договоренности.

Моему уходу помешал Ерш. Он вошел в бар внезапно и вероломно, как налоговая инспекция, и сразу же увидел меня. Я застыла с открытым ртом. Что делать? Сейчас он подойдет, хлопнет меня по плечу, ляпнет что-нибудь вроде: «Привет, Русалка! Чего-то тебя давно не видно. Смотри, как бы жабры не высохли! Кстати, как дела у деда?». И сразу станет понятно, что я ввела свою новую знакомую в заблуждение. А мне бы этого очень не хотелось.

Лидия сидела рядом, но смотрела не на меня, а на море, что вполне логично. Поэтому я попыталась наладить невербальный контакт с Ершом, то есть донести до него при помощи знаков, чтобы он ко мне не подходил. Я вытаращила глаза, провела ладонью по шее, изобразила ладонями крест и показала пальцем в сторону барной стойки. Я имела в виду «сюда не ходи, туда ходи!», но как это будет интерпретировать Ерш, неизвестно. Мой друг оказался сообразительным. Потаращившись несколько секунд на мои конвульсии, он сделала пару шагов в указанном направлении. Я кивнула. Он, уже более решительно, продолжил путь.

Усевшись на высокий табурет, он продолжал тарашиться на меня. Я надеялась, что, когда он займет указанную позицию, с ним пообщается Серж, объяснит мою необычную ситуацию. Но меланхоличному бармену не было никакого дела до моих проблем. Насколько я могла судить, он коротко поздоровался с новым посетителем, но в разговор с ним не вступил, продолжая полировать посуду. Да проснись ты уже! Скажи Ершу, что я тут

инкогнито! Но Серж, естественно, не внял моему телепатическому сигналу.

Раздумывая, что делать дальше, я едва не упустила момент, когда телефон Лидии пискнул. Она резко схватила гаджет, я не успела не только прочитать сообщение, но даже увидеть, от кого оно.

— Ой, мне пора! — засуетилась невеста Аркадия.

— Жених пишет? — поинтересовалась я.

— Не совсем... Но, я уверена, ему тоже не терпится меня увидеть. А вы в каком номере живете?

Что? О чем это она? А! Она же думает, что обитаю в «Ривьере». Как бы не ляпнуть чего. Вдруг я назову номер, а потом выяснится, что в нем живет она. С моей везучестью такое вполне возможно.

— Ой, я все время забываю цифры. Но как найти номер, помню, да и на карте гостя написано.

Лидия вежливо улыбнулась.

— Я сама не очень дружу с цифрами. В любом случае, мы можем вместе дойти до отеля.

Да? Можем? Я бы этого не хотела.

— Я, пожалуй, еще посижу здесь... — начала я.

Но тут Ерш, которому, видимо, надоело торчать у стойки, спрыгнул с табурета и двинулся в нашу сторону. Я резко вскочила и посеменила к двери, стараясь оказаться между Ершом и невестой Аркадия. Как только мне это удалось, я пристально уставилась на своего друга, сигнализируя глазами о чрезвычайной ситуации, и приложила палец к губам. А потом отвернулась, всем своим видом показывая: «Мы не знакомы».

До Ерша, наконец, дошло, чего я от него хочу. Краем глаза я видела, как он тоже отвернулся и с независимым видом проследовал куда-то в недра заведения. Уф! Пронесло. Теперь осталось незаметно испариться до того, как мы окажемся в «Ривьере».

Дальше события развивались непредсказуемо, стремительно и ошеломляюще. Едва мы вышли из «Барракуды» и взяли курс на «Ривьеру», я услышала позади знакомый голос:

— Руслана!

Аркадий? Неужели Аркадий? Нет, это абсолютно невозможно!

Я остановилась и медленно обернулась. Это был он. Высокий, широкоплечий, со взъерошенными волосами и... без улыбки. Хмурый, даже, кажется, злой.

На несколько мгновений я забыла, что прогуливаюсь по улице не одна, а практически под ручку с его невестой. А когда вспомнила, мне очень захотелось распастыся на атомы и собраться заново в каком-нибудь другом месте. Что сейчас будет? Отвратительная сцена? И, кстати, почему он окликнул меня, а не Лидию?

Я посмотрела на девушку Аркадия. Она, по своему обыкновению, источала мед и сироп. Как будто все в порядке вещей, как будто ее совсем не удивляет то, что ее жених зовет меня по имени... А, она же не знает, что меня зовут Руслана! Я представилась Никой. Может, она вообще не слышала его оклика или не поняла, к кому он относится. Ну, долго она в неведении не останется. Аркадий приближается со скоростью двести метров в секунду, и уже очень скоро все точки на «и» будут расставлены.

И, похоже, в намечающемся скандале участников будет больше, чем трое. Во-первых, из «Барракуды» выплыл Ерш. Он не пялился на нас открыто, делал вид, что увлечен своим телефоном. Но, естественно, ушки у него были на макушке. Во-вторых, со стороны

«Ривьеры» оказался человек, которого мне уже приходилось встречать ранее, в аэропорту, вместе с Аркадием. Его отец. Надо, же, как все совпало!

Аркадий тем временем подошел к нам вплотную, и, глядя исключительно на меня, задал весьма неожиданный вопрос:

— Что ты тут делаешь?

— Гуляю, — ответила я.

А что еще я могла сказать? «Выслеживаю твою невесту?»

— Арк, — произнесла тем временем Лидия, и мягко положила ладонь на его локоть.

Он, кажется, этого не заметил.

— Я давно хотел тебе все объяснить, — продолжал тем временем Аркадий.

— По-моему, ты все перепутал. Объяснять надо не мне, а ей, — я кивнула в сторону Лидии. — Мне все абсолютно ясно.

— Ничего тебе не ясно! — прямо-таки взвился Аркадий и схватил меня за руку. — Пойдем!

Он ринулся в ту сторону, откуда пришел. Я, как шарик на веревочке, болталась позади него.

— Да куда ты меня тащишь! — наконец оправилась от удивления я и попыталась вырвать ладонь из его цепкой клешни.

Он обратил на мои слова не больше внимания, чем на писк комара и продолжил свой маршрут. Но, кажется, ему все же придется остановиться. Потому что на его пути появился Ерш.

— Притормози-ка, уважаемый, — произнес он.

— Уйди, — буркнул Аркадий и попытался обойти Ерша.

Тот успел поставить подножку, и мой бывший временный любовник чуть не пропахал носом асфальт. В попытках удержать равновесие ему пришлось бросить мою ладонь. Но я не воспользовалась внезапно обрушившейся на меня свободой и не сбежала.

Аркадий вперился в Ерша свирепым взглядом.

— По-моему, она не хочет с тобой идти, — спокойно и вполне вежливо произнес Ерш.

Аркадий посмотрел на меня.

— Не хочешь?

— Да что тут происходит? — наконец задала я давно мучивший меня вопрос.

Тут, очень кстати, подросла невеста Аркадия и его отец. Вот сейчас мы, видимо, во всем разберемся.

— Кажется, пора тебе все рассказать, — сказал Аркадий, глядя мне в глаза и не глядя на остальных участников нашего милого междусобойчика.

— Я слушаю, — выдавила я.

— Я бы предпочел общение без свидетелей.

— Согласна.

— Пошли, — он снова схватил меня за руку, в этот раз я не сопротивлялась.

— Аркадий, — раздался внушительный бас человека, не просто привыкшего командовать, а уверенного в подчинении.

Я остановилась, Аркадий обернулся, но продолжил тащить меня вперед.

— Ты ведешь себя некрасиво, — выдал отец Аркадия. — Здесь твоя девушка...

— Ты вообще способен меня услышать? — он все же притормозил. — Она не моя девушка.

В этот момент Аркадий, впервые за все время, посмотрел на Лидию.

— Слушай, брось уже эти свои фокусы. Надоело.

Эти слова были адресованы ей.

— Арк, — пропела она своим медовым голоском. — Ты меня не так понял... У нас все будет хорошо.

Аркадий не удостоил ее ответом. Мы с ним понеслись вперед.

— Нам надо поговорить, — полетел нам в спину внушительный бас.

— Я все сказал, — буркнул Аркадий.

Не знаю, услышал ли его кто-нибудь кроме меня.

Аркадий затолкал меня в такси, стоявшее на перекрестке, буркнул водителю: «Березовый переулок, 3» и, при этом так и не выпустил мою ладонь. Значит, мы едем в тот загадочный дом, где он обитает и где я потеряла полплатья, но, к счастью, сохранила то, что находилось под ним. Он молчал, я тоже. Видимо, водитель считался свидетелем и при нем мой бывший временный любовник не мог начать изливать душу.

Ехать было недалеко, минут через семь такси притормозило, мы выбрались и остановились у калитки. Вернее, остановилась я, Аркадий повернул щеколду и вошел. Я же проявляла нерешительность по вполне понятной причине — я знала, что где-то поблизости бродит собака, которая, хоть и не совсем здорова, но весьма зубаста и настроена по отношению к нарушителям границ крайне негативно.

— Входи, — Аркадий распахнула калитку пошире, как будто моя робость была вызвана тем, что я боялась не поместиться в проход.

— Хорошо, — произнесла я и осторожно ступила на опасную территорию.

— Джульбарс на цепи, — бросил Аркадий.

Он по-прежнему был мрачным, за все это время на его лице не промелькнуло даже подобия улыбки. Неужели ему надоело демонстрировать свои великолепные резцы и не менее великолепные клыки?

— Кто? — спросила я, хотя догадаться, что Джульбарс — кличка той самой псины было совсем не сложно. Но Аркадий-то не знает, что я тут уже бывала. Тогда почему он упомянул Джульбарса?

— Пес на самом деле соседский, но, заодно охраняет, и мой участок. Пролезает через дырку в заборе.

— Что?

Я все еще прикидывалась дурочкой. Просто не успела сообразить, как я должна реагировать, если впервые слышу о собаке.

— Вообще он добрый...

— Это хорошо.

— Надеюсь, в прошлый раз пострадало только платье.

Он произнес это так буднично! Неужели он знает? Видел меня тогда? Почему же не показался, не отозвал собаку?

— Какое платье? — промямлила я.

— Красивое. Уверен, оно тебе очень шло. Жаль, Джульбарс не оценил. Надеюсь, ты тогда не замерзла?

Я опустила глаза и, кажется, залилась краской по самые брови.

— Ты меня видел? — выдавила я через силу.

— К сожалению, нет. Когда я вышел, ты уже упорхнула. Оставив туфли и здоровенный кусок платья. Почти как Золушка...

— Я Русалка.

— Да. Единственная и неповторимая. Самая сумасшедшая из всех русалок.

Наконец-то он улыбнулся! Но улыбку быстро смела хмурая туча, снова набежавшая на его чело.

— Пойдем в дом, — сказал Аркадий.

— А как ты догадался... — начала я.

— Узнал туфли.

— Так это ты их принес!

Он кивнул. Так вот, оказывается, как все было... А я благодарила Ерша!

Мы вошли в дом, пересекли комнату, в которой часть старого деревянного пола была заменена новыми досками, а часть отсутствовала, и вышли на террасу.

Аркадий остановился, повернулся ко мне и произнес:

— Те дни, что я провел с тобой, были самыми счастливыми в моей жизни. Несмотря на... все.

— Я... мне... тоже, — не очень понятно высказалась я.

— Но мы не можем быть вместе. Это абсолютно исключено.

Он говорил с видимым усилием, преодолевая внутреннее сопротивление, как будто карабкался на отвесную скалу с тяжелым рюкзаком.

— Ну ладно, — в моем голосе откуда-то взялись беззаботные нотки. — Нет так нет. Я, вроде, тебя не принуждаю.

— Я не могу допустить, чтобы ты... Мы должны расстаться. Навсегда.

— Мы уже один раз расстались, помнишь? Очень даже навсегда.

— Да, — он стоял передо мной, стиснув зубы, как будто изнутри его разрывала невыносимая боль.

Я молчала. Надо было тащить меня за тридевять земель, чтобы сказать это! Или, может, это месть? В прошлый раз я его бросила, теперь — он меня.

— Я сяду в тюрьму, — сказал Аркадий.

— Что?

Прозвучавшие слова были такими странными и неуместными... я была не готова услышать подобное! Меня как будто огрели кувалдой по голове.

— За что? — пролепетала я.

— За убийство.

В этот момент из-за угла дома появился отец Аркадия. Откуда он тут взялся? Бежал за такси? Ну нет, такой солидный мужчина не будет так себя вести. Более логично предположить, что он доехал.

— Пока еще никто не умер, — произнес он.

Уф! Оказывается, все не так плохо.

— А если ты прямо сейчас сядешь на самолет и улетишь в Таиланд...

— Я никуда не улечу, — сказал Аркадий.

Было очевидно, что этот вопрос обсуждался им и родителем неоднократно, и копий было сломано немало.

— Познакомишь нас? — он явно намекал на меня.

— Это Русалка, — буркнул Аркадий.

И замолчал.

— Русалка? Я даже не удивлен. Здесь всегда водилась всякая... удивительная нечисть.

Сам он нечисть!

— Я Руслана, — решила внести ясность я.

— А я Петр Аркадьевич.

Так вот у Аркадия такое редкое имя! Его называли в честь деда.

— Дай нам спокойно поговорить, — резко сказал Аркадий, глядя отцу в глаза.

— То есть я должен уйти?

— Не понимаю, зачем ты вообще пришел.

— Лидия меня убедила...

— У тебя глаза есть? И уши? — неожиданно взорвался Аркадий. — Ты же прекрасно разбираешься в людях... Я не знаю, что там происходит в ее пустой голове, но она не моя девушка и никогда ею не была!

— Да, — спокойно сказал Петр Аркадьевич. — Я разбираюсь в людях. Но ради того, чтобы заставить тебя уехать я готов очень на многое.

— Уж она точно тебе в этом не поможет.

— А Руслана?

Он перевел взгляд на меня.

— Оставь ее в покое! — заорал Аркадий.

Это было даже страшно... Если бы он на меня так орал, я бы сначала испугалась, а потом сильно разозлилась. Но родитель Аркадия даже ухом не повел. Он величественно развернулся и не спеша удалился туда, откуда пришел — за угол дома.

Мы с Аркадием посмотрели друг на друга. Он был какой-то осунувшийся, как будто за эти десять минут прошло десять лет, в течение которых он отнюдь не наслаждался жизнью...

— Ты веришь, что я могу убить человека? — спросил он.

— Нет, — твердо ответила я.

— И я не верю. Но, оказывается, могу...

— Так, вроде, еще никто не умер.

Аркадий бросил на меня взгляд исподлобья и тяжело опустился на старинное кресло, стоявшее в углу террасы.

— Последние пару лет я не был пай-мальчиком, — начал он.

Я села на стул напротив него.

— По утрам просыпался с похмельем, думал: надо все изменить, начать что-то новое... правильное. Но к вечеру снова оказывался в клубе. Ну и начиналась вся эта свистопляска: друзья, напитки... вещества.

Он посмотрел на меня, как нашкодивший первоклассник на свою первую учительницу: понятно, что поругает, но выгонит ли из класса?

Я кивнула и пожала плечами.

— Ничего особенно. Нормальная мажорская молодость...

Аркадий хмыкнул.

— Да, все традиционно. И то, что случилось месяц назад — тоже вполне закономерно.

Он помолчал и продолжил:

— Обычный вечер, клуб, друзья, выпивка. Потом провал. Помню только, что сцепился с одним парнишкой. Из-за чего — не помню. Очнулся утром в ментовке. Мне потом рассказали, что в переулке возле клуба была драка. Того парнишку кто-то пырнул ножом. На ноже — мои отпечатки.

— Он жив? — спросила я.

— Пока да. В коме. Состояние очень тяжелое.

— Понятно.

— Вся надежда была на операцию, она могла помочь... Помнишь, тот день в «Террасе»? Я тогда ждал известий.

«Вопрос жизни и смерти», — вспомнила я. Речь, действительно, шла о жизни. Или о смерти. А я думала только о своем развратном платье...

— Ему стало хуже, операцию отложили. Возможно, ее вообще нельзя будет сделать.

— Может, все-таки получится? — с надеждой предположила я. — И все будет хорошо.

Вздых Аркадия был долгим, тягостным и безнадежным. Но он все же улыбнулся. Не так как раньше — легко и радостно, а как будто через силу.

— Мне очень нужна была эта передышка, — выговорил он. — Но теперь я пойду и отвечу за все, что натворил.

— Тебе не место в тюрьме!

— Помнишь, как ты говорила: наломал дров — подставляй шею. Я не хочу прятаться, как крыса в подвале.

— Так ты в бегах?

— Не совсем. Как ты, наверное, догадалась, мой отец влиятельный человек. Он смог добиться, чтобы меня отпустили до суда. Я пока что прохожу как свидетель... По его плану я должен был уехать в Тай и затеряться там на пару лет.

— Но ты поехал сюда.

— Мои бабушка с дедушкой жили здесь, я часто приезжал на каникулы. Этот городок всегда казался мне настоящим раем. И он меня не подвел. Я встретил тебя. Хотя... лучше бы не встречал.

В этом месте мне нужно было бы обидеться, но я поняла, что он имел в виду.

— Я хотел просто отвлечься. Это жуткое напряжение, оно съедало меня.

— Короткий, беззаботный, ни к чему не обязывающий курортный роман, — произнесла я. — Прекрасное лекарство от депрессии.

— Я так думал. Но ты оказалась... Русалкой. Единственной и неповторимой.

— И какие у тебя планы?

— Скоро суд. Я не поеду в Тайланд, я вернусь в Москву. А ты останешься в этом раю.

— В последнее время мой любимый город все меньше напоминает рай, — произнесла я. — Совсем недавно мне хотелось сесть на самолет и улететь, куда глаза глядят.

— Почему?

Я пожала плечами.

— Может, пришло время перемен.

— Из-за меня?

— Из-за всего.

— Ну, тебе ничего не мешает взять билет и улететь в любую точку мира. Ты свободна, как ветер.

— И ты пока свободен. И можешь остаться свободным. Если улетишь.

Аркадий упрямо покачал головой.

— Мы могли бы улететь вместе.

Я, правда, это сказала?

Аркадий вскинул голову, в его глазах промелькнула и тут же исчезла легкая тень надежды.

— Не искушай меня, — выговорил он. — Ты же понимаешь, как трудно мне отказаться от такого предложения.

— Так не отказывайся.

— Я много лет плыл по течению, и течение несло меня куда-то не туда. Я давно

чувствую себя бесполезным никчемным существом...

— Ты хочешь себя наказать?

— Я заслужил наказание.

— Я не верю, что ты хотел его убить. В тебе нет агрессии. Ты не злой.

— На ноже мои отпечатки.

— Может, ты защищался. Неужели никто ничего не видел? Что говорят твои друзья? Ты же, вроде бы, был с друзьями.

— Друзья рассосались. Говорят, еще до того, как все началось. Хочется верить...

Мне так хотелось подойти к нему, обнять, прижать к себе и долго гладить по голове. Может, тогда из его глаз исчезла бы эта боль и безысходность. Аркадий не должен сидеть в тюрьме! Он не преступник и уж точно не убийца.

— Может, тебя оправдают?

— Не может.

— Почему ты в этом так уверен?

— Если бы дело расследовал Шерлок Холмс... — Аркадий улыбнулся. Как приятно видеть его улыбку! — Но это мне, к сожалению, не светит.

— Но, возможно, судья поймет...

— На судью давят родственники того парнишки. А средств давления у них достаточно, они важные шишки. Даже мой отец не может им противостоять, хотя пытается.

— Так это будет не суд, а настоящая казнь! — я задохнулась от возмущения. — Ты просто обязан улететь в Тай!

— Я не могу, — тихо, но твердо произнес Аркадий. — Просто не могу. Если он умрет... Или останется в таком состоянии... У меня кровь на руках!

Через секунду я сидела на коленях у Аркадия и обнимала его за шею. Он крепко прижимал меня к себе, так крепко, как будто хотел оставить мой отпечаток на своем теле.

— Когда суд? — спросила я через некоторое время.

— Скоро.

— А точнее?

— Через неделю, — неохотно выговорил Аркадий.

— Я поеду с тобой.

— Нет.

— Да!

Аркадий отстранился, обхватил мое лицо ладонями и веско произнес:

— Я буду последним мерзавцем, если втяну тебя во все это. Не делай меня мерзавцем, ладно?

Я опустила глаза. Ладно. Сейчас я не буду возражать. К чему эти споры? Но я точно знаю, что сделаю через неделю.

Мы сидели, обнявшись, целую вечность... нет, к сожалению, не так долго. Как бы я хотела навсегда остаться здесь, в этом старом доме, в продавленном кресле, на коленях у Аркадия! Вечно чувствовать щекой биение его сердца, ощущать его теплое дыхание на своем затылке, знать, что он всегда будет со мной. Но у него другие планы.

Он попал в жуткую ситуацию. Может, он и виноват в том, что вел беспутный образ жизни, но он точно не хотел никого убивать! Я знаю это, чувствую всеми фибрами души. Почему же он так стремится понести наказание? Его гнетет неподъемное чувство вины. Как все сложно и как страшно! И как у него получалось шесть дней беззаботно улыбаться, когда

на его плечах лежала такая тяжесть?

Кажется, последний вопрос я задала вслух, потому что Аркадий ответил:

— Глядя на солнце, невозможно не щуриться. А глядя на тебя — не улыбаться.

— Да ты поэт! — воскликнула я.

— Только ты могла растопить эту глыбу льда на моем сердце, — продолжал Аркадий. — И да, я поэт.

— Надеюсь, ты не собираешься меня прогнать, — высказала я давно мучившую меня мысль.

— Ни за что! Я собираюсь затребовать у тебя долг.

— Долг?

О чем это он?

— Ты вероломно меня кинула. Бросила досрочно. Помнишь, мы договаривались на неделю? Так что ты должна мне еще один день!

Всего один? Ладно, пусть пока будет один. А там разберемся.

— Еще один день нашего феерического курортного романа.

— Я подумаю, — произнесла я холодно и равнодушно.

Я даже слегка отодвинулась от Аркадия, чтобы в полной мере продемонстрировать несуществующие сомнения.

— Подумай, подумай, — произнес мой коварный любовник и подул мне на шею. А потом провел по ней губами...

— Это нечестный прием! — возмущенно пропищала я.

И замолчала на долгие пять минут, пока длился наш трепетный и страстный поцелуй.

— Ну, как насчет долга? — спросил Аркадий, оторвавшись от моих губ.

— Долги надо отдавать, — глубокомысленно заметила я.

— Только у меня есть одно условие.

— Еще и условие!

— Мы не будем говорить о том, что меня ждет. Более того, мы и думать об этом не будем. Сможешь?

— Смогу, — кивнула я. — Хорошее условие, просто отличное. Все будет, как и планировалось, легко и беззаботно. Только, прежде чем мы продолжим с того места, на котором остановились, у меня есть вопрос.

— Валяй.

— Лидия.

— О! — воскликнул Аркадий.

— Да, — сказала я. — Я хочу знать.

— Мы как-то отдыхали вместе...

Я укусила его за плечо. Сильно. Сама не знаю, что на меня нашло.

— Эй! — воскликнул Аркадий.

— «Отдыхали» — это то, что я думаю?

— Ну... э-э...

Я еще раз цапнула его, в этот раз за шею.

— Потом она почему-то решила, что мы вместе.

— Почему-то?

— Я никаких поводов так думать не давал...

— То есть то, что вы «отдыхали», не считается?

— Ну... я же ее не принуждал.

— Мужская логика! — фыркнула я. — Против женской.

— А у тебя какая логика? — поинтересовался Аркадий.

— Своя собственная. Русалочья. Не мужская и не женская.

— Я так и думал! — он помолчал. — В общем, она стала считать себя моей девушкой.

Объяснения не помогли. У нее в голове вообще какая-то каша, думает, что я ее ревную...

О, это мне известно.

— А как вы оказались вместе? — Он все-таки задал вопрос, который мне совсем не хотелось слышать. — Это она тебя нашла?

— Ну... не совсем.

— Думаю, она нашла твои фотки в моем телефоне, — рассуждал Аркадий. — Когда она приходила, я отлучился на несколько минут, а вернувшись, увидел, как она в нем роется.

— У тебя есть мои фотки? — изумилась я. — Мы же, кажется, договаривались...

— Я не удержался. Сфоткал тебя во сне. И еще пару раз, когда ты не видела.

— Ах ты...

— Зараза?

— Да!

Так вот почему Лидия сама заговорила со мной! Получается, не только я выслеживала ее, но и она меня. Очень забавная ситуация, я бы посмеялась, вот только почему-то не до смеха.

— Как вы вообще встретились? — не унимался Аркадий.

— А вот этого я тебе не скажу! Пусть это останется моей маленькой тайной.

— Не скажешь? — Аркадий нежно прикоснулся к моему плечу. — Даже под пытками?

— Ну... можешь попробовать.

Пытки были продолжительными и изощренными, временами я почти теряла сознание и была готова признаться в чем угодно. Даже в убийстве президента Кеннеди. К счастью, Аркадий вопросов не задавал.

Все началось в кресле, но постепенно мы сползли на пол, потом оказались на столе, чуть позже — на подоконнике, который был узким и неудобным, так что мы чуть не выпали в распахнутое окно... благо, до земли было недалеко. Думаю, даже падение не заставило бы нас прекратить делать то, что мы делали.

В итоге мы все-таки оказались в кровати. Она стояла у окна, выходящего в сад, где колосились заросли инжира и буйствовал беспорядочно вьющийся виноград. Огромные, фигурно вырезанные листья инжира, окрашенные закатом в малиновый цвет — последнее, на что я смотрела, перед тем как сладко уснуть в объятиях Аркадия. У меня получилось на время отложить все тревожные мысли. Надеюсь, у него тоже. В полумраке я не видела его лица, но чувствовал, что он улыбается...

— А это что за шрам? — спросила я утром, после того, как уничтожила завтрак, принесенный моим романтичным любовником прямо в постель.

Мы валялись среди скомканных простыней и разбросанных подушек, Аркадий перебирал мои волосы, я водила пальцем по его руке. Тогда я и нащупала эту тонкую выступающую полоску на внутренней стороне предплечья.

— Бандитская пуля, — отшутился он.

— Нет, серьезно! Мне интересно.

— Стыдно рассказывать.

— Стало еще интереснее.

— Это из-за девчонки.

— Та-ак...

— Мне тогда было лет восемь. Мы с пацанами лазали по скалам, а тут какая-то банда чумазных амазонок, говорят: валите отсюда, это наше место. Ну, мы им отвечаем: сами валите, мы никуда не уйдем. Завязался бой, силы были неравны. Нас трое, их человек десять. Но мы-то мужчины. Держались до последнего. Одна чокнутая запустила в меня камнем, прямо в лицо целилась. Я закрылся рукой — и вот.

— Больно было? — Только и смогла вымолвить я.

В недрах моей памяти зашевелились смутные воспоминания... Не может этого быть!

— Больше обидно. Меня победила девчонка! Пацаны потом целый год издевались.

— Она же использовала нечестный прием.

— Да.

— И она не в голову целилась! Просто у нее с меткостью не очень. Она тогда страшно испугалась: кровь, рана... Ее потом долго совесть мучила.

— Да ладно, — усмехнулся Аркадий.

В его глазах бегали чертенята. Неужели он догадался?

— Ты сразу меня узнал? — спросила я, виновато потупившись.

— Нет!

— Только сейчас понял?

— Когда ты в меня стаканом с соком запустила. У тебя было точно такое выражение лица: зверски сердитое и, одновременно, виноватое.

— А я тебя не узнала! Вообще не помню того пацана. Только кровь и свой страх... Вот это да!

— Вот именно!

— А почему ты сразу не рассказал?

— Ждал подходящего момента. А еще, должен признаться, все то лето я мечтал тебе отомстить. Но не знал, как. Не будешь же драться с девчонкой. Зато теперь я знаю. И месть моя будет ужасной...

— Ой, — пискнула я.

— Да. Ты не зря боишься. В гневе я страшен.

Наш второй завтрак проходил в саду, под инжиром и старой развесистой грушей, на которой болтались перезрелые плоды. В разгар пиршества, состоявшего из кофейника кофе, оладушков, которые я нажарила и фруктов, собранных в саду, в кустах раздался шорох, и перед нами появился герой моего ночного кошмара — пес Джульбарс. Защитный воротник на этот раз отсутствовал, зубы же, торчавшие из раскрытой пасти, были на месте.

— О! Джульбарсик! — обрадовался Аркадий. — Тебе, наконец, сняли воротник. Поздравляю! Вот тебе награда.

И швырнул оладушек прямо в раскрытую пасть.

Я люблю собак и мне очень хотелось погладить эту огромную шерстяную голову, но я опасалась. Вдруг он все еще считает меня врагом? Ведь не так давно я покушалась на охраняемую им территорию.

— Джульбарсик, это Русалка, — официально представил меня Аркадий и, для наглядности, обнял за плечи. — Она наш друг. Не ешь ее, пожалуйста.

Я фыркнула и протянула псу оладушек. Он осторожно взял его из моей руки. И

великодушно разрешил потрепать себя между ушами.

— Вот как надо завоевывать любовь собак, — сообщила я. — А не пламенными речами.

— Конечно, за такие оладушки кто хочешь душу продаст. — Аркадий взял изготовленное мной лакомство и затолкал себе в рот.

Я снова угостила Джульбарса.

— Эй, хватит ему, мне ничего не останется, — возмутился Аркадий.

— Тебе жалко оладушка для бедной собачки? Посмотри, как печально он на тебя смотрит!

Джульбарс, действительно, всем организмом изображал мировую скорбь. «Я бедный несчастный пес, не ел три дня, неужели ваши черствые сердца не обливаются кровью, глядя в мои исполненные печали глаза?» — безмолвно вещал он.

— В холодильнике есть колбаса, — сообщил Аркадий. — А оладушки — мои!

Джульбарс слопал принесенную из дома колбасу и снова уставился на нас жалобными голодными глазами.

— Он все равно хочет оладушек, — сообщила я.

— Шиш ему, — жадничал Аркадий.

— Джульбарс, Джульбарс, — раздался мужской голос с той стороны, откуда к нам явился пес.

— Иди, тебя хозяин потерял, — обратился к собаке Аркадий.

Пес вскочил, двинулся в сторону дома, но душа его, по всей видимости, осталась здесь, с нами и нашими аппетитными оладушками. Он всю дорогу оглядывался и даже, кажется, намеревался вернуться, но над изгородью показалась голова его хозяина.

— Джульбарс! — строго прикрикнул мужчина.

— Здравсьте, дядь Саш, — произнес Аркадий.

— Ой, у тебя гости! Что, этот обормот опять еду выпрашивал?

— Ну... немного.

— Целое ведро с утра слопал! И как только не треснет.

Сосед Аркадия между делом с интересом разглядывал меня.

— А ты часом не внучка ли Николая Петровича? — выдал он.

— Ага, — кивнула я.

Какой же все-таки у нас городок маленький! Куда ни плюнь — попадешь в знакомого. Ну или в знакомого своего родственника.

— Он у меня недавно в преферанс полторы тыщи выиграл, — сообщил сосед Аркадия.

— Вот гад, — ляпнула я.

Он покосился на меня и добавил:

— А однажды Петрович мне жизнь спас.

— Как так? Что случилось? — живо заинтересовалась я.

— Давно это было, — неохотно буркнул дядя Саша. — Ты еще не родилась, небось. Ладно, пошли мы. Джульбарс, ко мне!

Дядя Саша ушел, унося мрачную тайну спасения своей жизни моим дедом. Очень даже любопытно! Обязательно выведаю у деда. Кстати, он сейчас, наверное, голову ломает над тем, куда я подевалась. Я ему вчера написала короткую эсэмэску «Пропаду на пару дней, все отлично». Звонить и требовать объяснений дед не решается, боится, что я взбунтуюсь, буду вопить, что я взрослая женщина и делаю, что хочу. А что? Правильно боится.

Как раз посреди этих размышлений в глубине дома раздался звонок моего телефона. Уж

не дед ли? Надо ответить, вдруг что-то важное. Я нехотя оторвала пятую точку от плетеной скамейки, устланной мягкими подушками, и побрела на поиски аппарата. Обнаружила я его под тем самым продавленным креслом, где мы вчера сидели. Интересно, как он туда попал? Видимо, выпал из кармана в тот момент, когда я сиганула на колени Аркадию.

Извлечение телефона заняло какое-то время, очутившись в моих руках, он уже перестал звонить. О! Оказывается, это был вовсе не дед, а моя любимая подруга Ника. Перезвонить ей или отложить на потом? Пока я раздумывала, телефон снова залился раскатистой трелью. Ника явно горит желанием со мной пообщаться.

— Я вчера тебе весь вечер звонила! — с ходу сообщила подруга. — И писала! Ты куда запропастилась?

Вчера? Это как раз тогда, когда мы с Аркадием предавались безумствам? Я бы тогда не то что телефон, пожарный колокол под ухом не услышала...

— Э-э... у меня телефон под кресло завалился. Только сегодня обнаружила, — выдала я совершенно правдивый ответ.

— Ну, как у тебя дела? Удержалась?

Вчера я практически поклялась, что удержусь от всех соблазнов, не буду искать Аркадия и, тем более, предпринимать какие-либо действия по отношению к его девушке... Ну что ж, у меня не получилось.

Но я не пыталась с ним встретиться! Я просто хотела увидеть его девушку своими глазами... Неужели это было только вчера? Кажется, что в прошлой жизни. Столько всего изменилось с тех пор. Теперь я знаю, в чем причина всех странностей поведения моего... кого? Я уже не могу называть его бывшим временным любовником. И не бывшим тоже. Я пока не знаю, как его называть, но знаю, что готова пойти за ним на край света.

— Эй, ты там уснула, что ли?

— Вроде того.

— Так что у тебя происходит?

— Ничего. Абсолютно ничего.

— Руслана!

Ника называет меня полным именем? Похоже, она считает ситуацию чрезвычайной.

— Что?

— Ты какая-то странная.

Совсем нет. Я немного растеряна, слегка подавлена — но в этом нет ничего странного, если учесть неизвестные Нике, но известные со вчерашнего дня мне, обстоятельства.

Я стояла с телефоном в руках у окна и смотрела на Аркадия, застывшего среди подушек. Он не знал, что я его вижу, и не пытался выглядеть радостным и беззаботным. Его плечи опустились, как будто на них лежат все горести мира, между бровей залегла глубокая складка. Как мне хочется сейчас обнять его, погладить по голове, сказать, что все будет хорошо! Но я обещала не говорить о том, что его ждет. Ну почему он такой упрямый!

— Руслана! — снова раздался в моем ухе голос Ники. — В чем дело? Ты занята?

— Э-э... вроде того, — проямлила я.

— Ты где вообще? Дома?

— Нет...

— Ты с Аркадием? — неожиданно выпалила Ника.

Я молчала.

— Он тебя обидел?

— Что за глупости!

— Ну а чего ты такая... замороженная.

— Все в порядке.

— Что там у вас происходит? Может, тебя забрать?

— Ничего не происходит... то есть... все хорошо. Не надо меня забирать.

— Он рядом, и ты не можешь говорить?

— Вроде того, — снова повторила я.

Я могу говорить, но не знаю, что сказать. Уверена, Аркадию не понравилось бы, что я выбалтываю его тайну.

— Ладно, не буду тебя отвлекать. Надеюсь, ты хорошо проводишь время.

— Замечательно, — подтвердила я радостным голосом.

А что, это правда. Я счастлива, несмотря ни на что.

Вернувшись в сад, я обнаружила Аркадия с сигаретой в зубах. Я уставилась на него сначала в анфас, потом, обойдя вокруг, в профиль... Знакомая картина!

— Что? — спросил он. — Не одобряешь?

— Я эту картинку уже видела, — сообщила я. — На желтом фоне.

После чего рассказала своему вновь обретенному любовнику о приключении во время ночной пробежки.

— Я помню визг тормозов и чью-то ругань, — задумчиво произнес Аркадий. — Подумать только! В тот момент я готов был прогрызть дыру в полу, чтобы тебя увидеть, а ты была совсем рядом...

— И ты не почувствовал, — произнесла я с легким упреком.

— Я непрерывно думал о тебе днями напролет. Ты мерещилась мне за каждым кустом. Если бы я тебя увидел, то подумал бы, что это глюк.

— Вот и я так подумала...

Я уселась рядом с ним, положила голову на его твердое, но очень удобное плечо и закрыла глаза. Плевать, что будет завтра. Сегодня мы вместе, и я буду наслаждаться каждым мгновением нашего беззаботного романа.

— Курить вредно, — все-таки высказалась я.

— Я давно бросил, — буркнул Аркадий и затаился.

Я взяла сигарету из его руки и попыталась последовать его примеру, но он мне не дал. Отобрал, выбросил, и погрозил пальцем.

А потом он продемонстрировал мне свои успехи на ниве столярных и плотницких работ. И рассказал, что затеял ремонт дома, чтобы не свихнуться от мыслей обо мне.

— Оказывается, руки помнят то, чему меня учил дед, — похвастался новоиспеченный мастер. — Хоть это и было 15 лет назад.

— Отличный пол, — высказалась я. — Почти ровный. И вон та штуковина тоже очень красивая... это табуретка или шкаф?

Аркадий засмеялся и поцеловал меня.

— Это экспериментальный образец.

— А вот это очень похоже на полку.

— Угадала. — Он помолчал несколько секунд. — Я с десяти лет не делал ничего руками. А тут начал — и увлекся. Это такое... настоящее.

— Настоящее мужское, — кивнула я.

— Построить дом, посадить дерево... Вот чем надо заниматься. А не куролесить по

клубам...

Он махнул рукой.

— Про сына еще забыл, — зачем-то ляпнула я.

Аркадий посмотрел на меня каким-то затравленным взглядом и вышел.

Вернулся он через пару минут, улыбающийся, довольный, с виноградной гроздью в зубах, как будто все хорошо, как будто ему не грозит потеря свободы и... меня. Как бы мне уговорить его уехать? Он не должен так жестоко расплачиваться за свои ошибки. Ошибки, а не преступления! Я абсолютно уверена, что он ни в чем не виноват.

Возможность поупражняться в уговорах представилась мне очень быстро — пришел отец Аркадия. Он был настроен решительно, на грубость сына не реагировал, пытался заполучить меня в союзники.

— Я вчера слышал часть вашего разговора, — признался он.

— Ты уже дошел до того, что подслушиваешь? — возмутился Аркадий.

— Подслушиваю, — признался Петр Аркадьевич с таким видом, как будто речь шла о весьма достойном и одобряемом обществе занятия.

— И сколько времени ты тут уши грел?

— Успел услышать предложение благоразумной девушки Русланы о совместной поездке в Таиланд.

— Я его не принял, — буркнул Аркадий.

— Ну и дурак!

— Я поеду на суд.

— Ты же знаешь, у тебя практически нет шансов! Даже если ты вообще к этому парню не прикасался.

Я, между прочим, то же самое говорила. В таких обстоятельствах суд — это не суд, а просто расправа.

— Руслана, — обратился мужчина ко мне. — Вы одобряете эту бессмысленную жертву?

Я не одобряла. Но чувствовала, что должна поддержать Аркадия.

— Каждый волен принимать самостоятельные решения, — произнесла я обтекаемую фразу.

Аркадий посмотрел на меня с благодарностью. Я еще успею убедить его, что именно такое решение принимать не стоит. У меня еще есть время, суд через неделю.

В конце концов негостеприимный Аркадий выдворил родителя за калитку, ничего ему не пообещав. Мне его было очень жаль: несмотря на всю уверенность и властность, он не мог повлиять на собственного ребенка, не мог спасти его от страшной участи. Но еще не вечер, мы еще поборемся. И да, я — его союзник. Я не сказала этого прямо, но, думаю, он догадался. По крайней мере, когда он прощался со мной, в его глазах теплилась надежда.

— Извини, — произнес Аркадий, когда мы остались одни. — Очень не хотел тебя во все это втягивать...

— Но я втянулась.

— К сожалению.

Лично я об этом ничуть не сожалела.

— Думаешь, было бы лучше, если бы я не узнала? Если бы думала, что была для тебя просто мимолетным развлечением?

— Я так считал. Лучше бы ты меня ненавидела, чем оказалась втянутой во все это дерьмо.

— Ты продолжаешь так считать? — спросила я.

Аркадий пожал плечами.

— Да. Ты слишком много для меня значишь, чтобы я... Я не хочу портить тебе жизнь!

— Из всех возможных вариантов я выбираю правду. Всегда!

— Да, — кивнул Аркадий. — Ты выбираешь правду, ты бросаешься в бой, а не прячешься при виде опасности. Ты смелая и сильная.

— Я? Если бы ты знал, какая я трусиха!

— Я знаю. Но, когда тебе страшно, ты не убегаешь, а нападаешь. Не прячешься, а идешь напролом...

— А потом разгребаю последствия своей «смелости», — хмыкнула я.

— А я убежал от опасности. Пусть не уехал в Тай, но сбежал сюда. Я больше не хочу прятаться. Опасность надо встречать лицом к лицу.

— Но это не тоже самое, — сказала я.

— Это абсолютно то же самое. Пусть будет, что будет. Я не крыса в подвале.

— Конечно, ты не крыса! Откуда вообще взялось это выражение? Ты его постоянно повторяешь.

— От тебя, — улыбнулся Аркадий.

— От меня?

Вот это новости! Не помню, чтобы я когда-нибудь такое говорила.

— Ты сказала, что не будешь прятаться от деда, как крыса в подвале. И еще ты говорила: наломал дров — подставляй шею.

Я вспомнила. Да, я что-то такое лягнула, когда мы плыли на яхте...

— Может, до тех твоих слов я еще сомневался. А, может, уже решил все, но сам не понял. Но в тот момент я осознал, что поеду на суд. Убегать и прятаться — не мое.

— Ну вот, — растерялась я. — Оказывается, это я тебя подтолкнула...

— Ты помогла мне понять самого себя. И я тебе за это очень благодарен. Сейчас, может быть, впервые в жизни, я чувствую, что принял правильное решение. Какими бы ни были его последствия.

— Твой отец вряд ли бы с тобой согласился.

— Конечно, он переживает за меня. И не может посмотреть на ситуацию объективно. Если бы мог, понял бы, что я прав.

— Он тебя любит и ему сейчас очень страшно.

— Он должен принять мой выбор. Ладно — мама не понимает, она женщина. Хорошо хоть, он уговорил ее не ехать сюда... Но отец — он должен понять и поддержать. Вот тебя родители поддерживают?

— Мама всегда. А отца у меня нет.

— Нет... совсем?

— Я никогда его не видела.

— О! — растеряно произнес Аркадий. — Извини.

— А за что ты извиняешься? Нет и нет. Я и не знаю, что это такое. Зато у меня есть дед.

Аркадий обнял меня, прижал к своей груди, поцеловал в макушку.

— Как бы я хотел... — прошептал он. — Ну почему все так не вовремя?

— Мы нарушили условие, — сообщил Аркадий через несколько минут, когда мы устроились в уютном кресле на террасе. — Никаких серьезных разговоров, только беззаботное времяпрепровождение.

— Ну и кто придумал это дурацкое условие?

— Это определяющее условие удачного курортного романа.

— Так у нас все-таки курортный роман?

Улыбка, украшавшая лицо Аркадия, на секунду исчезла.

— У нас... то, для чего нет слов. Их еще не придумали. Я никогда не чувствовал ничего подобного и знаю, что никогда больше не почувствую. И я счастлив, что встретил тебя. Несмотря ни на что. Но я настаиваю, что мы должны следовать дурацким условиям.

Ну и ладно. У меня еще есть время. Отложу пока серьезный разговор. Надо подумать над аргументами. Я пока не знаю, как убедить его улететь в Таиланд. Он, похоже, твердо решил следовать своему плану. Я уважаю его смелость и мужество, но я не хочу, чтобы он сидел в тюрьме!

— Может, покатаемся на яхте? Или съездим на Кручу? Или прогуляемся по набережной? Еще мне понравился тот ресторанчик на причале, там такой шикарный вид на море.

— Море я вижу каждый день, — сказала я многозначительно.

— То есть ты хочешь остаться здесь?

— И любоваться твоими прекрасными глазами и тысячеваттной крокодильей улыбкой.

— Почему это она крокодилья?

— Потому что у тебя ровно семьдесят восемь распрекрасных белоснежных зубов! Тебя запросто можно снимать в рекламе зубной пасты.

Что это? Аркадий смутился? Не знала, что он на такое способен.

— Ну тогда надо хотя бы сгонять в магазин. В холодильнике пусто. Шампанское купить, свечи там, для романтики...

Я фыркнула.

— Где ты набрался этих пошлостей? Свечи для романтики... Знаешь, что такое настоящая романтика?

— Что?

— Я и ты. Все. А фоном может быть что угодно — старая груша в саду, твой свеженастеленный пол или... тюремный двор.

Аркадий посмотрел на меня так, что у меня защемило сердце. В этом взгляде была беспросветная тоска, робкая, почти задушенная, надежда и... любовь. Да, именно она. Я знаю, что сейчас он не произнесет этого слова и понимаю, почему. Слова и не нужны. Я чувствую, он чувствует... все понятно без слов.

В этот душещипательный момент, исполненный глубокого смысла, мне на руку с потолка террасы опустился огромный паук. Он шевелил своими мохнатыми лапищами, тряс козлиной бородой и пялился на меня выпуклыми кровожадными глазищами.

— А-а, — завопила я и резко дернула рукой.

Я не очень боюсь насекомых, могу запросто взять в руки майского жука или божью коровку, но пауков недолюбливаю, особенно таких свирепых бородачей.

Не знаю, куда после моего взмаха приземлился паук, но моя рука приземлилась ровно Аркадию в глаз. Он издал какой-то свистящий звук и схватился за пострадавший орган зрения.

— Извини, — заверещала я. — Я нечаянно, это все паук.

— А, Иосиф, — спокойно произнес Аркадий.

— Кто?

— Иосиф. Он хороший, не надо его обижать.

— Ты дал имя пауку?

— Он скрашивал мое одиночество.

Я вскочила и побежала на кухню.

— Надо лед приложить! А то фингал будет.

— Ну и черт с ним.

— Жалко портить твою рекламную физиономию.

Заглянув в морозильник, я обнаружила бутылку водки, почти полную. И толстый слой снега на стенках. Больше там не было ничего. Я схватила бутылку и отнесла Аркадию, заставив приложить ее к глазу.

— Хотел напиться? — спросила я.

— Ага. После того, как мы с тобой... Ну, когда мы встретились на дороге.

Я вспомнила ту сумасшедшую ночь, то, как я его кусала и царапала. Я далеко не в первый раз оставляю на его теле следы насилия...

— Напился? — поинтересовалась я.

— Не пошло, — ответил Аркадий из-за бутылки.

— А где Иосиф? — заволновалась я. — Надеюсь, он не пострадал?

— Жив-здоров. Вон, в углу сидит, замышляет козни против мух.

Я подошла поближе, наклонилась к своему новому бородатому знакомому, и сказала:

— Без обид, Иосиф?

Он смотрел на меня блестящими зенками, шевелил волосатыми конечностями и молчал. Будем считать это положительным ответом.

Утро выдалось не по-летнему хмурим: небо обложили плотные белые облака вперемежку с серыми тучами, деревья в саду трепал сердитый прохладный ветерок, в душном воздухе пахло грозой. Я проснулась и несколько секунд лежала, глядя на раскачивающиеся ветки груши. Аркадия рядом не было, видимо, уже встал. Из-за отсутствия солнца совершенно непонятно, сколько сейчас времени. Наверное, немало. Скорее всего, ближе к обеду.

Наш вчерашний романтический ужин затянулся далеко за полночь. И да, свечи все же были, шампанское тоже, а еще — невероятной величины корзина цветов, которую Аркадий купил, когда мы ездили на такси в супермаркет. В центре цветочной композиции красовался плюшевый медведь цвета девичьего румянца, который стал мишенью для наших шуток. Я весь вечер называла Аркадия пошлым романтиком, говорила, что суровым русалкам розовые слюни не по нраву и разных ми-ми-ми они не переносят, но тискала медведя с тайным удовольствием.

Я сползла с кровати, завернулась в простыню, так как не обнаружила поблизости своей одежды, и побрела на кухню. Наверное, Аркадий, как и вчера, готовит завтрак. Но на кухне моего страстного любовника не оказалось. Не было его и в саду. Куда же он запропастился? Неужели опять рванул в магазин? Но зачем? Мы вчера набрали три пакета продуктов.

Моя одежда лежала в том самом кресле на террасе, где мы с Аркадием провели большую часть вечера. Видимо, это он ее сложил, я точно помню, что накануне никто из нас об аккуратности не заботился, части моего гардероба лихо разлетались в разные стороны. Остатков нашего вчерашнего пиршества тоже не было, Аркадий все убрал. Ну надо же, он такой заботливый, и любит порядок.

Только после того, как меня освежили прохладные струи душа, в голове прояснилось. И посреди этой ясности возникла пугающая догадка: Аркадий уехал. Он не ушел в магазин, ему совершенно нечего там делать. Я выскочила из душа с остатками шампуня на голове и заметалась по дому в поисках своего телефона. Ну где же он? Под креслом? В кровати? На столе?

Он нашелся на кухне, лежал себе спокойно на подоконнике. Я удалила номер Аркадия, но к счастью, прекрасно его помню. Непослушными пальцами я нажимала на нужные цифры, сердце колотилось, как бешеное, по спине стекали струи воды, капали на пол... «Абонент находится вне зоны действия сети», — произнес механический женский голос. А, может, все же... Нет. Не может. Это не сбой связи. Аркадий улетел. И я вполне уверена — в Москву, а не в Таиланд.

И тут я вспомнила, как отец Аркадия говорил, что нужно торопиться, быстрее принимать решение. Я тогда не поняла, к чему спешка, ведь до суда еще неделя. И только сейчас мне пришло в голову, что Аркадий мог меня обмануть. Возможно, времени осталось гораздо меньше. Может, суд состоится уже завтра. Или послезавтра. И он будет там. А я здесь...

Так. Самолет в Москву. Рейсов в столицу летает много, я сяду на ближайший и буду там уже через несколько часов. Я зашла на сайт аэропорта, сначала открылось он-лайн табло, на котором обнаружилась бесценная информация: все рейсы в Москву задержаны из-за надвигающейся грозы. Значит, Аркадий еще не улетел! И не улетит без меня, потому что я

буду в аэропорту уже через полчаса. Я вызвала такси, наспех оделась. Домывать голову не стала — на счету каждая секунда, вдруг погода изменится, и они начнут отправлять самолеты.

Только в такси, впервые за сегодняшнее утро, я увидела себя в зеркале. Видок еще тот! Волосы мокрые и лохматые, лицо покрасневшее, глаза сумасшедшие. Охранники аэропорта запросто могут заподозрить во мне психически неуравновешенного маньяка и затормозить на входе. Хорошо бы мало-мальски привести себя в порядок. Но как? У меня в руках нет ничего, кроме телефона. Впопыхах я не взяла даже сумку... О, боже! Как ж я буду расплачиваться за проезд?

Мгновенно забыв о своем непрезентабельном внешнем виде, я начала разрабатывать план побега от таксиста. Как назло, вез меня не какой-нибудь старый дедушка с больными ногами, а молодой здоровый парень, по всему видно — спортсмен. От такого не убежишь... Догонит, возьмет за шкуру и шмякнет об асфальт. Что же делать? Во всем признаться и попросить кредит? О! Вот растяпа, сразу не догадалась. Я же могу перевести ему деньги на карточку. Или на телефон. Мобильный банк, к счастью, при мне.

Воспрянув духом, я снова обратилась к зеркалу. Попыталась пригладить волосы руками. Безрезультатно. Завязать в узел или заплести косу тоже не получается. Если бы они хоть чуть-чуть подсохли... но это долгий процесс, тем более, что я не воспользовалась бальзамом и даже толком не смыла шампунь. Мокрые, спутанные, мои волосы были похожи на клубок водорослей, а не на человеческую прическу. С моих губ сорвалось раздраженное восклицание.

— Ну я и чучело!

Таксист покосился на меня и выдал:

— Да все нормально. Ну, подумаешь, волосы мокрые. Торопишься?

— Прямо из душа выскочила, — поделилась я.

— Внезапно понадобилось куда-то лететь?

— Да, — пропищала я растеряно. — А, может, нет...

— Бывает, — понимающе произнес таксист.

— Послушайте, — решила я воспользоваться его сочувствием. — Я впопыхах сумку с кошельком дома забыла. Можно я вам деньги на карту переведу или на телефон?

— Не вопрос.

Все бы были такими понимающими!

Он продиктовал мне номер телефона и добавил:

— Денег не надо. Просто позвони как-нибудь.

— Э-э... позвонить? — растерялась я.

— Расскажешь, чем все закончилось.

— Что?

— Не знаю. Ты скажи. К гадалке не ходить — тут замешан мужик.

— Почему сразу мужик?

— Ну а почему еще девушка может выскочить из душа и помчаться в аэропорт без денег, паспорта и прически?

— Мало ли, — буркнула я.

Если надо, я могу с десятков причин придумать. И ни в одной из них не будет фигурировать мужик.

— Да ладно, я не лезу. — Он помолчал. — Может, тебе и удастся его остановить. И,

может, оно того стоит.

— И почему ты такой догадливый? — буркнула я сердито.

— Жизненный опыт.

Опыт у него, ага. Вряд ли он старше меня, а, скорее младше. Тоже мне, опытный.

По стеклу забарабанил дождь. Сначала капли были мелкими и редкими, но с каждой секундой их размер увеличивался, а темп ударов возрастал. Когда мы подъехали к аэропорту, по стеклу уже били не капли, а мощные, как из пожарного шланга, струи. Вдали глухо гроыхало, и этот звук довольно быстро приближался. Прогноз не обманул, на город надвигается сильная гроза. Мне она только на руку: во-первых, Аркадий не улетит, во-вторых, мои мокрые водорослеподобные волосы будут выглядеть уместно.

— Может, тебя подождать? — спросил таксист, подруливая к входу в аэропорт.

— Зачем?

— А как обратно добираться будешь? Или ты уверена, что поедешь не одна?

Мне бы очень-очень хотелось в это верить.

— Разберусь. Спасибо тебе огромное.

— Если что — звони. И не забудь, я жду окончания твоей истории.

Ну вот еще. Я лучше деньги переведу.

Влетев в аэропорт, я впиалась глазами в гудящую толпу пассажиров, разбросанную по залу ожидания. Толпа была немаленькой, задержали уже четыре самолета. Вон там, в углу, с газетой... нет, это не Аркадий. И тот, высокий, с растрепанной прической — тоже не он. Наш аэропорт не такой уж большой, я обошла все доступные мне помещения за десять минут, но своего сбежавшего любовника не обнаружила. Возможно, мы с ним разминулись. Или как раз в этот момент он оказался в туалете. Или вышел подышать. А, может, он сидит в вип-зале, куда меня не пускают, потому что у меня нет билета в бизнес-класс.

И тут меня осенила гениальная идея. Можно же дать объявление по громкой связи! Только где это сделать? Наверное, здесь есть какая-нибудь радиорубка. Обезав аэропорт еще раз и не обнаружив прибежища диктора с мягким внушительным голосом, вещавшим о задержке рейса, я встала в очередь к справочному бюро.

— Добрый день, — обратилась я замученной тетеньке за стеклом. — Скажите, пожалуйста, где можно дать объявление по громкой связи? Тут человек потерялся.

— Ребенок? — спросила тетенька.

— Нет, взрослый.

— Фамилия, имя, отчество.

— Э-э... Аркадий. Петрович.

Как кстати я вспомнила имя его отца!

— Фамилия, — повторила тетенька.

Так. Фамилия. Я ее знаю? Видела однажды, когда заносила данные в компьютер. Это было еще до того, как мы познакомились. Конечно, я ее не запомнила!

— Я не помню фамилию, — призналась я.

— Кто он вам?

— Э-э... знакомый, — выдавила я.

— Девушка, не морочьте голову! Мы не занимаемся поиском знакомых. Вы задерживаете очередь!

Пришлось ретироваться.

Ну, ничего. Если Аркадий здесь, я рано или поздно его найду. Торопиться некуда, рейсы

задержаны, все, кто не улетел, здесь.

Я битых полчаса бродила по аэропорту, вглядываясь в спины, затылки и профили. Мне даже удалось улучшить момент и проشمыгнуть в вип-зал. Там был богатый шведский стол с шампанским и икрой, но Аркадия не было. Отчаявшись, я вышла в общий зал и встала у стенок. Я бы с удовольствием отдохнула и выпила кофе с бутербродом, но все кафе были забиты под завязку. Да и денег у меня не было... Зря я не отведала икры в вип-зале! И кофе там тоже был.

— Я же говорила, надо было лететь самым ранним рейсом! — бурчала дама в очках и шляпе, вольготно расположившаяся в массажном кресле неподалеку от меня.

— Так чего же ты не полетела! — огрызнулся сопровождавший ее мужчина, явно муж. Ему кресла не досталось, он притулился на чемодане.

— Потому что ты взял билеты на семь! Не захотел рано вставать, видите ли. Улетели бы в пять, сейчас были бы уже дома.

Муж пробурчал что-то неразборчивое. А я открыла рот от удивления. Оказывается, какой-то самолет сегодня все же улетел в Москву! В пять часов.

Мы с Аркадием легли спать около двух. Получается, он встал сразу после того, как я уснула. Устранил последствия нашего бурного романтического ужина, собрал вещи и уехал. Интересно, он поцеловал меня на прощанье?

Я еще раз обежала аэропорт. И еще, для верности. После последнего обхода у меня больше не осталось сомнений — Аркадия здесь нет. На улице лило, как из бочки, и, стоя у огромного окна, выходящего на летное поле, я вспомнила тот ливень, который нас познакомил. Какими теплыми были его руки и как заботливо он накинул мне на плечи куртку! Я зябко поежилась. Как бы мне хотелось, чтобы он обнял и согрел меня прямо сейчас... Система кондиционирования аэропорта работает на полную мощь, а на мне легкий сарафан и мокрые волосы, от которых спина и шея покрылись мурашками. Пора отсюда выбираться, но как? Решение пришло само собой: надо позвонить Нике.

Подруга подняла трубку приблизительно после тридцатого гудка, я уже почти отчаялась и начала обдумывать запасные варианты. Их почти не было. Мне очень не хотелось обращаться за помощью к кому-то другому.

— Да, — наконец услышала я.

— Что случилось? — с ходу спросила я.

С первых звуков ее голоса мне было очевидно: у Ники что-то не в порядке.

— Да все нормально, — буркнула подруга. — Нет, не нормально. Замечательно! Великолепно.

Понятно. Все очень плохо.

— Рассказывай.

— Я выгнала Эдика.

— Молодец! — мне очень трудно было скрыть ликование.

— Я знаю, — вяло произнесла Ника.

Конечно, ей сейчас больно. Раз она решилась на крайние меры, значит, этот распоясавшийся сыроед совершил что-то крайне отвратительное. Но она еще не знает, какое прекрасное будущее с Кириллом ее ждет! Эдику, конечно, нужно накостылять по наглой веганской роже, но все же я очень рада. А сейчас у меня есть прекрасный повод отвлечь подругу от грустных мыслей.

— Мне нужна твоя помощь, — выпалила я. — Я в аэропорту, а сумка с кошельком дома.

И у меня волосы мокрые, поэтому я страшно замерзла. Даже горячий кофе не могу купить! — добавила я для полноты картины.

— Я уже выезжаю, — произнесла Ника.

Она даже не спросила, как меня угораздило вляпаться в такую ситуацию! Потому что это не важно и не стоит терять драгоценное время. Уверена, моя верная подруга уже несется к машине, и будет здесь не больше, чем через десять минут, хотя ехать ей все двадцать.

— Поехали в «Ривьеру», — произнесла я, забираясь в Никину машину.

Ожидая подругу, я успела придумать план действий. Мне нужно срочно увидеть отца Аркадия. Это единственный человек, который может пролить свет на происходящее. Возможно, он не в курсе, что его сын уже уехал, но он хотя бы знает, когда будет суд. И может подсказать, где искать Аркадия.

На моем сиденье лежала приготовленная заботливой подругой теплая толстовка с капюшоном. Я с огромным удовольствием ее натянула, ощущая, как мягкая ткань согревает мою посиневшую и покрытую мурашками тушку.

— Там, сзади, джинсы и футболка, — сказала Ника. — Сухие.

— Мне уже тепло, — сообщила я.

— Что ты делаешь в аэропорту? — спросила Ника.

— Что натворил Эдичка? — ровно в тот же момент произнесла я.

— Сначала ты, — сказала Ника.

— Ну, ладно. Я тут ловлю Аркадия. Он сбежал.

— Ловишь, чтобы... что? Завязать уши бантиком, а нос натянуть на затылок?

— Вроде того.

Мне не хотелось рассказывать Нике всю историю. Я не была уверена, что она одобрит мой план. А план состоял в следующем: я найду отца Аркадия, узнаю у него вероятное местоположение его сына и отправлюсь к нему. Где бы он не был.

— А что натворил Эдуард? — отвлекла я подругу.

Ника издала странный звук, что-то среднее между вздохом и рыком.

— Да не то чтобы он сделал что-то особенное. Просто вел себя как обычно. А я вдруг поняла, как меня все это достало.

— Наконец-то! — не удержалась я.

— Да, — подтвердила Ника.

Когда мы уже подъезжали к «Ривьере», я поняла, что эта поездка может оказаться бесполезной. Я же не знаю фамилию Аркадия и его отца! А опыт, приобретенный в справочной аэропорта, подсказывает мне, что без фамилии я ничего не выясню. Даже с фамилией сделать это будет совсем не просто.

— Поворачивай обратно, — скомандовала я Нике. — Мне сначала нужно забежать домой.

Ну, не совсем домой. Домой — это слишком долго. Мне нужно добраться до стойки регистрации и посмотреть фамилию Аркадия и, заодно, его домашний адрес. Только бы не встретить деда! Вот совершенно не хочется сейчас, уже в который раз, врать и изворачиваться. А правду сказать я не могу ни в коем случае.

Я влетела в холл нашего отеля стремительно и деловито. Забежала за стойку, буркнула Марине: «Надо кое-что посмотреть» и начала искать нужную запись. Марина стояла рядом, удивленно таращилась на меня и на монитор. Как бы ее отвлечь? Эх, если бы можно было бросить ей мячик и крикнуть: «Апорт!» Мне бы как раз хватило времени.

Что за ерунда в голову лезет! Откуда это вообще? А, понятно. В нашу дверь вошла пара с очень милым спаниелем на поводке. Видимо, я краем глаза заметила собаку, и мое бурное неконтролируемое воображение придумало по этому поводу целую историю.

— Ой, какая миленькая собачка! — пискнула я.

Марина, как по команде, посмотрела на пса. Смотри на него подольше, пожалуйста! Я как раз открыла нужную страницу. Так, Аркадий Петрович заселился в номер 605. А фамилия этого товарища... Воронцов. Надо же, как по-графски звучит! Ему идет. А где же адрес? Почему его нет?

Вообще мы не очень заморачиваемся по этому поводу. Есть первая страница паспорта — и ладно. Адрес иногда записываем, иногда нет. В этот раз, видимо, нет. Ну почему! Почему наши администраторы не проявили дотошность, когда это так нужно? Я чуть не застонала от разочарования, пришлось стиснуть зубы, чтобы не издать какой-нибудь звук и не привлечь внимания Марины, которая, к счастью, была увлечена спаниелем и его хозяевами. Ладно, сфотографирую хотя бы паспортные данные.

Завершив свою шпионскую миссию, я уже направилась к двери, но вдруг услышала за спиной:

— Руслана!

Дед. Вот невезуха!

— Я убегаю, — бросила я на ходу.

— Ты куда?

— Дела, развлечения... — пробубнила я, остановившись на секунду.

Это было ошибкой, потому что дед настиг меня и схватил за руку.

— Тебя третий день дома нет!

— Второй, — уточнила я.

Или, правда, третий?

— Что за дела?

— Я взрослая самостоятельная женщина, — сказала я строго.

Обычно это на него действует. Но в этот раз он как с цепи сорвался.

— Взрослая? Самостоятельная? Да я тебя сейчас посажу под замок! Но сначала выпорю.

Марина отвлеклась от спаниеля и уставилась на нас. Хозяйка собаки тоже с интересом прислушивались к нашему занимательному диалогу. Горничная Ирина выглядывала из двери подсобки, охранник Валера грел уши, даже не скрываясь.

— Ты чего тут устроил? — разозлилась я и вырвала ладонь из руки деда. — Посадишь под замок? Ну, попробуй!

Я развернулась и пошла к двери. Внутри меня клочкотало раздражение. Что такое нашло на деда? Мы с ним давно обо всем договорились, он не вмешивается в мою жизнь, я ставлю его в известность о том, где нахожусь. И, главное, что я жива и здорова. Эти два дня не были исключением. Я писала и даже звонила. В чем вообще претензия?

— Руслана, стой! — крикнул он мне вслед.

Но я не обернулась.

Вот и «Ривьера». Оставить машину на их стоянке нам не дадут, потому что мы не гости отеля. Поэтому я попросила Нику подъехать к входу, высадить меня, а потом подождать у дороги. Я сказала, что не хочу мокнуть под дождем, который снова начал накрапывать. На самом деле я не хотела, чтобы она пошла со мной и все узнала. Я так и не объяснила подруге, что происходит, и почему я ношусь, как ужаленная. Она пару раз попыталась

задавать вопросы, но я была уклончивой, и Ника отступила. Ждет подходящего момента. Вот только когда он наступит?

Приближаясь к стойке, я услышала, как администраторы, коих в шикарной «Ривьере» было целых три, обсуждают оккупацию некоего отеля белыми мышами. Что-то в этом сюжете показалось мне знакомым. Так это они о гостинице Шапокляк говорят! Оказывается, история уже разлетелась по побережью. И я не сомневаюсь, ее будут передавать из уст в уста не один месяц.

— Добрый день, — обратилась я к парнишке, на бэйджике которого было написано «Федор Александрович».

— Чем я могу вам помочь? — выдал он заученную фразу.

Он сразу понял, что заселятся в отель я не собираюсь — при мне не было чемодана. Да и выглядела я вовсе не как возможный постоялец пятизвездной «Ривьеры»: мокрый, совершенно потерявший вид сарафан, гнездо из спутанных волос на голове и, вполне вероятно, безумный взгляд.

— Подскажите, пожалуйста, в каком номере проживает Воронцов Петр Аркадьевич.

— К сожалению, мы не даем такую информацию.

Чего-чего, а сожаления на его лице не было вовсе.

— И что же вам мешает? — во мне закипало раздражение.

На каждом шагу — препятствия. Сколько можно?

— Это конфиденциальные сведения.

— С чего это?

Вид у меня, видимо, был угрожающий. Я свирепо нависла над стойкой, парнишка даже отодвинулся и оглянулся на своих коллег, которые, очень удачно для меня, отошли к кулеру попить водички.

— Я сейчас позову охрану, — пропищал он и сам устыдился своего писклявого голоса.

— Слышал о белых мышах? — спросила я.

— Слышал, — растерянно пролопотал администратор, видимо, не ожидавший подобной смены темы.

— Завтра же нашествие белых мышей произойдет в «Ривьере». А директору придет письмо, в котором будет назван виновник сего прискорбного происшествия — администратор Федор Александрович. Как твоя фамилия?

Он снова что-то пискнул, видимо, от страха потерял голос.

— А, впрочем, неважно. Думаю, он и без фамилии поймет, о ком речь. Как ты думаешь?

Федор Александрович ничего не ответил, вместо этого он застучал по клавишам компьютера.

— Выехал ваш Петр Аркадьевич, — буркнул он. — Сегодня в 3.45 утра.

— Большое спасибо.

Ну вот! Столько стараний впустую. И грозного гангстера я изображала совершенно напрасно.

Я уже дошла до двери и почти вышла, как вдруг увидела ту, о ком совершенно забыла, но кто мог мне пригодиться. Лидия. С элегантной синей сумкой на плече и чемоданом в цвет. Судя по всему, она покидает наш гостеприимный городок. Аркадий уехал, его отец тоже, ловить здесь больше нечего. Но разве она не в курсе, что все самолеты задержаны? Неужели ей хочется торчать в аэропорту? Я просто обязана предупредить ее о грядущих неудобствах.

Мне не нужно было совершать никаких телодвижений, она сама шла ко мне,

сопровождаемая швейцаром и чемоданом. Когда ее рассеянный взгляд наткнулся на меня, она на секунду застыла, но сразу же продолжила свой путь, сделав вид, что я — часть стены или колонны. Когда Лидия поравнялась со мной, я, без лишних предисловий спросила:

— Когда суд?

— Завтра, — сразу ответила она, видимо, от неожиданности и растерянности. Уверена, к этому вопросу она была не готова.

— Еще мне нужен адрес Аркадия, — выпалила я, надеясь, что и это прокатит.

Но Лидия к этому моменту справилась со своей растерянностью, вызванной моим напором. Она улыбнулась медовой улыбкой и ничего не сказала. Вместо этого она проследовала к такси, ожидавшему ее у входа.

— Все самолеты задержаны, — сказала я ей в спину.

— Я никуда не лечу, — отозвалась она.

— Скажи мне адрес, — повторила я.

— А он тебе не сказал? — она обернулась, на ее губах сияла отнюдь не сладкая, а, скорее, ядовитая, улыбка. — Не трать время. Он — бесперспективный вариант.

Она грациозно загрузилась в такси, дверь захлопнулась... Единственный человек, который может мне помочь найти Аркадия, сейчас уедет в неизвестном направлении. А я стою столбом и не знаю, что предпринять! Может, запрыгнуть в машину и начать ее душить? Тогда она наверняка признается... Пока я представляла, как Лидия хрипит, а меня уводят охранники и передают полиции, такси укатило.

— Не знаете, куда она поехала? — обратилась я к швейцару.

— Такси было заказано до Сочи, — ответил он.

Сочи! Несостоявшаяся невеста Аркадия решила продолжить отдых, и, возможно, охоту, в другом месте. Надеюсь, ее укачает за те несколько часов, что придется петлять по крутому серпантину.

Я не узнала адрес, но зато теперь мне известно, что суд состоится завтра. Аркадий меня обманул! Времени у меня нет совсем. Гроза закончилась, скоро начнут отправлять самолеты в Москву. И я буду в одном из них.

— Поехали к Аркадию, — устало произнесла я, плюхаясь на сиденье Никиной машины.

— К Аркадию?

— В его дом. Я там сумку забыла.

— Не хочешь объяснить мне, что происходит? — спросила Ника, заводя мотор.

— Пока не хочу. Извини.

Ника промолчала. Надеюсь, ей не придет в голову обидеться!

— Но мне очень нужна твоя помощь и поддержка.

Кажется, мой голос звучал заискивающе.

— Ладно, — кивнула моя верная подруга.

Я уверена, ее раздирает любопытство! И я бы не стала ее мучить, если бы не была почти на сто процентов уверена, что она начнет меня отговаривать от поездки в Москву, к Аркадию. А, впрочем, у нее сейчас своих переживаний хватает. Увлечшись собственными проблемами, я чуть не забыла, что у Ники сегодня очень тяжелый день. Она только что рассталась с парнем!

— Говори, что хочешь, но твой бывший, а именно сыроед-йог Эдичка — редкая кашка!

Ника хихикнула, но потом помрачнела.

— Я ради него наизнанку выворачивалась! — с жаром произнесла она. — Готовила все эти смузи и джусы, от которых у меня изжога, вставала на рассвете, а ты знаешь, как я это ненавижу!

— Знаю, — кивнула я и погладила Нику по руке, которой она нервно сжимала руль.

— Я научилась закручиваться в позу удава и выгибаться в позе верблюда! Но это ладно.

Ника помолчала несколько секунд.

— Я ради него кардинально изменилась, а он... он не хочет уступать даже в мелочах. Ну да, он же идеальный! Благостное и одухотворенное совершенство! Он позволяет себя любить, чего еще мне надо?!

В этот момент моя возмущенная подруга чуть не въехала в зад «Фольксвагену», остановившемуся на светофоре.

— Чего ты тут встал! — завопила она.

— Красный свет, — произнесла я успокаивающе.

— Я знаю, — всхлипнула Ника.

— Давай я поведу. А ты спокойно поплачешь.

— Ну буду я плакать из-за этого...

— Козла, — подсказала я. — Причем самого настоящего, травоядного.

Ника улыбнулась сквозь слезы и завела заглухший мотор.

Я первой выскочила из машины у дома Аркадия и стремительно влетела в калитку. Я хотела позвонить в аэропорт, но так, чтобы подруга этого не слышала. Ника, очень кстати, замешкалась, разглядывая капот — ей показалась, что там появилась новая царапина. А к интерфейсу своей новой машины моя подруга относится очень трепетно.

Чтобы оказаться как можно дальше от ее ушей, я проследовала к той самой скамейке у забора, где мы сидели с Аркадием. Как это ни удивительно, мне удалось дозвониться в аэропорт с первого раза — хоть в чем-то сегодня повезло! Вежливая, но явно замученная девушка-диспетчер поведала мне, что все задержанные самолеты в Москву будут отправлены в ближайшие два часа. Она же, отвечая на мой вопрос, сообщила: вечерние рейсы состоятся по расписанию, в 19.05 и в 21.00. Я вполне могу успеть на первый!

— А можно забронировать билет? — спросила я.

— Бронируйте онлайн, — устало ответили мне.

Опустившись на скамейку, я начала долгий и нудный процесс покупки билета — нужно было ввести паспортные данные, номер карточки и поставить галочки в тысяче разных мест. Ну вот, наконец, все! Билет на 19.05 у меня в кармане, вернее, в телефоне.

Оторвавшись от экрана, я уткнулась взглядом в огромную лохматую морду, которая подкралась ко мне совершенно бесшумно и вероломно.

— Джульбарс! — воскликнула я и потрепала пса за уши. Он радостно оскалился.

— Джульбарс, домой! — раздался голос уже известного мне дяди Саши, а сразу вслед за этим над забором показалась его голова.

Вот кто может мне помочь! Кажется, удача, действительно, повернулась ко мне лицом.

— Здравствуйте, — произнесла я. И, так времени на долгие предисловия не было, сразу продолжила. — Вы знаете московский адрес Аркадия?

— А что?

Не так-то он прост, этот дядя Саша. С ходу не колетя.

— Я его потеряла. А он мне очень нужен.

— Раз не оставил, значит, не нужен.

Нет, вы только подумайте, какой вредный дяденька! А мой дед его еще спасал!

— Раз говорю — нужен, значит нужен, — разозлилась я.

Нет, ну а что он! Жалко ему, что ли?

— Не знаю я его адреса.

— Чего-то не верится. Вы ж и за домом, небось, присматриваете.

— Вот именно! А ты, вообще, кто такая? Чего тут расселась, когда хозяев нет?

От такой наглости и откровенного хамства я опешила.

— Кто я такая?! Я внучка Николая Петровича, который вас в карты обыграл и жизнь спас.

— Вот и иди давай отсюда, — буркнул дядя Саша и скрылся за забором, прихватив с собой Джульбарса.

Интересно, какая муха его укусила?

— Я тебя обыскала, — сообщила Ника, вывернувшись из-за угла дома.

— Все, я готова, поехали домой.

Я вскочила со скамейки и понеслась к калитке, Ника за мной.

— Ты ничего не забыла? — спросила Ника, когда я удобно устроилась на сиденье и даже пристегнулась.

— Да нет.

Билет у меня есть, адреса я не знаю, но знаю, когда будет суд.

— Мы, вроде, за сумкой приезжали, — невозмутимым голосом произнесла моя внимательная подруга.

— Ой, — пристыженно пискнула я и выбралась из машины.

Ранний склероз — страшная вещь!

Всю дорогу я думала, как бы помягче сказать Нике, что я в ее помощи больше не нуждаюсь. Я знала, что мне предстоит объяснение с дедом, трудное и бурное, и не хотела, чтобы она при этом присутствовала. Тем более, она до сих пор не знает, что происходит... Лучше ей сейчас поехать домой и выбросить с балкона все оставшиеся в квартире вещи Эдика.

— Кстати, а как Эдуард воспринял то, что ты его выгнала?

— Да никак. Он же йог, ему все по барабану.

— Вот сволочь! — высказалась я.

И тут мне в голову пришла совершенно гениальная идея.

— Знаешь, что? — обратилась я к подруге заговорщицким шепотом. — Я все же советую тебе поменять замки.

— Зачем?

— А ты отобрала у него ключ?

— Нет... Как-то не подумала.

Прекрасно! Это-то мне и нужно.

— Я слышала, эти йоги... они бывают непредсказуемы. Кто знает, что ему в голову взбредет, когда чистая прана в голову ударит. Лучше принять превентивные меры.

— Э-э... да, наверное. Надо слесаря вызвать.

— Зачем тебе слесарь, если у нашего общего друга золотые руки!

— Чего-то я не понимаю, о ком ты говоришь.

— О Кирилле, конечно!

Честно говоря, я понятия не имею, умеет ли мой бывший одноклассник вставлять

замки. Это все-таки не то же самое, что настроить вай-фай. Ну, пусть погуглит. Я ему такой шанс предоставляю!

— Он нам тысячу раз замки менял, — вдохновенно врала я. — Позвони ему, он будет рад помочь.

— Да что-то как-то неудобно, — засомневалась Ника. — Мы с ним не в таких близких отношениях.

К его большому сожалению, между прочим!

— Ну, если нет у него времени, он так и скажет. Чего бояться-то?

— Ладно, — согласилась, наконец, моя несговорчивая подруга.

Так как мы уже остановились, и руки Ники были свободны, она отыскала нужный номер в телефоне. Я, тем временем, мысленно потирала руки. Какая я молодец! Убила двух жирных зайцев одним метким выстрелом! Отвлекла подругу и поспособствовала их с Кириллом общему счастью. А я ни секунды не сомневаюсь, что у них все будет просто замечательно. Сразу после того, как они, неважно, успешно или нет, поменяют замок.

— Он согласился, — произнесла Ника с некоторым удивлением, после того, как положила трубку.

— А почему это тебя так удивило?

— Мне показалось, он даже обрадовался.

— Наверное, надоело торчать за компьютером. А тут возможность размяться.

— Похоже на то.

— Ну, пока, разбирайся с замками и Кириллом, а я продолжу свои тайные дела.

— Когда ты мне все расскажешь?

— Скоро, — пообещала я.

Сама не знаю, правда это или нет. Я, вообще, очень смутно представляю, как моя жизнь будет развиваться дальше.

Когда я поднималась по лестнице, меня настигло сообщение Кириллла: «Спасибо!». «Я тут вообще не при чем», — написала я в ответ. Нет, ну правда... я же не вмешивалась? Или все же? А ведь я клялась здоровьем деда...

Я ворвалась в квартиру деда, готовая к бою. Сегодня утром он вел себя, мягко говоря, странно. Не помню, чтобы он раньше так бурно реагировал на мое отсутствие. Значит, известие о том, что я уезжаю, его вовсе не обрадует.

— Я еду в Москву, — выпалила я с порога и приготовилась отразить атаку.

Дед, помешивавший что-то в сковородке, оторвался от своего занятия, вытер руки о фартук и спокойно произнес:

— Садись, поешь.

Что? Он не будет возражать и попытается запереть меня в кладовке? От растерянности я не нашла, что сказать, и поплелась к столу. Через секунду передо мной появилась тарелка дымящейся и очень аппетитно пахнущей еды. Что-то с рисом, креветками и, кажется, патиссонами. Сначала я вяло ковырялась вилкой в дедовом шедевре кулинарного искусства, но в процессе еды ко мне пришел аппетит, и я смела все содержимое тарелки.

— Добавки? — радостно спросил дед.

Он любит, когда его еда нравится.

— Да, спасибо. Очень вкусно. Что это?

— Ризотто. Разве не похоже?

— Похоже, — согласилась я. — Только лучше.

От третьей тарелки я отказалась, зато выпила мятного чаю с крендельками. В течение всего ужина я то и дело поглядывала на медленно ползущую стрелку часов. Уже полпятого, мне еще надо собраться и пройти он-лайн регистрацию.

— Ты матери звонила? — спросил дед.

— Нет еще.

Вот. Сейчас начнется. Будет меня отговаривать.

— А что за внезапная причина нестись в столицу? — спросил он.

Я лениво пожалала плечами и скорчила равнодушную мину. Как будто никакой срочной причины нет, просто каприз.

— Надоело все. Хочу развеяться.

— Когда вернешься?

— Как пойдет.

Последний ответ — стопроцентно правдивый.

Через час я входила в аэропорт с рюкзаком на плече. Чемодан решила не брать, зачем мне куча вещей? Регистрацию я прошла, багажа у меня нет... остается ждать вылета. Утренние толпы пассажиров рассосались, наш небольшой аэропорт, как обычно, был полупустым. Я купила себе кофе и устроилась в кресле лицом к летному полю. Может, бодрящий напиток поможет мне привести мысли в порядок и составить план действий. Итак, я знаю паспортные данные Аркадия, но не знаю его адреса. Уверена, выяснить его не так уж сложно, если знать где искать. Гугл мне в помощь!

Я, совершенно безуспешно, зависла в телефоне на сорок минут и чуть не пропустила посадку в самолет. Только с третьего раза до меня дошло, что уже объявляют мой рейс. Вот растяпа! Я схватила рюкзак и пошла к выходу номер два, где образовалась очередь из десятка человек. В этот момент мой телефон, почти разрядившийся от активного интернет-серфинга, затрещивал. Кто это так не вовремя? Может, Аркадий? Вот было бы здорово.

Это был не Аркадий, а дед.

— Я иду на посадку, — сказала я в трубку.

— Руслана, — произнес он каким-то придушенным голосом. — Я скорую вызвал. Сердце...

После этого в трубке раздались короткие гудки. Я лихорадочно нажала кнопку вызова и слышала те же самые, отрывистые, тревожные, до смерти пугающие меня гудки. Дед... Ему плохо... Неужели он потерял сознание? Хорошо хоть, успел вызвать скорую. Надеюсь, он заранее открыл дверь.

Я рванула к выходу из зала ожидания, пробежала сквозь рамку металлоискателя, он запищал, мне вслед что-то закричали... Но я не остановилась. На пути ждала еще одна рамка и два охранника, которые уже преградили мне дорогу с угрожающим видом. Их можно понять: человек, как сумасшедший, носится по аэропорту, а вдруг у него, то есть у меня, бомба? Не хватало еще сейчас загреметь в полицию!

Затормозив у рамки, я выпалила:

— Я очень тороплюсь. У моего деда сердечный приступ.

Протянула им рюкзак и спокойно прошла через рамку, вытащив из кармана телефон.

Выскочив на стоянку, я заметалась в поисках такси. Обычно их тут стоит не меньше десятка, а навязчивые таксисты чуть ли не за руки хватают, пытаюсь заполучить клиента. Но сегодня они все куда-то подевались... А, нет! Есть один. Прямо к моим ногам лихо подрулил белый автомобиль, показавшийся мне знакомым. Открыв дверцу, я поняла, почему — за

рулем сидел тот самый парень, что подвозил меня утром. Только сейчас я вспомнила, что так и не перевела ему деньги.

— Привет, — радостно произнес он, — я сразу тебя узнал.

— Ты можешь ехать быстро?

У меня на улыбку сил не было.

— Не вопрос!

— А очень быстро?

— Поехали!

Мы рванули с места под визг колес.

— Проблемы? — спросил водитель, после того, как я назвала ему адрес нашей гостиницы.

— У деда приступ.

— Понял.

Обычно дорога от аэропорта до моего дома занимает полчаса. Это если не торопиться, любоваться окрестными пейзажами и вежливо пропускать вперед всех участников движения. Мой таксист вежливым не был, порой он даже был агрессивным, но зато домчал меня за пятнадцать минут.

— Помощь нужна? — спросил он, притормозив у нашей гостиницы.

— Спасибо, я справлюсь. Скорая уже должна быть здесь.

Он подвез меня к центральному входу, и я не стала просить его объехать и высадить меня со стороны двора. Нет времени. Я выскочила, влетела в холл, пронеслась мимо удивленной Марины, даже не поздоровавшись. Судя по всему, она не знает о несчастье с дедом. Скорая должна подъехать с другой стороны. Надеюсь, врачи уже там.

Я видела, что лифт едет вниз, поэтому понеслась по лестнице. Поначалу я перепрыгивала через две ступеньки, потом через одну, в конце мои ноги еле переползали со ступеньки на ступеньку, а руки едва удерживали рюкзак. Зря я все-таки не дождалась лифта!

Дверь закрыта. Неужели скорой еще нет? Я трясущимися руками достала из рюкзака ключ, с гулко бьющимся сердцем вошла в квартиру деда... На кухне никого. В гостиной тоже. И в спальне. Я заглянула в гостевую спальню, в ванную и кладовку, но деда не обнаружила. Мои ноги тряслись, я опустилась на табуретку, чтобы не упасть. Что за чертовщина? Куда подевался дед? Даже если предположить, что скорая добралась раньше меня, они не могли уехать так быстро.

А что если он был не дома? А где? Да где угодно! Пошел гулять на набережную, в гости к другу, в магазин за молоком... И там ему стало плохо. Так. Скорая. Надо позвонить и узнать. Я набрала 03 и обрисовала ситуацию. Диспетчер ответил мне, что в последние полчаса не поступали вызовы от мужчин пенсионного возраста с жалобами на сердце.

— Два отравления, перелом, приступ астмы и ДТП — вот все, что было недавно, — уточнил он.

В совершенной прострации я положила трубку.

Значит, дед не успел позвонить... Но он ясно сказал: я вызвал скорую! Может, он имел в виду «вызову»? Может, он сейчас лежит где-то без сознания, а рядом никого нет? Я вскочила с табуретки и бросилась к двери. Когда я уже была на лестнице, меня осенила внезапная догадка, и я вихрем ворвалась в свою квартиру. Зря только время потеряла, здесь его тоже нет. Вниз я спускалась на лифте, названивая тем друзьям деда, телефоны которых были у меня записаны. Оказалось, что у меня их совсем немного, хотя у моего общительного

деда десятки знакомых и приятелей. Из тех, кому я дозвонилась, никто понятия не имел, где его искать.

С помощью Марины я подняла на ноги всю гостиницу, провела настоящее расследование, в попытке выяснить, кто и когда видел деда в последний раз. Оказывается, он совсем недавно был здесь, буквально полчаса назад разговаривал с барменом Виталиком и горничной Ириной. Куда в итоге удалился, никто из них не заметил.

— Кажется, я видел, как он садился в машину, — вдруг заявил охранник Валера.

— Что значит — кажется? — набросилась я на него.

— Ну, он подошел к воротам, подъехала машина... А тут как раз отдыхающие ко мне пристали: объясни, как пройти к дельфинарию. Ну я и отвлекся. Но у меня такое ощущение, что он все-таки в эту машину сел.

— Что за машина?

— Белая, кажется. Седан. Обычная.

Час от часу не легче. Куда он мог поехать, да еще и на чужой машине?

— Это было такси? — спросла я Славу.

— Шашечек, вроде, не было...

Здесь его нет, и никто ничего не знает, значит, надо искать в других местах. Но где? Если бы он пошел пешком! Во-первых, это бы значило, что он не мог далеко уйти. Во-вторых, вокруг людные места и, если бы ему стало плохо на улице, кто-нибудь бы обязательно вызвал скорую. А на машине... кто знает, куда он мог поехать! Но не в глухой же лес, успокаивала я себя. Хотя... совершенно неизвестно, что может взбрести в голову моему деду, у него бывают неожиданные идеи, это у нас наследственное.

Это я во всем виновата. Заставила его волноваться, нервничать. Утром дед на меня прямо-таки набросился, что на него совсем не похоже. Потом, правда, успокоился, но, видимо, это не прошло даром. А главное — я нарушила клятву, и меня настигло возмездие. Ведь я клялась здоровьем деда, что не буду вмешиваться в развитие отношений Ники и Кирилла. Но я не удержалась, ускорила события... Чтоб у меня отсох болтливый лживый язык! Только бы с дедом все было хорошо.

В этих мыслях я добрела до бассейна, так и не решив, в каком направлении продолжить поиски. Просто бегать по улицам, показывая всем его фотографию? Это может затянуться надолго, и вообще не дать результата. Надо думать, а не бегать! Если бы я была каким-нибудь экстрасенсом и могла почувствовать, где он сейчас находится! А, может... Я попыталась мысленно обратиться к деду: где ты, подскажи мне, пошли правильную догадку!

От усердия я сжала зубы так, что они заскрипели, и закрыла глаза. А, когда открыла, увидела на противоположном конце бассейна деда. Я поморгала. Видение не исчезло. Более того, оно обогнуло бассейн и приблизилось ко мне.

— Руслана... — произнес дед.

Я бросилась к нему и чуть не задушила в объятиях.

— Как ты? Ты был в больнице? Тебе плохо?

— Все хорошо, — произнес он виноватым голосом.

— Как сердце?

— С ним все в порядке.

— Ты же звонил, говорил — плохо.

— Извини... Это была дурацкая шутка.

— Что?!

Я отстранилась от деда, прямо-таки шарахнулась в сторону. Что он несет? Шутка? Кто может так шутить?!

— Извини. Просто я испугался.

— Чего ты испугался?

Я не могла поверит в происходящее.

— Что ты уедешь к этому... уголовнику.

— Откуда ты узнал?!

И тут меня осенило: дядя Саша! Вот кто стукач и крыса!

— Я чуть с ума не сошла! Я тут всех на уши поставила, звонила в скорую, твоим друзьям, в морг уже собиралась звонить!

— Извини, я... Не подумал, что все будет настолько... А, когда понял, сразу вернулся.

— Да ты просто...

— Зараза? — с надеждой спросил дед.

— Нет! Гораздо хуже!

И тут я совершила то, о чем до сих пор не жалею. Так ему и надо! Он заслужил.

Я подошла, уперлась руками ему в грудь толкнула изо всех своих разъяренных сил. Дед удивленно вытаращился на меня, взмахнул конечностями, как побитая чайка, и рухнул в бассейн. А я развернулась и гордо удалилась, успев увидеть весь наш персонал и, кажется, большую часть постояльцев, столпившихся позади бассейна, как перед сценой.

Время полдевятого, на последний сегодняшний рейс я уже не успею. Значит, полечу завтра, самым первым, в пять утра. А сейчас... не знаю. Никого не хочу видеть, особенно деда. Да и всех сотрудников нашего отеля тоже. Поэтому пойду прогуляюсь.

Совсем неудивительно, что ноги вынесли меня на пляж. Море. Оно такое же, как всегда — огромное, безмятежное, прекрасное. Миллионы людишек, таких же, как я, в течение миллионов лет мечутся по его берегам, разрываемые своими проблемами, а оно взирает на них с древней невозмутимостью. Хорошо быть морем... Или хотя бы окунуться в него, зарядиться его силой и спокойствием. Жаль у меня нет с собой купальника.

Я добрела до вышки спасателей и увидела, что она, вопреки моим предположениям, не пуста. Кто это там сидит в такое время? Смена закончилась полчаса назад. Приблизившись, я разглядела Ерша, развалившегося прямо на деревянном полу и закинувшего ноги на перила. Рядом с ним стояла бутылка, явно не воды.

— Уйти в запой на закате — это так романтично, — произнесла я.

— О, Русалка!

Ерш вскочил на ноги, опрокинул бутылку, поймал ее на лету и прижал к груди.

— Чего ты так засуетился? Продолжай наслаждаться жизнью.

Ерш хмыкнул. А я побрела к воде. Сняла кеды, закатала джинсы, теплая вода коснулась моих ног... Нет, я так не могу!

Я стащила штаны, расстегнула лифчик и вытянула его через рукав футболки. Бросила все это на песок и, разбежавшись, занырнула в ласковую освежающую воду. Как хорошо! Я плыла навстречу заходящему солнцу, по малиновой переливающейся дорожке, под небом, окрашенным в фантастический сиреневый цвет. А потом я нырнула так глубоко, как только могла. Внизу царил совершенно нечеловеческая тишина и удивительный, пронзительный покой. За ту минуту, что я находилась под водой, эта тишина проникла в меня, наполнила изнутри. И я почувствовала: все будет хорошо.

Сегодня был сумасшедший день, весь мир как будто ополчился против меня — сплошные препоны и препятствия! Но теперь события будут развиваться совсем по-другому — это нашептали мне малиновые волны.

Возле кучки моих вещей отирался Ерш. Бутылки в его руках не было.

— Я уже думал взять лодку, — сказал он.

— Спасать меня? — фыркнула я.

— Ты какая-то странная была.

— Думал, я топиться пошла? Русалки не тонут, не знаешь, что ли?

Ерш стянул свою футболку и протянул мне.

— Спасибо. Ты настоящий друг.

И пошла к раздевалке, прихватив джинсы и лифчик.

— Друг... — услышала я позади разочарованный голос Ерша.

— Да, — кивнула я, не оборачиваясь.

Домой идти не хотелось совершенно, поэтому я согласилась на предложение Ерша посидеть с ним на вышке. Развесила на нижних перекладинах свое белье, устроилась на пледе, который принес мой романтичный друг и расслабилась. Настолько, что даже сделала пару обжигающих глотков из бутылки Ерша, которую он извлек неведомо откуда.

— Что это? — спросила я, едва не выплюнув содержимое.

— Самогон. Настоянный на горных травах и молодых кипарисовых шишках. Крепость, как я подозреваю, градусов 70.

— Да ладно! Столько не бывает.

— Ну, 68.

Он отхлебнул и снова протянул мне бутылку.

— Спасибо, — отказалась я. — Мне нужен ясный ум.

— И мне. Для этого и пью.

— И что? Действует?

— Ага. Секунду назад меня посетило очередное озарение: такая русалка, как ты, никогда не будет с такой рыбой, как я.

— Дело не в тебе, — сказала я.

— Ну, конечно! Сейчас начнется: дело не в тебе, дело во мне...

— Именно. Я влюбилась. Насмерть. И все очень сложно.

— В того сдыха?

Я кивнула.

— И что же тут сложного? Или да, или нет. Все остальное — демагогия.

— Обычно так и есть.

— Но у вас все необычно.

— К сожалению.

— Все так говорят. Все такие уникальные и неповторимые. У всех запутанные истории. На самом деле все очень просто.

— Согласна, — кивнула я. — Завтра я уезжаю.

— К нему?

— Ага.

— А он тебя ждет?

— Нет.

— Никогда бы не подумал, что ты...

— Буду за кем-то бегать? И я бы не подумала. Но да. Буду.

Ерш удивленно покачал головой.

— Значит, она бывает?

— Кто?

— Ну, эта. Любовь. Такая, чтоб всю душу наизнанку вывернула.

Я пожала плечами.

— Похоже на то.

— Если бы у меня могло быть такое, то только с тобой, — выпалил Ерш после очередного глотка своего убойного зелья.

— Глупости, — ответила я. — «Если бы, да могло бы...» Сам только что сказал: или да, или нет. Найдешь еще свою занозу.

— Может, ты и права.

Ерш посмотрел на меня мутными, истинно рыбьими глазами.

— Ладно, мне пора.

Я спустилась с вышки и собрала свои, еще мокрые, вещи.

— Футболку потом когда-нибудь верну. Или на память оставлю. В комплект к рубашке.

— Нет, ну должны же где-то еще водиться такие русалки? — патетически воскликнул

Ерш.

— Определенно, — согласилась я. — Ищи и найдешь.

Больше моей поездке ничто не мешало. Как будто рисунок звезд, управляющих ситуацией, изменился, и вселенная дала «добро». Даже дед вел себя тихо и прилично. К тому моменту, как я вернулась домой, моя злость на него улетучилась. Я понимала, почему он совершил этот безумный и удивительный по своему идиотизму поступок. Он, вообще, рассудительный и даже мудрый человек, но, когда дело касается меня или мамы у него может снести крышу.

Конечно, он не хотел, чтобы я связывалась с человеком, который очень скоро окажется в тюрьме. Я бы, наверное, тоже не хотела, чтобы моя дочь или внучка впуталась в подобную ситуацию. Но так уж получилось. Я это не выбирала. Я не знаю, что будет дальше, но с полной определенностью могу сказать: просто взять и выбросить Аркадия из головы для меня невозможно. Потому что он не в голове, а глубоко-глубоко в сердце, и вырвать его оттуда получится только вместе со здоровенным куском. Да и то вряд ли. Слишком глубоко он в меня пророс...

Я вернулась в полночь, но спать ложиться не собиралась — знала, что все равно не усну, да и какой смысл укладываться на три часа? Выспаться не удастся в любом случае. Роясь в телефоне, я наткнулась на номер таксиста, который сегодня очень помог мне целых два раза и при этом категорически отказался брать деньги. Он просил позвонить... Почему нет? Вдруг он тоже не спит.

— Привет, — поздоровалась я. — Надеюсь, я тебя не разбудила.

— О, Русалка!

— Откуда ты знаешь мое имя?

Точно помню, что мы друг другу не представлялись.

— Имя? Ты о чем? Я так тебя прозвал из-за длинных мокрых волос... Как твой дед?

— Отлично, — вздохнула я.

— А все остальное?

— Все будет хорошо, — заявила я с уверенностью, которой, на самом деле, не ощущала.

— Теперь я знаю твой номер. Может, как-нибудь...

— Вряд ли, — снова вздохнула я.

— Ладно, попозже спрошу, через пару недель. Уверен, твое настроение изменится.

Я не стала его разубеждать. Где я буду через пару недель? Хотелось бы знать.

Дед проводил меня в аэропорт, хотя я настаивала на такси. Мы почти не разговаривали: а о чем говорить? Он категорически не согласен с моим решением, но остановить меня не может. Я не хочу его расстраивать, но все равно уезжаю...

Напоследок я спросила его, от кого он узнал о моих планах. Как и предполагалась, стукачом оказался дядя Саша. Отплатил за спасение...

— Как ты его спас-то? — поинтересовалась я у деда.

— Вытащил за шкуру из моря, когда он, пьяный, воды наглотался.

Почему меня это не удивляет? Так и думала, что там не было ничего героического.

— Ты маме не звонил? — спросила я, когда мы остановились у аэропорта.

— Нет. Надеюсь, что ты передумаешь.

— И не звони. Не надо ее грузить.

— Но ты же у нее остановишься?!

— Думаю, да. Сделаю сюрприз.

— И ничего не скажешь.

— А зачем расстраивать ее раньше времени?

— Меня ты тоже расстраивать не хотела, — буркнул дед.

Самолет вылетел без опозданий, даже на десять минут раньше, чем должен был по расписанию. Я надеялась хоть немного поспать в полете, но кресло было неудобным, а моя шея слишком слабой и длинной. Как-то раз я была в деревне и видела спящих гусей — они стояли на одной лапе, согнув шею пополам и засунув голову под крыло. И чувствовали себя вполне комфортно! Как жаль, что я не гусь.

Ну да ладно, выпью в аэропорту кофе, взбодрюсь, глядишь, в голове прояснится. Плохо, что у меня нет плана. Я всю ночь рылась в интернете, изучила все сайты, на которых можно было «пробить» человека, но адреса Аркадия так и не нашла. Единственное, что мне предлагалось — отправить запрос и ждать десять дней. Но у меня нет десяти дней...

Ближе к концу полета меня осенила гениальная идея — надо подключить Кирилла! Как я не додумалась до этого раньше? Если кто и может найти в интернете все, что там есть, и даже, возможно, то, чего нет — так это мой бывший одноклассник. Жаль, что я не могу позвонить, пока мы не приземлимся.

Мой гениальный план оказался не так уж прост в исполнении. Кирилл не отвечал, похоже, его телефон был выключен. В этом нет ничего странного — время семь утра, все нормальные люди еще спят. И мне тоже очень-очень сильно хочется спать... Так, кофе. Он спасет меня, удержит от желания свернуться в клубок на ближайшем кресле и немножечко подремать.

Я чуть не утонула в чашке двойного капучино. Спиралеобразный узор из корицы, выложенный на молочной пенке, меня просто заморозил. Я смотрела на него, пока спираль не начала медленно вращаться, а пузырьки пены не пустились в пляс, что-то тихонько напевая. Мои глаза закрылись, голова начала неумолимое и неуклонное движение к чашке кофе. Еще чуть-чуть — и я бы упала в нее лицом. От утопления в горячем напитке меня спас случайный пассажир, который проходил мимо и зацепил мой локоть своей сумкой.

— Дело слушается в Измайловском суде, — кричал он в телефон, прижатый к уху. — Адрес есть в интернете. В интернете посмотри!

Раздраженный пассажир удалился, подарив мне ценный совет. Надо подойти к поиску с другой стороны, со стороны суда. Я снова атаковала телефон. Волнуясь и промахиваясь мимо клавиш, я вбила в поисковую строку сайта «Суды Москвы» фамилию Аркадия. Бинго! На странице появился номер дела, название суда и дата заседания. Сегодня в 14.40. Я еще успею. Так, а это что? В графе «текущее состояние» написано «отложено». То есть, суда сегодня не будет? Наверное, это хорошо, но где же мне теперь искать Аркадия?

После того, как мой предельно сонный организм узнал, что критическая точка отодвинулась, и смертельной спешки нет, он совершенно расслабился. Капучино подействовал, скорее, как снотворное, чем как тонизирующее. Я поняла: еще немного, и я усну в любом месте в любой позе. Хотя бы и стоя на одной ноге с головой, засунутой подмышку.

Из последних сил я заказала через интернет такси, загрузилась в машину, назвала адрес и сладко уснула на заднем сиденье. До маминого дома ехать часа полтора, вполне можно выспаться.

Я натянула ласты, оттолкнулась ими, как хвостом, от воды, и полетела вперед — навстречу солнцу и волнам, переливающимся изумрудом и бирюзой. Вода была теплой и

прозрачной, мое тело — легким и гибким, я наслаждалась заплывом и даже не думала о возвращении на берег, как вдруг... Сбоку вынырнул дельфин, схватил меня за шкуру своей цепкой клешней и начал трясти.

— Девушка, просыпайтесь!

Откуда у дельфина клешня? Дичь какая-то. Я отмахнулась от странного зверя и продолжила свое безмятежное скольжение по волнам, но он не унимался. Распахнувшаяся зубастая пасть напоминала акулю. Мне стало страшно.

— Пора выходить, мы приехали!

Я открыла глаза. Дельфин, пытавшийся укусить меня за плечо, оказался таксистом, который отчаянно тряс мою бесчувственную тушку.

— Девушка, я уже пять минут вас бужу! Мне надо на другой заказ ехать!

И он практически выволок меня из машины, напоследок вручив рюкзак.

— А деньги? — растерянно пролопотала я вслед удалявшемуся автомобилю.

И тут же вспомнила, что оплатила заказ онлайн.

Это новый мамин адрес, я тут еще никогда не была. А вдруг ее нет дома? Странно, что я не подумала об этом раньше. Я знаю, что она работает с десяти, но вдруг ей долго добираться и она выходит из дома сильно заранее? Вот будет номер. Придется спать прямо на скамейке, ни к каким перемещениям я сейчас не пригодна.

Все то время, пока меня выгружали из машины, за мной наблюдал какой-то спортсмен. Он явно только что закончил пробежку и собирался войти в подъезд, но что-то ему помешало. Я? Почему он на меня так пристально смотрит? Я тоже так могу. Я уставилась на запыхавшегося любителя бега нагло и вызывающе.

— Руслана? — вдруг произнес он.

Я чуть не упала от удивления.

— Я Игорь.

Я уставилась на него еще более пристально. Мама показывала мне фотографию своего жениха, но там он был в костюме и очках, такой солидный мужчина. А здесь — долговязый спортсмен в трениках, никакой внушительности.

— На фото вы были в очках, — выпалила я.

— А вы с улыбкой. Но я вас почти сразу узнал. Пойдемте.

И взял мой рюкзак.

— Мама еще не ушла? — спросила я, когда мы вошли в лифт.

— Уехала полчаса назад.

— Ну вот!

— Вы, кажется, ее не предупреждали...

— Хотела сделать сюрприз, — кисло произнесла я.

— Все в ваших руках. Вот она обрадуется, когда вернется вечером!

До вечера еще так долго... И у меня куча дел.

Мы вошли в квартиру, Игорь проводил меня в гостиную, сказал: «Я мигом» и скрылся в ванной. Я осмотрелась. Новый дом, просторная светлая квартира, вид из окон на уходящие в бесконечность дома и улицы. И уютный диван, изогнутый буквой «Г». На него я и опустилась. Все-таки сил у меня совсем нет. Но надо собраться. Я не знаю, насколько отложили суд, мне нужно найти Аркадия, пока его не упрятали за решетку.

Я не успела заскучать, Игорь вышел из ванной, как и обещал, очень быстро. Он пригласил меня на кухню, включил кофеварку и начал колдовать над сковородкой на плите.

— Я угощу вас потрясающим омлетом, — сообщил мне мамин жених. — Вера его очень любит.

Ну, раз Вера любит, то и я не откажусь. Кирилл все еще не отвечает. Спит как сурок! Может, позвонить Нике, попросить ее съездить к нему и разбудить? Это будет очень долго, но зато я буду знать, что что-то происходит, какие-то действия, приближающие меня к Аркадию, совершаются. Ника тоже не берет трубку! Это неудивительно, она любит поспать до обеда. Эдуард столько времени заставлял ее просыпаться на рассвете, что теперь она отрывается по полной. Ее точно не добудиться! Что же мне делать?

Игорь, весь такой свежий и бодрый, с радостной улыбкой на лице хлопотал у плиты. Живут же некоторые: ни забот, ни проблем! Высыпаются, бегают по утрам, принимают душ...

— Вам кофе со сливками или черный? — спросил мой заботливый будущий отчим.

— Черный, — буркнула я. — И покрепче.

Он снова мне улыбнулся. Бесит прямо! Не представляю, чему можно так радоваться с утра пораньше.

— Сегодня замечательно утро, — произнес Игорь, водружая на стол передом мной тарелку омлета и чашку кофе. — Пока бегал в парке, встретил настоящую живую белку. В первый раз!

Белку он встретил, радость какая! У нас этих белок навалом, хоть хороводы с ними води. А в горах зайцы есть, и лисы, и кабаны размером со слона. Такой голову откусит, не задумываясь, небось, расхочется тогда улыбаться до ушей... Этот брюзгливый монолог я произнесла про себя, а вслух выпалила:

— Я вас папой называть не буду.

Что это? Откуда это взялось в моей голове и как сорвалось с губ? Поистине недосыпание делает меня настоящей заразой или даже гадиной.

— Пойду утоплюсь, — рассмеялся Игорь.

Уф! Кажется, не обиделся.

— Извините, — выдавила я. — Я злая, потому что не выспалась.

— И голодная, — добавил Игорь.

Внезапно я поняла, что он прав. Манящий запах омлета дразнил мои ноздри, аромат кофе вызывал прилив слюны...

— И я бы еще в душ сходила, — добавила я.

— О! Извини! — воскликнул он, незаметно переходя на ты. — Вот я старый осел! Не догадался. Пошли, я выдам тебе чистые полотенца и Верин халат.

— Сейчас, — ответила я, залпом заливая в себя ароматный кофе.

После душа и омлета мне стало значительно лучше. Я чувствовала, что готова свернуть горы, только не знала, с какой стороны к ним подойти. Правда, кое-какие новые идеи в моей голове уже шевелились. Когда я шла по коридору из ванной в кухню, я заметила в недрах спальни открытый шкаф, а в нем — белый халат на плечиках. Мама говорила мне, что Игорь — офтальмолог. Тогда я пропустила эту информацию мимо ушей, мне было все равно, чем занимается ее будущий муж. Но сейчас его профессия может оказаться для меня полезной. Офтальмолог, конечно, — не хирург, но, возможно, у него есть связи и знакомства... В общем, я решила подойти к проблеме с третьей стороны, медицинской.

— Мне нужно найти одного человека, — с места в карьер начала я.

За кофе мы мило побеседовали, нашли общий язык и я решила не церемониться —

время поджигает, не до политеся.

— Но я ничего о нем не знаю, кроме того, что он сейчас лежит в больнице. Скорее всего, в реанимации.

— Имя известно?

— Нет. Месяц назад, в драке возле клуба его ранили ножом. Он впал в кому. Больше я не знаю ничего.

— Возраст?

— Э-э... молодой.

Я вспомнила, как Аркадий называл пострадавшего «пацаном».

— Сложная задача, — произнес Игорь.

— Невыполнимая?

— Не знаю. Возможно. Но мы попытаемся.

— Спасибо! — с жаром откликнулась я.

— Пока не за что.

И он засел за компьютер и телефон. Я предлагала свою помощь, но Игорь деликатно намекнул, что я ему только мешаю. Тогда я снова попробовала дозвониться Кириллу и Нике. Безрезультатно. Сколько можно дрыхнуть? Время десять утра! Всего лишь десять утра...

Проснулась я от нежных прикосновений к волосам и легкого поцелуя в щеку. Мама! Это было очень радостное пробуждение ровно до того момента, как я вспомнила, где я и зачем я здесь. Игорь ей настучал! Или дед. Или оба. От первого она могла узнать, что я кого-то ищу, причем история странная и мутная. А от второго... второй ей мог рассказать абсолютно все. Только новых препятствий мне не хватало!

— Ты не на работе, — пробормотала я прямо во время радостных объятий.

— Да! — согласилась мама. — У меня есть буквально полчаса! Ну, рассказывай, как ты здесь оказалась.

— Решила развеяться, — затянула я старую песню. — Погулять, отдохнуть.

Помнится, с дедом это поначалу прокатило. Я посмотрела на Игоря, появившегося в дверях гостиной. Он заговорщицки мне подмигнул. Что это значит? Надеюсь, он имел в виду: у нас есть общий секрет, я ничего не рассказал.

— Прекрасное решение! Мы с тобой обязательно сходим в театр и на пару очень интересных выставок. И погуляем в парках. И шопинг, конечно! Тебе нужно обновить гардероб.

— Ну не прямо же сейчас?

— Нет, конечно. Сейчас я уеду, а ты отдохнешь. А пока пойдем, выпьем чаю.

Игорь к нам не присоединился, он все еще сидел за компьютером. Мама даже не спросила его, чем он там занимается. Видимо, он нередко зависает перед монитором.

— Ну, — обратилась она ко мне, — когда мы уселись за кухонный стол. — Зачем ты приехала на самом деле?

— Я же сказала...

— Я слышала. А теперь хочу услышать правду.

Я вздохнула.

— Это из-за него?

— Из-за кого?

— Не знаю. О ком ты думала все время, пока я была у вас?

— Э-э...

— Будем считать, что ты сказала «да».

Ну ладно. Будем.

— Он уехал, а ты приехала за ним?

— Хочешь сказать, у меня нет гордости?

— Я совсем не это хочу сказать. Вернее, спросить. Ты беременна?

— Нет!

Я знаю это совершенно точно. Что за бзик у моей мамы? Нет, причина ее задвига, конечно, понятна, но... Кто сказал, что я собираюсь в точности повторять ее ошибки? Я способная, наделаю своих!

— Ладно, — кажется, она выдохнула с облегчением. — С остальным мы как-нибудь разберемся.

— Мы?!

В этот момент в дверях кухни появился Игорь.

— Чаевничаете? — спросил он и взял себе кружку.

Вид у него был загадочный и довольный, как у Джульбарса, тайком слопавшего оладушек. Я встала, как будто для того, чтобы снова поставить чайник и, оказавшись за маминой спиной, скорчила вопросительную мину: подняла брови, широко распахнула глаза и дернула подбородком. Игорь бросил на меня быстрый взгляд, потом посмотрел в свою кружку и медленно кивнул. Есть! Он что-то нашел! А, главное, он понимает, что маме совсем не обязательно знать обо мне все.

Мне не терпелось его расспросить, а мама все не уходила и не уходила. Она же говорила, у нее всего полчаса! Глядя на то, как она неторопливо отпивает из кружки, можно было подумать, что она собирается сидеть на кухне как минимум до зимы!

— А, может, мне отпроситься на весь день? — задумчиво спросила она.

В ответ я широко зевнула. Так, что челюсти хрустнули.

— Лучше не сегодня, — хором произнесли мы с Игорем.

— Пожалуй, вы правы. Руслане надо отдохнуть.

— Я сегодня ночью вообще не спала, — сообщила я чистую правду.

Как только за мамой закрылась входная дверь, я набросилась на Игоря с расспросами.

— Есть два подходящих варианта, — произнес он с какой-то странной интонацией. — Один не очень хороший.

— В смысле?

— Пациент скончался.

— Что?!

Мои колени подкосились.

— Может, тебе, все же, нужен второй...

— Может, — с робкой надеждой прошептала я.

— Оба побывали в драке около месяца назад, один на три дня раньше. Оба лежали в реанимации в тяжелом состоянии, в разных больницах. У одного позавчера отказали легкие. Второму стало лучше, была проведена операция, сегодня он пришел в себя.

— Спасибо. Вы... ты... мне очень помогли.

Я сидела на диване, комната кружилась вокруг меня и, как я ни старалась сфокусироваться и остановить эту карусель, у меня не получалось. Один умер, второй жив... От кого-то из них зависит жизнь Аркадия. Его судьба уже предрешена, вот только приговора я не знаю. Может, он так внезапно уехал, потому что узнал о печальном исходе? А, может,

он торопился на суд. Как бы я хотела, чтобы оба пациента были живы и здоровы! И неважно, кто из них связан с Аркадием.

Скоро я все узнаю. Очень-очень скоро, через час или два. Как бы пережить этот час?!

— Мне нужен адрес этой больницы... где пациент жив, — произнесла я, как во сне.

— Я договорился, тебе выпишут пропуск.

— Что? — очнулась я.

Игорь сидел рядом со мной на диване, в его руках был листок с какими-то буквами и цифрами.

— Я сейчас еду на работу. Нужная тебе больница по пути, могу подвезти. Покажешь паспорт, тебе дадут пропуск. Да, и белый халат возьми, на всякий случай.

— Спасибо, — выдавила я. — Вы не представляете, как много это для меня значит.

— Мы же вроде на «ты» перешли, разве нет? — улыбнулся Игорь.

— Я забыла...

— Мне кажется, тебе не мешает что-нибудь успокаивающее. Хотя бы пара капель валерьянки.

— Валерьянки? Я же не кошка...

Никогда в жизни не пила успокоительное, и сейчас начинать не буду. Справлюсь.

— Запиши мой телефон.

— Зачем? — не поняла я.

— Я там неподалеку работаю. Если что — звони.

— Спасибо. Я... да. Позвоню, если что.

Если все плохо — Игорь мне не поможет. А если хорошо... нет, пока я не буду об этом думать. Рано расслабляться. Пора ехать и узнать, наконец, какое будущее меня ждет.

Наверное, я плохо выглядела. Возможно, цвет лица был слишком бледным, или испарина на лбу выступила, или глаз дергался... Игорь, остановив машину, внимательно меня оглядел и сказал:

— Я пойду с тобой.

— Нет!

— Не знаю, осознаешь ты это или нет, но ты в любую секунду можешь грохнуться в обморок.

— В мыслях такого не было. И в планах тоже.

Игорь припарковал автомобиль и, как я ни упиралась, вышел вместе со мной. Мы прошли в здание больницы, получили в регистратуре пару пропусков, поднялись на лифте на восьмой этаж.

— Палата номер пятнадцать. Это здесь, — произнес Игорь.

На ватных ногах я приблизилась к белой двери, потянула за ручку... она легко поддалась. Я заглянула вовнутрь и увидела кровать, капельницу, какой-то прибор с экраном на тонких ножках и того, кто был подключен к этому прибору. Он бросил на меня быстрый взгляд и еле заметно улыбнулся.

— Я не сплю. Капельница еще не закончилась.

Его голос был хриплым и слабым, но глаза светились радостью. Было очевидно: этот пациент скорее жив, чем мертв, и его выздоровление не за горами.

Из-за белого халата он принял меня за медсестру, поэтому вести себя нужно соответственно. Я вошла, с деловым видом осмотрела капельницу. Она, действительно, еще не закончилась. Капли мерно перетекали из резервуара в трубку, а потом в иглу, воткнутую в

руку пациента. На иглу я старалась не смотреть, так же, как на бинты, которыми была обмотана его грудная клетка. У меня и так голова кружится и ноги подкашиваются, от вида крови или других медицинских подробностей я, как предсказывал Игорь, могу потерять сознание и шмякнуться об пол, а это будет совсем некстати. Игорь, кстати, вслед за мной не вошел. Это хорошо...

— Мне нужно задать вам несколько вопросов, — произнесла я со всей доступной мне уверенностью. — Чтобы проверить память.

— Память? Я все прекрасно помню. Знаю, как меня зовут, и где я живу. Вот только целый месяц куда-то потерялся...

— Так как вас зовут?

— Макс. Максим...

— Хорошо. А вы помните... то происшествие, которое привело вас в больницу?

— Прекрасно помню. А что, мне уже можно волноваться? Доктор говорил: спать и не о чем не думать.

— Э-э... а вы сейчас волнуетесь?

— Да не особо. Но вспоминать немного страшно, да. Этот нож... когда он его воткнул, я поначалу боли не почувствовал. Мне показалось, меня просто толкнули в живот. А потом смотрю — торчит.

Зрачки Максима расширились, дыхание участилось. Он явно разволновался, а ему нельзя. Как бы не довести выздоравливающего пациента до кризиса... Что же делать? Остановить рассказ? Позвать врача? Хотя... пока что ничего страшного не происходит. За дверью Игорь. Он офтальмолог, а не хирург, но, если что, придет на помощь.

— Вы помните, кто напал на вас с ножом? — продолжила я расспросы.

— Хотелось бы забыть... — произнес Максим. — Высокий такой, улыбался еще жуткой улыбкой...

Жуткой? Что значит — жуткой?

В этот момент дверь распахнулась, в нее ворвались люди, которые помешали мне услышать окончание истории. Среди ворвавшихся были: врач, еще один врач, медсестра и толпа студентов в белых халатах. На заднем плане маячил Игорь, прекрасно вписавшийся в эту компанию. Он подошел ко мне, взял за руку и вытянул из палаты. Мог бы и не стараться, вошедшие все равно обратили на меня внимания не больше, чем на тумбочку возле кровати.

— Повторный обход, — произнес Игорь странную фразу.

Я успела услышать начало речи врача, который вещал об уникальности проведенной операции и о стабильности достигнутых результатов. Он потрясал папкой, кивал на прибор, произносил длинные термины, и почти не смотрел на растерянного пациента.

Через несколько минут, которые мы с Игорем провели в коридоре, к толпе, набившейся в палату, присоединилась еще одна медсестра.

— Пал Палыч, — услышала я ее зычный голос. — Там к больному посетитель рвется. Уже устроил драку с охраной. Говорит, он то ли виновный, то ли подсудимый...

— Никаких посетителей, я же четко сказал! И так родственники с утра наведывались. Больному необходим покой!

Ага, а толпа студентов как раз этот покой и создает.

— Я знаю, но он не уходит. И охрана с ним справиться не может. Полицию вызывать, что ли?

— Если надо — вызывайте! И не отвлекайте меня, пожалуйста, на подобные мелочи!

Медсестра вышла и направилась к лифту, я рванула за ней. Я знаю этого буйного посетителя, которого не могут унять охранники. И я очень хочу его увидеть!

Лифт закрылся, мы с медсестрой поехали на первый этаж, Игорь, не успевший среагировать на мой внезапный бросок, остался наверху.

У входа стоял одинокий охранник, он скучал, видимо, потому, что некого было выдворять за территорию больницы.

— А где этот, буйный? — спросила медсестра.

— Ушел.

Вид у него был такой, как будто он своими собственными руками вышвырнул непослушного посетителя за больничный забор. Что-то я в этом сильно сомневаюсь. Охранник, конечно, парень плечистый, но и Аркадий далеко не хлюпик.

Ушел... как он мог уйти, не повидавшись с пострадавшим? Не мог, я в этом уверена. Я выскочила на улицу, огляделась по сторонам, метнулась сначала влево, потом вправо... Куда он пошел? Ну, интуиция, просыпайся, подскажи мне! Мое шестое чувство, обожающее вступать в ситуацию, когда его не просят, сейчас молчало, как рыба об лед. Ладно, будем действовать наугад, авось повезет. Пойду, пожалуй, направо. Нет, налево... Мои метания были прерваны внезапным появлением того, кого я так долго искала. Всю жизнь и еще немного.

Аркадий задумчиво выплыл с правой стороны, он смотрел на стены и окна больницы и не смотрел на меня. Как я предполагала, он не ушел, а пытался найти альтернативный способ проникновения в больницу. Вот он приблизился к окну на первом этаже, которое было открыто в режиме форточки, заглянул... Видимо, увиденное не вселило в него надежду, потому что он быстро отпрянул и начал заинтересованно разглядывать пожарную лестницу, нижняя ступенька которой начиналась метрах в двух от земли. Куда, интересно, он собирается по ней лезть? Заберется на крышу и спустится в дымоход? Тоже мне, Санта Клаус.

На меня этот искатель приключений даже не взглянул. Ну да, вдалеке маячит нечто в белом халате, обычное дело для больницы, не стоит внимания. Я обошла Аркадия со спины, приблизилась... целую секунду не могла придумать, что бы такое необычное сотворить и, в итоге, просто закрыла его глаза ладонями. Он сначала дернулся, как будто хотел немедленно избавиться от неожиданного препятствия, но потом замер, накрыв мои руки своими.

Я стояла вплотную к нему и чувствовала, как громко и гулко бьется его сердце. Руки Аркадия двинулись от моих ладоней к предплечьям, он сжал мои локти, коснулся волос...

— Русалка? — произнес он удивленным шепотом. — Не может быть.

Я хмыкнула.

— Это, правда, ты...

Мои ладони все еще закрывали его глаза.

— Как ты тут оказалась? Наверное, это я притянул тебя силой мысли.

— Ага, — фыркнула я. — Сидела дома, потом — бац! — уже здесь.

Если бы он знал, сколько препятствий мне пришлось преодолеть, чтобы оказаться сейчас рядом с ним!

Аркадий медленно повернулся. Его взгляд был таким ошарашенным! Только ради этого стоило снести все преграды и прилететь. Он обхватил мое лицо ладонями, и долго в него вглядывался, как будто боялся, что это не я или что я сейчас исчезну.

— Как ты нашла меня?

Я ничего не ответила, просто уткнулась в его плечо. Он обнял меня, крепко сжал, я почувствовала, как мои ступни оторвались от земли... И только в этот момент до меня дошло: раз Аркадий здесь, значит, пациент тот. Значит, он не убийца. Если он и попадет в тюрьму, то не навсегда... Какая досада, что Максим не успел рассказать мне подробностей того злополучного происшествия! Что там все-таки случилось? Кто на кого напал и кто виноват? Только бы не Аркадий! В нем нет злости и агрессии, я не могу представить, чтобы он бросался на кого-то с ножом. Но он был пьян. А вдруг?.. Нет, это невыносимо!

— Что ты тут делаешь? Откуда белый халат? Зачем... как?! — разразился Аркадий серией восклицаний.

Сколько вопросов, и у него, и у меня, и нас вместе! К счастью, ответы мы получим очень скоро. А вдруг — не к счастью? Вдруг Максим расскажет что-то страшное, после чего я снова потеряю Аркадия? Я почувствовала, что мои глаза наполнились слезами. Как я ни старалась, удержать, а, тем более, загнать обратно предательскую жидкость не получалось.

— Почему ты молчишь? И почему плачешь?

Аркадий совершенно растерялся. А я не могла вымолвить ни слова, потому что мне приходилось изо всех сил сдерживать рыдания. Как это глупо! Почему нужно разрыдаться именно сейчас? Мой вновь обретенный любовник гладил меня по голове, целовал в макушку, прижимал к себе и что-то тихонько шептал на ухо. Когда его губы коснулись моих глаз, я не выдержала. До этого момента я уронила всего лишь пару небольших и, надеюсь, симпатичных слезинок. Это было не очень страшно. Теперь же слезы хлынули ручьем. Нет, рекой! В носу захлюпало, плечи затряслись, губы сами собой сложились в некрасивую гримасу...

Аркадий обхватил меня руками, закрыв и защитив от всего мира. Я обильно орошала жидкостью его свитер, вздрагивала всем телом, пыталась утираться рукавом и воротником халата.

— Не надо из-за меня плакать, — повторял Аркадий. — Я этого не заслуживаю.

Так вот что он шептал мне в ухо! Увлеченная сдерживанием рыданий, до этого я не могла разобрать слов.

— Замолчи! — прикрикнула на него я. — Я сама решаю, из-за кого мне плакать.

— Узнаю свою Русалку!

Аркадий попытался отстраниться и заглянуть мне в лицо, но я намертво прилипла к его свитеру. Не хочу, чтобы он видел мои распухшие глаза и красный нос!

— Ты совершенно фантастическая, — сказал он. — И я безумно рад тебя видеть. Но я же запретил тебе...

— Запретил?! — взвилась я.

И мгновенно отлипла от его плеча.

— Так и знал, что это сработает! — рассмеялся Аркадий.

Наконец-то я вижу его улыбку!

— Хочешь любоваться моим красным носом — пожалуйста.

— Хочу.

Он чмокнул меня в нос, потом в глаз, потом его губы прикоснулись к моим губам. В этот момент где-то рядом раздалось деликатное покашливание.

— Я бесповоротно опоздал на работу, но все же надеюсь там появиться.

Это был Игорь. Он сидел на скамейке неподалеку от нас. И, кажется, уже давно...

Аркадий уставился на него с немым удивлением, потом перевел взгляд на меня.

— Это Игорь, — сообщила я. — А это Аркадий.

— Ему можно доверить присматривать за тобой? — спросил Игорь.

— Кто сказал, что за мной нужно присматривать?!

— Можно, — спокойно ответил Аркадий.

— Ну тогда я пошел. Вот вам халат, — он снял названный предмет одежды. — И мой пропуск.

— О! — обрадовался Аркадий. — Круто. Вот только охранник меня уже запомнил.

— Охранник сменился пятнадцать минут назад. Пересменка.

— Огромное спасибо! А вы кто?

Игорь посмотрел на меня.

— Это мой будущий приемный папа, — сообщила я.

По дороге я объяснила Аркадию, кто этот добрый волшебник, подаривший ему пропуск и белый халат, и почему на мне такой же.

— Так ты уже была там?!

— Он почти ничего не успел мне сказать.

— Почти?

— Он хорошо помнит нападавшего. Тот был высоким и... улыбался.

— Улыбался? Думаешь, это похоже на меня? — со страхом спросил Аркадий.

— Нет, — твердо ответила я.

Положив руку на ручку двери, я услышала, как мой спутник судорожно вздохнул. Представляю, как ему сейчас страшно! А вдруг мы войдем — и пациент закричит от ужаса? Я толкнула дверь.

Максим не закричал. Он вообще не заметил нас, потому что крепко спал. Мы на цыпочках подошли к кровати, Аркадий с надеждой всмотрелся в его лицо.

— Интересно, как он?

— Хорошо, — ответила я. — Он поправится. Надо его разбудить.

— Думаешь?

— Нас в любой момент могут отсюда выставить. Ты хочешь, чтобы мы ушли, так ничего и не узнав?

— Нет!

Аркадий протянул руку и осторожно тронул больного за плечо. Никакой реакции.

— Нужно сильнее, — посоветовала я.

— Лучше ты его разбуди. Вдруг он увидит меня и испугается...

— Ладно.

Сначала я была деликатной, но это не сработало. Максим дрых, как солдат после маршброска! Добудиться его гуманными методами не было никакой возможности. Поэтому я прибегла к негуманным — ущипнула его за щеку. Он зашевелился, разлепил глаза, увидел меня, улыбнулся. Потом перевел взгляд на подошедшего Аркадия. В его глазах мелькнуло что-то непонятное... страх? Тревога?

— Я тебя помню, — сказал он Аркадию. — Ты меня спас.

— Что?!

Аркадий сжал мое плечо так, что кости чуть не хрустнули.

— Ты не дал мне вытащить нож. Врач сказал: если бы я его вытащил, мне конец.

Аркадий плюхнулся на табуретку, стоящую рядом с кроватью. Я его обняла и почти

рухнула на него. У меня тоже внезапно ослабли колени...

— Так я тебя не убивал... — произнес Аркадий странную фразу.

— Ты что, ничего не помнишь?

— Ничего. Я тогда выпил не меньше ведра...

— Я тоже. И мы с тобой поспорили.

— Что-то такое припоминаю, — кивнул Аркадий.

— А потом я сцепился с одним типом. Мы вышли и стали драться. А когда я увидел в своем животе нож, появился ты.

— У тебя уже был следователь? — спросила я Максима.

— Еще нет... Они что, думают, это ты?!

Пациент уставился на Аркадия, тот кивнул.

— Я им скажу! Я расскажу все, как было! Я... ты меня спас.

Он попытался подняться, но я его удержала.

— Тебе нельзя волноваться, помнишь? Лежи. Ты обязан очень быстро выздороветь и все рассказать.

— Я... да!

Максим с гримасой боли рухнул на подушки.

— Если бы не ты, я бы сейчас лежал не здесь, а на кладбище, — глухо произнес он. —

Но я и сам, конечно, хорош.

— Теперь начнешь новую жизнь? — с улыбкой произнес Аркадий.

— Абсолютно новую!

И они пожали друг другу руки.

Я не помню, как мы оказались на улице. Но помню насыщенный густой запах свежести, который обычно бывает перед дождем. Вполне возможно, что с неба сейчас что-то польется — оно было серым и пасмурным, а поднявшийся ветер кружил одинокие желтые листья. Аркадий схватил меня за руку и увлек в аллею из молодых кленов и берез.

— Куда мы бежим? — спросила я.

— Не знаю, — рассмеялся он и остановился. — Я так давно хотел сказать, что люблю тебя. Теперь мне ничто не мешает. Я люблю тебя!

Он крикнул это так громко, что стая голубей, клевавшая что-то на асфальте, взлетела, громко хлопая крыльями, а несколько кленовых листьев лимонного цвета спланировали с веток вниз.

— Надо же, здесь уже осень, — зачем-то ляпнула я.

— Август, — объяснил Аркадий.

— А у нас еще лето.

— Мне нравится лето. Поехали!

Он снова схватил меня за руку.

— Куда?

— В аэропорт! Пока лето не кончилось, мне нужно успеть достроить дом. И посадить дерево. И... сына родить. И пару дочек.

Кажется, на радостях Аркадий рехнулся.

— Успеешь, — произнесла я успокаивающим тоном.

— Что значит: успеешь? — Аркадий испытующе уставился на меня.

— А что это может значить?

— Не «успеешь», а «успеем».

— А-а...

— Уж не собираешься ли ты от меня сбежать? — с изумлением спросил он.

Я не собиралась, но не могла упустить возможности пощекотать ему нервы.

— Наш курортный роман, вроде бы, закончен, — сказала я. — Долги отданы...

Такой реакции я никак не ожидала! Аркадий опустился на одно колено, взял меня за руку и произнес:

— Ты выйдешь за меня?

— Мы знакомы меньше месяца! — ошарашено прошептала я.

Он, точно, не в себе.

— У тебя есть сомнения?

Улыбка слетела с его лица, он смотрел на меня серьезно и внимательно. Я видела: это не игра и не влияние момента. Он искренен и смертельно влюблен. Так же, как и я.

— Сомнений нет, — улыбнулась я.

— И у меня нет.

— Ну, тогда ладно.

— Это значит «да»?

— Это значит «да», — как попугай повторила я.

— Я же говорил: ты самая неромантическая девушка на свете! — рассмеялся Аркадий, встал с колена и обнял меня.

— А ты думал, я буду визжать и хлопать в ладоши?

Если честно, приблизительно так я себя и вела. Глубоко внутри. Но снаружи это, почему-то, никак не проявилось. Наверное, я просто ошарашена — столько всего произошло за последнее время, до меня еще не совсем дошло, что все волнения позади. Финал у этой истории такой счастливый, какого я представить себе не могла... А я все еще какая-то замороженная. Пора размораживаться!

— Не думал, но с удовольствием бы на это посмотрел. Спорим, ты будешь?

— Что? — я уже забыла, о чем мы говорили.

— Визжать и хлопать в ладоши.

— С чего это?

— Пока не знаю, но обязательно что-нибудь придумаю.

— Ну-ну. А, знаешь, что? — вдруг осенило меня. — Мне жуть как не нравится слово «брак». Пусть у нас лучше будет бесконечный курортный роман.

Аркадий подхватил меня на руки и закружил. Большие и маленькие желтые листья кружились вместе с нами, а капли дождя, который все же начался, танцевали вальс...

— Но ты же станешь моей женой? — прошептал Аркадий мне на ухо, когда мы остановились.

— Да. Я люблю тебя.

Его губы коснулись моих, и весь мир куда-то исчез...

Дорогие и любимые читатели! Роман закончен, но я пишу эпилог, который выложу через несколько дней. Если у вас есть пожелания и замечания, оставляйте их здесь:

По дороге я объяснила Аркадию, кто этот добрый волшебник, подаривший ему пропуск и белый халат, и почему на мне такой же.

— Так ты уже была там?!

— Он почти ничего не успел мне сказать.

— Почти?

— Он хорошо помнит нападавшего. Тот был высоким и... улыбался.

— Улыбался? Думаешь, это похоже на меня? — со страхом спросил Аркадий.

— Нет, — твердо ответила я.

Положив руку на ручку двери, я услышала, как мой спутник судорожно вздохнул. Представляю, как ему сейчас страшно! А вдруг мы войдем — и пациент закричит от ужаса? Я толкнула дверь.

Максим не закричал. Он вообще не заметил нас, потому что крепко спал. Мы на цыпочках подошли к кровати, Аркадий с надеждой всмотрелся в его лицо.

— Интересно, как он?

— Хорошо, — ответила я. — Он поправится. Надо его разбудить.

— Думаешь?

— Нас в любой момент могут отсюда выставить. Ты хочешь, чтобы мы ушли, так ничего и не узнав?

— Нет!

Аркадий протянул руку и осторожно тронул больного за плечо. Никакой реакции.

— Нужно сильнее, — посоветовала я.

— Лучше ты его разбуди. Вдруг он увидит меня и испугается...

— Ладно.

Сначала я была деликатной, но это не сработало. Максим дрых, как солдат после марш-броска! Добудиться его гуманными методами не было никакой возможности. Поэтому я прибегла к негуманным — ущипнула его за щеку. Он зашевелился, разлепил глаза, увидел меня, улыбнулся. Потом перевел взгляд на подошедшего Аркадия. В его глазах мелькнуло что-то непонятное... страх? Тревога?

— Я тебя помню, — сказал он Аркадию. — Ты меня спас.

— Что?!

Аркадий сжал мое плечо так, что кости чуть не хрустнули.

— Ты не дал мне вытащить нож. Врач сказал: если бы я его вытащил, мне конец.

Аркадий плюхнулся на табуретку, стоящую рядом с кроватью. Я его обняла и почти рухнула на него. У меня тоже внезапно ослабли колени...

— Так я тебя не убивал... — произнес Аркадий странную фразу.

— Ты что, ничего не помнишь?

— Ничего. Я тогда выпил не меньше ведра...

— Я тоже. И мы с тобой поспорили.

— Что-то такое припоминаю, — кивнул Аркадий.

— А потом я сцепился с одним типом. Мы вышли и стали драться. А когда я увидел в своем животе нож, появился ты.

— У тебя уже был следователь? — спросила я Максима.

— Еще нет... Они что, думают, это ты?!

Пациент уставился на Аркадия, тот кивнул.

— Я им скажу! Я расскажу все, как было! Я... ты меня спас.

Он попытался подняться, но я его удержала.

— Тебе нельзя волноваться, помнишь? Лежи. Ты обязан очень быстро выздороветь и все рассказать.

— Я... да!

Максим с гримасой боли рухнул на подушки.

— Если бы не ты, я бы сейчас лежал не здесь, а на кладбище, — глухо произнес он. —

Но я и сам, конечно, хорош.

— Теперь начнешь новую жизнь? — с улыбкой произнес Аркадий.

— Абсолютно новую!

И они пожали друг другу руки.

Я не помню, как мы оказались на улице. Но помню насыщенный густой запах свежести, который обычно бывает перед дождем. Вполне возможно, что с неба сейчас что-то польется — оно было серым и пасмурным, а поднявшийся ветер кружил одинокие желтые листья. Аркадий схватил меня за руку и увлек в аллею из молодых кленов и берез.

— Куда мы бежим? — спросила я.

— Не знаю, — рассмеялся он и остановился. — Я так давно хотел сказать, что люблю тебя. Теперь мне ничто не мешает. Я люблю тебя!

Он крикнул это так громко, что стая голубей, клевавшая что-то на асфальте, взлетела, громко хлопая крыльями, а несколько кленовых листьев лимонного цвета спланировали с веток вниз.

— Надо же, здесь уже осень, — зачем-то ляпнула я.

— Август, — объяснил Аркадий.

— А у нас еще лето.

— Мне нравится лето. Поехали!

Он снова схватил меня за руку.

— Куда?

— В аэропорт! Пока лето не кончилось, мне нужно успеть достроить дом. И посадить дерево. И... сына родить. И пару дочек.

Кажется, на радостях Аркадий рехнулся.

— Успеешь, — произнесла я успокаивающим тоном.

— Что значит: успеешь? — Аркадий испытующе уставился на меня.

— А что это может значить?

— Не «успеешь», а «успеем».

— А-а...

— Уж не собираешься ли ты от меня сбежать? — с изумлением спросил он.

Я не собиралась, но не могла упустить возможности пощекотать ему нервы.

— Наш курортный роман, вроде бы, закончен, — сказала я. — Долги отданы...

Такой реакции я никак не ожидала! Аркадий опустил на одно колено, взял меня за руку и произнес:

— Ты выйдешь за меня?

— Мы знакомы меньше месяца! — ошарашено прошептала я.

Он, точно, не в себе.

— У тебя есть сомнения?

Улыбка слетела с его лица, он смотрел на меня серьезно и внимательно. Я видела: это не игра и не влияние момента. Он искренен и смертельно влюблен. Так же, как и я.

— Сомнений нет, — улыбнулась я.

— И у меня нет.

— Ну, тогда ладно.

— Это значит «да»?

— Это значит «да», — как попугай повторила я.

— Я же говорил: ты самая неромантичная девушка на свете! — рассмеялся Аркадий, встал с колена и обнял меня.

— А ты думал, я буду визжать и хлопать в ладоши?

Если честно, приблизительно так я себя и вела. Глубоко внутри. Но снаружи это, почему-то, никак не проявилось. Наверное, я просто ошарашена — столько всего произошло за последнее время, до меня еще не совсем дошло, что все волнения позади. Финал у этой истории такой счастливый, какого я представить себе не могла... А я все еще какая-то замороженная. Пора размораживаться!

— Не думал, но с удовольствием бы на это посмотрел. Спорим, ты будешь?

— Что? — я уже забыла, о чем мы говорили.

— Визжать и хлопать в ладоши.

— С чего это?

— Пока не знаю, но обязательно что-нибудь придумаю.

— Ну-ну. А, знаешь, что? — вдруг осенило меня. — Мне жуть как не нравится слово «брак». Пусть у нас лучше будет бесконечный курортный роман.

Аркадий подхватил меня на руки и закружил. Большие и маленькие желтые листья кружились вместе с нами, а капли дождя, который все же начался, танцевали вальс...

— Но ты же станешь моей женой? — прошептал Аркадий мне на ухо, когда мы остановились.

— Да. Я люблю тебя.

Его губы коснулись моих, и весь мир куда-то исчез...

— Может, отменим все, а?

Дед с раздражением дернул галстук-бабочку, который я, чуть ли не в драке, присобачила ему на шею.

— Ага, размечтался, отменим. Столы накрыты, гости ждут. Пошли!

Я направила свои стопы к двери, а дед жалобно пропищал мне вслед:

— Руслана!

— Что?

— Может, как-нибудь без меня обойдетесь?

— Ты издеваешься?

Я схватила его за шкирку, поволокла к двери и затолкала в лифт.

— Что за дела? — напала я на деда. — Хочешь испортить праздник?

— Тоже мне, праздник! В гробу я видал такие праздники. Вырядился, как пижон... Бабочка еще эта, — он снова попытался снять аксессуар с шеи, но я надавала ему по рукам.

— Я тоже вырядилась, — заметила я.

— Сравнила! Ты — молодая красавица и я — старый хрыч.

— Не такой старый. И уж точно не хрыч.

— Зачем ты вообще все это затеяла?! — почти взвыл он в тот момент, когда двери лифта распахнулись.

— Ну, вообще-то я думала, что ты будешь доволен.

— Ты что, первый день меня знаешь? Я терпеть ненавижу все эти нудные мероприятия!

— Обещаю тебе, это мероприятие не будет нудным!

Мы вышли из лифта. Я сразу увидела Аркадия — он стоял немного в стороне от толпы гостей, в его руках было что-то длинное и блестящее... Нет! Только не это! Дед меня убьет! Но предотвратить катастрофу уже было невозможно. Воздух разорвали звуки хлопушек, вверх взмыли ленты серпантина, а на всех присутствующих посыпался густой дождь из разноцветного конфетти.

Дед посмотрела на меня с таким загнанным видом, что я поняла: сейчас он, как заяц, рванет в кусты, и его будет легче пристрелить, чем поймать.

— Поздравляем! — завопила пестрая толпа, перекрывая грохот хлопушек.

— Ты же обещала! — прошипел дед.

Я мертвой хваткой вцепилась в его рубашку, мне на помощь подросла мама, которая с первого взгляда поняла, что происходит. Она, так же как и я, прекрасно знает, как дед не любит праздновать свой день рождения. И мы почти поклялись, что и в этом году, на юбилей, не будем пытаться устроить «все эти трали-вали», как говорит дед. Но все же не поклялись! А дед, буквально за пару часов до начала праздника, пронюхал о готовящемся мероприятии и хотел вероломно улизнуть...

— Все, как ты любишь, — тем временем нашептывала я деду в ухо. — Только самые близкие. Что, Ген Геныч тебе не близкий человек? Или Кирилл? Или ты против присутствия мамино мужа? А, может, ты хочешь выгнать Марину или Клавдию Андреевну?

— Жаль, ты выросла, и тебя нельзя в угол поставить, — продолжал ворчать дед.

Но сбежать уже не пытался. Да он бы и не смог — гости окружили его плотным кольцом, завалили подарками, забросали поздравлениями... Он, кажется, потихоньку

оттаивал. Потому что видел — ничего страшного не происходит. Никаких пафосных речей, помпезных столов и, не дай бог, тамады с оркестром. Все просто и по-домашнему. Мы накрыли фуршет у бассейна, поставили столы под навесом, включили мелодичные мелодии сорокалетней давности. От мангала исходит дразнящий запах шашлыка, там и сям расставлены бутылки так любимого дедом сухого красного и букеты из желтых листьев, которые соорудили мы с Никой. Идеальная осенняя вечеринка для своих.

Я решила, что можно больше не сторожить деда, и пробралась к Аркадию, который о чем-то увлеченно беседовал с Игорем. Вернее, не о чем-то, а вполне конкретном проекте, идею которого им обоим подбросила я.

Когда мы вернулись из Москвы, Акрадий, к моему удивлению, рьяно взялся за перестройку дома, доставшегося ему от бабушки с дедушкой. Я думала, это он сгоряча пообещал свернуть горы и его энтузиазма надолго не хватит, но я ошиблась. Он фонтанировал энергией, хватался за несколько дел сразу и все успевал! Оказывается, мой новоиспеченный жених — чрезвычайно деятельный субъект, его мощности хватило бы, чтобы снабдить электричеством небольшой поселок.

Достроив дом, он принялся придумывать себе занятие.

— Это должно быть что-то настоящее! — в очередной раз повторял он.

— Типа пахать землю или ловить сетями рыбу? — с невинным любопытством спрашивала я.

— Вроде того. Мне понравилось быть строителем. Может, начать строить дома? Из экологических материалов. Или нет. Корабли. Я хочу строить корабли!

На следующий день он думал о крокодильей ферме, потом — о плавучем отеле и чуть ли не о возведении острова посреди моря... Мы с Никой с удовольствием подбрасывали ему разные бредовые идеи.

А когда приехала мама с Игорем, появился стоящий проект. Игорь был в восторге от нашего городка, ему нравилось все: тишина, «вкусный» морской воздух, теплый климат и... конечно, белки!

— Почему бы вам с мамой сюда не переехать? Офтальмологи везде нужны, пациентов тут навалом.

— Пациенты есть, а вот достойного оборудования нет. Его и в Москве далеко не везде найдешь. Я, между прочим, в уникальной клинике работаю!

— Ну так создай здесь такую же клинику.

— Таких денег, какие нужны на оборудование, мне не заработать никогда.

— Найди инвестора, — не унималась я.

— Боюсь, я не бизнесмен...

— Зато я! — вдруг осенило меня.

— Ты — бизнесмен? — удивился Игорь.

— Я — нет. Но я знаю одного очень предприимчивого товарища, который как раз не знает, что бы еще эдакого предпринять.

Так я подала Аркадию идею открыть медицинский центр. Он погрузился в новый проект с головой, днем и ночью что-то считает, кому-то звонит и пишет... Но все же нашел время организовать фейерверк для деда! Хорошо, что тот все-таки не сбежал.

— Разве я не говорила тебе — никаких фейерверков! — напустилась я на своего жениха.

— Я помню. Так это и не фейерверк был, просто хлопушки.

— Еще немного — и нам пришлось бы, вместо того, чтобы праздновать, ловить деда по

кустам.

— По-моему, вы на него наговариваете, — вставил Игорь. — Николай Петрович — весьма уравновешенный и серьезный человек. Не стал бы он по кустам бегать.

— Вы его еще плохо знаете. Это с вами он уравновешенный, а по жизни может такие кренделя выкидывать... Это у нас наследственное, — зачем-то добавила я.

— Так вот, по поводу помещения, — начал, вернее, продолжил Аркадий.

Игорь слушал его с большим интересом, и я решила пока не наезжать на них по поводу того, что они занимаются делами в праздник. Пусть себе. Я найду, чем себя развлечь. Вот там, например, стоит Кирилл с бокалом вина, грустный и неприкаянный. А Ники нигде не видно. Поссорились они, что ли?

— Как дела? — обратилась я к своему давнему другу.

— Нормально, — кисло отозвался он.

— А где Ника?

— Убежала куда-то. Есть, видимо, более интересные собеседники, чем я.

— Так у вас все еще... не ладится?

Хоть я и дала ему два месяца назад великолепную подачу, Кирилл все еще не может завлечь Нику в свои сети. Как он мне рассказывал, замена замка прошла очень весело, хотя не очень продуктивно. Они вспоминала школьные годы, хохотали, разобрали все до винтика, а потом долго не могли собрать. Но на предложение сходить куда-нибудь Ника ответила туманно: «Обязательно, как-нибудь потом».

И не то чтобы она его обманула, нет, они ходили в кино и в кафе, как-то раз даже посетили рок-концерт, где зажгли не по-детски. Но Ника не давала Кириллу повода надеяться, что они могут быть не просто друзьями. «Не торопи ее, — периодически успокаивала я Кирилла. — Он только выбралась из одних отношений и еще не готова влезать в новые».

И вот, сейчас он заявляет мне:

— Я не в ее вкусе.

— С чего ты взял?

— Она таскает меня по магазинам.

— Да? — заинтересовалась я.

— Заставляет покупать дурацкие свитера и запрещает носить джинсовые рубашки.

Говорит: вот в этом ты похож на Хью Гранта. А в этом на этого, как его... Колина Ферта.

— Так это успех!

— Что?!

— Она ходит по магазинам только с теми, кого по-настоящему любит. Например, со мной. Слушай, я даже ревную!

— Правда? — воспрянул духом Кирилл.

— Ты знаешь, что две трети моего гардероба выбирала Ника? У нее безупречный вкус.

— Но почему она меня все время сравнивает с этими... Грантами и Фертами?

— О, это давняя история. Тебе ее знать не обязательно. Но помни — когда она говорит, что ты похож на Колина Ферта, можешь смело ее целовать.

— Ничего себе, — присвистнул мой бывший одноклассник.

— О, а вон и твоя возлюбленная! Пойду выслушаю ее точку зрения.

— Мне расскажешь?

— Я тебе и так уже слишком много рассказала!

Ника появилась со стороны навеса, под ручку с моей мамой. Обе радостно улыбались и о чем-то переговаривались.

— Признавайтесь, что вы натворили? — подступилась к ним я.

— Рассказали деду, какой он замечательный и как мы его любим, — сказала мама.

— Он так мило смущался, — вставила Ника.

— Твой будущий жених переживает, — начала я с места в карьер.

— Кто? — хором спросили они.

— Я к Нике обращаюсь, — пояснила я маме. — Твой-то уже не жених, а муж.

Мама с Игорем скромно расписались месяц назад, никаких торжеств решили не устраивать, просто приехали к нам на выходные.

— А кто жених?

— Кирилл.

— О! Отличный выбор.

— Да никакой он не жених, — возмутилась Ника.

— Пока.

— Посмотрим.

— Так вот, ты ввергла его в депрессию своими сравнениями с киноактерами. Он же не знает, что ты в детстве была яркой фанаткой «Бриджит Джонс».

— Так он переживает?

— Думает, он не в твоём вкусе.

Ника через мое плечо смотрела на Кирилла, который маячил где-то у бассейна, и по ее задумчивому, полному нежности взгляду, я поняла: у них все будет хорошо. Можно расслабиться.

Осенью темнеет рано, так что мы с Никой заранее позаботилась о праздничном освещении: я нашла в кладовке новогодние гирлянды, а Ника расположила и в строго продуманном хаотичном беспорядке. Когда я нажала на выключатель, все ахнули: терраса превратилась в поистине сказочное место.

А потом вечер внезапно достиг своего пика: Виталик поставил ритмичную музыку, все, включая деда, вскочили и пустились в пляс. Смотреть на эту вакханалию без смеха было невозможно, поэтому я решила принять в ней самое активное участие. Ни Аркадия, ни Нику, ни даже застенчивого Кирилла и серьезного Игоря уговаривать не пришлось, вразнос пошли все. Особенно отличился Ген Геныч. Растолкав всех, он вышел на середину импровизированного танцпола и отмолил такой зажигательный рок-н-ролл, что у всех челюсти на пол попадали.

Правда, потом он освежился полбутылкой сухого красного и чуть не упал в бассейн, но это уже совсем другая история. В которой участвовали суровая Аглая Петровна, нерасторопный Иван Семенович и быстрый решительный Аркадий. Они скрутили Ген Геныча и изолировали его от общества. «Ирод окаянный», — ворчала Аглая Петровна, накрывая храпящего мужа мягким пледом.

В общем, праздник завершился вполне традиционно, гости постепенно разбрелись, дед, усталый, но довольный, ушел спать. А мы с Аркадием решили прогуляться к морю, чтобы освежить разгоряченные весельем головы.

Спасательная вышка одиноко маячила посреди пляжа. Никто не торчал наверху с бутылкой ядреного самогона, не разглядывал в бинокль нарушителей границ и симпатичных девушек, не встречал меня едкими замечаниями и сомнительными комплиментами. Лапоть

и Ерш разъехали по домам до следующего сезона. Хотя... кто знает, что будет через год. Может, они найдут себе занятие поинтереснее, чем вылавливание из моря потенциальных утопленников, и мы больше не увидимся. Все меняется.

Вот и в моей жизни произошли перемены. Совсем недавно я была одинокой вольной Русалкой, теперь же мое сердце захвачено в плен серыми пиратскими глазами и ослепительной белозубой улыбкой...

— О, смотри, лодка! — Аркадий с интересом разглядывал деревянную посудину, прикованную цепью к стойке вышки. — Давай ее угоним!

Нет, у него, определенно, пиратская натура!

— Вместе с вышкой?

— Я вскрою замок. У тебя есть шпилька?

— Вскроешь? Чего еще я о тебе не знаю?

— Да я это... так, — смутился Аркадий. — В кино видел.

— Ну-ну.

— А грести чем будем? Кедами?

Рыбаки не идиоты, весел в лодке не оставляют.

— А, точно, — Аркадий взъерошил волосы на затылке.

И когда он успел перенять у деда эту привычку?

Вообще отношения у них складываются довольно странно. Прилетев из Москвы, я сразу заявила домой с Аркадием. Дед тогда сказал: «Иди, погуляй» и заперся с ним на кухне. Как я ни сопротивлялась, меня выставили за дверь, причем Аркадий был совсем не против этого произвола.

Я думала, они поболтают минут пятнадцать, и все, но они беседовали целых полтора часа. О чем — я не знаю до сих пор. Аркадий вышел раскрасневшийся, как будто все время бегал кросс вокруг стола или отжимался на кулаках. Дед же пытался держать хмурую мину, но я видела улыбку в глубине его глаз.

Нельзя сказать, что они прямо-таки подружились, ходят под ручку и делятся секретами. Нет. Но иногда я застаю их за бурным, чуть ли не с битьем бутылок, обсуждением особенностей национального футбола, или за философско-политическими спорами, или за каким-то непонятным негромким шушуканьем за моей спиной... и мне становится так радостно!

В общем, угонять лодку мы не стали. Вместо этого мы с комфортом в ней расположились: обнявшись, укрывшись курткой Аркадия, запрокинув головы к звездному небу.

— Знаешь, мне кажется: если бы не ты, вся эта история закончилась бы по-другому, — вдруг произнес Аркадий.

Мне не нужно было объяснять, о какой истории он говорит.

— Скажешь тоже. Я ничего не сделала.

— Ты появилась, и все изменилось к лучшему. У меня такое ощущение, что ты чего-то там наколдовала...

Я засмеялась. И вспомнила, как перед самым отъездом в Москву ныряла в морскую пучину, и малиновые волны шептали мне: «Все будет хорошо». Но рассказывать об этом своему будущему мужу я не стала: такие вещи нельзя произносить вслух, это рассеивает магию.

Вместо этого я повернулась к Аркадию и прикоснулась губами к его губам. Он легонько

укусил меня, потом притянул к себе и осыпал нежными поцелуями...

— А, может, отпразднуем свадьбу в горах? — произнес через какое-то время мой страстный и неугомонный жених. — Ночью, под звездами, верхом на лошадях. Или на корабле. Я приплыву за тобой на яхте с алыми парусами...

— Или на построенном тобой острове, — встала я. — Можно еще на воздушном шаре.

— Ну, если ты хочешь...

— Конечно, хочу. Я же помню, что ты боишься высоты.

Кажется, кипучая энергия Аркадия проложила себе новое русло. Теперь он полон идей по поводу нашей свадьбы... Пусть себе развлекается. Кстати, у меня тоже есть кое-какие соображения по этому поводу.

— Насчет свадьбы — мне все равно где, хоть в подземной пещере с гномами. Но у меня есть пожелание по поводу медового месяца. Я хочу провести его в Арктике.

— Где?!

От удивления Аркадий так дернулся, что лодка едва не перевернулась, и мы чуть из нее не выпали.

— То есть ты не хочешь, как все нормальные люди, релакса на Мальдивах или романтики в Париже? — произнес он.

— Пляжный отдых мне не интересен, я почти живу на пляже. А Париж — это просто город. Зато Арктика... Представь: нос ледокола режет лед, вокруг тишина и белая пустыня, а над головой — северное сияние!

— Я в тебе не сомневался! — рассмеялся Аркадий. — Кстати там еще есть белые медведи и тюлени.

— Обожаю белых медведей.

— А я обожаю тебя.

Он крепко обнял меня, прижал к себе, и я закрыла глаза. Вскоре я задремала, и мне приснилось, что наша лодка плывет по темному небу навстречу звездам, навстречу надвигающемуся рассвету и навстречу будущему — пока туманному, но радостному, как пробивающиеся сквозь облака лучи солнца.

Больше книг на сайте - Knigolub.net